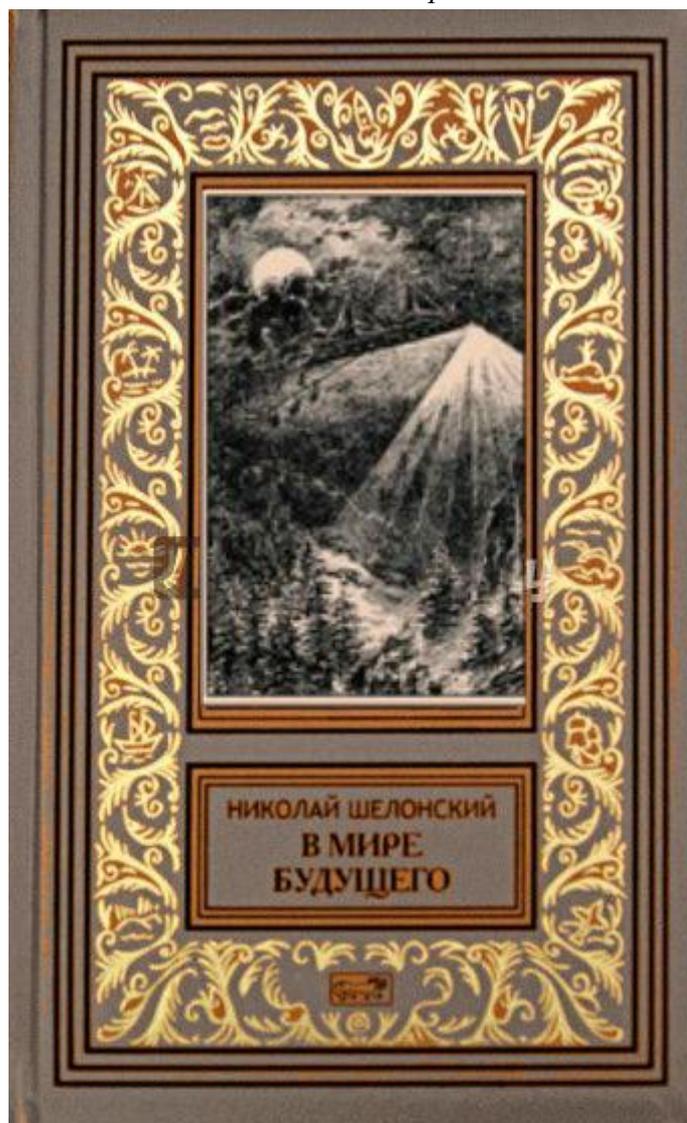

Шелонский Н. Н.
В мире будущего.
Фантастический роман.

Пролог.

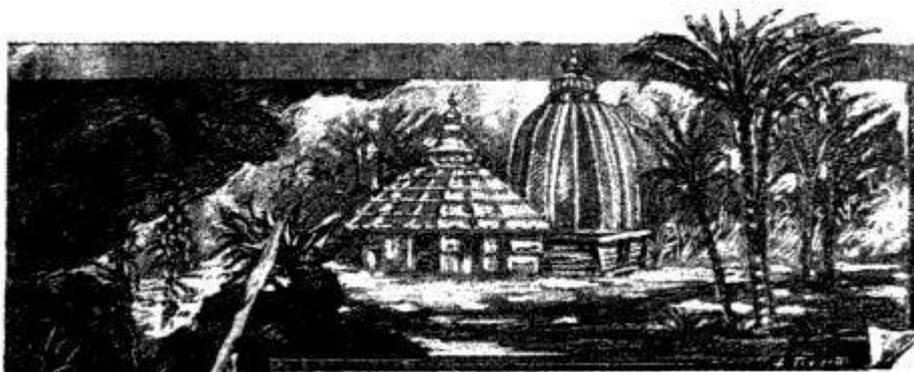
Индия – страна чудес. При ее имени в уме возникает представление о чем-то таинственном и сказочном. Древнейшая колыбель человеческих знаний, она не все передала в наследие новому, европейскому миру: среди хранителей древней индусской культуры - жрецов множества индусских сект - сокрыто немало тайн, на которые дает лишь очень слабый намек современная наука. Все путешественники по Индии говорят, что в ней можно натолкнуться на такие явления, которые кажутся совершенно необъяснимыми с точки зрения европейской науки, что брамины, факиры и, главным образом, мудрецы *йоги* обладают еще непонятными для нас силами природы. Эти путешественники описывают виденное ими, но на рассказы их смотрят как на увлекательные сказки - и только.

Какой степени достигала культура древней Индии - та культура, которая несколько тысяч лет тому назад уже воздвигла себе памятники, дошедшие до нас и возбуждающие наше удивление? Какими знаниями владели древние ученые Индии, если они положили основание точнейшим из новых наук? Кто может дать ответы на эти вопросы? И что

удивительного, если среди теперешних ученых индусов хранятся знания, до которых мы достигнем еще очень не скоро...

Бомбей - один из древнейших городов Индии. Залив его - одно из живописнейших мест мира. При входе в Бомбейский залив из числа разбросанных в нем островов прежде всего останавливает на себе внимание головообразный Гхарипури - иначе остров Элефанта (слона), названный так потому, что напоминает собой голову этого животного.

Гхарипури представляет собой массивную громадную скалу, состоящую из гранитных пород. Для индуса Гхарипури - священное место: здесь древнейший в Индии храм Тримурти. О Гхарипури упоминается в поэме Махабхарата, написанной задолго до царя персидского Кира, то есть почти за тысячелетие до Р. Х. В одном из древних индусских сказаний говорится, что храм Тримурти построен еще сыновьями Панду, изгнанными по окончании войны между династиями Солнца и Луны; таким образом, основание храма относится к глубочайшей древности.

Гхарипури - город пещер. Много веков понадобилось человечеству, чтобы в порфире и граните прорубить весь этот город пещерных храмов. Посетить остров Элефанта и подивиться изумительному памятнику человеческого труда и терпения считает обязанностью каждый путешественник по Индии.

В жаркий, палящий день ноября месяца 189* года на одном из уступов острова Элефанта, на площадке, служившей выходом из пещерного храма к морю, можно было заметить небольшую группу людей, с оживлением о чем-то споривших. Всех их было четверо; все были европейцы, и, что казалось странным, их не сопровождал ни один из обычных туземцев-проводников.

Один из них, старик с длинной седой бородой и загорелым, мужественным лицом, был известный всему ученому миру естествоиспытатель Леонид Павлович Маркович. Другой, молодой человек, высокий брюнет, с подвижным, классически правильным лицом, окаймленным небольшой бородкой, - любимый ученик знаменитого ученого - Павел Михайлович Яблонский. Совершенную противоположность с ним составлял третий из путешественников - маленький тщедушный блондин, на утомленном лице которого даже жгучие лучи тропического солнца не положили и тени загара; это был ориенталист и археолог Викентий Александрович Чеботарев. Их четвертый товарищ, француз, Жак Леверрье, был родственник знаменитого астронома и, подобно своему предку, считался одним из выдающихся представителей современной науки.

Все четверо принадлежали к «международному обществу путешественников». Близко познакомившись между собой во время предпринятого обществом кругосветного плавания на пароходе «L'union», они отстали от своих сотоварищей и уже три месяца, следуя настояниям Чеботарева, сопровождали его в археологических изысканиях.

Если бы не эти изыскания, они уже давно покинули бы Индостан, чтобы догнать свой пароход и присоединиться к остальному обществу. Но было очевидно, что молодой археолог преследует в своих поисках какую-то определенную цель, которой, однако, не сообщает своим спутникам.

Теперь, утомленные хождением по пещерам Гхарипури, едва выбравшись из лабиринта прорубленных в скалах переходов, они решительно заявили Чеботареву, что отказываются сопровождать его, пока он не объяснит им цели своих поисков.

- Ведь очевидно, - говорил Яблонский, - вы не просто занимаетесь археологическими разысканиями, но преследуете какую-то вполне определенную задачу. Вы проходите без внимания мимо любопытнейших памятников древности, на которых даже мы, неспециалисты, с интересом останавливаем свое внимание. Объясните же, наконец, что вы ищете? Ради чего следуем мы за вами, когда это же время мы могли бы употребить на экскурсию сию в глубь страны?

Спутники Яблонского очевидно были на его стороне.

- Хорошо, - проговорил наконец Чеботарев, - я скажу все. Но то, что я скажу, покажется вам до такой степени странным, что я боюсь, как бы вы не сочли меня за маньяка, помешавшегося на одной мысли. Вы, естествоиспытатели, привыкли смотреть на мир и на природу, как на нечто, подчиненное раз навсегда известным вам законам. На всякое явление, не подходящее под эти законы, вы смотрите как на нечто сверхъестественное и невероятное...

- Позвольте, - с живостью перебил его Маркович, - вы ошибаетесь. То время, когда ученые думали, что им в общих чертах известны законы мировой жизни, - миновало. Мы всегда верим факту. Если факт совершился - мы признаем его. Если он необъясним с точки зрения известных вам законов - мы говорим, что он стоит в зависимости от неизвестных нам причин, но мы не отрицаем его. То, что нам известно, всегда будет ограничено; то, что нам, неизвестно, всегда будет безгранично.

- Тем лучше. Итак, я начну. Но рассказ мой будет довольно продолжителен, а солнце жжет невыносимо. Перейдем в тень.

Все четверо уселись перед входом в пещеру, под навесом выдавшейся скалы.

- Я меньше всего хотел бы, чтобы нас услышал кто-либо из туземцев, - начал Чеботарев, - поэтому я буду говорить по-русски - язык наш здесь никому не известен. Надеюсь, господин Леверрье поймет меня?..

- О да, - подтвердил француз, - хоть я и говорю еще плохо, но понимаю все.

- Ну-с, так вот, во время моих занятий в Британском музее, в Лондоне, я натолкнулся на один камень, принадлежавший какому-то разрушенному англичанами индусскому храму. Камень этот был покрыт иероглифами, смысл которых никем не был угадан.. Это не были иероглифы египетские - те читаются свободно со времени Шампольона; они не похожи и на древне ассирийские. Очевидно, что надпись была условной. Я ее разобрал.

Чеботарев замолчал.

Слушавшие его с интересом спутники сделали нетерпеливое движение.

- Сейчас, господа. Позвольте показать вам точный снимок с этой надписи.

Он достал и подал им фотографическую карточку, на которой ясно были изображены следующие знаки.

Все с любопытством и со вниманием вглядывались в странные начертания.

- Ну, мы все равно ничего не разгадаем! - решил Яблонский.

- Позвольте, - остановил его Маркович, - что держит эта рука?

- Несомненно зрительную трубу.

- Зрительную трубу! Но ведь этому камню, вероятно, лет тысяча!

- По моим расчетам - около десяти тысяч, - подтвердил Чеботарев.

Ученые переглянулись.

- Ведь я же предупреждал вас, господа, что все в моем рассказе чрезвычайно странно. И то, что вы на древнейшей иероглифической надписи видите зрительную трубу, изобретенную, по-вашему, так недавно, - наименее странно изо всего. Что удивительного в том, что древние индусы, которые, наряду с халдеями и египтянами, были первыми астрономами, - давно знали то, что мы недавно открыли?..

- Да, - усмехнулся Яблонский, - китайцам был известен компас - отчего же не дать подзорных труб древним индусам?..

- Ну, допустите, по-вашему, невозможное...

Маркович, до сих пор задумчиво молчавший, перебил споривших.

- Вы, конечно, разгадали эти иероглифы? - обратился он к Чеботареву.

- Да. Первая фигура, которую вы видите, изображает индуса, стоящего на камне; следующая за ним рука с трубой обращена к голове слона; наконец, под приподнятым хоботом слона вы видите отверстие.

- Хорошо, все это мы видим. Но что это значит?

- Голова слона - остров Гхарипури. Стоящий индус - знаменитый факир Дараайен, живший за долго до рождества Христова.

- То место, которое вчера мы осматривали, - заметил Леверрье.

- Да. Направив с этого места трубу на остров Гхарипури, мы замечаем поразительное сходство очертания скалы, на которой мы стоим, с головой слона. Нависшая над нами каменная глыба - приподнятый хобот; отверстие громадной пещеры, у входа в которую мы стоим, - то самое, которое обозначено на камне...

- И что же? - спросил Яблонский, мало-помалу начавший терять свое недоверие.

- Вот, приехав в Индию и посетив место, где стоял Дараайен, я навел трубу на Гхарипури и увидел вход. Самый факт существования надписи показывает, что в пещере что-либо скрыто.

У меня были планы пещерных храмов Гхарипури, я их изучил так тщательно, что, как вы видите, заменял вам проводников, которых всячески избегал; но на этих планах не

обозначено той пещеры, у которой мы сейчас стоим; отверстие ее видно в трубу только с того места, где находится камень Дараайена. Наконец, изображение трех рук, трижды повторенное, есть признак, по которому мы узнаем то место в пещере, где скрыто указанное сокровище или что-либо другое.

- Попытка, как говорит пословица, - начал Леверрье - не беда.

- Не так, Жак, - засмеялся Яблонский. - Попытка не пытка, а спрос не беда...

- Ну вот, - обрадовался француз, - именно так. Мы и попробуем.

- Позвольте, господа, - вмешался Маркович, - если признать, что в пещере скрыто сокровище, то какое имеем право на него мы? Территория, на которой мы стоим, - английская, храм, хотя и брошен, но принадлежит индусам...

- Да, - заметил Чеботарев, - но мы, во-первых, имеем некоторую часть в предполагаемых сокровищах, как открывшие их. Но я склонен думать, что здесь скрыты скорее сокровища для науки, а не золото и драгоценности. По правде сказать, я сильно бы разочаровался, если бы нашел на самом деле клад.

- Пожалуй, вы правы, - согласился Маркович. - В таком случае, идемте!

- Вперед, путеводитель! - крикнул Яблонский. - Берите светоч.

С этими словами он вынул из кармана и передал Чеботареву небольшую электрическую лампу, снабженную сильным сухим элементом и способную гореть в течение долгого времени.

Все четверо вступили в пещеру. Свет от выхода проникал только на расстояние нескольких шагов - далее в непроглядном мраке терялся громадный гранитный свод и узкий коридор пещеры.

Пройдя несколько шагов, Чеботарев поднял фонарь и надавил пуговку. Брызнул яркий белый свет и на далекое пространство осветил стены подземелья.

Путешественники быстро двинулись за своим проводником, который внимательно приглядывался к голым гранитным стенам. Через несколько минут ходьбы гранитная стена неожиданно перегородила коридор. Не было заметно ни малейшего следа прохода.

- Ну, - сказал наконец Яблонский после тщательного осмотра, - ваш индус, Викентий Александрович, просто насмеялся над вами.

- Не совсем, - отвечал тот, указывая на одну из стен. Здесь, на граните, ясно было высечено изображение трех скрещенных рук.

- Однако прохода ведь нет дальше...

- Да зачем идти дальше, - заметил Леверрье. - Очевидно, сокровище скрыто здесь...

- Нет, - отвечал Чеботарев, - на камне изображены *трижды* три руки, а здесь только три. Теперь ясно, что виденное нами изображение должно повториться три раза, пока мы достигнем цели...

Во время этого разговора Маркович внимательно разглядывал стену.

- Это место *заделано*, - сказал наконец он. - Смотрите - вот тонкая трещина, которая не могла образоваться иначе, как искусственно, - так она правильна.

Действительно, в углу, образованном стеной коридора и преграждавшей путь глыбой, проходила едва заметная продольная трещина.

- И с этой стороны тоже! - вскричал Леверрье, исследовавший противоположный угол.

- Следовательно, - решил Яблонский, - эта глыба прислонена к стенам коридора. Теперь весь вопрос в том, как ее сдвинуть.

- По всей вероятности, тот, кто загородил проход, сделал и какое-нибудь приспособление для того, чтобы можно было его открыть, - проговорил Чеботарев.

- Но мы его не знаем. Кроме того, у нас нет даже самых простых инструментов, кроме небольшого лома и молотка для минералогических исследований. Тем не менее надо попытаться.

Прошло полчаса в самых тщательных исследованиях среди глубокой тишины.

- Нет, - прервал молчание Яблонский, - никаких следов какого-либо рычага или машины, которая могла бы привести в движение эту массу. Остается предложить одно: что гранитная глыба, запирающая нам проход, так устроена, что малейшее передвижение центра ее тяжести заставит ее податься в ту или другую сторону. Вращающаяся стена в храме Дели, которую мы видели, устроена таким образом. Попробуем приложить наши соединенные силы к какой-нибудь точке - хоть в том углу, где высечен знак.

С этими словами он отошел к углу и, прислонившись спиной к глыбе, уперся ногами в пол. Все последовали его примеру. При первом же их усилии стена дрогнула, подалась и открыла узкий проход вправо.

На этот раз двинулся вперед Яблонский. Проход был настолько узок, что можно было двигаться только друг за другом, и то с трудом.

- Обратите внимание, - сказал Маркович, - какая здесь сильная тяга воздуха. Всякую обыкновенную лампу задуло бы.

- Это показывает, что щель, в которую мы вошли, сообщается с другим входом и, таким образом, представляет из себя нечто вроде трубы, - прибавил Леверрье.

Как бы в подтверждение этих слов, перед путешественниками внезапно показалось узкое отверстие, сквозь которое проникал яркий солнечный луч.

Подойдя к этому отверстию, они увидели, что оно выходит на море, образуя в отвесной скале узкую, незаметную снаружи расселину. Самый проход, по которому они шли, у выхода расширялся и представлял нечто вроде узкой, высокой комнаты.

Посреди комнаты лежала громадная порфирная плита, вся исчерченная индусскими письменами, поверх которых виднелось высеченное изображение трех скрещенных рук, дважды повторенное.

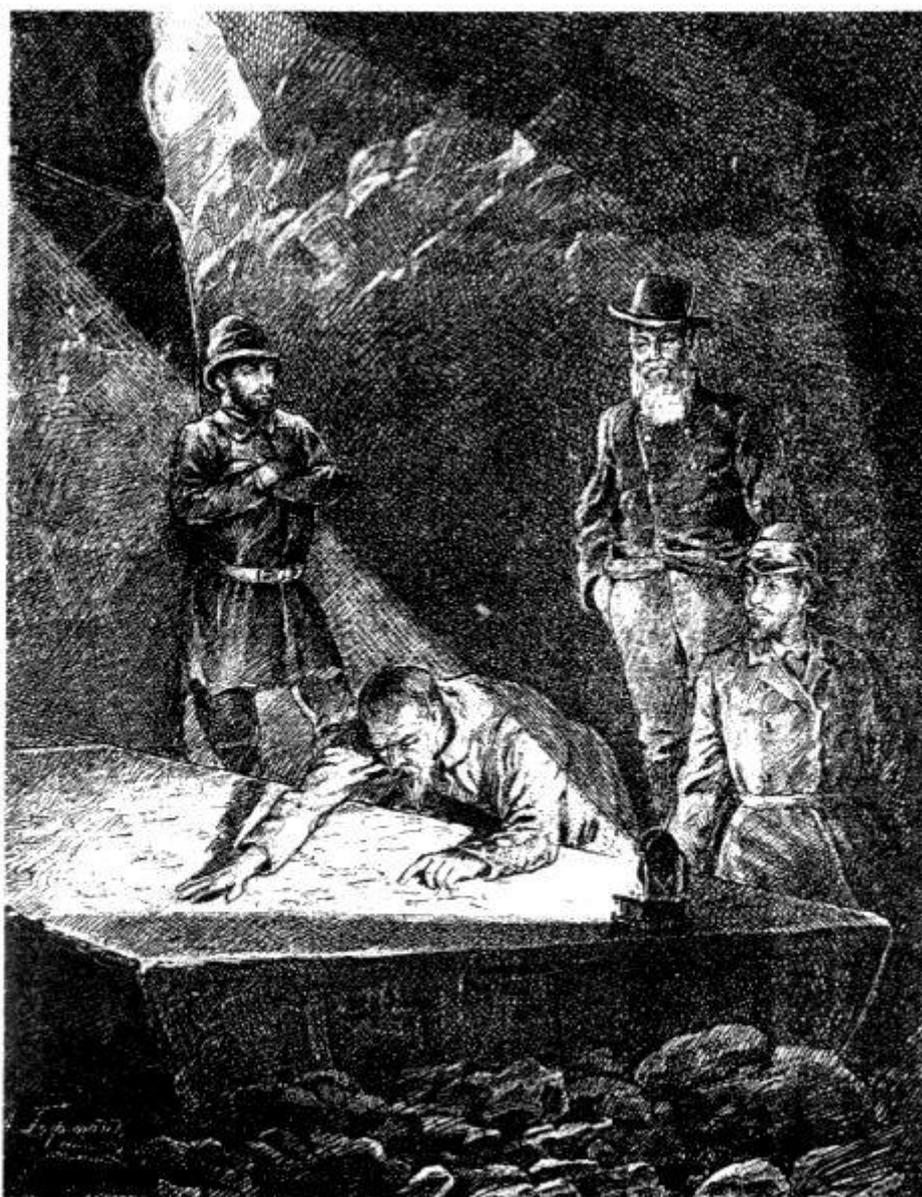
Солнечный луч, проникая в пещеру, освещал плиту.

К этой плите склонился Чеботарев, со вниманием читал начертанные на ней, никому не понятные знаки. Судя по его взволнованному лицу, видно было, что прочитанное им возбуждало его до крайней степени.

Наконец, он приподнял голову и проговорил:

- Я буду переводить по-русски то, что прочел здесь.

Вот что прочел Чеботарев.

«Я, Дараайен, сын суами Дарайяна, радж-йог, радж-пут, истинно говорю вам...»

«Я, Дараайен, сын суами Дарайяна, радж-йог, радж-пут, истинно говорю вам. Есть в мире материя и сила. И сила не существует сама по себе, ибо она присуща материи.

Вещи, как мы их видим, суть формы материи, одной однородной и безразличной в существе своем.

Материя есть то, что есть. Материя есть вещество.

Сила есть движение материи. Движение есть сила. Пока есть в материи движение, есть и сила, творящая новые формы материи, но это не есть Сила, стоящая над миром и создавшая его.

Жизнь мира есть движение материи в ее бесконечных частицах. И это истинно, - ибо земля, и солнце, и луна, и все тела мира суть различные формы одной материи.

Земля заимствует свет свой и тепло от солнца, но свет и тепло есть движение, есть сила. Следовательно, земля заимствует силу для жизни от солнца.

Где сила солнца не поглощается землей и теряется в пространстве, там нет жизни - там холод и покой.

И я, Дараайен, иду туда, где холод и покой и где нет жизни, для того, чтобы дать жизнь.

И вот, я возьму силу от солнца - ибо я радж-пут - и дам ее земле.

И где был покой - там будет жизнь.

И слушайте, говорю вам я, Дараайен, я иду туда, где линии земли сошлись в одной точке.

И таких мест на земле два. Ия иду к той, которая северна. И вот я, Дараайен, говорю вам. Идите и вы за мной, ибо когда вы придете, я уже дам этой стране жизнь. И вы поддержите эту жизнь.

И еще скажу, если вы не найдете меня на той точке, где сходятся линии земли, ищите меня: я буду там, где две луны и где сутки немного больше суток, но где год есть два года. Если вы там будете искать меня, то найдете. И если вы хотите прийти ко мне, поднимите плиту и возьмите золото, которое я приготовил для вас, ибо для людей золото есть сила.

Вот я сказал все - и все вы исполните.

Чеботарев кончил.

Трудно передать то волнение, которое охватило его спутников при чтении этого завещания, дошедшего до них из бесконечно далекого прошлого. Только один Маркович казался вполне спокойным. Как-то невольно взоры всех обратились к нему, точно именно он должен был дать ключ к этой загадочной надписи.

И действительно, он спокойно обратился к присутствовавшим.

- Господа, - сказал он, - я признаю подлинность и древность тех писем, которые прочел нам сейчас Викентий Александрович. Скажу далее, что все в них изложенное для меня ясно. Дараайен, который начертал эту надпись, принадлежал к числу выдающихся ученых своего времени. Он знал, во-первых, что все то, что мы понимаем под словами «свет, теплота, электричество», есть не более, как движение частиц одной мировой материи. Он называет движение мировой, созидающей силой, то есть он говорит то, что теперь говорит нам наука. Он отправляется к той точке, где сходятся линии земли. Под линиями земли, конечно, он может разуместь только меридианы. Точка их пересечения есть полюс - Северный и Южный. Он указывает на то, что пойдет к Северному полюсу. Он говорит, что идет в страну покоя и холода, дабы взять от солнца его энергию и пробудить к жизни страну вечного холода. Он говорит, что это возможно, и я не могу ему не верить, потому что современная наука говорит мне о возможности этого. Солнечная энергия, источаемая в мировое пространство, движение в нем космической материи - разве это силы, которые не могут быть утилизированы для земной жизни?.. Нам скажут, что это дело будущего. Но ведь будущее в наших руках. Наконец, он говорит, что если мы не найдем его в указанном месте, то он будет там, где две луны, где сутки немного более суток, но где год - два года... Тут я останавливаюсь в недоумении.

- Позвольте помочь вам, - вмешался Леверрье. - Я могу дать некоторое объяснение, но боюсь, что оно только больше затемнит дело. *Две луны* существуют только в одном месте нашей Солнечной системы. Из восьми планет, совершающих свое движение вокруг Солнца подобно Земле, только Марс имеет две луны...

Всеобщий крик изумления прервал слова Леверрье.

- Как! - оживленно заговорил Яблонский. - Так, по-вашему, этот Дараайен с Северного полюса отправился на Марс и там в течение тысячелетий ожидает нашего прибытия!..

- Повторяю вам, я убежден в правильности моего толкования. Я предупреждал вас, что я не берусь объяснять: я тоже только перевожу. Но позвольте мне продолжать. Дараайен говорит, далее, что он идет туда, где сутки немного более суток. Марс - единственная из планет, вращающаяся вокруг своей оси в течение 24 часов 37 минут, если не считать Урана и Нептуна, время вращения которых нам в точности неизвестно. Все остальные планеты вращаются вокруг своей оси быстрее Земли, за исключением Меркурия: так, сутки Меркурия равны 44 часам 5 минутам, сутки Венеры - 23 часам 21 минуте, Юпитера - 9 часам 55 минутам и Сатурна - 10 часам 15 минутам. Дараайен говорит: где сутки немного более суток, то есть несомненно, он говорит про Марс. Далее он подтверждает это еще яснее, он говорит, где год - два года. Меркурий совершает свой путь вокруг солнца всего в 88 суток, Венера в 7 1/2 месяцев, Юпитер в 12 лет, Сатурн в 30 лет, Уран в 84 года, Нептун в 165 лет - и, наконец, Марс в один год и одиннадцать месяцев, то есть. В течение почти двух земных лет. Итак, только на Марсе *две* луны, только на Марсе сутки немного более земных суток, только на Марсе год равен почти двум земным годам. Более точных указаний было нельзя сделать. Для меня, по крайней мере, нет более никаких сомнений.

Убежденность, с которой говорил молодой астроном, сильно подействовала на слушателей. Даже Яблонский, с самого начала относившийся крайне скептически ко всему предприятию, был взволнован и потрясен не менее других. Более спокойным оставался Маркович; казалось даже, что все им слышанное представлялось ему ничем не выходящим из ряда возможных и обыденных явлений, точно слова Дараайена служили лишь выражением его затаенных мыслей. Ничем не выказалось особого волнения и в тоне его речи, с которой он обратился к своим товарищам.

- По-моему, - сказал он, - вопрос поставлен теперь чрезвычайно ясно: Дараайен указал сам следы, по которым мы можем если не найти его самого, то продолжать начатое им дело. Он принадлежал к числу тех великих ученых, которые считали человека властелином мира. Его громадные познания, его необъятное для нас понимание законов мировой жизни делало для него возможным достижение тех целей, пред которыми цепенеет наш ум. Мы, люди современной науки, неужели мы отступим пред тем, что казалось возможным человеку десять тысяч лет тому назад! Неужели для нас теперь, как и сто лет тому назад, покажется невозможным хотя бы достигнуть Северного полюса! Может быть, там мы откроем след великой, беспримерной работы человеческого гения. Наконец, если Дараайен жив - а я твердо верю в это, - он сам явится на помощь хотящим. Призовем к делу лучшие силы науки, составим могущественную армию для борьбы за науку, поведем ее на помощь тому, кто призывает нас - все равно откуда, - будем верить, что мы найдем его. Здесь, - Маркович указал при этом на плиту, - сокрыто сокровище материальное, которое дает нам возможность приобрести сокровища знания! Примем же наследие Дараайена и обещаем исполнить его призыв!

- Обещаемся! - единодушно ответили маститому ученому его спутники.

- Теперь, господа, - продолжал Маркович, - поднимем плиту.

Под плитой оказалось отверстие, внутрь которого вела узкая каменная лестница. Спустившись по ней, путешественники попали в комнату, совершенно подобную первой, в которую свет проходил также из узкой расщелины, выходившей на море. Но вся эта комната, за исключением узкого прохода, была наполнена правильно сложенными продолговатыми слитками чистого золота.

- Но здесь миллиарды! - воскликнул Яблонский. - Откуда мог добыть один человек такое количество золота?

- Откуда! - улыбнулся Маркович. - Но разве не сказал вам этот человек, что в мире есть только одна вечная материя и что все вещи суть различные видоизменения этой материи? А если он знал достоверно то, что только смутно предполагает наша наука, то разве не мог он заставить материю принять ту или другую форму? Золото, по-нашему, есть неразложимый элемент? Но сами мы разве верим в существование химических элементов? Но довольно об этом! Принимаем, Дараайен, твое наследие и идем к тебе!

Глава 1.

Первые известия о необыкновенном предприятии. - Волнение в ученом мире. - Мнения и толки ученых. - Проект воздушного путешествия. - Сенсационная публикация.

Пятого января 189* года мистер Гарри Перкинс, президент королевского общества, профессор и член многих ученых обществ Старого и Нового Света, возвратился с обычной предобеденной прогулки и, пройдя в кабинет, приступил к чтению полученной за день корреспонденции.

Мистер Перкинс отличался необыкновенным спокойствием: до сих пор ни разу не случилось, чтобы почтенный ученый когда-либо потерял самообладание, никто не видал его даже слегка взволнованным.

И вот, в знаменательный день пятого января, с мистером Перкинсом случилось нечто необычайное: распечатав один из лежавших на его письменном столе пакетов и прочтя заключающуюся в нем бумагу, он вскочил с таким стремительным порывом, что опрокинул свое кресло, уронил сигару и принужден был ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Очевидно, случилось что-то невероятное, сверхъестественное.

Через несколько минут мистер Перкинс перевел дух, поставил кресло, поднял с ковра сигару и, подойдя к стоявшему в углу кабинета столику, взял с него графин с портвейном, налил стакан и залпом осушил его. Затем мистер Перкинс закурил свою сигару, уселся в кресло, развернул так взволновавшее его письмо, со вниманием перечитал его, сложил и, нацепив на вбитый в стену крючок, произнес сквозь зубы:

- Какая нелепость!

Затем он спокойно приступил было к чтению остальной корреспонденции, но вдруг бросил взятый со стола пакет, схватился обеими руками за голову и воскликнул:

- Да что же это, наконец! Неужели в этом есть смысл?!..

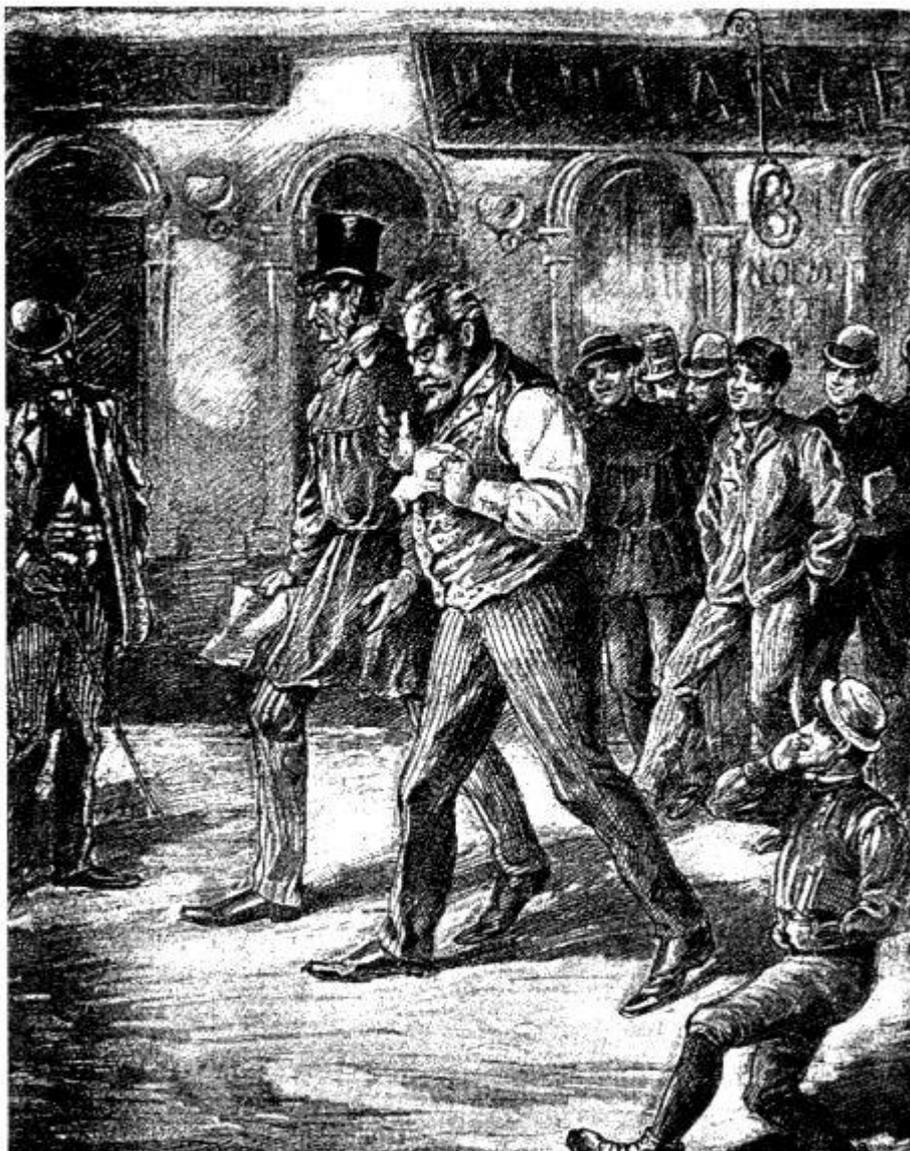
Почти в тот же самый час того же знаменательного пятого января почтенный Адольф Бюссе, член института и профессор политехнической школы, выбежал из своей квартиры на улице Мира в Париже и, как был, без шляпы и сюртука, лишь сжимая в руке только что прочтенное им письмо, пробежал несколько улиц, обращая на себя внимание проходящих, и, подбежав к квартире непрямого секретаря института, профессора физики Эмиля Берже, схватился за ручку звонка. Но в тот же момент дверь отворилась, и на пороге появился сам профессор - в рабочей блузе, туфлях, но с цилиндром на голове и тоже с письмом в зажатой руке.

- Получили? - едва мог выговорить Бюссе.

- Вот! - протягивая руку с зажатым в ней письмом, прошептал Берже.

- Идем?

- Скорее!

...Оба ученых почти бегом двинулись по улице, к немалой потехе прохожих и успевшей собраться толпы гаменов...

И оба ученых почти бегом двинулись по улице, к немалой потехе прохожих и успевшей собраться толпы гаменов.

В дни пятого и шестого января почти во всех городах Европы были получены многими учеными письма совершенно однородного содержания - и на всех они подействовали как удар грома. Через несколько дней то же волнение охватило ученых всего света. Последовал целый ряд заседаний всевозможных ученых обществ, газеты были переполнены статьями по поводу полученных учеными извещений.

Весь этот переворот был наделан простыми извещениями, гласившими следующее:

«Гг. Л. Маркович, Л. Яблонский и Ж. Леверрье имеют честь известить вас, что они предприняли:

- 1) Путешествие к Северному полюсу.*
- 2) Изменение климата материка Северного полюса путем скопления и затем равномерного распределения на нем источаемой солнцем в мировое пространство энергии.*

3) *Устройство непосредственного сообщения с планетой Марс, если то представится необходимым для некоторых целей, составляющих тайну предприятия.*

Означенные лица приглашают вас, милостивый государь, принять участие в их работах. В случае согласия они приглашают вас прибыть в гор. Москву, к международному съезду ученых, назначенному на 15 сего февраля 189 года».*

Во всех собраниях, которые последовали для обсуждения означенного сообщения, были поставлены следующие вопросы: возможно ли скопление солнечной энергии? Возможно ли устройство непосредственного сообщения с планетой Марс? То есть, другими словами, обсуждалась возможность осуществления того, что считалось возможным и вероятным в разосланных извещениях.

В Институте выступил с докладом по этим вопросам Эмиль Берже.

Доклад его вызвал целую бурю. Эмиль Берже не отвергал *возможности* осуществления выставленных положений, но он категорически стоял на том, что современная наука не дает способов этого осуществления. Но большинство указывало на совершенную химеричность плана.

Во-первых, как достигнуть Северного полюса? Множество попыток, предпринятых в этом отношении, кончались гибелью предпринимателей. Отсюда следует, что переход через полярные льды невозможен ни на одном из судов существующих типов. Но в самый разгар прений по этому вопросу на телеграмму, посланную Эмилем Берже к Марковичу, был получен следующий ответ:

Париж. Эмилю Берже, Институт.

Поездка к Северному полюсу совершится при помощи управляемого воздушного корабля. Корпус построен заводами Бромлея и Листа в Москве. Машины фирмы Сименс и Гальске. *Маркович*

Эмиль Берже не сомневался в полученном известии: имя Марковича, как серьезного ученого, пользовалось таким уважением, что нельзя было заподозрить его в неосмотрительности. С другой стороны, достижение Северного полюса при помощи воздушного корабля не представляло ничего удивительного.

В этом смысле и высказался Берже в своем докладе.

Но оставались еще другие вопросы.

...Оба ученых почти бегом двинулись по улице, к немалой потехе прохожих и успевшей собраться толпы гаменов...

Скопление солнечной энергии! Бесспорно, солнце источает массу энергии в мировое пространство. Но как собрать эту энергию? При помощи каких приспособлений? Наконец, как распределить ее равномерно по известному пространству?

Но и здесь Берже не предполагал невозможного. До последних дней считалось невозможным передавать живую энергию на далекие расстояния. Так, 25 километров было крайним пределом передачи силы на расстояние. При этом напряжение энергии электричества в проводниках достигало 5 тысяч вольт. Чтобы увеличить расстояние, необходимо было увеличить и напряжение. Но при большем напряжении электрической энергии в проводниках, она, несмотря на все меры, улетучивалась в пространство, в окружающую среду, и до места назначения доходила самая незначительная часть. Еще всего четыре года тому назад Госпиталье называл химеричной идею об электрическом

токе даже в 10 тысяч вольт. Но теперь, в настоящее время, мы передаем токи, достигающие свыше 30 тысяч вольт! Почему же невозможно допустить передачу солнечной энергии в виде электричества на какое угодно расстояние?..

Наконец, последний из поставленных для обсуждения вопросов - об установлении сообщения с планетой Марс - был совершенно опущен Эмилем Берже.

- Я не могу даже представить себе, - сказал он, - при помощи каких способов думают почтенные ученые осуществить свою идею. Наши знания стоят на том уровне, когда подобная идея кажется плодом разгоряченной фантазии.

- Но, господа, имена ученых, стоящих во главе обсуждаемого предприятия, ручаются за то, что если и можно допустить с их стороны некоторое увлечение, зато никоим образом нельзя предполагать умышленной мистификации. Я полагаю поэтому выразить господам Марковичу, Яблонскому и Леверрье наши искренние пожелания успеха.

Это предложение было единодушно принято всеми членами Института, несмотря на их различные мнения.

Кроме того, четверо из членов - в том числе сам Эмиль Берже и неременный секретарь Бюссе - решили явиться на съезд ученых в Москву.

Лондонское королевское общество также командировало на съезд двух членов, воздержавшись, однако, от какого бы то ни было дальнейшего выражения сочувствия. Причиной этому, между прочим, было и сильное опасение, высказанное как министерством, так и многими членами парламента - о том, не пострадали бы английские интересы на Северном полюсе и на планете Марс при осуществлении этого грандиозного предприятия.

Берлинская академия, а равно и все германские ученые общества категорически уклонились от всякого участия в предприятии. Тем не менее они оставили за собой право высказать свое мнение, но не иначе как по приведении в исполнение хотя бы некоторых из высказанных предположений.

Но самое сильное волнение проявилось в Америке, в Соединенных Штатах. Биржевые комитеты, маклеры, банки и банкирские конторы тысячами получали телеграммы из Америки с запросами о том, какое это общество - акционерное или на паях, где будет и когда открыта подписка на акции, на какую сумму и т. д.

И каково же было всеобщее изумление, когда на все эти вопросы следовал один неизменный ответ: «Предприятие ведется на средства частных лиц - г. Марковича и К°. Акции или паев выпущено не будет».

Такое предприятие - и на средства нескольких лиц? Но кто же они? До какой цифры простирается их состояние?

На первый вопрос давали категорический и ясный ответ: Маркович и К° были только учеными. До сих пор они не числились в списке миллионеров.

Тем не менее компания имела миллионные кредиты в солиднейших банках за границей и в России. Европейские денежные рынки неожиданно наводнились золотом. Особенно это было заметно в России. Ассигновки на золото в руках Марковича достигли уже колоссальной цифры свыше ста миллионов.

Целая армия репортеров жадно ловила всякие слухи, имевшие связь с предприятием, заинтересовавшим весь мир. Ежедневно газетные листы переполнялись известиями, одно другого сенсационнее; в этих известиях истина до такой степени переплеталась с ложью, что в заключение невозможно было разобраться, где кончается первая и начинается вторая.

Множество лиц во всех концах света мечтали о том, как бы принять хотя какое-либо участие в грандиознейшем предприятии всех веков.

Как бы в ответ на эти желания, неожиданно во всех газетах мира появилась следующая публикация:

Господа Маркович, Яблонский и Левеэррье доводят до всеобщего сведения, что они покупают все изобретения и усовершенствования по электротехнике, воздухоплаванию и т. п. - до 1 марта 189 года. Дают средства для постройки вновь изобретенных машин и моделей. Приглашают на службу электротехников. Адресоваться: Москва, бюро Маркович и К°. Не имеющим средств для проезда в Москву доставляются таковые немедленно по заявлении.*

Немедленно тысячи телеграмм и писем полетели в древнюю столицу. Легион изобретателей - удачников и неудачников - десятки тысяч тружеников и просто искателей приключений в нетерпении и восторге повторяли заветные слова: в Москву, в Москву!..

Глава 2.

Плавание и воздухоплавание. - Воздушный корабль. - Отсутствие необходимого двигателя. - Тщетные изыскания Яблонского. - Странная публикация в московских газетах и непризнанный изобретатель. - Новый гальванический элемент.

Москва! Еще так недавно при этом имени в уме европейца возникало представление о далеком, сказочно богатом полуазиатском городе, где люди никогда иначе не ходят, как закутанные по уши в меха, где солнце только светит, но не согревает, где можно лишь случайно натолкнуться на следы цивилизации - где кончается Азия, но еще не начинается Европа.

И вот этот город вдруг сделался центром, к которому устремилось всеобщее внимание. Величайшее из предприятий всех веков – принадлежит русским! В Москве разрешается задача, над которой так долго, но безуспешно бились все народы мира. Здесь будет построен первый управляемый воздушный корабль!

Сколько попыток в этом роде привели от твердой уверенности в успехе к крайнему разочарованию!

Первые опыты воздухоплавания, как показывает самое название, имели основным принципом плавание, то есть к воздушной среде человек хотел применить тот же принцип, что и к более плотной среде – к воде.

Как известно, держаться на воде может всякое тело, вес которого равен весу вытесняемой им воды или легче его. Разность между весом самого корабля и вытесняемой им воды есть водоизмещение, которое и составляет подъемную силу судна. Так, если вес вытесняемой судном воды равен ста пудам, а вес самого судна тридцати, то водоизмещение его будет равно 70 пудам, то есть при грузе в 70 пудов судно в состоянии будет держаться на воде. Таков основной принцип *плавания*. Тот же принцип до последнего времени применялся и к плаванию тел в воздухе. Очевидно, что тело, всящее менее вытесняемого им воздуха, будет плавать в воздухе. Наполняя полый внутри баллон газом легче воздуха, добились того, что подъемная сила воздушных шаров достигла весьма значительной степени.

Применяя к воздушным шарам те же приспособления, что и к кораблям, то есть руль и винт, - достигли того, что подобным шарам можно давать произвольное направление, то есть ими можно управлять, но лишь при *безветрии* и в таких воздушных слоях, где нет сильных течений. Таким образом, поступательная сила управляемых воздушных шаров сводилась к нулю.

Маркович и его товарищи применили другой принцип. Первый опыт их в этом направлении был следующий. Они взяли массивный стальной цилиндр, с обеих сторон оканчивавшийся конусами. В просверленное наискось отверстие вставлена была стальная ось, середину которой составляла весьма сильная скрученная спираль. Концы оси были снабжены такими же лопастями, как и винт корабля.

Такой снаряд весил значительно более, чем вес вытесняемой им воды; следовательно, пущенный на воду, он должен был немедленно потонуть. Случилось, однако, как раз наоборот. Снаряд поплыл. Спираль при раскручивании привела в движение ось - причем обе части оси вращались в обратном порядке. Лопастями оси рассекали воду и сообщали снаряду такое сильное поступательное движение, что он не потонул, а поплыл; совершенно так же, как плывет человек, хотя вес вытесняемой им воды менее его собственного веса.

Тот же снаряд, но с лопастями винта, имеющими несравненно большую поверхность, брошенный вверх, не упал на землю, но летел в воздухе до тех пор, пока продолжалось раскручивание спирали.

И в том и в другом случае сила поступательного движения уничтожала притяжение земли. Опыт показал, что и всякое тело, брошенное в воздух, будет летать, если сообщить ему чрезвычайно сильное поступательное движение. Вращение винта может дать такое движение телу какого угодно веса, но где взять силу, которая, производя вращение винта, вместе с тем преодолевала бы сопротивление воздуха? Само собою разумеется, что сила эта должна быть весьма значительна. Конечно, паровая машина могла бы развить эту силу, но применить ее к воздушному кораблю представляется невозможным: вес самой машины превосходил бы развиваемую ею подъемную силу. Наконец, для питания паровой машины необходимы значительные запасы угля и воды.

Другой источник силы - электричество. Динамо электрические машины требуют для приведения в действие локомотив. Аккумуляторы, то есть хранители запасов электричества, весьма быстро истощаются и, кроме того, развивают весьма малую силу. Существующие элементы настолько слабы, что их потребовались бы сотни тысяч для достаточно сильной батареи.

Тем не менее, гальванический элемент был тот источник силы, который решил применить Яблонский, так как ему преимущественно принадлежала идея устройства воздушного корабля.

Необходимо было изобрести элемент, несравненно сильнейший всех существующих. Молодой, увлекающийся ученый, еще во время возвращения из Индии начавший обдумывать план путешествия на воздушном корабле, тотчас по прибытии в отечество принялся за опыты в этом направлении.

В то же самое время Жак Леверрье производил все необходимые вычисления и сделал чертежи. Корпус корабля был уже заказан. Фирмы Бромлея и Листа обязались построить его в месячный срок.

Срок этот приближался к концу, корпус был уже почти готов, но опыты Яблонского были безуспешны.

Казалось, все должно было рушиться.

Временами самого Павла Михайловича начало брать отчаяние.

«Конечно, - думалось ему, - рано или поздно такой элемент должен быть найден. Но когда? Неужели отложить все до того неопределенного срока? Нет, невозможно!.. Но что же делать?»

Как раз в это время Чеботарев как-то в шутку посоветовал ему обратиться по адресу одной весьма странной публикации, появившейся во многих газетах.

Публикация эта гласила: изобретаю по заказу всякие машины. Далее следовал адрес. Чем более неудачи преследовали Яблонского, тем чаще вспоминал он об этой публикации.

«Попробовать разве?» - думалось ему.

Но он тотчас же отгонял эту мысль. Действительно, разве мог мало-мальски здравомыслящий человек решиться на подобную публикацию? Очевидно, это был какой-то помешавшийся от неудач изобретатель.

Однако, чем чаще находили на Яблонского минуты отчаяния, тем сильнее интересовала его мысль об авторе этого оригинального заявления.

Наконец, Яблонский не выдержал: однажды, измученный целым рядом неудачных опытов, он отправился по хорошо запомненному адресу.

После долгих расспросов он нашел в одном из переулков близ Балкана маленький деревянный домишко, отыскал лестницу и постучал в обитую рваной клеенкой дверь, на которой была прибита карточка, извещавшая, что здесь живет «изобретатель, Виктор Павлович Поярков».

В отворенную дверь выглянула какая-то женщина.

- Вам кого?

- Здесь публиковали...

Яблонский не успел кончить, как женщина распахнула дверь и предупредительно произнесла:

- Пожалуйста, пожалуйста, он дома.

Через грязную маленькую кухню Яблонский прошел в большую светлую комнату, по стенам которой до самого потолка были прибиты широкие полки, все заваленные всевозможным хламом и моделями машин.

Посреди комнаты стоял громадный стол, покрытый склянками всевозможных форматов, ретортами, колбами и тому подобными принадлежностями.

Из-за стола поднялся худощавый, небольшого роста господин, одетый в парусинную куртку, и сделал шаг навстречу вошедшему...

Из-за стола поднялся худощавый, небольшого роста господин, одетый в парусинную куртку, и сделал шага два по направлению к вошедшему.

При первом взгляде Яблонскому чрезвычайно понравилось умное, интеллигентное лицо изобретателя, с немного грустным и усталым выражением задумчивых глаз.

- Чем могу служить?

Понравился Яблонскому и мягкий, немного как бы надтреснутый голос изобретателя.

- Я пришел к вам по публикации.

- А!.. Прошу садиться.

Несколько секунд Поярков со вниманием разглядывал своего посетителя, Яблонскому стало даже немного неловко.

- Позвольте узнать, - начал наконец Поярков, - с кем имею удовольствие говорить?

Яблонский назвал себя.

По лицу Пояркова пробежало выражение удивления.

- О, знаю вас! - воскликнул он. - Но вот уже никак не ожидал, что вы-то придете ко мне.

- Почему же?

- Да ведь, помилуйте, вы - ученый, а цеховые ученые, прочтя мою публикацию, вероятно, сочли меня за помешанного. Да и вы сами, я думаю, сильно сомневаетесь еще и сейчас...

- Но, согласитесь, что ваша публикация...

- Удивительна? Пожалуй!.. Но раз вы пришли, чем же я могу вам служить?

Яблонский подробно рассказал о своих опытах над изобретением элемента, а равно и о ближайшей цели, для которой он предназначался.

Во время рассказа видимое волнение охватило Пояркова.

- И вы выработали все детали, остановка только за источником силы? - оживленно спросил он, когда Яблонский кончил.

- Да.

- Видите ли, такой элемент существует, но, к сожалению, его невозможно применить.

- Почему?!

- Как для элемента Грове нужна платина, так для моего - необходимо золото. Я не умею заменить его чем-нибудь иным. При этом золото необходимо в таком значительном количестве, что...

- О, - прервал его Яблонский, - за этим задержки быть не может: мы дадим вам этого металла столько, сколько угодно.

- Тогда вы можете считать вопрос решенным...

- Какую же сумму вам надо для устройства пробного элемента?

- Около двух тысяч.

Яблонский достал из кармана чековую книжку и, взяв со стола перо, вписал сумму и передал Пояркову.

- Вот пять тысяч. Сделайте два элемента. Когда они могут быть готовы?

- Через сутки.

- Я попрошу вас принести их ко мне.

Поярков поклонился.

Уже уходя, Яблонский остановился в дверях и вопросительно произнес:

- И вы думаете, что мы полетим?

- Несомненно, если только ваши вычисления верны.

- Так через сутки?

- Ровно через сутки.

Яблонский долго не решался сказать своим товарищам об оригинальном заказе, который он сделал. Хотя он почти не сомневался в успехе, но все-таки ему не чужда была некоторая доля опасения, которая и заставляла его сдерживаться в течение краткого срока, данного Пояркову. Тем не менее, и Маркович и Леверрье заметили перемену настроения духа, происшедшую в молодом ученом. Когда они сошлись вместе в громадной лаборатории, устроенной компанией специально для всевозможных опытов, имевших связь с предприятием, Леверрье первый обратил внимание на возбужденное, радостное состояние, в котором находился Яблонский.

- Вероятно, ваши изыскания, Павел Михайлович, - заметил он, - привели вас к хорошему результату...

- Не вполне. Но я надеюсь на хороший исход. Завтра, господа, в это же время я прошу вас присутствовать здесь при опытах, которые будет производить вместе со мной один наш русский молодой ученый...

- Какой ученый? - спросил Маркович.

- Вот именно этого-то я и не хотел бы говорить пока...

- С целью пощадить его самолюбие в случае неудачи?

- Да, пожалуй. Не только его самолюбие, но и свое собственное.

Во все время до прихода Пояркова Яблонский не мог успокоиться; почти всю ночь он не смыкал глаз и на другой день едва удержался, чтобы еще ранним утром не навеститься к изобретателю.

Ровно в назначенный срок Поярков явился в лабораторию и был представлен Марковичу и Левверье.

Он принес с собой небольшой ящик, в котором заключены были два стеклянных сосуда, содержимое которых было соединено медным проводником.

- Вот предлагаемый мною элемент, - сказал Поярков, но я предлагаю вам его на двух условиях. Первое, чтобы ни вы, ни кто-либо другой не открывали ящика, в котором заключается элемент, и чтобы состав его остался моей тайной до тех пор, пока я сам не захочу ее открыть...

Ученые не ожидали подобного требования, и сильнее всех протестовал против него Маркович.

- Мы не хотим делать тайны из наших предприятий, - говорил он, - наоборот - мы стремимся к тому, чтобы, сплотив все выдающиеся ученые силы, направить их к раскрытию неизвестных нам законов природы, сделать их открытия достоянием всего человечества...

- Я пока не стремлюсь к этому, - прервал его Поярков. - В течение долгих лет я обращался с предложением моих изобретений во многих областях к всевозможным ученым обществам и к отдельным лицам. Всюду я встречал крайне недоверчивое, даже враждебное отношение. Пусть же гордые ученые, смотревшие на меня как на полупомешанного изобретателя, еще долго добиваются того, что мне уже известно... Как бы то ни было, только под этим условием я согласен предоставить в ваше распоряжение свое изобретение.

После долгих переговоров ученые пришли к заключению, что им волей или неволей приходится дать свое согласие: другого выбора не было.

- Какое же ваше второе условие? - спросил Маркович.

- Второе вытекает из первого. Если я не объяснял вам состава моих элементов, то, следовательно, и уход за ними во время предпринятого вами путешествия должен принадлежать мне. Я бы хотел, чтоб вы сделали меня участником вашей экспедиции.

- Вот это условие гораздо приятнее первого! - воскликнул Маркович.

- Я думаю, что мои товарищи так же, как и я, охотно его примут?

Яблонский и Левверье единодушно поддержали маститого ученого.

- Еще одно условие, - прибавил Поярков. - Я человек без всяких средств...

- О, - прервал его Маркович, - об этом не стоит говорить - предоставьте все нам. Лучше приступим к испытанию вашего элемента.

- Прежде всего, господа, - заметил Поярков, - я скажу несколько слов о тех принципах, которыми я руководствовался в устройстве своего элемента. Вы, конечно, согласитесь со мной, что те вещества, которые мы считаем неразложимыми и называем *химическими элементами*, на самом деле разложимы и что самое деление тел на разложимые и неразложимые совершенно условно. Ученые уже заметили, что многие металлы, считающиеся элементами, имеют чрезвычайно близкое родство между собой. Так, например, платина и золото, медь и никель. Платина и золото точно так же, как медь и никель, различаются только по цвету - удельный вес их и другие свойства почти

тождественны. Я пойду дальше и скажу, что платина есть золото, подвергнутое действию чрезвычайно сильного электрического тока, то есть платина есть простое видоизменение золота. То же самое можно сказать и про никель по отношению к меди. Я брал медную проволоку, помещал ее между двумя плохими проводниками электричества, заключал все в стеклянный, герметически закупоренный сосуд, из которого выкачан был воздух, - и затем пропускал весьма сильный электрический ток. Медная проволока моментально обращалась в парообразное состояние. По охлаждении сосуда на стенках его оседал чистый никель - меди не было. Подобные же опыты я делал над золотом. Таким образом, для перехода меди в никель и золота в платину требуется громадная затрата электрической энергии. Я предположил, что при обратном процессе, то есть при переходе никеля в медь и платины в золото, затраченная на образование их электрическая энергия должна освобождаться, то есть мы можем получить чрезвычайно сильный элемент. Опыты подтвердили мои предположения. В этих элементах, - Поярков указал на ящик, - платина медленно обращается в золото; освобождаемая при этом электрическая энергия и дает чрезвычайную силу этому элементу.

- Но как же велика, однако, эта сила? - спросил Маркович.

- При обыкновенном действии один мой элемент равняется по силе двум тысячам элементов Грове.

Ученые были поражены.

- Но сколько весит ваш элемент? - справился Яблонский.

- Всего пять фунтов.

- Нам достаточно ста ваших элементов, - заметил Леверрье, - для полного, с избытком, снабжения силой нашего корабля.

Самые точные опыты подтвердили слова Пояркова.

Вопрос о постройке воздушного корабля был решен.

Вследствие этого Марковичем и была послана в Париж телеграмма, так просто пояснившая способ, которым русские ученые думали достичь Северного полюса.

Глава 3.

Маркович и его товарищи приобретают новые изобретения во всем мире. - Постройка воздушного корабля. - Открытие съезда ученых в Москве. - Организация предприятия. - Состав экспедиции. - Отлет воздушного корабля.

Срок, назначенный для съезда ученых в Москву, приближался. Со всех сторон ежедневно к Марковичу поступали заявления о желании в нем участвовать со стороны ученых обществ и отдельных лиц. Общий интерес возбуждался еще и тем, что тотчас по закрытии занятий съезда был назначен отъезд экспедиции, и, следовательно, должен был разрешиться и вопрос о воздухоплавании.

Наряду с этим отовсюду поступали предложения услуг и всевозможных изобретений.

Товарищество не могло справиться с громадной работой по прочтении корреспонденции и приему посетителей.

Целое особое бюро, составленное из известных специалистов по различным отраслям, целые дни работало над рассмотрением поступающих проектов и изобретений, отделяя все то, чем хотя до некоторой степени можно было воспользоваться, от массы ненужного хлама.

Уже поступило около десяти тысяч заявлений о желании принять участие в экспедиции.

Но все они шли от лиц малоизвестных. Ученые известные воздерживались в ожидании

съезда, который должен был выяснить, можно ли отнести к предприятию, как к чему-нибудь, выходящему из ряда фантастических увлечений.

Все трое предпринимателей усиленно были заняты рассмотрением проектов, уже предварительно одобренных бюро, переговорами с изобретателями и производством опытов. Несколько известных заводов были завалены заказами по исполнению всевозможных моделей и машин.

За неделю до съезда были доставлены все машины для воздушного корабля. Фирма Сименса и Гальске предлагала крупную сумму тому из своих инженеров, который разъяснит, какую силу приложат ученые для приведения в действие этих машин. Но несмотря на все условия, можно было только с уверенностью ответить, что эта сила электрическая, источник же ее, если только существует, составляет тайну изобретателей. В нескольких верстах от Москвы, на обширном пространстве, купленном товариществом, спешно были возведены временные мастерские, в которых производилась сборка воздушного корабля, частями доставляемого с заводов Листа и Бромлея. Названные фирмы с получением заказов от Марковича и К^о прекратили прием посторонних работ. Тысячи любопытных ежедневно прибывали к месту снаряжения корабля, с целью хотя поверхностно ознакомиться с изумительным изобретением. Но громадное поле, на котором воздвигнуты были мастерские, окружалось высоким забором. Ворота охранялись полицией. Вход внутрь допускался только по особым разрешениям.

За двое суток до открытия съезда сборка корабля была окончена. Тогда все рабочие были удалены из здания. Поярков с несколькими избранными им лицами вошел в корабль. Он лично уставил свои элементы и запер их в особом помещении.

Все было готово.

Но минутами ученых брало сомнение.

- А что, если допущена какая-нибудь ошибка в вычислениях? Если корабль не поднимется... Что скажет весь мир про неудавшееся в самом начале предприятие?

Последний день перед съездом ученые были заняты приемом и размещением приехавших гостей. Все расходы приняло на себя товарищество. Лучшие гостиницы Москвы были законтрактованы на время съезда. Но помимо приглашенных съехались тысячи лиц, желавших присутствовать при публичном обсуждении предприятия и полете воздушного корабля.

В Москве царствовало необычайное оживление. Все места для остановки приезжающих были переполнены.

Наконец, наступил знаменательный день 15 февраля 189* года.

В громадной зале, служившей Марковичу и его товарищам опытной лабораторией, собралось 430 представителей европейских ученых обществ. Публика переполняла залу и хоры, но громадные толпы не могли попасть и занимали на далекое расстояние улицу перед домом. До ста корреспондентов от всех газет разместились за отведенными им большими столами.

Председателем съезда единогласно был избран знаменитый физик Поль Тиссье.

Затем на кафедру взошел Маркович и в пространном докладе, длившемся около четырех часов, изложил цели предприятия и дал краткое описание всех приспособлений и опытов, сделанных для достижения этих целей.

- Вы видите, милостивые государи, - закончил он, - что на призыв наш откликнулись тысячи людей, в тишине и неизвестности трудившихся на пользу науки и человечества. Они представили нам свои изобретения и усовершенствования; мы воспользуемся тем,

что подходит к нашим целям. Там, на крайней точке севера, в области вечного покоя, мы постараемся вызвать к жизни дремлющую природу, победить ее силой человеческого гения. То, что казалось невозможным для отдельных лиц, представляется возможным соединенным силам всего человечества.

Собрание было поражено описанием тех изобретений, которые удалось собрать товариществу со всех концов света. В общем они представляли такой материал, воспользовавшись которым можно было предположить осуществимым все предприятие.

...Громкие приветствия раздались в ответ на речь Марковича...

Невыразимое одушевление охватило всех. Громкие приветствия раздались кругом. Их подхватила толпа, стоявшая на улице, и все слилось в один восторженный клик в честь торжества науки и знания.

Только спустя много времени председатель мог ответить на речь Марковича.

- Мы присутствуем, - сказал он, - на величайшем из торжеств. Мы стоим на рубеже эпохи, которая должна резко отделить прошедшее человечество от его будущего. Удастся ли вам вполне ваше предприятие или нет - вы совершили великое дело. Вы соединили в одно усилия тысяч людей, тысяч безвестных тружеников науки, дали в пользование миру

плоды их трудов. Эти плоды несомненно велики. Разрешите ли вы при помощи их ваши задачи - неизвестно. Но и того, что лично вами сделано, - слишком много. Если ваш воздушный корабль выдержит испытание, вы откроете новые, доселе неведомые области нашему наблюдению. Если вы достигнете Северного полюса, то уже одним этим вы создадите эпоху в науке. Мы все предлагаем вам наши услуги.

В первом же заседании ученые разделились на группы, каждая из которых выбрала себе отдельную задачу. На обсуждение этих групп поступали все выработанные проекты. Затем Яблонский познакомил с устройством воздушного корабля. Корпус его был весь стальной и представлял из себя форму обыкновенного корабля, но средину корабля занимали два громадные полые внутри конуса, сделанные из алюминия.

С правой стороны у носа и с левой у кормы корабль был снабжен приводимыми в действие одной осью громадными лопастями. Эти лопасти в соединении с осью и составляли подъемную и двигательную машину.

К корме были прилажены два руля: один ходил в горизонтальной плоскости, другой в вертикальной. Первый управлял движением по прямому или косвенному направлению в горизонтальной плоскости, другой в вертикальной, то есть позволял хорошо подниматься и опускаться.

Но лопасти винта были так велики, что могли приходить в движение только тогда, когда корабль находился на расстоянии 50 метров от земли.

Для того чтобы заставить его подняться на эту высоту, были приспособлены громадные алюминиевые конусы, составлявшие одно целое с корпусом.

Как только из этих громадных баллонов выкачивался воздух, а также и из центральной залы, герметически отделявшейся от остального помещения, - сейчас же вес всего корабля становился менее веса вытесняемого им воздуха, и он поднимался подобно обыкновенному аэростату.

Наполняя более или менее баллоны воздухом, можно было держать корабль в неподвижном состоянии на произвольной высоте. Наконец, корабль мог держаться на воде и плыть при помощи обыкновенного винта. Подъемная сила корабля, или его воздухоизмещение, равнялось десяти тысячам тонн.

Скорость движения в неподвижном воздухе доходила до громадной величины: до шестисот верст в час; следовательно, корабль мог свободно двигаться против самого сильного урагана.

После опытов над элементом Пояркова съезд ученых признал несомненный успех, который должен был сопровождать полет корабля.

Этим закончилось первое заседание съезда. Затем начались занятия отдельных групп и продолжались с изумительной энергией в течение месяца.

По истечении этого срока был составлен целый план действия для экспедиции.

Отбыв из Москвы 1 апреля 189* года, воздушный корабль «Марс» должен был проследовать безостановочно к Северному полюсу, ведя наблюдения по особой программе. В направлении полета он должен был придерживаться 55-го меридиана, на котором лежит Москва и который с этих пор должен считаться *первым* меридианом.

По прибытии на материк Северного полюса, если таковой действительно окажется, экспедиция немедленно приступает к устройству *гелиофоров*, или собирателей солнечной энергии.

Во время этих работ корабль «Марс» поддерживает сообщение с Москвой и близлежащими обитаемыми местностями.

Затем предоставляется усмотрению Марковича и его товарищей устройство обсерватории и попытки к установлению сношений с планетой «Марс», так как съезд считает, что при тех средствах, которые находятся в их распоряжении, эта задача недостижима.

В заключение восемьдесят три ученых изъявили желание участвовать в экспедиции.

Во все время занятий съезда шла лихорадочная деятельность по снаряжению и снабжению всем необходимым воздушного корабля.

Триста человек механиков, слесарей, столяров и рабочих должны были отправиться с экспедицией.

Команде в тридцать человек избранных моряков разных национальностей под командой капитана Галля вверено было управление кораблем и машинами.

Все необходимые части для построек жилищ были взяты на «Марс». Тотчас по прибытии на место в течение нескольких суток можно было собрать помещение для всех участников.

Продовольствия было захвачено на три месяца.

С вечера, накануне отъезда, все участники экспедиции были уже на борту корабля.

Ровно в 12 часов дня 1 апреля 189* года «Марс» на глазах необозримой массы народа поднялся на высоту 150 метров и неподвижно остановился в воздухе. Затем лопасти винта пришли в движение, раздался гул пущенного в баллоны воздуха, и корабль, тихо описав круг над головами народа, прибавил ход и быстро понесся к северу при громовых кликах пораженных зрителей.

Глава 4.

Климатические пояса. - Арктический пояс. - Материк Северного полюса. - В ледяных облаках. - На высоте девяноста верст от поверхности земли. - Невозможность дальнейшего подъема.

На север и на юг от экватора, на расстояние $23^{\circ} 27' 30''$, простираются два тропических пояса. Это - царство солнца. Здесь жизнь природы разворачивается в роскошнейших неистощимых формах. Для человека, живущего здесь, не существует упорной, тяжелой борьбы за право существования. Все кругом манит его наслаждаться жизнью. Сама природа питает и греет его, дает ему уют и от жгучих лучей солнца, и от проливного тропического дождя. Но здесь в бездействии слабеет человеческий характер, созерцательная жизнь заступает место труда.

202240184 квадратных километра, или почти $2/5$ земной поверхности, принадлежат к тропическим поясам.

Между тропическими и полярными кругами заключаются два умеренных пояса, в которых живем и мы. Здесь природа не изнеживает и не расслабляет человека, но вместе с тем не подавляет его своей суровостью. В борьбе за жизнь здесь крепнут и развиваются человеческие силы. Здесь нет резких переходов в климате, времена года сменяются в правильной постепенности. Около половины всего земного пространства принадлежит этим двум умеренным поясам.

Наконец, за полярными кругами, то есть за линиями, проводимыми в расстоянии $66^{\circ} 32' 30''$ от экватора, начинается печальное мрачное царство вечных снегов и льда, где день и ночь не сменяются по целым месяцам, где солнце хотя и посылает непрерывно в течение продолжительного времени свои лучи, но не в силах вызвать органическую жизнь.

Северный полярный пояс называется арктическим, южный - антарктическим.

Арктическим собственно называется пространство небесного свода, находящееся вблизи созвездия Медведицы; но так как это созвездие находится у Северного полюса, а Медведица по-гречески называется арктос, то словом «арктический» обозначают вообще все северное.

Арктические страны граничат к югу с Северным полярным кругом, который, проходя от северной оконечности Европы, через северные части Азии и Америки, пересекает Гренландию, касается Исландии и снова направляется к Норвегии.

На северной половине старого континента полярный круг обнимает Скандинавскую Лапландию, от Ботнического залива всю Русскую Лапландию до полуострова Колы на Белом море; далее отроги Уральского хребта и Самоедский полуостров, лежащий между Карским морем и Обскою губой, то есть северную часть Тобольской губернии. Затем внутри полярного круга лежит северная половина Енисейской губернии, населенная самоедами, и часть Якутской области, расположенной по берегам Лены. К востоку тянется бесконечная тундра.

Под полярным кругом находится Берингов пролив - морской путь в Северную Америку. Многочисленные острова, рассеянные внутри полярного моря, окаймляют северный берег Азии, начиная с большого острова Новой Земли до островов Медвежьих.

В Америке полярный круг пересекает бывшие наши владения - Аляску - и отделяет громадную часть материка до 70° северной широты, массу островов до 80° северной широты от континента, населенного эскимосами.

На всем севере, по ту сторону полярного круга, в течение лета встречается множество млекопитающих; некоторые из них достигают значительной величины, как, например большой лось, мускусный бык, а из хищных зверей - медведь, волк и т. д.

Таким образом, вся северная Азия и северные оконечности Европы отсекаются полярным кругом. Европа, Азия и Америка обнимают яйцеобразно своими северными берегами Северный полюс, окружая настоящее Арктическое море; последнее имеет в больших широтах сообщение только с Атлантическим океаном, а с Тихим соединяется узким Беринговым проливом.

На этом море и лежит Северный материк, пространством своим равный Европе; но до сих пор ничего не было известно ни о центральной части полярного моря, ни об этом материке. Только прибрежные пространства и отдельные острова до 83° северной широты более или менее точно исследованы.

До сих пор предпринимались экспедиции двоякого рода: одни имели чисто научную цель - достижение Северного полюса, другие стремились открыть торговый путь в Америку, более близкий, чем существующий. Последняя цель достигнута благодаря профессору Норденшильду, но ни одна из экспедиций, направлявшихся к Северному полюсу, не имела успеха: ледяные горы не давали прохода к предполагаемому открытому морю, через которое можно бы было достигнуть материка.

Теперь «Марсу» суждено было посетить те места, которых никогда не касалась нога человеческая.

Лишь только воздушный корабль поднялся над землей и быстро понесся к северу, дружное «ура» потрясло воздух. Гул приветствий доносился снизу.

Маркович, Яблонский, Леверрье и пожелавший разделить с ними путешествие Чеботарев стояли на небольшом балконе, свешивавшемся над бортом; по всем бортам толпились члены экспедиции, капитан Галль стоял у рулевого колеса.

Казалось, корабль стоял неподвижно, но внизу быстро плыла земля, с извивающимися лентами рек, белеющими церквами и громадами зданий; корабль несся над Москвой. Все улицы, крыши домов и колокольни церквей были покрыты народом, собравшимся полюбоваться на небывалое зрелище.

- Поднимитесь вверх и прибавьте ходу, - приказал Маркович.

Капитан Галль повернул рычаг подъемного руля и передал команду в говорную трубу. Корабль дрогнул и, приняв наклонное положение, быстро понесся вверх. Теперь с поражающей быстротой пронеслись внизу поля, луга и леса. На палубе стоять было трудно вследствие сильного движения воздуха.

- Две тысячи пятьсот метров высоты, - произнес Яблонский и справившись с барометром, - скорость движения двести верст в час!.. На воздушном шаре мы не чувствовали бы даже при такой скорости движения воздуха, потому что мы двигались бы вместе с ним. Теперь же мы идем против ветра.

В это время все члены экспедиции столпились около балкона, многие делали отметки в записных книжках.

- Господа, - предложил Маркович, - поднимемся ли мы теперь выше, прорезав висящие над нами облака, или будем держаться на средней высоте?

- Выше! - раздался единодушный ответ.

- В таком случае перейдемте в залу.

Капитан Галль получил соответствующие приказания. Палуба была очищена.

Ученые сошлись в центральной зале, служившей вместе с тем и подъемным резервуаром. Все выходы наружу были закрыты герметически. Запасы сжатого воздуха должны были восполнять потерю. Выделяемая Дыханием углекислота поглощалась едким кали. Так как сжатый воздух накачивался в те же самые баллоны, которые служили и для подъема корабля, то потребный для дыхания кислород мог получаться также путем электролиза, или разложения воды. Как известно, вода состоит из двух паев водорода и одного пая кислорода; электрический ток, пропущенный через воду, разлагает ее на эти элементы. Потребляя кислород для дыхания, устроители «Марса» сделали приспособления для горения водорода; таким образом, в случае нужды «Марс» мог отапливаться не только электричеством, но и пламенем водорода.

Так как в число задач, преследуемых экспедицией, входило и поднятие на возможную высоту, необходимо было позаботиться о поддержании дыхания. Воздух в высших слоях атмосферы сильно разрежен; вследствие уменьшения давления происходит недостаток в кислороде; следовательно, необходимо было позаботиться об искусственном дыхании.

Центральная зала «Марса» имела два окна по сторонам и одно внизу. Защищенные толстыми стеклами, способными выдержать самое высокое давление, эти окна позволяли делать наблюдения; такое же окно было проделано и в потолке.

Ученые частью разместились у окна, частью у всевозможных инструментов, дававших возможность определять высоту подъема, скорость полета и т. п.

Поярков ввел в действие все элементы, уделив часть развиваемой энергии на согревание корабля. «Марс» с ужасающей быстротой ринулся вверх по наклонной линии.

Внезапно в зале настали сумерки; на особом приборе, показывавшем присутствие атмосферного электричества, стрелка описала круг; сразу чувствительный холод охватил всех - термометр опустился до двух градусов ниже нуля.

- Мы вступили в слой ледяных облаков, - произнес Яблонский.

Через несколько секунд «Марс» летел уже над облаками, скрывшими землю.

- Три тысячи пятьсот метров высоты, - произнес Яблонский.

Прошло еще несколько минут.

Внимание всех было напряжено в высшей степени.

- Тридцать тысяч метров высоты!

Голос Яблонского прерывался от волнения.

«Марс» находился на такой высоте, которой никогда не достигал человек.

27 верст высоты!

- Вынесет ли корабль давление? - спросил Берже.

Действительно, вопрос этот имел основание. Корабль находился в несравненно менее плотной среде, вследствие чего воздух, его наполнявший, стремился к расширению со страшной силой.

Но это было предусмотрено: стенки «Марса» выдержали бы давление, даже если бы он попал в пространство вполне безвоздушное.

Через семь минут «Марс» находился на высоте ста тысяч метров, или девяноста верст!

В этот момент внизу разорвались облака и открыли землю. С громадной высоты совершенно отчетливо выступал рельеф местности: синели Уральские горы, оттеняясь от раскинувшейся равнины, вдали светилась какая-то масса.

В эту минуту в дверях залы появился Поярков.

- Выше подниматься нельзя! - произнес он.

- Почему?

- Взгляните! - Он указал на барометр.

Действительно, корабль находился уже всего на высоте восьмидесяти восьми верст. Через секунду высота была немного более девяноста, но затем снова спустилась до восьмидесяти семи.

Лопастей винта, очевидно, не находили точки опоры в окружающей среде; корабль двигался по ломаной линии, то взбираясь вверх, если встречал слой менее разреженного воздуха, то стремглав летя вниз до верхних слоев атмосферы...

Какое же вещество наполняет пространство там, за пределами атмосферы?

Очевидно, к нему не мог быть приложен ни один из известных законов.

Плывать в нем было невозможно.

Все наши знания основаны на наблюдении над окружающим нас миром, а потому и отысканные нами законы приложимы только к явлениям этого мира.

Чем наполнено мировое пространство? Ум наш не может представить, чтобы оно не было наполнено ничем. Что такое это «ничто»? Мы его не наблюдали, и представление о нем не поддается нашему уму. Мы допускаем поэтому, что мировое пространство наполнено эфиром, материей, свойства которой нам неизвестны.

Но если даже и допустить подобное предположение, то к эфиру не могут быть приложимы те законы плавания, которые выведены из наблюдений над водой и воздухом.

Опыт «Марса» подтвердил это.

В крайне разреженном воздушном пространстве он не мог двигаться, потому что лопасти его винта не встречали точки опоры.

В эту минуту в уме организаторов предприятия промелькнуло сомнение в возможности непосредственного сообщения с другими планетами.

Действительно, каким образом проникнуть чрез среду, свойства которой нам неизвестны и, вероятно, никогда не будут известны?

Маркович не мог скрыть волнения, когда обратился к своим спутникам.

- Мы достигли высшей точки, до которой может подняться человек, - сказал он, - если вы, господа, окончили ваши наблюдения, мы спустимся вниз.

Через несколько минут «Марс» находился уже всего на высоте пятисот метров над землей. Под воздухоплатателями расстилалась обширная водная равнина.

- Мы пролетаем над Ладожским озером, - заявил Маркович.

От начала путешествия прошло три с половиною часа. Следовательно, «Марс» делал свыше двухсот верст в час.

Люки были открыты, сообщение с внешним миром восстановлено, и все общество перешло на палубу.

Через час начало темнеть; обширные водные равнины остались позади; вверху еще было светло, но внизу мрак уже окутывал землю.

Когда общество собралось в столовой, первый тост был провозглашен за строителей «Марса».

На следующее утро «Марс» должен был приблизиться к крайней оконечности Скандинавского полуострова, мысу Норд-Кап, еще ночью перейдя границу Северного полярного круга под $66^{\circ} 32' 30''$ северной широты.

Глава 5.

Ледяные горы. - Под 81° северной широты. - Процесс образования льда в океане. - Катастрофа. - Северное сияние. - Осмотр корабля. - На помощь!

Утром 2 апреля воздушный корабль на высоте семисот метров плавно несся уже над волнами Северного Ледовитого океана; вдали скрывались в тумане горы Скандинавского полуострова, кругом расстилалась водная равнина. Под 73° северной широты вдали вырисовались первые ледяные горы.

Встреча с первой ледяной горой производит неотразимое впечатление на мореплавателя. Обыкновенно ледяная гора представляет из себя громадную, безобразную глыбу, закругленную сверху и отвесно усеченную с боков. Часто можно видеть в этих горах ходы, ведущие вовнутрь больших пещер, ряд сводов и арок. Иные горы часто причудливо зазубрены и иссечены. Цвет их переходит от нежно-голубого в темно-прозрачный ультрамарин или в зеленоватую окраску. Эти горы по наружности наиболее красивы, но зато и наиболее опасны: сотрясение воздуха, даже несильное, может опрокинуть любой отвесно стоящий столб какой-либо ледяной горы и тем нарушить равновесие всей глыбы. Гора вследствие этого начинает неравномерно качаться и разбрасывать во все стороны обломки.

Лед тает от солнечной теплоты и дает трещины. Вода, попадая в эти трещины и замерзая, расширяется и разрывает гору со страшным шумом, треском и грохотом. С закатом солнца и понижением температуры слышится с разных сторон грохот разрушающихся гор; море покрывается льдинами, и громадная волна возвещает о гибели гиганта.

Холод стал весьма чувствителен, но одетые в приспособленные к климату одежды пассажиры «Марса» не покидали палубы.

К трем часам дня «Марс» уже достиг 81° северной широты. Под ним расстилалась бесконечная равнина, покрытая снегом, кой-где образовавшая небольшие возвышения. По наступлении ранних сумерек ход корабля был уменьшен до незначительной скорости пятидесяти верст в час.

Все рабочие и мастера были приглашены в центральную залу, залитую электрическим светом. На корабле устроен был праздник по случаю вступления в Арктическую область. Но прежде Яблонский пожелал разъяснить присутствовавшим те новые для них явления, с которыми им пришлось сталкиваться.

Упомянув о ледяных горах, встреченных ими под 73 параллелью, он дал краткий очерк образования льда в океане.

- Массы льда арктического пояса, - сказал он, - принадлежат к самым интересным явлениям, которые представляет нам море. Они имеют двойное происхождение. Ледники и горы, от них оторванные, - не детища соленых морских вод: они образовались на суше: лед ледяной горы, образовавшейся из пресной воды, представляется ясно прозрачную голубоватую массу кристаллов, тогда как лед, образовавшийся из морской, то есть соленой воды, непрозрачен, имеет молочно-мутную окраску и негладкую поверхность; к тому же морской лед никогда не достигает объема, которым отличаются ледяные пресноводные горы. Море, вследствие своего непрерывного волнения и течения, очень трудно замерзает - гораздо труднее, чем пресная вода; ниже нуля вес морской воды увеличивается, она опускается на дно и предохраняется от замерзания. Соленая вода достигает наибольшей плотности не при плюс четырех градусах по Цельсию, а при низшей температуре. Так как наиболее охлажденные слои самые тяжелые, то они опускаются на дно, вытесняя оттуда менее холодные и, следовательно, более легкие. Погружающаяся морская вода охлаждается не только до точки замерзания, но даже ниже этой точки. Находясь в спокойном состоянии, вода остается жидкою; но как только она претерпевает малейшее сотрясение, она внезапно обращается в лед. Таким образом может случиться замерзание на дне, образование подводного льда. Тотчас по образовании такой лед, будучи легче воды, быстро поднимается на ее поверхность, так что корабли и рыбацьи лодки часто находятся в опасности быть раздавленными подводным льдом. У скалистых берегов Гренландии, Лабрадора и Шпицбергена подводный лед часто поднимает с собой на поверхность целые обломки скал, оторванные от морского дна. Весь остальной морской лед требует, напротив, полного спокойствия для своего образования. Только приостановка движения и большое охлаждение чрез соприкосновение с материком обыкновенно бывает причиною замерзания; поэтому в заливах, проливах и у прибрежных отмелей преимущественно происходит образование льда, реже в открытом море.

Теперь я... - Но Яблонский не успел кончить. Мгновенно потух электрический свет, и вслед за тем страшный удар опрокинул на пол и разбросал всех присутствовавших; раздался треск, и затем все смолкло. Мертвая тишина охватила пораженных ужасом пассажиров «Марса».

Прошло несколько минут, прежде чем очнувшиеся и пришедшие в себя путешественники смогли, среди кромешной тьмы, царившей внутри корабля, найти выход и подняться на палубу.

Корабль стоял на льду, врезавшись в его глубину до половины своего корпуса, бесконечная ледяная равнина тянулась во все стороны. На небе ярко горели чудные созвездия.

Но вот звезды начали бледнеть. Станный глухой шум, похожий на шелест листьев, доносился издали.

Внезапно на юге, на самом горизонте, показалось бледносветлая матовая дуга. Постепенно она становилась ярче и поднималась к зениту. Концы ее почти касались горизонта и, по мере ее возвышения, расходились все шире и шире к востоку и западу. Лучей не было заметно - все состояло из однообразной, великолепно окрашенной массы света, цвет которой не поддается описанию. Пассажиры «Марса» в молчании присутствовали при этом величественном зрелище.

- Северное сияние! - раздался голос Пояркова. - Магнитные токи парализовали действие электричества - винт перестал работать, и мы ринулись вниз с высоты пятидесяти метров, - хорошо, что мы не шли выше и что стремительность падения задержалась благодаря громадной поверхности крыльев и рулевых плоскостей, образовавших нечто вроде парашюта. Тем не менее повреждения весьма значительны.

После общего совещания решено было ждать рассвета, не предпринимая пока ничего: корабль, очевидно, покоился на плотной массе льда, почему не предвиделось немедленной опасности.

Все ученые с восторгом стали наблюдать неведомое зрелище. Сияние разгоралось. Его дуга стала втрое шире обыкновенной радуги, края ее очертились рельефнее и резко отделялись от глубокого мрака арктического ночного неба. Но яркий блеск звезд просвечивал через зеленовато-белую поверхность дуги сияния.

Но вот дуга начала подниматься все выше и выше. Все явление было полно величественным, подавляющим спокойствием, лишь изредка с одной стороны дуги на другую перекачивалась волна света. Сияние освещало равнину уже настолько, что там и сям вдали можно было распознавать ледяные холмы.

Но вот темный сегмент на юге прорезался светом, из него появилась и протянулась по небу новая дуга, за ней еще одна и еще. Все они медленно поднимались к зениту. Первая дуга уже прошла его, медленно склонилась к северному горизонту, сила света ее уменьшилась.

В эту минуту весь небесный свод был покрыт уже светлыми дугами. Чем ближе эти дуги спускались к северу, тем более они бледнели и, наконец, исчезали.

Казалось, сияние прекращалось. Но вот на южной части горизонта показалась полоса облаков. Освещенный слегка край ее образовал светлую ленту, которая, постепенно расширяясь и делаясь все ярче и ярче, поднялась к зениту.

Цвет ее был такой же, как и у предшествовавших ей дуг, но яркость ее света была несравненно значительнее. Постоянно извиваясь, она медленно, но непрерывно меняла форму и место.

Ширина ее стала очень значительна, ее яркий беловато-зеленый цвет с поразительной красотой выделялся на темном фоне. Теперь она стала извиваться в бесчисленных изгибах, не покрывающих, однако, друг друга. Волны света, переливаясь, колыхались по всей длине ленты справа налево и слева направо.

Но вот лента внезапно превратилась в громадный развевающийся вымпел, концы которого терялись на дальнем горизонте. Свет становился все интенсивнее и ярче, волны быстрее и быстрее следовали одна за другой. На верхнем и нижнем краях ленты явились радужные цвета, блестящий белый свет середины сразу окаймился снизу красной, а сверху зеленою полосой.

Вдруг лента разделилась на две; верхняя быстрее стала восходить к зениту, выделяя лучи к той точке зенита, к которой обращен южный полюс магнитной стрелки.

Лишь только верхняя лента достигла зенита, началась великолепная игра лучей.

- Смотрите, - прервал общее молчание, Маркович, - центр этой игры лучей составляет магнитный полюс. По-моему, это доказывает внутреннюю связь северного сияния с таинственными магнитными силами нашей Земли. Глядите: вокруг полюса во все стороны сверкают и крутятся короткие лучи; на всех краях ленты видны радужные цвета призмы, и волны света, переливаясь, образуют центр. Это и есть тот «венец» северного сияния, который является всегда, когда лента переходит через магнитный полюс.

- Я первый раз вижу, - заметил капитан Галль, - северное сияние, подобное настоящему, несмотря на то, что зимовал в арктических странах. Обыкновенно если появляются световые дуги, исходящие из темного сегмента неба, то уж потом не бывает ленты и венца.

- Да, - подтвердил Маркович, - в настоящем случае мы сразу наблюдаем северное сияние двойного вида. Кроме того, в тех широтах, где мы находимся, северные сияния происходят обыкновенно с конца сентября по март, а теперь апрель. Кстати, капитан, под какой широтой мы находимся?

- Два часа тому назад мы пересекали восемьдесят первую параллель - с тех пор корабль без движения.

- Мы еще не достигли тех широт, в которых не бывала нога человека. Некоторые экспедиции достигали восемьдесят третьей параллели. Но когда будем мы в состоянии двинуться?

- Я спущусь на лед, чтобы осмотреть корабль снаружи и, главное, осмотреть винт.

В это время северное сияние так же незаметно и быстро исчезло, как появилось, но ночь была светла настолько, что можно было ясно различать лица.

Капитан Галль в сопровождении Пояркова и трех матросов взобрался на опущенный трап и спустился на лед.

Прошло с четверть часа.

- Ну, что? - окликнул Яблонский.

- Винт сломан, но у нас есть запасный. Пока снаружи особых повреждений не заметно.

Мы обойдем кругом.

В ту же минуту страшный крик донесся снизу. К нему присоединились другие крики.

- Сюда! На помощь! - выделился голос капитана.

Все бросились к трапу. Впереди всех Яблонский.

Глава 6.

В объятиях белого медведя. - Починка корабля. - Экскурсия к ледяным холмам. - Старая и новая теория горообразования. - Удачный выстрел. - Камень с отпечатком ископаемых растений. - Продолжительность дней и ночей в различных широтах. - Отрезаны от корабля. - Возвращение. - Необычайное открытие Чеботарева.

Но лишь только Яблонский ступил на лестницу, как из зияющей тьмы навстречу ему поднялась громадная фигура; в одно мгновение могучие лапы охватили его, и рев медведя раздался над самым его ухом.

Павел Михайлович сделал отчаянное усилие; конечно, оно не помогло бы ему вырваться из мощных объятий северного исполина, но стальные ступени лестницы не представляли точки опоры даже для когтей медведя, и поэтому он вместе с своей добычей скатился вниз.

Только когда рев белого медведя огласил воздух, бывшие на палубе поняли, в чем дело. Несколько человек бросились внутрь корабля за оружием, но крошечная тьма мешала быстроте действия, а несколько секунд замедления были бы губительны.

Тогда помощник капитана Скробут скомандовал своим матросам:

- Ножи в руку! Выручай капитана!

Боцман Кипченко и человек двадцать матросов с ножами в руках быстро спустились по трапу, но внизу все уже было кончено: Яблонский лежал подле убитого громадного белого медведя; над молодым ученым склонился капитан Галль с окровавленным ножом в руках. Около стояли его спутники.

Молодого ученого подняли на руки и бережно перенесли на палубу. Трое докторов, бывших среди ученых, тотчас окружили его.

- Здесь, на палубе, невозможно осмотреть раненого, - заметил капитан Галль, - нельзя раздевать человека при двадцати градусах мороза по Реомюру.

- Конечно, - спохватился Маркович, - перенесем его в залу.

- Но и в зале тот же холод.

- Александр Михайлович, - обратился Маркович к Пояркову, - северное сияние кончилось.

Может быть, теперь батареи будут действовать?

- Вероятно. В случае же, если что-либо в них попорчено и немедленно восстановить их действия нельзя, я зажгу водород, хотя запас его незначителен, но на несколько часов хватит.

Поярков скрылся, взяв с собой своих механиков.

Через две минуты брызнули два ярких снопа света с вершин конусообразных башен и на далекое пространство осветили снежную равнину.

В ту же минуту Яблонский открыл глаза.

- Жив! - вырвался радостный крик у столпившихся кругом него путешественников.

Павел Михайлович поднялся на ноги.

- Что это случилось? - спросил он. - Я помню, что снизу позвали на помощь. Лишь только я ступил на трап, кто-то схватил меня и столкнул с лестницы. Ударившись головой о стальную ступеньку, я потерял сознание. Кто это был так неловок?

Общий смех раздался в ответ на этот вопрос.

Яблонский удивленно глядел на своих товарищей.

- Столкнул вас, - пояснил капитан Галль, - действительно неловкий субъект - белый медведь, который мною и убит в наказание за свою не деликатность.

- Но что же случилось внизу?

- Когда мы обходили кругом корабля, рассматривая его снаружи, один из матросов натолкнулся на медведя, приютившегося около борта корабля. Матрос испугался, понятно, но полярный житель, который очень редко нападает первый, был перепуган еще более и, бросившись бежать, натолкнулся на нас; тут он совсем потерял голову и, увидев спущенный трап, быстро полез на него.

В это время на трап ступил господин Яблонский; медведь принял его в свои объятия, и они вместе скатились вниз. Медведю я не дал подняться на ноги, покончив с ним ударом ножа... Вот и все.

Павел Михайлович с благодарностью пожал руку отважному моряку.

В это время на палубу подняли и труп виновника всего переполоха. Экземпляр был из средних.

- Напрасно, - заметил капитан Галль, - приписывают белому медведю вовсе несвойственную ему свирепость и хищность: даже умирающий с голоду, он никогда первый не нападает на людей. На это решается только самка, если при ней есть детеныш. Между тем уже близился рассвет. Звезды потухли. На востоке показалась яркая полоса. Тотчас приступили к осмотру корабля. Помимо оси, сломанными оказались две лопасти винта и лопасти подъемного руля. В запасе этих частей не было.

Повреждение было серьезно.

Тотчас приступили к работам. Центральная зала корабля была обращена в кузницу. Но приходилось простоять на месте около двух суток. Большинство было крайне недовольно подобным промедлением.

Кроме того, предстояло решить еще один в высшей степени важный вопрос: если искусственно развиваемые электрические токи могут парализоваться атмосферным электричеством и магнитными токами, то, очевидно, несчастье может повториться. Какие же меры возможно принять к его устранению?

После долгих совещаний решено было устроить совершенную изоляцию корпуса корабля. Действительно, весь построенный из стали, он, соприкасаясь своей громадной поверхностью с насыщенным электричеством воздухом, поглощал его из атмосферы. В распоряжении ученых находилось прекрасное средство для изоляции: в числе прочих усовершенствований компанией был куплен секрет состава особой стекловидной массы, представлявшей из себя в твердом виде чрезвычайно прочную и не проницаемую для электричества эмаль.

Работы закипели.

Разрезающие насосы были приведены в действие: корабль то приподнимался над поверхностью, то опускался - смотря по надобности. Работали и ночью при ярком электрическом освещении. Надеялись кончить все в течение двух суток.

В последний день несколько ученых решили предпринять экскурсию для осмотра ряда холмов, тянувшихся в дали.

Кроме того, лейтенанту Скробуту, страстному охотнику, хотелось попытать счастья. Экспедиция в составе двенадцати человек, в том числе Яблонский и Чеботарев, двинулась в путь с первыми солнечными лучами. До гряды холмов казалось не более десяти верст. Но капитан Галль уверял, что снежная равнина сильно скрадывает расстояние. Действительно, только через четыре часа ходьбы путешественники очутились у подножия ряда небольших холмов, перерезывавших долину.

- Точно горная цепь, - заметил Чеботарев.

- Вы не ошиблись в сравнении, Викентий Александрович: и по внешнему виду, и по образованию эти ледяные холмы представляют сходство с горными цепями...

- По образованию? - удивился Чеботарев. - Но, ведь горные цепи земной поверхности обязаны своим происхождением действию вулканических сил, выдвинувших их на значительную высоту?

- О, это старая теория, не выдерживающая критики. Теория катаклизмов, то есть страшных переворотов, катастроф, изменивших наружный вид земли, особенно привилась со времени Кювье. Этот ученый, изучая ископаемых, имел в своих руках преимущественно вымершие формы. Это и дало ему идею о том, что современный нам мир возник на развалинах старого. А так как каждая система пластов характеризуется ей присущими ископаемыми, то, по мнению Кювье, границы между соседними системами знаменуют глубокий переворот, вызванный действием каких-то особенных сил... Но

затем, в 1823 году, появилось сочинение фон Гофа, а в 1830 году Чарльза Лайелля. Труды этих ученых совершенно устранили теорию катаклизмов, с неопровержимой ясностью доказав, что изменения земной коры являются результатом обыденных, незаметных геологических процессов, сила которых в их продолжительности. Что касается вопроса о происхождении гор вследствие вулканических переворотов, то здесь следствие было принято за причину. Видя весьма часто в горных цепях присутствие вулканов, предположили, что и горы суть следствия вулканических действий. Но многочисленные и добросовестно выполненные наблюдения геологов доказали, что и в более отдаленные периоды, как и в настоящее время, собственно вулканические деятели не образовали ни одного горного кряжа... Современная геология признает, что природа совершенно чужда скачков и катастроф...

- Но вследствие чего же возникли горы?

- Сейчас скажу. Все минеральные массы осадочного происхождения, из которых по преимуществу и состоят поверхностные части нашей планеты, первоначально отлагались совершенно горизонтальными пластами на дне первобытных морей, нередко бывших на месте теперешней суши. Но они лишь в редких случаях сохранили *горизонтальность* и *параллельность* своего положения, чаще же всего пласты осадочных пород или наклонены в различные стороны, или же поставлены вертикально, а то и совсем опрокинуты. Такого рода могучие перемещения, или *дислокации*, пластов происходят или по касательной к земной поверхности, горизонтально, или по радиусам земли, по направлению действия тяжести, то есть вертикально. Первый род дислокации вызывает образование *складок*, морщин в поверхностных частях нашей планеты, а второй производит так называемые сдвиги пластов. Под влиянием этих-то дислокаций и возникают горы, или *положительные*, и низменности, или *отрицательные* неровности земной поверхности.

- Но действием каких сил обуславливаются эти могучие дислокации пластов?

- Здесь мы станем отчасти на почву догадок. Несомненно, что к числу сил, действующих извне, принадлежит превращение в работу солнечной энергии, затем взаимное притяжение небесных сил. Что касается сил, действующих изнутри нашей планеты, то они имеют источником медленное и непрерывное сжатие земли вследствие процесса охлаждения, причем поверхность ее морщится, как корка засыхающего плода. Но это догадки.

Чеботарев задумался. Молодому археологу, так неожиданно ставшему действующим лицом в ряду таких необычайных событий, все чаще и чаще приходилось убеждаться в недостаточности своего образования. Что такое были все его исторические, филологические и археологические познания? Разве они могли научить его читать великую книгу природы? Разве могли они дать ему объяснение хотя бы даже самого обыденного явления? Какое же понятие может он иметь и о жизни человека, нераздельно слитой с жизнью природы?

А сколько лет, сколько труда потрачено! На что? На туманные изыскания, на философские фантазии! Никогда еще в таком мучительном сознании не представлялась ему его обособленность от жизни природы, как здесь, на крайнем севере, лицом к лицу с грандиознейшими явлениями...

Голос Яблонского вывел его из задумчивости.

- Что же касается образования этих ледяных холмов, - продолжал ученый, - за которыми, кстати сказать, уже скрылись наши спутники, то сходство в образовании между ними и

горами очевидно. Отдельные льдины, поднимаясь из глубины океана, срастаются в один пласт; пласт этот сжимается, ломается, на поверхности его образуются морщины, которые мы теперь видим...

В эту минуту из-за гряды ледяных холмов донесся выстрел, за ним другой, третий...

Оба путешественника инстинктивно схватились за ружья.

В то же время из-за ближайшего холма выпрыгнуло несколько небольших белых зверьков, похожих на лисицу, и быстрыми скачками бросилось в ужасе от молодых людей.

Один за другим раздалось четыре выстрела. Два из удалявшихся зверьков остались на месте.

Яблонский и Чеботарев направились к ним.

- Лисица, только белая! - воскликнул Чеботарев, поднимая одно из убитых животных.

- Нет, - поправил Яблонский, - это песец *canis lagopus*, зимой он белый, а летом, в июне и июле - черновато-голубовато-серый. Это один из немногих обитателей арктических стран.

В это время подошли остальные путешественники. В руках у лейтенанта Скробута был убитый песец.

- С полем! - смеясь, поздравил моряк. - Но я надеялся на большее - хотел встретить медведя.

- Мы под такой широтой, - заметил один из ученых, - где белый медведь - *ursus maritimus* - хотя и встречается, но редко.

- Почему? - возразил Яблонский, - белого медведя находили даже под 82,2° северной широты, а мы ниже этой параллели?

- Да, но мы в открытом море.

- Вовремя экспедиции лейтенанта Парри убивали белых медведей в сто сорока километрах расстояния от твердой земли.

- Но как же они заходят так далеко? - спросил Яблонский.

- На льдинах; зимой они таким способом заходят на юг и посещают Медвежьи острова.

После завтрака под открытым небом путешественники разделились: часть осталась, чтоб внимательнее рассмотреть строение одного из холмов, а другие, во главе с лейтенантом Скробутом, отправились вдоль цепи продолжать охоту.

Сэр Муррей - английский геолог - с особым усердием принялся работать снеговым ножом с целью вырубить изо льда запаянные в нем образцы минеральных пород. Другие ученые взобрались на вершину одного из холмов.

...После долгих усилий английскому геологу удалось достать небольшой, точно шлифованный камень...

После долгих усилий английскому геологу удалось достать небольшой, точно шлифованный камень.

- О! - воскликнул ученый, взглядевшись в свою находку. - Здесь отпечаток какого-то ископаемого растения!.. Найдка стоит труда.

Он было принялся снова за работу, но в это время раздался сильный треск, ледяное поле дрогнуло. Треск снова повторился, но уже сильнее; сильнее почувствовалось и сотрясение.

Путешественники сошлись вместе.

- Где-нибудь образовалась трещина во льду, - заметил Муррей.

- Без сомнения, - подтвердил Яблонский. - Только бы она не отделила нас от «Марса».

- Но тогда ведь ее можно обойти, - сказал Чеботарев.

- Ну, не всегда. Такие трещины часто достигают в длину десятков верст. Во всяком случае, нам надо торопиться, чтобы дойти засветло. Пока дни еще коротки, хотя через несколько дней солнце уже не будет скрываться с горизонта.

- Как? - воскликнул Чеботарев, - дни будут так быстро увеличиваться?

- Да. Под такой широтой, на которой мы находимся, то есть, приблизительно около 80° северной широты, солнце впервые показывается над горизонтом 16/4 февраля; затем в течение шестидесяти пяти дней день сменяется ночью, но дни уже так быстро возрастают, что 21/9 апреля солнце более не заходит. Тогда под этой широтой настает непрерывный четырехмесячный день, и солнце вовсе не сходит с горизонта.

- Я не знаю в сущности объяснения различной продолжительности дня под северными широтами. Если б я не боялся утруждать вас, Павел Михайлович, то...

- О! - перебил Яблонский. - Все мои познания и сам я к вашим услугам. Но вот подходит лейтенант Скробут со своим отрядом. Сейчас мы двинемся вперед и для сокращения дороги будем рассуждать с вами обо всех астрономических, метеорологических и каких только хотите явлениях. Однако храбрый лейтенант возвращается, кажется, без трофеев. Действительно, охота была прервана в самом начале тем же треском, который потревожил и остальных ученых.

Решено было без промедления двинуться к кораблю.

Вперед послали трех матросов с боцманом Кипченко, чтобы внимательно исследовать дорогу и вовремя предупредить о тех изменениях, которые произошли на пути вследствие предполагаемого разрыва ледяной коры. На храбрых моряков, неоднократно бывавших в северных экспедициях, можно было положиться.

Яблонский и Чеботарев возвратились к прерванному разговору.

- Когда наша земля, - начал Яблонский, - на своем пути вокруг солнца пройдет точку весеннего равноденствия, Северный полюс будет постепенно обращаться к солнцу до тех пор, пока оно достигнет оконечности большой оси; тогда обе оси - большая и ось земли - будут лежать в одной плоскости, так что Северный полюс будет обращен прямо к солнцу, а Южный, наоборот, будет совершенно отвращен. Потому тень совпадает с тою плоскостью, с которой ось земли образует такой же угол, как с эклиптическою, то есть $23^\circ 28'$. На все точки земной поверхности, отдаленные от Северного полюса менее чем на $23\frac{1}{2}^\circ$ или, как говорят, лежащие между Северным полюсом и Северным полярным кругом, солнце будет посылать свой свет во все время вращения Земли, и во все это время для указанных пунктов солнце заходить не будет; для всякой другой точки Северного полушария, дневная дуга, или освещенная часть проходящих сквозь эту дугу параллелей, будет больше чем ночная дуга, то есть дни будут длиннее ночей. Из этого следует, что в различных пунктах нашей планеты, в различные времена года, бывает совершенно разная продолжительность дня и ночи. Для полюсов и даже пунктов, отстоящих от полюсов на 6° , во время равноденствия не существует никакой разницы между ночью и днем, для них солнце непрерывно вращается на горизонте. С каждым днем, относительно обращенного к солнцу полюса, это светило поднимается несколько выше, не заходя и возвышались спиралью, пока не достигнет пункта так называемого солнцестояния, или поворота, когда в полдень солнце достигает $23\frac{1}{2}^\circ$ высоты. Затем солнце, тою же спиралью, снова будет опускаться до горизонта, на котором и будет вращаться, пока совсем с нею не исчезнет. В указанных пунктах, следовательно, шесть месяцев будут составлять день и в то же время на противоположном полюсе шесть месяцев составят ночь. Для точек, более отдаленных от полюса, самый длинный день будет продолжаться пять, четыре, три, два и один месяц, остальное время солнце будет заходить под горизонт, так что прочие дни отличаются постепенно увеличивающимися ночами. Под самым полярным кругом солнце в кратчайший день, даже в полдень, не поднимается над горизонтом, точно так же оно в самый длинный день, даже в полночь, не заходит. Чем более будем мы приближаться к

северу, тем длиннее будут ночи зимы, а вместе длиннее и летние дни. Под 50° северной широты самый длинный день продолжается 16 часов 44 минуты, под 60° уже 19 часов 37 минут, под $65 - 66 \frac{1}{2}^\circ$ уже полные 24 часа, тогда как на той же широте кратчайший день сводится на 0 часов. Под $63^\circ 27'$ самый длинный день продолжается один месяц, под $69^\circ 5'$ - два месяца, под $73^\circ 40'$ - три месяца, под $78^\circ 1'$ - четыре месяца и, наконец, под $84^\circ 5'$ - пять месяцев. Этой широты никогда еще не достигал человек. Переход от дня к ночи совершается не вдруг. Преломление солнечных лучей в верхних слоях атмосферы обуславливает постепенное уменьшение дневного света, обыкновенно называемое сумерками. Сумерки кончаются, когда солнце зашло за горизонт на 18° , или, что называется, перешло черту горизонта. В более высоких широтах переход от дня к ночи и наоборот замедляется тем более, чем острее угол, делаемый видимою орбитой солнца с горизонтом. Например, пункты, лежащие под высшими широтами, во время солнцестояния покрыты постоянными сумерками. Этими продолжительными сумерками полярная ночь сокращается с шести месяцев на четыре. Число дней, в которые солнце не заходит и не восходит, изменяется, смотря по широте, под которою лежит известное место. Но чтобы вам было нагляднее, я напишу таблицу.

Яблонский вынул записную книжку и через минуту передал Чеботареву исписанный листок.

Там была следующая таблица:

Широта	Солнце не заходит	Солнце не восходит	Солнце восходит и заходит
90 градусов	186 дней	179 дней	0 дней
85 градусов	161 день	153	51
80 град.	134	127	104
75 град	103	97	164
70 град.	6	60	240
66 град 32 минуты	1	1	363

- При этом, - продолжал ученый, - я должен предупредить вас, что эти цифры приблизительны. Тем не менее это сравнение для разных северных широт показывает, что в северном полярном поясе число дней, в которые солнце не заходит, больше числа тех, в которые оно не восходит; зависит подобное явление оттого, что Северное полушарие, при неравности частей земного пути, приходящихся на оба полушария, продолжительнее освещается солнцем, чем Южное. Поэтому-то для всех точек, лежащих внутри Северного полярного круга, год разделяется на четыре главные части: первая начинается за несколько времени до весеннего равноденствия и продолжается несколько времени после него; солнце в это время ежедневно восходит и заходит; продолжительность дня постепенно увеличивается до 24 часов, а ночь уменьшается с 24 часов до нуля. Вторая часть продолжается одинаковое время до и после летнего солнцестояния; солнце при этом вовсе не заходит; для третьей части до отношению ко дню и ночи то же явление, как в первой; но только в обратном порядке, то есть возрастает продолжительность ночи, до 24 часов и уменьшается день с 24 часов до нуля. Наконец, для четвертой части нашего деления солнце уже вовсе не восходит. Как умел, я разъяснил поднятый вами вопрос.

- Благодарю вас. Но прибавимте шагу. Смотрите, впереди что-то случилось.

Догнав своих спутников, молодые люди увидели, что они стеснились около образовавшейся во льду трещины, сажен в двадцать шириною.

- Вот, господа, положение, - встретил их лейтенант Скробут. - Я послал Кипченко с матросами исследовать трещину: может быть, она где-нибудь поблизости кончается. Иначе нам придется дожидаться помощи с корабля.

Прошел час томительного ожидания. Вернувшиеся матросы заявили, что на всем протяжении трещины, которое они успели исследовать, не было возможности ее перейти и что в длину она, вероятно, тянулась на много верст.

Между тем наступили уже сумерки. Приближалась короткая полярная ночь.

Не оставалось ничего другого, как ждать, пока отправятся их отыскивать с корабля.

Путешественники расположились на снежной равнине и пообедали остатками провизии.

Ночь быстро наступила. Темнота умерялась лишь ярким блеском звезд. Как вдруг тьма осветилась. Два ярких снопа лучей на далекое расстояние рассеяли мглу.

Темная масса корабля вырезалась вдали на белом фоне.

Через несколько минут с корабля высоко взвилась ракета и лопнула в недостижимой выси.

Путешественники отвечали дружным залпом.

Через час на противоположном краю расщелины показался небольшой отряд во главе с капитаном Галлем.

Обменявшись приветствиями, обе партии стали изыскивать способ переправы.

Найдя место поуже, капитан Галль перебросил путешественникам веревку, сплетенную из тонких ремней. Оставалось найти точку, к которой ее можно было прикрепить. Но нигде не было ни малейшего возвышения. Кроме того, французский ученый Поль Берже категорически заявил, что он ни за что не решится доверить себя непрочному канату.

Наконец, посланные вторично на разведки матросы заявили, что верстах в двух в трещину можно спуститься при помощи веревки и перейти на другую сторону.

Действительно, в этом месте трещина была не более сажени глубиной. По одному человеку, перевязанному веревкой, брошенной с противоположной стороны, к рассвету переправились все. Через два часа переязавшие путешественники сидели уже за ужином в прекрасной столовой «Марса».

Тут, во время рассказа о приключениях, сэр Муррей вспомнил о своей находке.

- Я счастливее всех, - сказал он, - мне удалось найти камень, на котором виднеется ясный отпечаток еще неизвестного ископаемого растения.

Камень стал переходить из рук в руки. Но никто из ученых не мог определить, какому растению или даже животному принадлежат странные, полустертые изображения.

Но при первом взгляде на камень Чеботарев громко рассмеялся.

- Да это вовсе не отпечаток растения! - воскликнул он. - Это полустертая надпись.

- Надпись?..

- Да, надпись. Сейчас я вам ее переведу. Индусские буквы вы приняли за отпечаток ископаемого.

Большинство ученых с крайним недоверием отнеслось к категорическому заявлению ориенталиста.

В самом деле, каким образом мог очутиться на далеком севере, на ледяной равнине, камень, родиной которому, без сомнения, служила Индия?

Только Маркович, Яблонский и Леверрье ничем не выразили своего изумления. Наоборот, видимо было, что они с крайним нетерпением ожидают, что скажет Чеботарев.

- К сожалению, - произнес наконец молодой археолог, - в этой надписи нет смысла. Камень, очевидно, составляет обломок от большой плиты - тут только три слова. Я напишу их в том порядке, как они обозначены здесь.

Остаток надписи представлял следующий вид:

северу

жилище

умирает.

Сомнения быть не могло. Чеботарев не только прочел, но и перевел написанные слова. Но что они обозначали? Кроме того, история Дараайена не была известна никому из ученых. Да и Марковичу и его товарищам было ясно только одно: что надпись на этом камне сделана не в Индии, а здесь. Для них ясен был только вопрос, как попал этот камень на крайний север.

Оживленные толки и предположения продолжались до рассвета, пока, наконец, утомленные путешественники не разошлись по своим комнатам.

Глава 7.

*Капитан Галль первый раз в жизни теряет в определении широты и долготы. -
Передвинулись, не трогаясь с места! - Материк Северного полюса. - Странный пик. -
Неужели кто-нибудь был уже на Северном полюсе?*

Через день исправления были кончены. Покрытый изолирующим составом, «Марс» не боялся теперь действия атмосферного электричества. Отъезд должен был состояться без замедления.

Но перед отъездом капитан Галль сделал наблюдение, чтобы точно определить долготу и широту. Некоторые из ученых также вооружились секстантами и произвели вычисления. Окончив вычисления, капитан Галль казался чрезвычайно изумленным.

- Господа, - спросил он наконец, - что у вас получилось?

- 79° 23' 17" северной широты, 58° 11' 10" к востоку.

- То же самое и у меня!..

- Так что же вас так удивляет?

- Мы, кажется, двое суток не трогались с места.

- Конечно.

- Ну а вчера мы находились под 82° 22' 14" северной широты и 57° 11' 17" долготы.

Следовательно, мы передвинулись, не сходя с места.

- Но верно ли вы сделали вычисления?

- Я двадцать лет их делаю, - обиделся моряк.

Факт был налицо.

Оставалось сделать одно предположение, а именно, что ледяное поле, на котором покоился корабль, отодвинулось к юго-западу.

В сущности, в этом не было даже чего-либо невозможного. Ледяные поля эти по своей величине справедливо называются континентами, потому что некоторые из них занимают сотни и тысячи квадратных километров. Английскому кораблю «Resolution» случилось на пути от острова Мельвилля до Баффинова залива пробиваться чрез подобное ледяное поле, имевшее всего 2,30 метра толщины. Площадь этого поля равнялась пространству Австрийской империи.

Ледяные поля обыкновенно возвышаются над водой на 1 или 2 метра, а сидят в воде от 6 до 8 метров. Подобные поля носятся между Шпицбергом и Гренландией, а также к югу

от Девисова пролива и часто увлекают за собой, будто пленников, затертые льдами корабли на многие тысячи километров; часто они как будто издеваются над мореплавателем, который иногда долго пробивается около них в том предположении, что он находится близ берега какого-либо острова или материка, пока наконец не убедится в своей ошибке и не узнает, что он еще едва-едва сдвинулся с места.

Подобное заблуждение было причиной бесплодности всех усилий знаменитого капитана Парри. Несмотря на громадные пространства, которые он проезжал по льду на санях по направлению к полюсу, он ежедневно убеждался, что он дальше от желаемой цели, чем был в предшествовавший день; в то время как он стремился к северу, ледяное поле, на котором он находился, плыло к югу. Особенно весною и летом, когда солнечные лучи согревают полярный пояс, течения, не перестающие действовать и под ледяным покровом, отрывают громадные ледяные поля и уносят их в открытое море. На таких плавучих льдах белый медведь достигает Лапландии.

Подобное же явление случилось и с «Марсом». Но для него ничего не значило то незначительное пространство, на которое его отнесло к югу.

Ровно в час дня 5/17 апреля воздушный корабль поднялся на высоту ста метров и понесся к северу.

К пяти часам дня он летел уже над открытым морем.

Таким образом, догадка о том, что за сплошными льдами должно лежать открытое море, подтвердилась. Сердца путешественников тревожно забились, когда вдали вырезались очертания материка.

Через какой-нибудь час они вступят в шестую часть света! Будут там, где от сотворения мира не ступала нога человека!

Еще через час «Марс» находился уже над покрытым вечным льдом материком. Теперь он спустился до 60 метров. Ясно выделялась на горизонте цепь небольших гор, от которой тянулась к морю необъятная равнина.

Все пассажиры «Марса» с напряженным вниманием всматривались в расстилавшееся под ними пространство.

- Река! - произнес сэр Муррей, указывая на запад.

Действительно, там широкой лентой, совершенно прямой, скованная вечным холодом, медленно, незаметно двигалась ре-ка-глетчер. По вот недалеко от громадных камней, усеивавших ее берега, показалась одинокая гора причудливой, необычайной формы.

Уединенный пик, возвышаясь метров на тридцать над поверхностью земли, был совершенным подобием искусственно возведенной башни.

Но что это?

На остроконечной вершине пика развевался флаг.

*... Воздушный корабль, описав дугу, плавно опустился
у подножия башни...*

Крик изумления вырвался у путешественников. Капитан Галль прерывающимся от волнения голосом произнес команду, и воздушный корабль, описав дугу, плавно опустился у подножия башни.

Глава 8.

Обсерватория Северного полюса. - Необыкновенное стекло. - Адиабатное вещество. - Тщетные розыски. - Реки или глетчеры. - Возможна ли органическая жизнь на северном материке? - Неожиданное открытие.

Лишь только спущены были сходни, как пустынный материк покрылся шумной, говорливой толпой, не сдерживавшей проявлений своего изумления.

Впрочем, изумление это было вполне понятно: разве можно было ожидать, что здесь, на отдаленнейшей точке севера, найдутся создания человеческих рук? Наконец, кто мог поручиться и за то, что сейчас, через несколько минут, они не встретятся лицом к лицу с самими загадочными обитателями Северного полюса?

Ученые с непередаваемым волнением остановились перед возвышавшимся зданием. Вблизи оно представляло из себя башню, около сорока метров высоты; площадь основания ее равнялась приблизительно тысяче квадратных метров. Ее изящную архитектуру нельзя было охарактеризовать принадлежностью к какому-либо из существующих стилей. На прямоугольном пьедестале, сложенном из громадных порфирных плит, возвышалась самая башня, имевшая форму восьмигранной призмы; вверху она увенчивалась небольшим куполом. Громадные массы снега и льда, образовавшиеся на постаменте, скрадывали издали искусственную форму и послужили причиной первоначальной ошибки.

Узкие, продолговатые окна расположены были по одному с каждой стороны и образовывали шесть ярусов.

Но странно, обойдя все здание кругом, путешественники не нашли не только входных дверей, но даже какого-либо признака, указывавшего на их существование, хотя каменный пьедестал башни на значительную высоту был обнажен от снега.

- Опять мы стоим перед какой-то загадкой! - воскликнул Яблонский.

- Почему это опять? Разве с нами было уже что-нибудь подобное? - заметил капитан Галль.

Павел Михайлович смутился: ни одному из членов экспедиции не было известно о событиях, послуживших началом всему предприятию.

- Да, - ответил он, - однажды, во время путешествия по Индии, мне пришлось стоять в недоумении перед входом в одну из пещер именно потому, что самого входа так же, как и здесь, не было. По-моему, нам не остается ничего другого, как пробить в гранитном пьедестале ступени и, взобравшись по ним до окна, через него проникнуть внутрь здания. Необходимые инструменты тотчас были доставлены с «Марса». Тридцать рабочих приступили к делу.

Через два часа лихорадочной работы участники экспедиции уже стояли на площадке пьедестала у первого яруса окон. Продолговатые, узкие окна защищены были металлическими рамами с выпуклыми стеклами, через которые нельзя было рассмотреть внутренность башни.

Плотно вделанная металлическая рама не поддавалась усилиям.

- Разбейте стекло! - приказал Маркович одному из рабочих.

Тяжелый молот с размаху опустился на выпуклую поверхность стекла и с такой силой отскочил назад, что едва не вылетел из рук рабочего. Стекло издало металлический звон, но не дало ни малейшей трещины. Несомненно, что самое стекло было не что иное, как совершенно прозрачный и в высшей степени упругий металл, неизвестный никому из присутствовавших ученых.

Пришлось вынимать крепко заделанную в гранит раму, на что ушло еще полчаса спешной работы.

Наконец доступ во внутренность башни был открыт. В первом этаже была одна комната, совершенно цилиндрической формы; площадь ее была около ста квадратных метров, а высота около восьми.

В комнате не было ничего, кроме трех одинаковых деревянных стульев, очень похожих на обыкновенные венские изделия.

- Положительно, - воскликнул Леверрье, - я начинаю думать, что эта постройка принадлежит европейцам и что даже она, в сущности, весьма недавнего происхождения: иначе как бы сохранились в таком прекрасном виде эти деревянные стулья?

С этими словами он взялся за один из стульев, но мог поднять его лишь с весьма значительным усилием; дерево, из которого он был сделан, оказалось таким твердым, что лучшая сталь не могла сделать на нем малейшей царапины. Словом, это было окаменелое дерево.

- Это дерево, - заметил сэр Муррей, - окаменело, конечно, не само, но приготовлено искусственно. Тем не менее в таком виде оно могло пробыть без всяких изменений целые тысячелетия.

Узкая витая каменная лестница проходила в углу комнаты и вела в верхние и нижние помещения. Решено было осмотреть верхние ярусы.

Лишь только по узкой лестнице ученые поднялись во второй этаж, как сразу стало заметно резкое повышение температуры, особенно ошутительное при переходе с двадцатиградусного мороза.

Неужели здание отапливалось, то есть до сих пор было обитаемо? А между тем что же можно было предположить иначе? Несомненно, высокая температура, доходившая до 10° по Реомюру внутри здания, была повышена искусственно, хотя, вследствие того, что был открыт доступ наружному воздуху, она и падала быстро.

Следовательно, в этом здании надо было искать обитателей.

Но путешественники миновали уже четыре яруса, не находя никаких признаков, которые показывали бы на присутствие живых существ: каждый ярус состоял из комнаты, совершенно схожей с первой; лишь размеры комнаты с каждым ярусом уменьшались.

Но при входе в комнату шестого, верхнего этажа вошедшие остановились в немом изумлении: эта комната представляла из себя устроенную вполне сообразно с новейшими научными требованиями обсерваторию. Площадка, на которой находился великолепный рефрактор, подобным которому не обладала ни одна обсерватория в мире, с помощью чрезвычайно простого механизма приводилась вместе с куполом во вращательное движение. На столе, занимавшем середину комнаты, в порядке были размещены всевозможные инструменты и в том числе шесть великолепных хронометров, остановившихся на одной и той же минуте. Два телескопа были расположены у двух амбразур.

Но все вещи были покрыты тонким слоем пыли, что, очевидно, показывало, что до них давно не касалась человеческая рука.

Кроме того, во всем помещении не было ни малейшего клочка бумаги, никакой надписи, которая свидетельствовала бы о национальности владельцев обсерватории и о времени, когда они покинули свое жилище.

Все инструменты, найденные в обсерватории, будучи в общем совершенно схожи с общеупотребляемыми, отличались от них некоторыми частными усовершенствованиями и, главное, были сделаны из совершенно незнакомого ученым металла; точно так же нигде не было стекла: вместо него была та же прозрачная металлическая масса.

Тщательно исследовав верхние этажи, члены экспедиции снова прошли через комнату нижнего яруса и спустились во внутренность гранитного основания башни. Оставалась еще надежда, что здесь может найтись живое существо, способное разъяснить загадку, или что, по крайней мере, здесь будут найдены какие-либо самодействующие аппараты, служившие для нагревания внутренности помещения.

Иначе чем же можно было объяснить разницу температуры?

Но внутренность громадного гранитного постамента, разделенная на четыре части каменными столбами, поддерживавшими самую башню, была совершенно темна и пуста. Самый тщательный осмотр не открыл здесь присутствия какой-либо надписи и знака. Таким образом, пришлось допустить одно предположение: что вся постройка была возведена из адиабатного, то есть абсолютно не проводящего теплоту вещества. Таким образом, температура внутри башни не могла бы понизиться до тех пор, пока не разрушилась бы самая башня. Пока, до производства опытов, это предположение принято было как правдоподобная догадка.

Тем не менее присутствие обсерватории, вполне пригодной для занятий, было как нельзя более кстати.

Тотчас было точно определено и место нахождения обсерватории: она находилась, как показали самые точные вычисления, под $87^{\circ} 1' 22''$ северной широты и $60^{\circ} 19' 14''$ восточной долготы от Ферро. Под этой же широтой начинался материк Северного полюса. Через полчаса «Марс» снова поднялся на высоту пятидесяти метров и понесся над твердой землей, оставляя позади себя открытое море.

Далее к северу равнина постепенно повышалась, кончаясь цепью небольших холмов, за которыми, еще далее, высились вершины гор.

На запад показалось очертание русла другой реки, тянувшейся к морю.

Неужели и это была река-глетчер? Но разве можно было предположить на материке Северного полюса существование рек?

Спор по этому предмету загорелся на палубе «Марса». Яблонский один стоял за то, что обе виденные ими реки были не глетчеры, а просто замерзшие реки.

- Но тогда вы должны допустить, - горячился ученый секретарь Бюссе, - что на материке Северного полюса возможна органическая жизнь! Что здесь умеренный климат!

- Такое мнение, однако, существует.

- А на чем оно основано? На том, что до сих пор не могли найти гнезда глупой птицы - турухтана, а потому и предположили, что она выводит детей на материке Северного полюса.

Почтенный секретарь, хотя был и не прав, назвав незаслуженно турухтана глупой птицей, но несомненно мысль об умеренности климата Северного полюса обязана своим происхождением, в числе прочих причин, и наблюдениям за турухтаном: эти наблюдения показали, во-первых, что турухтан двигается периодически к северу, как только в тех поясах, где он находится, наступает лето; затем, что детей он выводит несомненно на отдаленнейшем севере, так как ни гнезда, ни детенышей его никогда не было найдено. Если же допустить, что эта птица вьет гнезда на материке Северного полюса, то очевидно, что там возможна органическая жизнь, а следовательно, и климат там более умеренный, чем в более низких широтах под $81-82^{\circ}$ северной широты.

Тем не менее все предположения об умеренности климата Северного полюса были до сих пор так гадательны, что Яблонский не нашел возражения разгорячившемуся ученому.

Но в это время сам ученый секретарь пришел в неожиданное смущение и тревогу.

- Господа, - воскликнул он, - взгляните. Что вы видите там, по течению реки? Я вижу нечто, поражающее меня до такой степени, что я не верю глазам...

А между тем «нечто», так поразившее почтенного мистера Бюссе, было просто великолепным лесом, начинавшемся по обе стороны реки и сплошным синеющим ковром раскинувшимся до самых вырисовывавшихся на горизонте гор.

Через несколько минут воздушный корабль уже несся над самой лесной равниной.

... Через несколько минут воздушный корабль уже неся над самой лесной равниной

Одетые зеленым покровом игл лесные великаны, достигавшие иногда тридцати сажен высоты, казалось, сейчас захватят своими вершинами воздушный корабль. Здесь были великолепные пихты, сосны, но главную массу составляли гигантские секвойи (*sequo sempervirens*), достигавшие семидесяти метров высоты.

На палубе корабля ежеминутно раздавались восклицания, приветствовавшие появление того или другого нового вида гигантских хвойных.

В этом лесу находились почти все представители северной флоры, известные по ископаемым остаткам. Изучение ископаемых давно уже показало, что некогда флора крайнего севера отличалась разнообразием и богатством. Ископаемая флора полярных стран состояла из 162 видов. Растений из отдела тайнобрачных было 18 видов, из которых девять прекрасных больших папоротников, вероятно покрывавших почву лесов. Из отдела явнобрачных найдено тридцать один хвойных, одиннадцать односемяннодольных, 99 двусемяннодольных. Из хвойных деревьев росли: можжевельник, тис, сосна, ель, пихта,

салисбурии и секвойи, большею частью похожие на нынешние американские виды семейства хвойных.

После длинного ряда исследований над ископаемую флорой арктического пояса пришли к убеждению, что когда-то в этом краю богатство растительного царства было огромно, и это богатство, без перерыва - хотя и с изменениями и отклонениями - продолжалось с каменноугольной эпохи до половины третичного периода. Шведским ученым и путешественником Норденшильдом найдены на острове Диско, у западного берега Гренландии, камни с отпечатками растений; такие же камни найдены на Шпицбергене. Те и другие позволяют делать заключения о характере арктической третичной флоры приблизительно до 78° северной широты. Дальнейшие открытия в области этой флоры распространили знакомство с ней до высших градусов северной широты. В собрании английского геологического общества в 1878 году было прочтено сообщение профессора Гера, которое он составил на основании исследования растительных окаменелостей, собранных капитаном Фейльденом во время английской полярной экспедиции. Эти растения третичного периода были собраны естествоиспытателями, участвовавшими в экспедиции «Алерт и Дисколери». Найдены были растения эти на Гринеллевой земле, севернее Смитова пролива, и местностях около 82° северной широты. Пункт, с которого добыты были растения - в то время был ближайший из достигнутых к Северному полюсу. Жизнь этих растительных остатков относится к тому периоду, когда охлаждение земной коры, правда, уже было чувствительным, но еще не доходило до такой степени, чтобы исключало всякую древесную растительность из центральных областей полярного пояса. Теперь оказалось, что именно в центральных областях полярного пояса и сохранилась жизнь.

Отчего это произошло? По каким причинам? Действительно ли климат северного материка относится к умеренному поясу?

Таковы были новые вопросы, которые приходилось разрешать экспедиции.

Между тем «Марс», оставив за собой лесную равнину, уже несся к сливавшимся с горизонтом горам. Высокий столб дыма, освещенный красноватыми лучами солнца, показывал присутствие действующего вулкана.

- Господа! - произнес капитан Галль. - Через десять минут мы будем на Северном полюсе!..

Глава 9.

Русский флаг водружен на Северном полюсе. - Новая находка. - Древний памятник и работы по его открытию. - Оригинальное применение электричества. - Надпись на памятнике. - Кто прав?

«Марс» теперь вынужден был уже подняться до высоты четырех тысяч метров, так как перед ним высились, точно набросанные рукою неведомого исполина, седые громады гор, раскинувшиеся несколькими цепями на сотни верст к востоку и западу.

В морозном воздухе, слева и справа, вырисовывались новые столбы дыма и пепла, показывающие присутствие нескольких вулканов, разбросанных в горной цепи.

Но вот капитан Галль, стоявший у рулевого колеса, повернулся к Марковичу и произнес: - Мы находимся над Северным полюсом. Спускаться?

После утвердительного ответа «Марс» описал несколько кругов, выбирая удобное место для спуска и, наконец, медленно опустился на покрытую снегом ровную вершину возвышавшейся над остальными горы.

Члены экспедиции находились на точке пересечения меридианов.

Громкое троекратное «ура» высадившихся на девственную землю пассажиров огласило воздух.

Тотчас приступили к точному определению полюса. Оказалось, что для того, чтоб достигнуть его, надо было пройти около версты по снежной площадке, которой оканчивалась вершина горы. Среди полутьмы наступивших сумерек, рискуя провалиться в какую-нибудь расщелину, члены экспедиции с лихорадочной поспешностью стремились к заветной точке.

*...Маркович остановился и водрузил русский флаг
на крайней точке севера...*

Когда, наконец, Маркович остановился и водрузил русский флаг на крайней точке севера, снопы электрического света с башен «Марса» осветили и безмолвную группу людей, и резкие очертания вздымавшихся кругом гор, и темневшую громаду корабля.

Снова троекратное «ура» прогремело в честь поднятого флага.

Первая из поставленных экспедицией задач была решена удачно.

После краткого отдыха все готовы были приступить каждый к интересовавшим его наблюдениям. Опять все собрались около водруженного накануне флага. С корабля была доставлена чугунная плита, которая и покрыла место, где лежала точка, называемая полюсом. Но в то же время в двух саженях к югу от обозначенного места из-под притоптанного и осевшего снега один из рабочих заметил выходящее на несколько вершков наружу металлическое острие, несомненно выкованное человеческой рукой. Тотчас снег кругом начали разрывать. Мало-помалу из-под снега стала показываться пирамидальная вершина какой-то постройки.

Через пять часов усиленной работы в громадной массе снега была выкопана глубокая воронка и открыта на три сажени верхняя часть гранитной колонны, сложенной из громадных камней.

Было очевидно, что путешественники снова наткнулись на создание человеческих рук. Но какую имела высоту эта постройка? Другими словами, какую толщу снега надо было прорыть, чтоб добраться до ее основания? Очевидно было, что при помощи ручной работы для этого потребовалось бы несколько дней.

Тогда механик «Марса», Поярков, решился растопить громадную толщу снега и таким образом добраться до основания постройки.

Отмерив вокруг вершины колонны круг в десять сажен в диаметре, Поярков решил покрыть его тонкими листами платины, громадный запас которой был взят для питания его батарей.

Тридцатью концентрическими окружностями был развернут бесконечный платиновый лист, покрывший собой площадь круга около трехсот квадратных саженей.

Изолированные проводники соединяли платину с могучими батареями «Марса».

Поярков приступил к этому опыту, основываясь на плохой проводимости электричества платиной. Как скоро в цепь вводится тело, служащее дурным проводником электричества, току приходится преодолевать сильное сопротивление, результатом чего и является накаливание введенного в цепь тела.

Лишь только ток был замкнут, платиновые листы достигли степени белого каления.

Снежная масса при соприкосновении с ними моментально обращалась в пар, нижние же слои в воду.

При помощи наложенной сверху тяжести платиновый покров быстро опускался вниз. Пар клубами поднимался над образовывавшейся в снегу воронкой. Ручьи горячей воды прокладывали себе дорогу по склону горы, образуя глубокое русло.

Через шесть часов работа была кончена. Снежный покров был совершенно снят на пространстве более трехсот квадратных саженей. Образовалось громадное углубление около двадцати саженей, неправильной цилиндрической формы. В центре этого углубления возвышался пирамидальный памятник, оканчивавшийся вверху высоким металлическим шпилем.

По прорытому в снеговой толще сбегавшей водой руслу исследователи с большим трудом спустились вниз.

На гранитных камнях внизу памятника была высечена краткая надпись на санскритском языке: «Здесь находится точка пересечения земных линий».

Как только Чеботарев прочел ее, капитан Галль подошел к нему и переспросил:

- Тут написано, что здесь точка, называемая Северным полюсом?

- Да, мне кажется, что именно так...

- Ну, так это неправда. Мои вычисления совершенно верны: Северный полюс здесь.

Капитан Галль отошел на две сажени к северу, к тому месту, над которым вчера был водружен флаг. Вычисления были проверены. Оказалось, что капитан Галль был прав. Но с другой стороны, невозможно было предположить ошибку в определениях того, кто сумел прежде всех людей достигнуть крайнего севера, воздвигнуть здесь изумительные постройки, которому, очевидно, было известно многое из того, что еще составляло тайну для всех собравшихся здесь ученых.

- Господа! - сказал Жак Леверрье. - Я хочу предложить вам некоторое объяснение этого разногласия. Я, менее чем кто-либо другой, могу допустить ошибку со стороны того, кто воздвиг здесь эту башню. Но я не могу сомневаться и в верности наших собственных вычислений. Если мы на верно определенном нами здесь месте поставим какой-либо знак, то очень может случиться, что под влиянием дислокации пластов он несколько и передвинется...

- Да, - прервал его сэр Муррей, - но через сколько лет?

- Тысяч через десять... Как можно определить? Когда нам приходится считаться с мировыми явлениями, наша арифметика никуда не годится...

- Так, по-вашему, десять тысяч лет тому назад здесь уже были люди, и этому памятнику, и виденной нами обсерватории - тоже?

- Несомненно.

- Но тогда каким образом могли сохраниться эти постройки в такой целости? Гранит - одна из самых непрочных пород: выветривание слюды, разрывы...

- Согласен, - перебил Яблонский речь геолога, - но вы обратили внимание на гранит, из которого сложены эти здания?

- Да. Но что вы хотите сказать?

- А вот поглядите.

Яблонский привел его к подножию памятника.

- Смотрите: поверхность гранита кажется совершенно металлической. Помните, когда прорубали лестницу в подножии обсерватории - лучшая сталь едва-едва брала этот камень. Несомненно, обыкновенный гранит был подвергнут какому-то химическому процессу, вследствие которого он, если можно так выразиться, металлизировался, обратился в металл - камень. А неизвестный нам металл, найденный в постройках, не изменяется и не окисляется...

Заключение Яблонского казалось неоспоримым: место, на котором находился памятник, переместилось, отодвинулось к югу под влиянием незаметно, но неизменно действующих причин, в течение тысяч и миллионов лет изменяющих земной рельеф. Результаты неизменного, но страшно медленного действия этих причин поразительно, необъятно также, как неисчислимо время, потребное для достижения этих результатов.

Теперь, в нескольких метрах от памятника, была положена плита с подробной пояснительной надписью на русском, французском и английском языках.

Члены экспедиции вернулись на корабль, - с первым появлением, на другой день, солнце уже не будет заходить за горизонт в течение долгих шести месяцев.

До утра были отложены и экскурсии для исследования гор и вулканов, которые решили предпринять члены экспедиции.

Что же касается до Марковича, Яблонского, Леверрье и Чеботарева, то для них эти экскурсии давали надежду окончательно разрешить загадку, на которую они натолкнулись в пещерах Гхарипури.

Неужели Дараайен, этот непостижимый человек, на каждом шагу подтверждавший точность и правдивость своих слов, не сдержит своего обещания? Неужели они не увидят его, не получат от него обещанного извещения?

Но ведь он точно сказал: «Я дам вам знать».

Они свято выполняют его завещание. Также свято, наверное, выполнит и он то, что говорил.

Но когда же?

Только время могло дать ответ на этот вопрос.

Глава 10.

Экспедиция для исследования гор. - Загадочный юнга. - Русло глетчера. - Несколько слов о происхождении валунов. - Восхождение на горы. - Необъяснимое явление. - Преследование скрывшегося врага.

Экспедиция, предстоявшая на следующий день, могла быть отнесена к числу чрезвычайно трудных. Гора, на которой остановился воздушный корабль и которая получила название Горы Северного полюса, достигала трех тысяч метров высоты. Чтобы достигнуть главного вулкана, служившего предметом исследования, надо было спуститься в долину, найти проход до подножия огнедышащей горы, находившейся приблизительно верстах в десяти расстояния. При этом надо было принять во внимание, что никому не было известно ни дороги, ни даже общего очертания местности. А восхождение на горы, покрытые вечными снегами и ледниками, связано с опасностью даже в том случае, если на помощь являются проводники, с детства знающие каждую тропинку.

Ученых членов экспедиции должны были сопровождать пятнадцать матросов, самых решительных и опытных из всего экипажа, не раз уже побывавшие в полярных странах.

На другой день термометр показывал 18° по Реомюру.

Но тишина была такая, что мороз казался значительно меньше.

В самый момент отправления к Марковичу подошел молоденький, семнадцатилетний юнга, принятый на корабль исключительно благодаря тому, что капитану Галлю чрезвычайно понравилось его необыкновенно красивое, симпатичное лицо с мягким взглядом умных синих глаз. К тому же упрашивания молодого Самойлова - сына чиновника - как значилось в представленном им паспорте - были так настойчивы и вместе с тем трогательны, что отказать было чрезвычайно трудно.

Приложив руку к своей меховой шапке с наушниками, молодой юнга робко произнес:

- Капитан Галль не взял на себя разрешить мне участие в экскурсии, но позволил обратиться с этой просьбой к вам.

Свежий нежный голос молодого юнги, самое построение фразы, которую он произнес, - были так непохожи на речь и обращение простого матроса, что Маркович с некоторым недоумением осмотрел его и спросил:

- Вы принадлежите к числу экипажа «Марса?»

- Так точно. Я служу юнгой.

- Но вы так молоды...

- Мне семнадцать лет.

- Как же пустили вас родители в такое трудное, необыкновенное путешествие?

Юнга покраснел и в смущении произнес несколько слов, которых не расслышал Маркович.

Но его выручил капитан Галль.

- Самойлов представил мне, - сказал он, - письменное разрешение своих родителей.

- Я ничего не имею против вашего участия в экскурсии, - решил Маркович.

Таким образом молодой юнга присоединился к остальным матросам.

Впереди отряда пошли пятеро самых сильных и опытных матросов с боцманом Кипченко во главе.

Затем шли ученые члены экспедиции, и в заключение лейтенант Скробут с остальными матросами.

Капитан Галль остался на корабле, чтоб в случае какой-либо случайности организовать помощь и отправиться на розыски.

Решили двинуться сначала и идти, пока будет возможно, по руслу, прорытому вчера водой, образовавшейся при таянии снега.

Здесь возможно было идти только по два человека в ряд. Но затем вскоре выбрались на обледенелую снежную поверхность, круто сбегавшую книзу. Снег был вначале настолько тверд, что свободно выдерживал тяжесть человека, но при дальнейшем спуске снежная масса становилась все рыхлее и рыхлее. Путешественники на каждом шагу проваливались по пояс.

Идти становилось и трудно и опасно.

Только через два часа они спустились наконец в узкую горную долину, заваленную гранитными обломками, скатившиеся с гор.

Изредка раздавался глухой шум и как бы пушечные удары, показывавшие, что деятельность вулкана не прекратилась.

Сэр Муррей, со вниманием исследовавший гранитные обломки скал, наполнявшие долину, по-видимому, был в каком-то недоумении.

- Скажите, - обратился он наконец к Яблонскому, - для вас не представляется странным расположение этих гранитных глыб, тот симметрический порядок, который они образуют?

Яблонский взгляделся.

Действительно, громадные глыбы, возвышавшиеся над снегом, образовывали два правильных ряда, среди которых, тоже почти по прямой линии, но значительно реже, были разбросаны камни меньшей величины.

- Мне кажется, что это морены, - произнес Яблонский.

- Именно, - подтвердил Муррей, - это и мое мнение. Несомненно - это морены, показывающие, что здесь когда-то был ледник. Мы идем по его руслу.

- Но в силу каких причин он прекратил свое существование?

- Трудно сказать. Я полагаю, вследствие того, что гора, с которой он скатывался, выветрилась или была полуразрушена действием каких-либо других причин. Но дело в том, что высота ее уменьшилась настолько, что она стала ниже линии вечного снега.

- Здесь есть морены боковые и срединные, - неожиданно произнес Самойлов, подошедший к ученым вместе с Чеботаревым.

- Откуда вы это знаете? - спросил удивленный Яблонский. - Разве вы видели когда-нибудь ледники?

- Да. Я был в Швейцарии.

Яблонский с любопытством посмотрел на молодого юнга и только что хотел предложить ему новый вопрос, как его перебил сэр Муррей:

- Что говорит этот матрос?

Так как разговор Яблонского и юнги происходил не на французском языке, на котором обыкновенно объяснялись между собой пассажиры «Марса», а на русском, то вопрос англичанина был понятен. Яблонский только что начал объяснять, как Самойлов сам произнес на чистейшем французском языке:

- Я говорил, господин профессор, что эти камни не что иное, как боковые и срединные морены, показывающие русло исчезнувшего ледника.

- Вы правы, - кивнул головой Муррей.

Яблонский удивлялся все более и более.

- Скажите, пожалуйста, - сказал он юнге, - вы, по-видимому, получили образование, принадлежите к интеллигентной семье. Что заставило вас поступить в юнги?

- Желание участвовать в вашем необыкновенном предприятии.

- Ну, в таком случае, я беру вас под особое свое покровительство. Вам не место среди матросов. По возвращении на «Марс» вы переселитесь в мою каюту.

Вместо ожидаемой радости юнга страшно смутился.

- Это решено, - подтвердил Яблонский, - в моей каюте хватит свободно места на двоих. А вы будете помогать мне в моих занятиях.

Между тем сэр Муррей, отошедший несколько вперед вместе с Чеботаревым, подозвал Яблонского.

- Вот, - сказал профессор, - ваш соотечественник оказался ярким сторонником гипотезы плавающих льдов. Поспорьте с ним.

- Мне говорил об этой гипотезе только сейчас мистер Лекомб. Сам я не специалист.

- Мистер Лекомб! Я забыл, что он сторонник этой теории, - вскричал Муррей. - Где он?

Сэр Муррей быстро направился к остальным путешественникам, видимо с твердым желанием вступить в жестокий спор со своим противником.

Действительно, вопрос, который служил предметом спора, заслуживал большего внимания. Гипотеза плавающих льдин была предложена для объяснения образования валунных отложений.

Под именем валунов разумеют гранитные голыши, вместе с другими камнями, слоистыми гнейсами, своим минеральным составом очень похожими на гранит, слюдяными сланцами, красными песчаниками, буроватыми известняками, зелеными диоритами и разноцветными кремнями - добываемые в губерниях центральной и северо-западной России, по полям, в оврагах, по откосам речных и озерных берегов и т. п. Валуны эти, в виде более или менее обточенных и обтертых глыб, имеют чрезвычайно разнообразную величину и форму, начиная от мелкой песчинки и кончая глыбами до 2-3 метров в поперечнике, весом в десятки тысяч пудов. Так, огромный валун, составляющий подножие памятника Петра Великого в Петербурге, найденный в Лахтенском болоте, весил до 600 тысяч пудов. Самым замечательным фактом, резко бросающимся в глаза при изучении валунных отложений, является присутствие в них таких валунов, месторождение которых не встречается на всем протяжении их местонахождения. Таковы граниты, гнейсы, различные сланцы, красные песчаники и т. п., месторождений которых совершенно нет в Центральной России. Общая площадь распространения подобных валунов обнимает огромное пространство. В общем, вся площадь их непрерывного распространения составляет около двух миллионов квадратных верст.

Откуда же взялись все эти валуны на такой необычной площади, когда в ближайших окрестностях их теперешних местонахождений ни в глубине, ни на поверхности земли нет соответствующих им коренных пород?

Внимательное изучение минерального состава валунов помогло разрешить загадку их происхождения. Оказалось, что, за исключением тиманско-уральских валунов, все валуны попали к нам из Финляндии и Олонецкого края, а в Западную Европу - со Скандинавского полуострова.

Что касается собственно толщ, в которых залегают валуны, то они состоят из отложений глины и песков; при этом в этих толщах, достигающих пятидесяти и более саженей глубины, не замечается совершенно слоистости и вообще какой-либо сортировки их материала. Далее, замечательно, что в них никогда не было найдено никаких органических остатков, или ископаемых, кроме костей мамонта.

Для объяснения происхождения валунных отложений прежде всего была предложена так называемая *дилювиальная* теория, или гипотеза о могучих потопах, под которыми обыкновенно понимали внезапные геологические катастрофы при участии колоссальных наводнений.

Согласно этой гипотезе, ряды могучих волн, неоднократно поднимавшихся бурями и ураганами, или землетрясениями, или внезапным поднятием земли из-под уровня моря, периодически наводняли различные части суши, увлекая с собой огромные массы ила и тяжелых камней, которые и сохранились до наших дней в виде валунных отложений.

Отложения эти получили даже особое название - *дилювия*.

На смену быстрых и могучих поднятий и землетрясений, будто бы вызывавших страшные наводнения, явилось предположение о медленном, вековом колебании земной поверхности относительно морского уровня, что и действительно наблюдается теперь в различных местах: на Скандинавском полуострове, в Финляндии и т. п. Этому колебательному движению поверхностных частей нашей планеты вскоре стали придавать такие размеры, что одни материки, благодаря им, могли погрузиться в море, а другие - столь же легко выдвинуться из него на громадную высоту. При этом на основании фактов было предположено, по крайней мере для Европы, значительное понижение средней годовой температуры, и, следовательно, и большая суровость ее климата. Согласно всем этим предположениям, и была предложена гипотеза *плавающих льдов*, по которой образование валунных отложений было приписано плавающим льдинам и ледяным горам, какими и теперь богаты полярные моря. Вся площадь Северной Германии и России, по этой гипотезе, в эпоху образования валунных отложений предполагалась погруженной в море, причем льды, спускавшиеся с существовавшего тогда оледенелого, вследствие значительной суровости климата, скандинаво-финляндского архипелага, разносили по этому морю разнообразный обломочный материал, осаждавшийся, при таянии этих льдов, в виде валунных отложений.

Наконец, на смену этим двум теориям явилась третья - так называемая ледниковая гипотеза, приверженцем которой был сэр Муррей.

Многие европейские горы при внимательном изучении представляют несомненные следы некогда бывшего обширного оледенения. В эту эпоху ледники спускались с гор несравненно ниже, чем теперь. Так, в Альпах ледники выходили из горных долин и распространялись в прилежащих низменностях.

Но если альпийские ледники достигали некогда чрезвычайного развития, то подобное явление не могло быть случайным, местным, а зависело, очевидно, от каких-либо общих для всей Европы причин, и потому необходимо допустить, что в других частях Европы должны были скопиться значительные количества снега и льда.

Если такое оледенение Европы действительно произошло в ледниковую эпоху, то очевидно, что ледяной покров, обивавший ее, должен был иметь свои центры истечения, соответствовавшие наиболее возвышенным точкам материка. Центры эти были, в сущности, те же самые, что и теперь, так что ледниковая эпоха была лишь временем наисильнейшего развития современных нам ледников. Таких центров оледенения для Европы существует три: скандинаво-финляндский, британский и альпийский. Вокруг этих главнейших центров ютились многочисленные, более мелкие ледниковые области. Большая часть Европейской России, Дании и Северная Германия с их мощными валунными отложениями входят в состав скандинаво-финляндской области оледенения. Согласно ледниковой гипотезе, громадные ледники, накопившиеся в то время на высотах Скандинавии, Финляндии и Лапландии, медленно спускались с них по всем направлениям и, располагаясь мало-помалу по прилегающим равнинам, сплошь покрыли большую часть Европейской России и Северную Германию.

Действительно, кроме материкового льда, ни вода, ни плавающие льдины не могли создать такого смешения разнородных составных частей, какое мы встречаем в валунных отложениях. Неслоистость их, неправильное распределение в них валунов различного объема, исцарапанность валунов и присутствие характерной ледниковой пыли устраняют всякую мысль об участии текучей воды в образовании валунных толщ.

Тем не менее еще есть некоторые приверженцы гипотезы плавающих льдов. К числу их принадлежал и мистер Лекомб.

Почти не проходило дня, чтоб по этому поводу между ним и сэром Мурреем не завязывалось горячего спора. Для многих из пассажиров «Марса» споры эти доставляли большое удовольствие: оба ученых проявляли столько остроумия и выказывали столько познаний, что их прения служили для слушателей полными интереса лекциями.

Так и на этот раз вокруг ученых собралась группа слушателей. Неудобство дороги, опасность ежеминутно провалиться в снег не останавливали почтенных геологов.

Только когда экспедиция приблизилась к подошве вулкана, сэр Муррей и мистер Лекомб занялись исследованием попадавшихся на каждом шагу остатков застывшей лавы, шлаков, пепла и других продуктов извержения.

Путешественники бодро пустились в путь, пользуясь при довольно крутом подъеме многочисленными неровностями дороги; часто из-под ног шедших впереди обрывались и скатывались вниз камни и обломки горных пород, заставляя сторониться двигавшихся внизу; вскоре все растянулось на довольно значительную длину; некоторые уклонились в стороны, отыскивая более удобный путь.

Поярков, вообще всегда державшийся особняком от своих сотоварищей, и на этот раз отделился от всех. Карабкаясь по обнаженным от снега скалам, ежеминутно рискуя сорваться вниз, он уже раскаивался в том, что ушел от всех и выбрал такую неудобную дорогу. Но присоединиться к другим было уже трудно. Где искать их? Поднялись ли они выше него или были еще внизу?

Он внимательно огляделся кругом, но нигде не было видно ни одного человека.

- Я шел очень быстро, - рассудил он, - кроме того, я выбрал самый крутой подъем, то есть вместе с тем и самый короткий. Очевидно, я опередил всех.

В эту минуту Поярков находился на совершенно открытом, крутом скате. Вверху над ним громоздились в беспорядке набросанные скалы.

Молодой изобретатель решил добраться до этих скал и там подождать своих спутников. Вдруг мимо него пролетел небольшой камень, оторвавшийся сверху.

- Ого! - воскликнул он. - Они, однако, опередили меня.

Он громко крикнул. Как бы в ответ ему сверху снова скатилось несколько камней.

Положение его начало становиться опасным: укрыться было негде, и легко могло случиться, что один из скатывавшихся вниз обломков мог задеть его.

Виктор Павлович повернул влево, чтобы напасть на дорогу, по которой шла экспедиция.

...Масса камней и осколков скал ринулась вниз

Но в тот же момент раздался страшный грохот. Масса камней и осколков скал ринулась вниз.

Едва Поярков успел взглянуть наверх и сообразить, что ему делать, как был сбит с ног.

Удар в голову лишил его сознания.

Между тем все члены экспедиции достигли обширного выступа, над которым возвышался уже самый конус огнедышащей горы.

Здесь заметили, что с ними не было Пояркова. Маркович, зная его привычку бродить в одиночестве, предложил идти далее, но в это время до них донесся крик снизу.

Площадка, на которой стояли путешественники, отвесно обрывалась книзу; от подножия ее шел крутой спуск, в начале покрытый громадными обломками скал и камнями, так что малейшего толчка довольно было, чтоб столкнуть их с горы.

За этими грядами камней, на склоне горы, виднелась фигура человека.

Только что лейтенант Скробут хотел окликнуть стоявшего внизу человека, как вдруг обломки скал заколебались и устремились вниз со страшным грохотом. Гора затряслась. Первую минуту все подумали, что причиной послужило сотрясение почвы. Но нет: никто из путешественников не заметил ни малейшего колебания.

Но было пока не время доискиваться до причин: на глазах у всех катившиеся вниз камни в своем падении смяли и увлекли Пояркова.

Немедленно несколько человек, вместе с врачами экспедиции, бросились в обход к тому месту, где несколько минут тому назад видели Виктора Павловича.

Его нашли лежащим без чувств. Громадный осколок скалы, задержавшись в своем падении, прикрыв его и остановил падавшие сверху камни. Тем не менее молодой человек получил несколько значительных ушибов. Приведенный в чувство, он заявил, однако, что в силах продолжать путь без посторонней помощи.

- Какая неосторожность с вашей стороны! - не утерпел упрекнуть его Маркович.

- С моей? - удивился Поярков. - Это вы поколебали верхние груды камней...

- Но мы и не доходили до них.

Пришлось предположить, что обвал случился сам собой, как это весьма часто бывает в горах: стоит одному камню сорваться с места, как он увлекает в своем падении другие, и с каждым шагом каменная лавина увеличивается в размере.

Все приняли эту догадку, как вполне правдоподобную, кроме лейтенанта Скробута.

Он во что бы то ни стало хотел осмотреть место, с которого начался обвал.

В сопровождении боцмана Кипченко и двух матросов молодой моряк стал карабкаться по крутому спуску; но лишь только он и его спутники успели пройти несколько саженей вверх, как вновь раздался грохот и сверху горы скатилось несколько камней.

В тот же момент грянул выстрел.

Боцман Кипченко поспешно вкладывал патрон в свою разряженную винтовку.

- В кого ты стрелял? - спросил лейтенант.

- В человека, ваше высокоблагородие.

- Где же ты его увидал?

- Наверху, за камнями. Когда раздался треск, я взглянул и вижу, что кто-то налег на камень, - вон тот самый, что внизу, и столкнул его вниз... Я и выстрелил.

- Попал?

- Не могу знать.

- Вперед!

Лейтенант и матросы еще энергичнее принялись взбираться и через несколько минут скрылись за грядами скал. Ни бывшие внизу, ни оставшиеся наверху путешественники не могли понять, что случилось. Все видели новый обвал, видели, как прицелился во что-то и выстрелил боцман, но не могли догадаться, что произошло.

В это время сверху раздался голос лейтенанта:

- Обходите кругом, господа, и присоединяйтесь к остальным. Мы пройдем здесь.

Поднявшись наверх, Поярков и его спутники застали уже там лейтенанта и матросов.

Слова боцмана подтвердились: на одном из камней было найдено несколько капель крови.

Очевидно, боцман не только на самом деле видел человека, но и ранил его.

Ясно было, что обвал произошел не случайно, а явился результатом злого умысла. Но кто же был виновником злодейского покушения?

Немедленно произведенная поверка показала, что все участники экскурсии были налицо; никто не отлучался надолго, никто, наконец, не был ранен.

Неужели же надо было допустить присутствие на материке Северного полюса других людей, каких-то неведомых коренных обитателей, недружелюбно встретивших пришельцев?

Но тогда почему жертвой покушения стал один только Поярков? Не было сомнения, что покушение было направлено именно на него. Нельзя же было допустить, что он имеет здесь каких-то неведомых тайных врагов?

А между тем обстоятельства убеждали именно в этом предположении.

Произведены были самые тщательные поиски, но более не было найдено никаких следов. Приходилось, оставив бесполезные предположения, продолжать путь к отверстию кратера.

Глава 11.

Восхождение на огнедышащую гору. - До чего иногда доводят ученые споры! - В кратере вулкана. - Кипящее озеро. - Спасены! - Возвращение. - Опять невидимый враг!

Столб дыма и паров, поднимавшийся над кратером, показывал, что деятельность вулкана не вполне прекратилась. Временами раздавался глухой шум, подобный отдаленному взрыву, и из отверстия огнедышащей горы вылетали облака пепла и раскаленных камней. Путешественники шли по потокам затвердевшей лавы, местами совершенно скрытой под массой пепла. Сэр Муррей и мистер Лекомб с жаром предавались геологическим и минералогическим исследованиям, не прекращая, однако, взаимных препирательств.

- Итак, мистер Лекомб, - иронизировал сэр Муррей, - вы убеждены, что эта гора, на которой мы стоим, представляет собой земную оболочку, выдвинутую на поверхность действием могучих сил изнутри земли?

- Я так полагаю. И не только относительно самого вулкана, но и относительно всех окружающих нас гор.

При этих словах француз указал рукою на вздымавшиеся кругом горные вершины.

- Но обратите внимание на минералогический состав горы, на которой мы стоим.

- Ну, что же?

- Согласны вы с тем, что вся эта гора возникла из беспорядочно набросанных друг на друга продуктов вулканической деятельности, то есть пепла, песка, шлаков, вулканических бомб и другого обломочного материала?

- Положим...

- Нет, не положим, а наверно. Если мы будем насыпать кучу песку или другого сыпучего материала, какую форму получит эта гора?

- Форму конуса.

- Ну-с, все вулканы и имеют эту форму, что и доказывает их происхождение от накопления всевозможных обломков, а вовсе не от поднятия пластов...

- Позвольте, но массив этой горы несомненно вулканического, огневого происхождения...

- Даже несомненно?

- Конечно.

- А вы его исследовали?

- Все бывшие ранее исследования...

- Оставим бывшие ранее исследования. Я готов держать пари сто фунтов против одного, что массив этого вулкана вовсе не огневого происхождения. В доказательство я предлагаю вам вместе со мной спуститься в жерло вулкана.

- А! Вы вызываете меня? Принимаю!

Ученые обменялись рукопожатием.

- Господа, - вмешался Маркович, - несмотря на все мое уважение к вам, я не могу допустить подобного пари: вулкан находится в действии, спуститься в его кратер при подобных условиях было бы совершенным безумием.

- Но в большинстве случаев, - попробовал было протестовать мистер Лекомб, - кроме главного отверстия, бывают еще боковые...

- Все равно, - решил Маркович, - опасность одинакова. Уже самое восхождение до отверстия кратера является не безопасным, о спуске же нечего и думать.

Ученые, по-видимому, покорились решению Леонида Павловича. Да и действительно, чем дальше, тем путь становился опаснее: из жерла вылетали раскаленные камни и шлаки, местами попадалась полужастывшая лава.

Яблонский в одном месте пробил застывшую кору своей палкой со стальным наконечником. Когда он вынул ее, то наконечника не было, а дерево обуглилось и сгорело.

Кроме того, восхождение затруднялось массой всевозможных обломков. Сажень в семидесяти от вершины кратера пришлось остановиться - потоки незастывшей лавы преграждали путь. Решено было обойти кругом конусообразной вершины. Здесь, ниже главного отверстия, был боковой ход, через который когда-то лава проложила себе путь. Узкая труба, полузаваленная пеплом, почти перпендикулярно опускалась вниз, образуя по бокам уступы, из которых ближайший лежал сажени на две ниже отверстия.

Оба геолога находились впереди всех.

Неожиданно сэр Муррей обратился к своему коллеге и со словами:

...Сэр Муррей прыгнул в зияющее отверстие

- Я иду, - прыгнул в зияющее отверстие.

Мистер Лекомб последовал его примеру.

Когда присутствовавшие пришли в себя от изумления, оба ученых уже скрылись в непроглядной тьме прохода.

Тотчас лейтенант Скробут с боцманом и двумя матросами решил последовать за ними.

Захватив с собой веревки и необходимые инструменты, отважные моряки смело спустились в зияющую мглу.

На глубине приблизительно двадцати саженей температура настолько повысилась, что им пришлось сбросить свои меховые одежды. Яркий свет электрических ламп освещал довольно широкий и высокий коридор, становившийся по мере спуска все более отлогим. Воздух был насыщен парами, становилось так же горячо, как в жарко натопленной бане.

На слое пепла, толстой пеленой устилавшем пол коридора, ясно были видны следы, оставленные прошедшими здесь учеными. Но на крики моряков не слышно было ни малейшего ответа.

Прошло около часа. Судя по времени, моряки прошли уже несколько верст и спустились на значительную глубину. Но до сих пор им не удалось нагнать разгоряченных соперников.

Между тем глухой шум и клокотанье, раздававшиеся сначала впереди смельчаков, теперь слышались вверху и сбоку.

Из этого можно было заключить, что они находятся уже ниже главного отверстия вулкана и идут около него.

Лейтенант Скробут дотронулся до боковой стены коридора: она была раскалена и за ней именно слышалось клокотанье лавы.

Термометр показывал +25° по Реомюру.

Исчезновение ученых начало становиться непонятным, тем более что теперь дорога шла по чистому камню, на котором не оставалось следов.

Если температура стала бы прогрессивно возвышаться, то скоро дальнейший спуск представился бы невозможным.

Спереди стало также доноситься клокотанье и глухой шум. Чтобы быть услышанным, приходилось почти кричать. Воздух был уже весь пропитан парами.

Коридор, расширяясь все более и более, переходил, наконец, в отлогий спуск, над которым потолок коридора, образовывал высокий свод.

Клокотанье и как бы шипенье кипящей воды становилось все слышнее, точно внизу билось и рвалось целое море кипятку.

И действительно, через минуту яркий свет ламп упал на бушевавшую и клокотавшую массу воды.

Они стояли в громадной пещере, своды которой возвышались по крайней мере футов на полтора; перед ними расстилалось обширное подземное озеро кипящей воды, только на незначительное пространство освещенное светом четырех ламп.

Справа возвышалась громадная базальтовая скала, образовывавшая собой сплошную стену, всю изрытую глубокими впадинами и трещинами.

Кое-где сквозь тонкие, незаметные скважины со свистом и шипением вырывались струйки горячего пара.

В одном из углублений стены, представлявшем объемистую нишу, ярко освещенную электрическим светом, стояли сэр Муррей и мистер Лекомб, не заметившие в пылу спора прибытия новых лиц.

Лейтенант Скробут бросился к ученым.

- А, это вы, лейтенант! - кричал сэр Муррей. - Представьте себе, он не соглашается...

- Да, - перебил его мистер Лекомб, - я говорю, что базальт, гранит и порфир суть огневые продукты.

- Но массив горы состоит вовсе не из этих продуктов.

Глухой рев заглушил слова ученых. Стена задрожала до самого основания. Клубы горячего пара обдали путешественников.

- Идемте, господа! - предложил лейтенант. - Вы кончите ваш спор наверху. Здесь становится нечем дышать.

- О! - успокоил его сэр Муррей. - Пока стоит эта стена, здесь совершенно безопасно.

- А долго ли она может простоять? - полюбопытствовал моряк.

- О нет! - хладнокровно отвечал англичанин. - По ту сторону стены, без сомнения, проходит жерло вулкана. Каждую секунду напор лавы может разрушить стену и хлынуть в озеро...

- Каждую секунду? - воскликнул лейтенант.

- Да. Да вот, слышите?

Снова раздался глухой рев, и тучи пара хлынули с озера.

- Господа! - крикнул лейтенант. - Если вы сию же секунду не пойдете с нами, я прикажу вести вас силой.

- Но, - возразил было мистер Лекомб.

- Без всяких но!

Подошедшие по знаку лейтенанта матросы своим видом напомнили почтенным ученым, что они находятся, несомненно, под властью грубой силы.

Приходилось повиноваться.

Обратный путь был несравненно труднее: надо было подниматься в гору и, что начинало казаться странным, температура не понижалась вместе с подъемом, как бы следовало ожидать. Уже около получаса продолжалось восхождение, а термометр все показывал +30°.

Лейтенант Скробут спросил объяснения этого непонятного явления у геологов.

- Это очень просто, - пояснил мистер Лекомб, - может быть, что лава прорвалась выше нас...

- Но как же мы тогда пройдем? - в недоумении спросил моряк.

- Тогда мы и не пройдем, конечно.

- Но что же делать?

- Ну уж этого я не знаю.

- Может быть, - заметил сэр Муррей, - повышение температуры объясняется тем, что лава проникла в озеро и поднимается вслед за нами. Тогда есть надежда выбраться благополучно.

- Едва ли вы правы на этот раз, - процедил сквозь зубы мистер Лекомб.

Но, к счастью, предположение сэра Муррея оказалось справедливым: путь впереди был свободен, и через два часа испытавшие смертельную опасность путешественники были уже среди своих сотоварищей.

Общая радость при виде их была так сильна, что ни у кого не нашлось слова упрёка.

Но мистер Лекомб был недоволен: во-первых, он принужден был сознаться, что проиграл пари, а во-вторых, и второе его предположение не оправдалось. Французский геолог забывал о том, что если бы он оказался прав в последнем случае, то никто из них не возвратился бы из глубины вулкана.

После двадцати часового отсутствия участники экспедиции возвратились наконец на борт «Марса».

Но здесь их ждало крайне неприятное известие: батареи Пояркова были испорчены. Рука неизвестного злоумышленника влила в элементы громадные дозы азотной кислоты, баллон с которой находился в общей лаборатории. Таким образом, платина элемента была растворена и батареи не действовали.

Очевидно, что чья-то злодейская рука решила погубить экспедицию. Но и здесь преимущественно злой умысел направлен был против Пояркова.

Решено было произвести самое строгое следствие.

*Мистер Смит угадывает приближающуюся опасность. - Неожиданная поездка в Европу.
- Появление Зоненберга. - Миссия Ричарда Пинскара.*

Мистер Самюэль Смит хотя и носил весьма часто встречающуюся в Соединенных Штатах фамилию, но, несомненно, принадлежал к числу семитов, об этом, вне всякого сомнения свидетельствовала его физиономия и предательский акцент. Тем не менее мистер Смит представлялся ярким юдофобом и в редких случаях, когда кто-либо делал ему тонкий намек на его происхождение, отвечал или подавляющей презрением улыбкой, или приходил в неописанный гнев.

Но такие намеки были весьма редки: мистер Смит хотя и имел врагов, и даже много, но он был архимиллионер даже в американском смысле.

Мистер Смит был владельцем Северного банка в Нью-Йорке, считавшемся одним из самых солидных учреждений Нового Света.

Наконец, мистер Смит был железнодорожным королем. Ему принадлежало большинство акций почти всех железнодорожных линий Соединенных Штатов, а за последние годы мистер Смит усиленно скупал акции железных дорог и Старого Света.

Помимо этого, множество всевозможных предприятий появилось на свет благодаря участию Северного банка и было неразрывно связано с этим учреждением.

Вследствие всего этого было весьма мало людей, так или иначе решавшихся затрагивать мистера Смита.

Многие помнили железнодорожного короля еще в то время, когда он впервые появился в Нью-Йорке в качестве мелкого комиссионера и фактора по всевозможным делам. Успех всюду сопровождал мистера Смита, и через двадцать пять лет постоянной лихорадочной деятельности он был первым богачом среди всех богачей Америки.

Положение мистера Смита считалось непоколебимо прочным. Казалось, он добился всего, чего хотел, и теперь ему оставалось только вполне наслаждаться своим благополучием.

Так и было на самом деле: от всей слегка располневшей фигуры владельца Северного банка так и веяло самодовольством и безмятежьем духа.

Но вот неожиданно на лице мистера Смита вырисовалась легкая складочка между бровями, придавшая ему выражение некоторой тревоги.

Но о чем было тревожиться мистеру Смицу?

Дела Северного банка шли блистательно, железнодорожные акции поднимались и приносили своему владельцу крупный дивиденд. Что касается семейных обстоятельств, то мистрис Смит по-прежнему окружала своего супруга проявлениями самой нежной заботливости и внимания. Единственная наследница мистера Смита, мисс Элеонора Смит, была во всем блеске красоты и молодости.

Однако, с каждым днем беспокойство железнодорожного короля обнаруживалось все резче и резче.

Наконец это обстоятельство стало заметно для многочисленных его служащих.

Всеобщее любопытство было затронуто. Начались всевозможные толки и догадки, не приводившие, понятно, ни к какому результату.

Наконец один из клерков высказал совершенно несбыточное предположение, встреченное его сотоварищами взрывом гомерического хохота. Молодой конторщик утверждал, что мистер Смит... влюблен! Что, запираясь на целые часы в своем деловом кабинете, он занимается не обдумыванием сложнейших финансовых предприятий, а просто сочиняет стихи!..

Но подобное предположение мог сделать только неопытный молодой человек. Во всем этом не было и тени правдоподобия.

Но вот разнесся еще более странный слух: мистер Смит уезжает в Европу!

Надолго? Зачем?

Ничего не было известно!

Но слух подтвердился самым неопровержимым образом: в один прекрасный день мистер Смит сел на почтовый пакетбот, совершавший рейсы между Нью-Йорком и Ливерпулем, и уехал.

Тогда было произнесено окончательное решение: мистер Смит задумал небывалую, грандиознейшую финансовую операцию, потребовавшую его личного присутствия в Европе.

Скоро газеты наполнятся слухами об этом новом предприятии.

Но проходила неделя за неделей, а нигде не появлялось даже малейшей заметки, способной пролить свет на причины неожиданного путешествия.

И вдруг в один прекрасный день мистер Смит возвратился после полуторамесячного отсутствия так же неожиданно, как и уехал. Но возвратился он не один: вместе с ним в Нью-Йорк прибыл берлинский банкир Зоненберг, считавшийся железнодорожным королем Старого Света, как мистер Смит - Нового.

На этот раз сомнения быть не могло: было близко осуществление великого плана.

Старик Ричард Пинскар, довереннейшее лицо и правая рука мистера Смита, со всех сторон был осаждаем просьбами хотя намеком дать понятие о великой финансовой тайне.

Но мистер Пинскар отделялся неопределенными ответами:

- Погодите... Придет время, все узнаете... Еще сам не знаю...

Но эти ответы давались таким загадочным тоном, что всякий из спрашивающих был в полной уверенности в том, что мистеру Пинскару все известно.

А на самом деле Ричард Пинскар не знал ровно ничего. Это до глубины души оскорбляло старого клерка.

За двадцать лет службы первый раз мистер Смит не посвятил его в свои намерения! Каких мучений стоило старику Пинскару скрывать свое любопытство! Его длинная фигура похудела и вытянулась еще более, если только это было возможно. Чисто выбритое лицо пожелтело и осунулось.

Неизвестно, до какого состояния дошел бы Ричард Пинскар, если бы его принципал не положил конца тяжелому недоумению.

Однажды, будучи призван в кабинет мистера Смита, Пинскар застал там банкира Зоненберга.

Старый клерк, притворив за собой двери и опустив тяжелые портьеры, поклонился и стал в ожидании

Старый клерк, притворив за собой двери и опустив тяжелые портьеры, поклонился и стал в ожидании.

Он инстинктивно почувствовал, что великая минута наступила.

- Садитесь, мистер Пинскар, - торжественно прозвучал голос Самюэля Смита, - нам предстоит продолжительный разговор.

Ричард Пинскар сел в тяжелое резное кресло у роскошного письменного стола и очутился против двух великих людей. Зоненберг, маленький, толстенький человек, с плутоватым выражением одутловатого, слегка ожиревшего лица, окаймленного маленькими, аккуратно подстриженными бачками, с первого взгляда представлял несомненные типичные особенности еврейской расы.

Он молча оглянул клерка и едва кивнул головой на его почтительный поклон.

- Мистер Пинскар, читаете ли вы газеты? - произнес Самюэль Смит.

- Газеты?

Старый клерк никогда не ожидал подобного вопроса.

- Да, сэр. Биржевую хронику и изредка политический отдел.

- Читали ли вы это?

Самюэль Смит протянул ему номер «Нью-Йорк геральд», где красным карандашом была отчеркнута интересовавшая банкира статья.

Ричард Пинскар взглянул на заглавие. Да, он читал эту статью. Речь шла о каком-то несбыточном предприятии, о путешествии на Северный полюс - словом, о таких вещах, которыми никак не мог заинтересоваться мало-мальски уважающий себя клерк.

- Да, сэр, я читал эту статью и несколько других, трактующих об этом сумасбродном предприятии.

- Сумасбродном? - переспросил мистер Смит.

Банкир Зоненберг при этих словах окинул Пинскара слегка недоумевающим взглядом, но не проронил ни слова.

- Я так полагаю, сэр.

- Ну, так вы ошибаетесь, мистер Пинскар, жестоко ошибаетесь. Я не знаю, что сделают они там, на Северном полюсе, да это меня и не интересует. Но сейчас они совершают пагубное, преступное дело. Да, сэр, пагубное. Это я вам говорю.

Для большей убедительности мистер Смит коснулся пальцем своей груди.

- Они, мистер Пинскар, строят воздушный корабль!..

Банкир замолчал. Видимо, он мало-помалу приходил в необычайное волнение.

- Но верно ли это, сэр?

- Верно ли? Я нарочно ездил в Европу, мистер Пинскар. Мы с мистером Зоненбергом собрали самые точные сведения. Проклятая машина строится, она будет летать, будет летать с ужасающей скоростью! Она не потребует ни рельсов, ни каменного угля, ни воды! Она уничтожит пространство! При чем же, спрашиваю я вас, сэр, останемся мы с нашими железными дорогами? Сколько будут стоить наши акции?

Мистер Смит в упор смотрел на своего клерка, как будто тот был виновником этого необычайного происшествия.

Так вот в чем дело! Действительно, если будут летать эти ужасные машины, то на что понадобятся железные дороги?

- Но, сэр, - попробовал возражать клерк, - акции можно заблаговременно продать...

- Мистер Пинскар, вы глупы! Вы положительно глупы! Продать можно в короткий срок десять, двадцать, тысячу акций! Но мы, мы имеем акций на триста миллионов долларов! Если мы их продадим в течение двух недель, а поганый корабль полетит ровно через две недели, мы понесем убыток, страшный, неисчислимый убыток! Акции и теперь уже сильно упали и будут падать ежедневно! Сразу наводнив ими биржу, мы окончательно собьем цену, доведем ее до нуля, сэр!

- Мистер Смит прав! - неожиданно провозгласил господин Зоненберг.

Старый клерк был подавлен грандиозностью предстоящего несчастья. Все сообщенное ему было для него так неожиданно, что он нашелся только спросить:

- Это новое предприятие на акциях, сэр?

- В том-то и дело, что нет! О, если бы была открыта подписка на акции, мы бы сумели помешать ее успеху! Эта машина никогда не была бы выстроена! Но нет, изобретатели строят ее на свой счет! Они богаты, богаче нас, сэр, несомненно!

- О! - мог только произнести Ричард Пинскар в неопisanном изумлении.

- Я предлагал *им*, - продолжал мистер Смит, - отступного, чтобы они бросили свою затею. Я предлагал пять, предлагал десять миллионов долларов, сэр!

- И... что же?

- Со мной не захотели даже вступать в переговоры. Но они ошиблись, жестоко ошиблись, сэр!

Ошиблись! Это слово влило надежду в душу старого клерка. Конечно, как он мог сомневаться!

Разве могло существовать препятствия для гения и денег мистера Смита?

Однако Ричард Пинскар не осмелился спросить сам своего патрона о его дальнейших намерениях.

Но мистер Смит не заставил себя долго ожидать.

- Вот именно по этой причине, - продолжал он, несколько успокоившись, - мы и призвали вас, сэр. Мы рассчитываем на ваше содействие.

Ричард Пинскар молча поклонился.

- Но прежде всего, сэр, сохранение тайны. Безусловное молчание. Ваша прежняя деятельность дает мне право рассчитывать на вас. Выслушайте меня внимательнее, сэр. Мистер Смит толково и подробно изложил всю историю предприятия Марковича и К° и закончил:

- Таким образом, сэр, полет к Северному полюсу будет пробным. Если корабль возвратится, секрет его устройства станет общим достоянием. Тогда мы разорены. Но этого не должно быть.

Клерк недоумевал. Конечно, не должно быть. Но как же предотвратить подобное несчастье?

- Я говорю, - продолжал Самюэль Смит, заметя смущение клерка, - *если* корабль возвратится. Но он не должен возвращаться.

Ричард Пинскар начинал понимать.

- Машины приводятся в действие снарядами, составляющими пока тайну одного из предпринимателей - Пояркова, - это слово мистер Смит произнес с трудом, разделяя слога. - Если корабль погибнет и если этот Поярков не возвратится - тайна останется тайной. Пусть изобретают вновь. Нам останется вполне достаточно времени. Поняли, сэр? Понял ли? Конечно, понял, что так должно быть. Но как добиться столь блестящего результата, он не понимал.

Однако надо было что-нибудь отвечать, и мистер Пинскар ответил:

- Я понимаю, сэр, вашу мысль и одобряю ее...

- Мне не надо одобрения, сэр, - прервал его Самюэль Смит. - Я прав, всегда прав.

- Но я не знаю, сэр, каким образом вы приведете в исполнение вашу мысль?

- Я это знаю. В этом случае я и рассчитываю на ваше содействие. В случае удачи вы получите хорошую награду, очень хорошую. Вы получите сто тысяч долларов.

Сто тысяч долларов! У мистера Пинскара помутилось в глазах.

- Что должен я сделать, сэр? - робко спросил он.

- Во-первых, вы должны завтра же выехать в Европу. В Ливерпуле вы найдете некоего Даниэля Шрадера. Мистер Шрадер очень ученый и очень энергичный человек. Он - химик. К сожалению, он несколько рискованно приложил свои познания к выделке английских банковых билетов, что известно только нам - мне и мистеру Зоненбергу. Господин Шрадер знает, что нам достаточно сказать несколько слов, чтобы поставить его в очень неприятное положение. Итак, вы предложите мистеру Шрадеру вступить в число членов экспедиции. Господин Зоненберг даст вам рекомендации к своим соотечественникам в России. Эти рекомендации помогут вам протезировать Шрадеру в Москве...

- В Москве? Разве и я должен ехать в Москву?

- Без сомнения. Господин Шрадер должен прислать двухтрех решительных человек и поместить их в число экипажа или прислуги воздушного корабля. Дальнейший образ действий

предоставляется усмотрению господина Шрадера. *Если корабль не возвратится, а равно и с господином Поярковым случится несчастье - господин Шрадер получит с нас миллион долларов.*

Миллион! Это без сомнения было лучше ста тысяч, обещанных самому мистеру Пинскарю.

- При таких условиях, - поспешил заявить клерк, - господин Шрадер наверное согласится...

- Он не может не согласиться. В таком случае ему пришлось бы иметь дело с полицией. Это именно вы и разъясните господину Шрадеру. Затем, на все непредвиденные расходы вам будет открыт неограниченный кредит. Вы останетесь в Москве и будете в подробности извещать меня о ходе предприятия. Возвратиться вы можете не ранее того времени, как экспедиция отправится в путь. Выехать вы должны завтра. Сегодня вечером вы получите рекомендательные письма от мистера Зоненберга и необходимые средства от меня. Но помните, что, если по какой-либо неловкости цель вашей миссии будет обнаружена, мы остаемся в стороне...

Конечно! Мистер Пинскар был готов теперь на все. Возвратившись к своим сотоварищам после трехчасового совещания в кабинете патрона, мистер Пинскар был засыпан всевозможными вопросами. Но он принял вид непроницаемой таинственности и самым небрежным тоном заметил:

- Я передам текущие дела мистеру Хойланду. Завтра я еду в Европу.

Ричард Пинскар едет в Европу!

Служащие Северного банка готовы были умереть от любопытства.

Глава 13.

Знакомство с господином Шрадером. - Некоторые «неприятные обстоятельства» заставляют господина Шрадера принять сделанное предложение. - Господин Шрадер вступает в члены экспедиции.

Ричард Пинскар ни одной минуты не задумался над поручением, данным ему мистером Смитом. В сущности, старый клерк не был злодеем; он никогда не решился бы на открытое преступление, тем более он не мог сам поднять руки на другого человека. Но тут, по его мнению, дело обстояло совершенно иначе. Какие-то неведомые люди в отдаленнейшей стране затеяли предприятие, могущее подорвать благосостояние фирмы Смита. В глазах Пинскара эти люди были обыкновенными разбойниками, для защиты от которых были позволительны все средства. Таким образом, предстоявшая ему миссия казалась для него обыкновенным коммерческим поручением, несомненно очень важным - но и только. Теперь ему предстояло оправдать оказанное доверие и заслужить обещанную награду. Во все время переезда через океан мистер Пинскар находился в прекраснейшем настроении духа. Слушая неумолчные разговоры пассажиров о необыкновенном предприятии русских ученых, старый клерк только посмеивался.

«Как же, - думал он, - так мы и позволим осуществиться этим затеям! Да разве допустит мистер Смит?»

По приезде в Ливерпуль Ричард Пинскар, поспешно переодевшись в занятом им номере одной из гостиниц средней руки, немедленно отправился по данному ему адресу для розысков господина Шрадера.

Однако это оказалось не совсем легко, и лишь часа через полтора ходьбы, после многих расспросов, он нашел в предместье города обозначенный в адресе дом, поднялся по грязной лестнице в четвертый этаж и постучал в дверь, на которой прибита была карточка с лаконической надписью: «Dr. Шрадер, химик».

На стук мистера Пинскара из двери выглянула чья-то голова с целой копной включенных рыжих волос, и хриплый голос весьма недружелюбно произнес:

- Вам кого?

Мистер Пинскар назвал фамилию.

- Его можно видеть только в трактире «Калькутта» в гавани. У себя мистер Шрадер никого не принимает.

При этих словах дверь захлопнулась, и мистеру Пинскарю не оставалось ничего другого, как отправиться на дальнейшие поиски.

Уже поздно вечером старый клерк добрался до дверей грязного трактира в отдаленнейшей части гавани и вошел в пропитанную табачным дымом и запахом алкоголя общую залу, служившую местом сборища загулявших матросов и всевозможных авантюристов, которыми обыкновенно кишат портовые города.

Зала была полна народу. Разноязычный говор, громкие восклицания и смех не стеснявшейся публики сразу ошеломили мистера Пинскара.

Как он мог узнать и отыскать в этой разноплеменной толпе неизвестного ему человека? Но, очевидно, если здесь господин Шрадер принимал своих посетителей, то фамилия его была известна хозяину и прислуге заведения, поэтому мистер Пинскар направился к буфету и самым вежливым тоном обратился к стоявшей за прилавком полной пожилой даме с просьбой указать ему господина Шрадера.

При этой фамилии пожилая леди окинула клерка пытливым взором и, по-видимому оставшись довольна осмотром, крикнула одному из слуг:

- Дэви, проводите джентльмена к мистеру Шрадеру

Клерка провели в отдельную комнату, находившуюся вдали от общей залы и, очевидно, доступную только для лиц более или менее известных хозяину гостиницы. Дэви, предупредив, что сейчас доложит мистеру Шрадеру, тотчас удалился.

Минут через десять явился наконец сам мистер Шрадер. Это был человек лет тридцати пяти, высокого роста и весьма представительной наружности, несмотря на довольно поношенный и небрежный костюм. Его красивое лицо было бы, пожалуй, даже симпатично, если бы не жестокое, холодное выражение глаз, сразу производившее отталкивающее впечатление.

Войдя в комнату, он приветствовал клерка вежливым, но несколько небрежным поклоном. После взаимной рекомендации оба заняли место у стола, на котором тотчас появилась принесенная Дэви виски и содовая вода.

Шрадер налил стакан и, чокнувшись с клерком, произнес:

- Я привык, сэр, всякое дело начинать стаканом хорошего грога. А вы, думаю, имеете ко мне какое-нибудь дело?

Мистер Пинскар молча поклонился.

- Так выпьемте, сэр. Ваше здоровье! А затем будем говорить о деле.

Старый клерк подробно изложил весь проект русских ученых - так, как слышал его от своего принципала.

Во все продолжение его речи Шрадер ни разу не перебил его и, только когда он замолчал, произнес:

- Все это, сэр, было мне известно ранее и весьма меня интересует. Но до сих пор я не вижу, в чем может проявиться мое участие...

- Вы сейчас узнаете это, сэр. Было бы желательно, чтобы вы приняли участие в предполагаемой экспедиции.

- Я?

- Да, сэр.

- Для какой цели?

- Я буду откровенен. Экспедиция эта должна кончиться неудачей. Воздушный корабль не должен возвратиться.

Мистер Шрадер даже привскочил на месте.

- Но почему же? - воскликнул он. - С какой целью?

- Это безразлично для вас, сэр. Достаточно того, что это входит в намерения некоторых лиц. Позвольте мне продолжать, сэр.

Клерк самым подробным образом изложил ту задачу, исполнить которую предстояло его собеседнику.

Мистер Шрадер ответил не сразу.

- Поручение, которое вы даете мне, - сказал он, - исполнимо. Я не стану скрывать, сэр, что я мечтал ранее принять участие в экспедиции - с научной целью, сэр. Но теперь вы мне ставите другую. Здесь уже является большая опасность для меня. Я бы желал знать, стоит ли рисковать?

- Вы получите, - спокойно произнес клерк, - в случае успеха миллион долларов золотом.

С минуту Шрадер казался ошеломленным. Затем он порывисто протянул руку клерку и воскликнул:

- Это я понимаю! Игра стоит свеч! Я согласен, сэр. Но какое вы дадите мне обеспечение?

Старый клерк задумался. Этот вопрос не пришел в голову ни ему, ни мистеру Смиту.

Действительно, если бы господин Шрадер и поверил слову Смита или Зоненберга, то ни в каком случае нельзя было ожидать того же по отношению к нему самому. С другой стороны, он не мог открыть имен лиц, по поручению которых действовал. Не оставалось ничего другого, как отважиться на решительный шаг. И он отважился.

- Сэр, - сказал он, - в тот самый день, когда вы будете приняты участником экспедиции, вам будет вручена половина обещанной суммы; в остальном вы должны поверить.

Шрадер задумался.

- Кому я должен верить, сэр? - спросил он. - Ваше имя мне неизвестно, я не знал вас до настоящей минуты...

- Но я знал вас, сэр, - перебил его клерк. - Настолько хорошо, сэр, что мне известна даже одна ваша маленькая слабость...

- Какая?

- Ваша любовь к воспроизведению всех оригинальных вещей, которые вы видите. Так, например, вам весьма нравился рисунок билетов английского банка и... И вы весьма удачно воспроизвели его.

Прежде чем пораженный неожиданностью Шрадер успел возразить, клерк подал ему новенький пятифунтовый билет.

- Ваша работа, сэр, - заметил он утвердительно, - и в этом у нас есть вернейшие доказательства.

Господин Шрадер быстро схватил из рук клерка банковый билет и, мельком взглянув на него, смял и спрятал в карман.

Он не казался смущенным. Слова клерка вызвали только краску на его бледных щеках и зажгли недобрый огонек в красивых глазах.

- Вы хорошо осведомлены, сэр, - отвечал он, - но вы мало меня знаете. Кажется, вы думаете угрожать мне?

- Нисколько. Я только хотел доказать вам, что мы нуждаемся в вас, охраняем вас и что мы вам доверяем...

- Потому что держите меня в руках?

Клерк промолчал.

- Будь по-вашему. Я согласен на ваши условия. Но, сэр, мне теперь же нужны деньги на предварительные расходы...

Ричард Пинскар вынул бумажник, отсчитал пачку билетов и подал их господину Шрадеру.

- Тысяча фунтов, сэр!..

Через десять дней прибывший в сопровождении клерка в Москву господин Шрадер вступил, в качестве ученого химика, в число членов экспедиции. Почти одновременно были приняты в число рабочих два англичанина электротехника, представившие лучшие рекомендации.

Глава 14.

Тщетные розыски. - Исследование материка Северного полюса. - Наступление весны. - Деятельность колонистов. - Новые постройки. - Неожиданный визит. - Смелая экспедиция. - Вторичное путешествие к вулкану. - Кто прав? - На глубине десяти верст. - Неодолимое препятствие. - Поразительная находка. - Вперед!

Самое строгое и тщательное расследование, произведенное по поводу очевидного покушения на жизнь Пояркова и умышленной порчи элементов, от исправности которых зависел всецело благополучный исход экспедиции, не привело ни к чему. Во время экскурсии к вулкану не было замечено, чтобы кто-либо отлучался с корабля.

Электротехники, которым поручен был надзор за машинами и проводами, не имели права входить в совершенно отдельное и постоянно запертое помещение, где стояли батареи.

Помещение осталось запертым, все было цело, тем не менее элементы оказались испорченными: азотная кислота растворила платину.

К счастью, на корабле находился значительный запас этого металла. Через сутки усиленной работы Пояркову удалось снова снарядить элементы. Тем не менее повторение подобного случая могло повести к безвыходному положению.

Однако, несмотря на все убеждения, Поярков отказался категорически открыть кому-либо свой секрет. Он заявил, что скорее сам уничтожит все, чем позволит другому проникнуть в свою тайну. Повторения подобного случая он не считал возможным, решив принять свои особенные меры к предупреждению.

Уже три недели были употреблены учеными на исследования. Не было сомнения, что материк Северного полюса находился в умеренном климате, что с очевидностью доказывала его флора и фауна.

Помимо лесов, покрывавших его, и двух значительных рек, впадавших в открытое море, каждый день были открываемы новые виды животного царства, присущие только умеренному климату.

Весна с каждым днем давала себя чувствовать

Весна с каждым днем давала себя чувствовать. Под влиянием лучей солнца, уже не сходявшего с горизонта, природа оживлялась с поразительной быстротой. Белоснежное покрывало мало-помалу исчезало; потоки растаявшего снега с шумом и громом стремились по ущельям, везде слышалось журчание падающей воды. Близ обсерватории, избранной временным пунктом пребывания, образовалось небольшое озеро; из него пробивался ручеек, унося с собою с побережья лед и скатываясь к морю по хрящеватому грунту. Лед вокруг озерка и вдоль ручья растаял; в первых числах мая берега уже освободились от зимнего покрова. По стволам деревьев уже поднялся сок, хотя снег еще окружал их корни; мхи, породы дикого мака, толстолистые бадани, ложечные травы и другие привыкшие к этому климату растения уже начали пускать ростки. Крики птиц, возвращавшихся сюда на лето, оглашали воздух. Утесы были усеяны пингвинами, или морскими попугаями, стаи гаг проносились над речными бухтами,

видимо не решаясь, который из разбросанных в них островов выбрать себе для летнего пребывания. Красивые береговые ласточки порхали, покрикивали и играли над морем. Чайки и коршуны с торжественным достоинством носились в воздухе; часто раздавался крик длиннохвостых уток. Кулики окружали постепенно увеличивавшиеся пресноводные пруды; воробьи, перепархивая с утеса на утес, чирикали без умолка. Показались вереницы уток, направлявшихся к северу; глухой рев моржей слышался с плавучих льдин, несшихся к югу.

Для русских это наступление весны имело особую прелесть, временами заставляя их совершенно забывать, что они находятся вдали от родины, - до такой степени все напоминало им родную природу.

Более всех восторгался Яблонский.

- Помилуйте, - говорил он, всей грудью вдыхая живительный весенний воздух, - да ведь это такая благодать, какой и у себя дома не увидишь! Чего тут думать об отоплении Северного полюса! Будем только думать о том, как бы осветить завоеванную нами землю в течение полугодовой ночи!..

С Яблонским был теперь неразлучен взятый им под свое покровительство молодой юнга. Ученый с каждым днем все более удивлялся уму и развитию своего протеже и не щадил усилий для сообщения ему, при всяком удобном случае, всевозможных научных сведений. Со своей стороны, Самойлов платил ему самой восторженной привязанностью. Чеботарев целые дни занимался рассматриванием стен обсерватории и ее внутренних помещений в тайной надежде открыть какую-нибудь надпись, ускользнувшую от внимания при первоначальном осмотре. Но до сих пор все усилия его были тщетны. Матросы корабля, вместе со своим лейтенантом, целые дни пропадали на охоте, доставляя для участников экспедиции свежую и разнообразную провизию.

С половины апреля приступили к возведению построек, необходимых как для зимовки, так и для устройства различных приспособлений, проектированных учеными.

По южному берегу материка Северного полюса было решено устроить станции в двух местах, третью же отнести на несколько десятков верст вверх по течению реки, получившей название Северной Волги. Обсерватория находилась на полуострове, образованном бухтами двух рек - Северной Волги и другой, названной Полярной. Этот полуостров достигал высоты двух тысяч футов над уровнем моря и обязан был своим происхождением - по словам мистера Лекомба - катаклизму, а по мнению сэра Муррея - выходом массивных кристаллических пород.

И в этом случае оба ученые находились в противоречии. Мистер Лекомб, основываясь на куполообразной форме возвышения, держался того мнения, что потоки лавы при извержении вулканов, находившихся в горных цепях, отвердевали, встречаясь с морем; новые потоки покрывали их, и таким образом получилось куполообразное возвышение. Сэр Муррей доказывал, что это возвышение есть не что иное, как *лакколит*.

Для объяснения характера и происхождения лакколлитов существует особая теория.

Весьма часто толщи осадочных пород бывают прорезаны тонкими трещинами. Если через эти трещины из недр земли будут изливаться огненно-жидкие продукты, то на пути своем они встретят верхние слои, так как трещины не достигают поверхности земли. Находясь под сильным давлением изнутри, массы эти все-таки будут подниматься выше и выше, пока не встретят такого пласта, сопротивления которого будут не в силах преодолеть. Тогда, не имея возможности проложить дорогу кверху и излиться на поверхность земли, они остановятся на глубине; но, постепенно накопляясь, они приподнимут в виде свода

породы, находящиеся над ними. Затем они застывают и кристаллизуются на глубине, образуя массив, прикрытый сверху сводообразно расположенными пластами осадочных пород. Таким образом, лакколиты суть внедрившиеся в толщи осадочных отложений массы первоначально расплавленных каменных пород, приподнявших вышележащие пласты в виде свода. Продолжительный размен пород, облекающих лакколит, может совершенно обнажить их, и тогда получается более или менее объемистый массив, выступающий из толщ осадочных отложений.

Сэр Муррей именно и определял таким образом происхождение возвышенности полуострова, так как здесь нигде не наблюдалось накопления различных обломочных вулканических продуктов, как, например, - торфов, шлаков и т. п., что всегда бывает при выходах лавообразных кристаллических пород вулканического происхождения.

Несмотря на постоянные противоречия, оба ученых совместно производили микроскопические исследования горных пород и неразлучно совершали геологические экскурсии.

Особенное изумление как их, так и других ученых, возбуждал фундамент обсерватории, вырытый в цельную массивную скалу и затем залитый каким-то раствором, по отвердении не поддававшимся никаким усилиям.

Около обсерватории решено было устроить центральную станцию. Сто человек рабочих ежедневно заняты были рубкой и доставкой леса. Небольшой паровоз, приводимый в действие десятью элементами Пояркова, вполне заменял животную силу.

Все постройки, за исключением взятых с собой в разобранном виде, возводились по плану русской избы - рубились прямо из бревен. Более всего труда пришлось положить на устройство фундамента: в твердой каменной массе динамитом взрывались траншеи, в которых происходила кладка фундамента из гранитных камней.

Четыре двадцатисаженных сруба, примыкавших друг к другу, образовали длинный корпус, который должен был служить помещением для остающихся на зиму ученых. По всем комнатам были проведены трубы из алюминия, нагревавшиеся горячей водой. Вода нагревалась в особом резервуаре при помощи элементов, которые оставлял Поярков. В двух больших комнатах были устроены лаборатория и общая зала-столовая.

Три станции состояли из высоких башен, в которых помещались метеорологические обсерватории, и небольших домиков, предназначенных для помещения 5-7 человек. Все здания соединялись между собой телефонами.

На вершине главной обсерватории и на башнях станции были помещены сильные электрические фонари, так что освещалась вся площадь, заключенная между постройками, и, кроме того, значительное пространство кругом.

Двадцать три человека ученых, во главе с Марковичем, Яблонским, Леверрье и Чеботаревым, решили провести на материке Северного полюса долгую шестимесячную ночь.

В начале августа «Марс» должен был отвезти остальных и вскоре вернуться обратно с запасами на зиму.

В течение лета материк Северного полюса должен был быть исследован возможно подробным образом, что составило главную задачу ученых. Особо избранная комиссия должна была произвести съемки и составить карты. Воздушный корабль был постоянно в распоряжении комиссии.

Таким образом, на Крайнем Севере закипела оживленная деятельность. Возвращавшиеся с экскурсий, продолжавшихся иногда по нескольку дней, приносили с собой целый запас новостей, становившихся предметом общего обсуждения.

Один только Жак Леверрье казался не совсем довольным: ему приходилось ждать еще несколько времени, прежде чем можно будет с успехом приступить к астрономическим наблюдениям. Зато он целые часы проводил в обсерватории, любуясь чудными инструментами, доставшимися в наследство от бесконечно далекого прошлого, и приводил все в образцовый порядок.

Однажды, по возвращении из дальней экскурсии, Яблонский и его неразлучный спутник Самойлов пришли к себе после общего ужина, совсем разбитые от усталости.

Помещение Яблонского на корабле состояло из небольшой каюты, разделенной перегородкой и образывавшей крошечную спальню и маленький кабинет, где повесил свою койку молодой юнга, не пожелавший спать в одной комнате со своим покровителем. Это был последний день, который они проводили на корабле: почти все перебрались в обширные помещения обсерватории в ожидании, когда будут готовы постройки, и на корабле ночевали только они да еще мистер Лекомб и сэр Муррей.

Благодаря усталости друзья на этот раз против обыкновения не вели долгих разговоров и тотчас разошлись по своим койкам.

Но не успели они сомкнуть глаз, как в дверь каюты раздался тихий стук. Когда Яблонский вышел, чтобы отпереть дверь, Самойлов, уже одевшись, отдернул немного занавеску окна, чтобы осветить каюту.

В комнату вошли сэр Муррей и мистер Лекомб и тщательно затворили за собой дверь. Яблонский, слегка удивленный неожиданным визитом, принял радушно своих гостей. Четверо едва уселись в маленькой комнате.

- Простите, что мы побеспокоили вас, - начал сэр Муррей, - но дело, по которому мы пришли, - секретное.

При этих словах Самойлов встал было, чтобы уйти.

- О, нет, - любезно остановил его англичанин, - от вас тут нет никакого секрета. Напротив, может быть, и вы примете участие в нашем проекте.

Самойлов, очень заинтересованный, остался.

- Вы знаете, - продолжал ученый, - что нам удалось проникнуть на довольно значительное расстояние внутрь вулкана. Совершенно неожиданное обстоятельство, в виде внезапного прорыва лавы через базальтовую стену, воспрепятствовало нам продолжать нашу экскурсию. Между тем экскурсия эта представляет чрезвычайный интерес: человеку еще не удавалось углубляться внутрь земли на сколько-нибудь значительное расстояние, почему до сих пор в науке существует разногласие по вопросу о внутреннем строении земли...

- Да, - перебил его с живостью француз, - я принадлежу к числу вулкан истов...

- Не будем спорить, дорогой коллега, - остановил его сэр Муррей. - Позвольте мне продолжать. Внимательное исследование местности убедило нас - моего сотоварища и меня - в том, что на значительное пространство к югу от главного вулкана, под верхними слоями находятся - весьма вероятно, на значительной глубине - обширные пустоты, которые, несомненно, имеют сообщение с кратером или боковыми ходами вулкана. Таких боковых ходов три; все они были изолированы от основной трубы благодаря образованию твердых масс. В том проходе, которым мы шли, эти массы уступили напору лавы, но другими ходами, как мы полагаем, весьма возможно проникнуть на значительную

глубину. К сожалению, большинство наших со товарищей, и господин Маркович в особенности, сильно воспротивятся, если мы выскажем им свое намерение. Поэтому мы решили совершить экскурсию втайне, но вместе с тем нам хотелось предложить участие в ней и вам. Я не стану утверждать, что мы не подвергнемся опасности: опасность будет - и даже весьма серьезная. Но кто же думает об опасности, раз дело идет о науке? По мере того как сэр Муррей высказывался, молодой юноша видимо волновался все более и более.

...Он с тревогой устремил взгляд на Яблонского...

Когда ученый кончил, он с тревогой устремил взгляд на Яблонского, как бы желая заранее прочесть по его лицу, примет ли он сделанное предложение.

Яблонский не колебался ни минуты.

- Очень благодарен вам, - отвечал он, - за ваше приглашение. Само собою разумеется, что я охотно последую за вами. Точно так же я согласен с тем, что лучше хранить все в тайне до нашего возвращения - иначе мы только заставим волноваться за нас многих людей без всякой пользы. Что касается до моего молодого товарища, то, я уверен, он сумеет молчать во время нашего отсутствия...

- Как?! - вскричал юнга. - Вы думаете отправиться без меня?

- Конечно. Я не могу решиться подвергнуть вас опасности без всякой нужды...

- А разве самая экспедиция, в которой я участвую, представляет менее опасности?

Наконец, вы сами обещали мне, что я буду принимать участие во всех ваших трудах.

Разве так держат слово?

- Виноват, - вмешался сэр Муррей, - я думаю, что господин Самойлов прав. Раз, несмотря на его юные годы, его приняли в экспедицию, мне кажется, мы не имеем права препятствовать ему разделять и все опасности, сопряженные с нею.

- Если позволите, - заметил мистер Лекомб, - это и мое мнение - тем более что нам все равно придется брать с собой еще кого-нибудь: мы должны взять провизию, инструменты, - а главное, господин Самойлов, кажется, отличный гимнаст - он поможет нам пройти там, где без него мы вынуждены были бы остановиться.

Яблонский в конце концов должен был согласиться на общую просьбу.

- Теперь, - начал сэр Муррей, когда спор был решен в пользу Самойлова, - условимся о самой экскурсии. Завтра - то есть у нас теперь нет завтра, так как тянется один день, - ну, словом, через восемь часов мы двинемся в путь, захватив с собой необходимые инструменты, уже отобранные мною, и провианта на тридцать дней...

- Неужели вы думаете, - воскликнул Яблонский, - что путешествие наше продолжится так долго?

- Я рассчитываю внутри земли пробыть около десяти дней, но надо принять во внимание, что, если нас задержит какое-либо непредвиденное обстоятельство, мы будем лишены возможности добыть себе пищу в недрах земли. Итак, я рассчитываю на тридцать дней. Мясной шоколад есть наилучший из консервов. Полагая по фунту в день на человека, это составит сто двадцать фунтов; инструменты и оружие весят шестьдесят фунтов - итого сто восемьдесят фунтов, то есть по сорока пяти фунтов на человека. Мне кажется, это весьма немного. Дорогой до вулкана в течение десяти дней перехода туда нам необходимо питаться дичью, которой теперь изобилие. Это не составит затруднения. Итак, до свидания! Если вы не проснетесь, мы разбудим вас через восемь часов...

- Проснемся! - воскликнул Самойлов. - Я, кажется, не засну от нетерпения!..

- Это от излишней горячности, - улыбнулся англичанин, - которая пройдет у вас с годами. Что же касается наших товарищей, то мы просто скажем, что отправляемся надолго в горы. Я уже высказывал подобное намерение. До свидания!

Когда ученые ушли, Самойлов не мог более скрывать своего восторга: он чуть не расцеловал Яблонского и только после долгих настояний согласился лечь, чтобы подкрепить себя сном.

Ровно через восемь часов трое ученых и Самойлов выступили в путь, держа направление прямо к отдаленной вершине огнедышащей горы.

Несмотря на то что было начало мая, погода стояла уже теплая: термометр не опускался ниже 12° тепла. Земля уже везде обнажилась от снега, хотя еще не просохла. Ни одно облако не набегало на прозрачную синеву неба. Барометр неуклонно показывал ясную погоду. Таким образом, переход до гор представлялся не более как приятной прогулкой. Во все время пути не пришлось трогать запасов, так как Самойлов и Яблонский оказались прекрасными охотниками.

На десятый день путешественники уже поднимались к вершине кратера. Только здесь, в горах, им пришлось испытывать затруднения благодаря тому, что со всех гор бежали целые потоки снеговой воды, образовывавшие иногда стремительные горные ручьи,

переправа через которые была невозможна, почему и приходилось делать утомительные обходы.

Из трех боковых отверстий кратера для спуска в недра земли был выбран один, представлявший из себя наклонную трубу почти правильной овальной формы. Наносная земля перед входом в отверстие показывала, что уже давно огненная жидкость, извергаемая вулканом, нашла себе другой выход, почему являлось возможным предположить, что путь в глубину свободен. Мистер Лекомб принадлежал, как он сам говорил, к числу вулканистов. По его понятиям, земной шар представлял из себя центральную огненно-жидкую массу, лишь сверху покрытую толстой, успевшей уже охладиться корой. Такое мнение подтверждалось тем, что во всех случаях, когда приходилось человеку проникать внутрь земли, замечалось постепенное поднятие температуры пропорционально глубине.

Если мистер Лекомб и предпринял эту экскурсию, то только с целью доказать правоту своего учения. Он был уверен, что сравнительно на весьма незначительной глубине жар станет нестерпимым и им придется вернуться назад.

Сэр Муррей, наоборот, предполагал, что постоянное повышение температуры продолжается лишь до известной глубины. По его мнению, огненно-жидкий шар, каким некогда была Земля, охладился весь. Охлаждение, несомненно, началось с поверхности; но лишь только верхние слои охлаждались и уплотнялись, они, вследствие удельного веса, опускались вниз, на смену им поднимались новые жидкие массы - таким образом вся масса непрестанно бурлила и кипела и потому охлаждалась равномерно во всех своих частях. Внутренность Земли была так же плотна, как и поверхность. Что же касается до вулканических процессов, то они объясняются химическими реакциями, происходящими внутри Земли; при этих реакциях освобождается громадное количество поглощаемой от солнца тепловой энергии. Все породы, лежащие вблизи этих мест, обращаются в огненно-жидкое состояние и извергаются иногда наружу через трещины земных слоев. Таким образом, сэр Муррей считал вполне возможным проникнуть на далекое расстояние в недра Земли, что представлялось немислимым с точки зрения мистера Лекомба.

При самом входе в отверстие кратера мистер Лекомб с нескрываемой иронией произнес: - Сколько приготовлений для того, чтоб проникнуть на несколько футов глубже каменноугольной шахты!

- Увидим, дорогой коллега, - хладнокровно отвечал сэр Муррей, - решение этого вопроса не заставит себя ждать.

В течение первых двенадцати часов путешественники не встретили никаких затруднений: широкий проход отлого спускался вниз, лишь временами давая от себя узкие боковые ходы. На глубине десяти верст температура доходила всего до +22° по Реомюру. Сэр Муррей внутренне торжествовал. Мистер Лекомб хмурился и доказывал, что в данном случае играют роль местные условия, что труба, по которой они спускаются, имеет другой выход на поверхность и образует таким образом сильную сквозную тягу.

Французский ученый сам не верил правдоподобности своего объяснения, но не хотел пока сознаваться в ошибочности своих воззрений. Сэр Муррей и Яблонский хорошо понимали это и спокойно дожидались того времени, когда геолог примирится с своей ошибкой.

Утомленные пятнадцатичасовым переходом, путешественники поужинали остатками результатов охотничьих подвигов Самойлова и заснули мертвым сном на глубине, которой никогда еще не достигал человек.

Когда, через семь часов, они снова двинулись в путь, сэр Муррей казался очень озабоченным. Часа через два он не выдержал и произнес:

- А нам скоро придется вернуться назад...

Это предположение было так неожиданно, что спутники англичанина остановились в изумлении.

- Да, господа, - подтвердил геолог, - если еще через час мы не выйдем из слоя каменных масс, нам придется немедленно возвратиться. До сих пор мы не встретили ни капли воды. В наших фляжках остается очень мало. На обратном пути нам и то придется терпеть жажду.

Действительно, дорога шла непрерывно сквозь каменные породы, не дававшие доступа подземным водам. Геолог был прав - скоро продолжение пути станет невозможным. Под тяжелым впечатлением этого решения все прибавили шагу, как бы торопясь пройти возможно большее расстояние в течение того недолгого времени, которое им оставалось пробыть в земных недрах.

Яблонский почему-то в глубине души был уверен, что они непременно найдут воду; он самым внимательным образом разглядывал стены, направляя на них свет своего фонаря, в надежде найти какую-нибудь трещину, через которую могла просочиться вода.

Спутники его ушли довольно далеко вперед, как неожиданно громкий призывный крик Яблонского заставил их вернуться к нему.

Молодой ученый направил свет своего фонаря на базальтовую стену, и все ясно увидели высеченное на ней изображение трех человеческих рук и под ним непонятные письмена.

- Это санскритская надпись, господа, - сказал Яблонский. - Я уже пригляделся к этим начертаниям, но без Чеботарева мы ее не прочтем! Он, несомненно он был и здесь!..

- Кто он? - воскликнул Самойлов, в то время как оба геолога с нескрываемым удивлением смотрели на молодого ученого.

- Я не могу, господа, сказать вам всего, - продолжал Яблонский, как бы не слыша восклицания Самойлова, - но знайте, что все, встреченное нами здесь, на материке Северного полюса, не было такой неожиданностью для меня и моих друзей, как для вас. Нечто подобное мы ожидали встретить. Это и послужило одной из самых побудительных причин ко всему предприятию. Продолжимте наше исследование до последней возможности, - может быть, именно теперь мы натолкнемся на ключ к разрешению всего загадочного и непонятного, что нам пришлось видеть. Идемте!

Глава 15.

Воды! - Необходимая разлука. - По старой дороге. - Понятное недоумение. - Снова вместе. - Трудный спуск. - На берегу подземной реки. - Тайна Самойлова. - Мистер Лекомб теряется в догадках. - Оригинальный ручей. - Подземное озеро.

Под сильным впечатлением от неожиданной находки путешественники спешили вперед, не обращая внимания на то, что с каждым шагом далее в глубь Земли увеличивалась опасность, грозившая им от недостатка воды. Между тем при высокой температуре, доходившей до 35° по Реомюру, недостаток этот повлек бы за собой неминуемую гибель. В течение трех часов никто не остановился ни на одну минуту; задыхаясь от жары, обливаясь потом, все с лихорадочной поспешностью стремились вперед. Подземный ход, которым они шли, начал несколько менять свой вид: боковые стены раздвинулись шире, сверху гранитная масса образовывала высокий свод, местами покрытый нависшими остроконечными уступами. Везде дорога представляла отлогий уклон, и с каждым шагом

путешественники приближались, таким образом, к центру Земли. Более всех утомился мистер Лекомб: пот ручьями струился по его лицу, он тяжело, прерывисто дышал и ежеминутно подносил к губам свою фляжку, не будучи в состоянии отказать себе в удовольствии смочить пересохшее горло глотком драгоценной влаги.

Сэр Муррей, по-видимому несколько не утомленный, молча шагал подле своего товарища и только изредка укоризненно покачивал головой, когда тот брался за фляжку.

До последней степени утомлен был и Самойлов. Побледневшее, несмотря на жар и ходьбу, лицо молодого юнга показывало, что он близок был к обмороку и только с трудом пересиливал себя. Но Яблонский не замечал этого, весь поглощенный своими мыслями, как вдруг слабый стон, раздавшийся около него, заставил его прийти в себя и оглянуться.

Молодой юнга прислонился к гранитной стене коридора, силясь удержаться на ногах.

Смертельная бледность покрывала его лицо.

- Что с вами? - вскричал Яблонский, бросаясь к нему.

- Не могу... - прошептал юнга, - отдохнуть...

Самойлова усадили на гранитный пол, прислонив к стене коридора. Яблонский смочил ему голову и дал выпить несколько глотков воды. Юнга, благодаря этому, скоро оправился.

- Видите, - сказал он, - какой я слабый. Вместо того чтобы помогать, я только служу вам помехой...

- Ну, - вскричал Лекомб, - я тоже скоро лягу и не двинусь с места. Мы летим, как... как... Ученый махнул рукой, не находя подходящего сравнения.

- Как «Марс», - поддержал его, улыбаясь, сэр Муррей.

- Именно. Во всяком случае, человек не может долго вынести подобной гонки. Да и чего спешить? Все равно мы зашли так далеко, что если не найдем воды, то не выберемся отсюда и умрем от жажды. К чему же даром мучить себя перед смертью?

Хотя никто не разделял печальной уверенности французского геолога, тем не менее Яблонский не взял на себя одного решить вопрос о том, идти ли далее или немедленно вернуться назад.

- Лучше, - предложил он, - я один пройду далее: я совсем не утомился. Вы же, господа, подождите меня здесь в течение шести часов. Если я не найду воды, то возвращусь и мы немедленно двинемся в обратный путь. Если же я не возвращусь, то это будет значить, что вода мною найдена, - тогда идите ко мне. Оставаясь без движения, вы сэкономите значительный запас воды, которая неминуемо разойдется, если мы будем продолжать путь все вместе. Кроме того, сэберегутся и ваши силы.

Сэр Муррей попробовал было протестовать, ссылаясь на то, что он не устал и вполне в силах совершить еще очень дальний переход.

Но Яблонский не соглашался.

- Очень легко может случиться, - настаивал он, - что мне или кому-нибудь другому, если поиски будут неудачны, понадобится посторонняя помощь. Вот тогда и пригодятся ваши силы. Зачем тратить их теперь, без всякой пользы?

Таким образом, Яблонский один отправился в дальнейший путь. Сэр Муррей, мистер Лекомб и Самойлов остались на месте, где должны были ожидать в течение шести часов.

Если по истечении этого срока Яблонский не возвратился бы, они должны были следовать за ним. В случае же неудачи он возвратился бы до истечения условленного срока.

Пожав руку своим товарищам, молодой ученый один отправился в путь.

Мистер Лекомб был всех довольнее подобным исходом.

- И в самом деле, - говорил он, с наслаждением растянувшись на жестком гранитном ложе, - какая польза всем нам утомлять себя? Что касается меня, то я с чрезвычайным удовольствием просплю эти шесть часов. Советую и вам сделать то же. Покойной ночи, господа!

Но Самойлов, несмотря на все усилия, долго не мог сомкнуть глаз

Сэр Муррей вскоре последовал примеру своего коллеги. Но Самойлов, несмотря на все усилия, долго не мог сомкнуть глаз. Физическая усталость не могла преодолеть тревоги, которую он испытывал за своего друга. Иногда, среди мертвой тишины, в которой только слышалось дыхание спящих, ему чудилось, что откуда-то из дали, из зияющей мглы, доносятся призывные крики на помощь. С замирающим сердцем он вскакивал и прислушивался, готовый каждую секунду разбудить своих товарищей. Но тщетно его ухо старалось уловить малейший звук. Едва, убаюканный тишиной и одолеваемый усталостью, он поддавался дремоте, как одна за другой восставали всевозможные догадки и предположения по поводу дальнейшей судьбы экспедиции, мысли бежали одна за другой и разгоняли сон. Если же дремота минутами одолевала, напряженное воображение

тотчас вызывало полные ужаса сны. Грезится ему, что он на воздушном корабле несется в необъятном пространстве; подле него стоит Яблонский. Громадные крылья «Марса» могучими оборотами рассекают воздух. Но вдруг раздается страшный удар: мгновенно корпус корабля разлетается в мелкие осколки, он, крепко ухватившись за руку Яблонского, летит вместе с ним вниз с ужасающей, неописанной быстротой, а около них раздается чей-то зловещий, но знакомый ему смех. Он вздрагивает и просыпается.

«Нет, лучше не спать, - думается ему, - чем видеть такие сны. У меня нервы расстроились... Но чей это смех? Где-то я его слышал... Но где?.. Да, так смеется один из ученых экспедиции - химик Шрадер... Почему это он вспомнился? Неприятный, правда, человек, но какое от него можно ожидать зло? Неужели это он принадлежит к числу тайных врагов, которые, несомненно, стремятся погубить экспедицию?.. Но почему именно он пришел мне на ум?..»

Но наконец усталость взяла свое, и молодой человек заснул крепким сном.

Когда, через несколько часов, сэр Муррей разбудил его, он несколько времени не мог придти в себя.

- О, - смеялся англичанин, - если бы вас оставили в покое, вы проспали бы не шесть, а по крайней мере шестнадцать часов. Долго пришлось бы вас ждать господину Яблонскому.

- Неужели уже прошло шесть часов? - сконфуженно спросил Самойлов.

- Пять с половиной. Я велел себе проснуться получасом ранее назначенного срока...

- Велели себе? - удивленно переспросил юнга.

- Да. Можно приучить себя просыпаться аккуратно через известный промежуток времени.

Я именно и обладаю этой способностью. Очевидно, в этом случае играет роль самовнушение. Однако позавтракаем и отправимся в путь. Как я думаю, нашему энергичному товарищу удалось найти подземный ключ...

- Только бы с ним не случилось несчастья! - с тревогой воскликнул Самойлов.

- Ну зачем предполагать худшее?..

Через полчаса все трое двинулись в путь. Согласно условию, ждать долее было незачем.

Чем глубже спускались путешественники в недра Земли, тем шире постепенно становился подземный проход, образуя собою громадной вышины пещеру, покрытую сталактитами и сталагмитами, чудно сверкавшими и переливавшимися огнями при электрическом свете ламп. Эти причудливые натеки, называемые сталактитами, если они образуются на потолках, и сталагмитами, если лежат на дне пещеры, - обязаны своим происхождением осаждению углекислой извести из водного раствора вследствие улетучивания из него угольной кислоты, когда он по каплям просачивается через стены и потолки пещеры. Местами сталактиты и сталагмиты сплошь покрывали всю внутренность пещеры, образуя на стенах фантастические драпировки, а на потолке и дне пещеры - или конусообразные скопления, или гигантские столбы, подпиравшие ее своды.

Присутствие сталактитов, обязанных своим происхождением действию подземных вод, давало надежду в скором времени найти подземный источник.

Но прошло еще более часа, а нигде не было видно еще никаких признаков присутствия воды.

Наконец, самый подземный ход, превратившийся в громадную пещеру, разделился: вправо от путешественников тянулась бесконечная колоннада сталагмитов и высились своды громадного подземелья, а влево шел спускавшийся книзу коридор. Какое из этих двух направлений выбрал Яблонский? Надо было думать, что он оставил какой-нибудь знак, по которому можно было узнать избранный им путь.

И действительно, при тщательном осмотре Самойлов нашел несколько зарубок, сделанных на мягкой массе сталагмитовой колонны, возвышавшейся при входе в коридор. Очевидно, надо было идти, сообразуясь с этим указанием.

Но мистер Лекомб остался крайне недоволен.

- Ручаюсь, - говорил он, - что там, идя по той громадной пещере, мы в скором времени натолкнулись бы на подземные воды. А здесь опять начинается сплошной гранит и базальт. Какая же тут может быть вода?

Ученый на этот раз был, по-видимому, прав: действительно, что могло заставить Яблонского выбрать такую дорогу, идя которой менее всего было вероятия встретить воду?

Однако, пройдя несколько саженей в глубь коридора, путешественники нашли ключ к разрешению загадки: на гранитной стеле было высечено изображение трех скрещенных рук и под ними санскритские письма.

Становилось ясным, что Яблонский в выборе пути руководствовался найденными им знаками.

Но тогда было ли благоразумно всем следовать за ним? Не лучше ли было бы, если бы кто-нибудь взял другое направление и отправился на поиски воды?

Таково было мнение общих голосов. Сэр Муррей, как сильнейший, брал на себя обязанность разыскать воду и, сделав достаточный запас, догнать своих спутников.

Но Самойлов воспротивился этому решению.

По его словам, с Яблонским могло случиться какое-либо несчастье, при котором помощь сэра Муррея была необходима. Наконец, по его убеждению, Яблонский знал, что делал, и если избрал это направление, то потому только, что в найденных им знаках и надписях для него заключается указание, скрытое от остальных.

Нехотя, но оба ученых уступили убедительным настояниям молодого человека.

Идти было легко, так как дно коридора имело значительный уклон книзу. Как-то невольно все прибавили шагу.

Однако прошло более трех часов, а они еще не настигли своего товарища. Между тем, согласно условию, он должен был идти вперед лишь в течение трех часов и, если не найдет воды, немедленно возвратиться назад, употребив еще три часа на обратный переход.

Оставалось предположить, что он шел значительно скорее своих спутников и прошел поэтому в течение трех часов значительно большее пространство, чем они.

Прошел, однако, еще час довольно быстрой ходьбы, но Яблонского не было.

Мистер Лекомб сердился. Сэр Муррей становился задумчив.

Можно было предположить только одно; что Яблонский безостановочно двигался вперед в продолжение всех шести часов. Но тогда, может быть, он и теперь удаляется от них. В состоянии ли они будут нагнать его? В их фляжках оставалось по несколько глотков воды.

Положение во всяком случае становилось очень серьезным.

- Нам не остается ничего другого, - решил сэр Муррей, - как идти вперед. Во-первых, мы не можем бросить нашего товарища одного, а во-вторых, не пополнив запаса воды, мы не доберемся до выхода.

Снова все двинулись вперед. Спуск становился все круче и круче. Местами приходилось перепрыгивать через узкие, но глубокие трещины. Дорога становилась опасной.

- Скоро нам придется спускаться друг друга на веревках, если мы захотим следовать далее за этим сумасбродом, - ворчал мистер Лекомб, - да и не догнать нам его ни в каком случае...

Как вдруг донесшийся из глубины крик заставил умолкнуть французского ученого. Крик повторился.

На этот раз не было сомнения: это был оклик Яблонского и через несколько минут он сам пожимал руки своим товарищам.

- Вода! Нашли вы воду? - раздался единодушный вопрос.

- Нашел! Сколько угодно! Только достать ее я один не мог.

- Почему?

- Взятая мною веревка оказалась коротка, и подземная река протекает очень глубоко - я не мог ее достигнуть. Скажу даже более - я ее слышал, а не видел...

- Слышали? - воскликнул Лекомб.

- Да, слышал журчание и плеск воды. Да вот вы сами убедитесь. Идемте.

Спустившись еще на несколько сажень вниз, путешественники очутились на краю вертикального обрыва

Спустившись еще на несколько саженей вниз, путешественники очутились на краю вертикального обрыва. Свет ламп, направленный в глубину пропасти, не мог осветить ее. Однако из глубины действительно доносился глухой шум.

Яблонский взял камень и бросил его вниз. Через несколько секунд донесся плеск воды.

- Пропасть не особенно глубока, - сказал Яблонский, - связав вместе наши веревки, мы легко спустимся туда...

- Но зачем нам самим туда спускаться? - удивился сэр Муррей. - Очень легко может случиться, что проход внизу невозможен. Наконец, мне кажется, другая дорога, вправо от входа в этот коридор, несравненно удобнее и интереснее. Что же касается до возобновления запасов воды, то кто нам мешает опустить на веревке наши фляжки и, погрузив их в реку, наполнить водой?

- Я согласен с вами, - отвечал Яблонский, - что это было бы всего благоразумнее, если бы задача наша ограничивалась только тем, чтобы достать воды. Но ведь мы предприняли экскурсию не с этой целью: решено было спуститься в глубь Земли до крайнего предела. Кроме того, некоторые указания, встреченные нами, предсказывают, что мы на пути к открытию тайны, представляющей величайший интерес. Наконец, пред нами дорога к центру Земли...

- Но едва ли, если мы спустимся даже вниз, возможно будет следовать по руслу подземной реки...

- Я думаю иначе. Посмотрите!

Яблонский подвел своих спутников к краю обрыва и осветил вертикально обрывавшуюся стену. Здесь, в твердой массе гранита, виднелись спускавшиеся книзу ступени, несомненно высеченные рукой человека.

- Вы видите, - сказал ученый, - что кто-то до нас следовал уже этой дорогой - надо предположить, что дальнейший путь проходим. Лестница, высеченная в скале, значительно облегчит нам спуск: стоит только прикрепить надежную веревку, за которую можно было бы держаться.

Доводы Яблонского были убедительны. Не оставалось ничего другого, как последовать его совету.

В гранитный пол пещеры ввинчены были металлические кольца, взятые с собой для подобного случая, к ним прикреплены связанные вместе веревки и конец их сброшен в бездну.

Первым должен был спуститься Самойлов, как самый легкий из всех. Юнга смело поставил ногу на ступеньку, высеченную в стене, и, держась за веревку, осторожно начал спускаться.

Все трое с тревогой наблюдали за отважным юношей.

Когда свет от его лампы стал казаться едва заметной точкой, мерцавшей далеко внизу, самого же его нельзя уже было рассмотреть, Яблонский не выдержал.

- Осторожнее! - крикнул он. - Ради бога, осторожнее!

- Не бойтесь! Все идет отлично! - донеслось снизу.

- Много еще осталось вам спускаться?

- Дна еще не вижу!..

На этот раз голос долетел совсем глухо. Видимо, Самойлов опустил уже на значительную глубину.

Прошло еще минут десять. На новый оклик сверху голос Самойлова донесся едва слышно.

Выждав около получаса, путешественники решили, что юнга нашел внизу удобную дорогу, - иначе он немедленно поднялся бы кверху.

Теперь приходилось спускаться остальным. Труднее всех было Лекомбу, вообще не отличавшемуся гимнастическими способностями и к тому же еще страдавшему головокружением. Яблонскому пришлось спускаться впереди него, прикрепив к своему поясу ремень, который охватывал и поддерживал совсем потерявшегося от страха француза.

Во все время спуска, продолжавшегося более двадцати минут, Яблонскому приходилось выносить двойную тяжесть: мистер Лекомб был не в состоянии держаться сам. С каждой ступенью становился слышнее шум воды - теперь для Яблонского не было сомнения в том, что внизу действительно протекает река. Одно, что удивляло и тревожило его, - это совершенное молчание со стороны Самойлова. Молодой человек не подавал ни малейшего знака своего присутствия.

Наконец внизу раздалось радостное восклицание французского ученого:

- Я стою на земле! На берегу реки!

В тот же момент Яблонский почувствовал, что он освободился от тянувшей его книзу тяжести. Через секунду он уже стоял около своего товарища.

Они оба находились в обширном подземном туннеле, как бы высеченном рукой человека - так правильны были его очертания.

По дну туннеля катили свои волны подземная река, достигавшая саженой сорока в ширину. С обеих сторон возвышался между водой и стеною довольно узкий парапет, по которому с трудом можно было пройти вдвоем. Но Самойлова не было. Оглядевшись вокруг, Яблонский увидел, что юноша лежит в нескольких шагах от него.

В испуге оба бросились к нему. Яблонский опустился на колени, чтобы посмотреть, что с ним случилось, но тотчас вскрикнул и вскочил на ноги.

- Мистер Лекомб, - произнес он, - помогите мне поднять нашего товарища, но помните, что это нужно сделать моментально, - иначе, если мы пробудем несколько секунд внизу - мы задохнемся.

Быстро нагнувшись, оба сразу подняли несчастного юношу и поставили на ноги.

Самойлов был совершенно без чувств. Лицо его было покрыто смертельной бледностью, губы плотно сжаты.

- Расстегните ему блузу, - сказал Яблонский, - необходимо сейчас же возбудить дыхание... Или нет, лучше зачерпните в фляжку воды - я справлюсь один.

Яблонский расстегнул ворот блузы и приложил было руку к сердцу юноши, но тотчас отдернул ее назад и проговорил:

- Так и есть! Вот и разгадка!

В это время подошел и Лекомб с фляжкой, наполненной водой.

- Что же вы? - вскричал он. - Надо спешить. Держите его - я постараюсь вызвать сокращение грудных мышц...

- Не надо! - поспешно вскричал Яблонский. - Дайте только воды - смотрите, он приходит в себя!..

Действительно, Самойлов вздохнул и открыл глаза. Слабый румянец показался на его щеках.

- Что это? - произнес он, освобождаясь из рук Яблонского.

- А то, - наставительно произнес мистер Лекомб, - что, если бы мы пришли четвертью часа позже, вас не было бы уже в живых.

- Да, мне сделалось дурно...

В этот момент он заметил, что ворот его блузы был расстегнут. Весь вспыхнув, он поспешно застегнул его и пытливо посмотрел на своих спасителей. Мистер Лекомб смотрел на него хмуро, с недовольным видом, но Яблонский усмехнулся и произнес по-русски:

- Будьте покойны. Ничего особенного не случилось.

При этих словах юноша совсем сконфузился.

- Ничего, - вскричал геолог, - побраните его хорошенько и по-русски - он лучше поймет.

- Но что же со мной случилось?

- Вы зачем-то нагнулись?

- Да. Я хотел зачерпнуть воды...

- И потеряли сознание. Внизу воздух вытеснен углекислотой - она тяжелее воздуха и потому опускается книзу. Она струится там как ручей, вы и попали в этот ручей... Все-таки вы были неосторожны, - закончил француз.

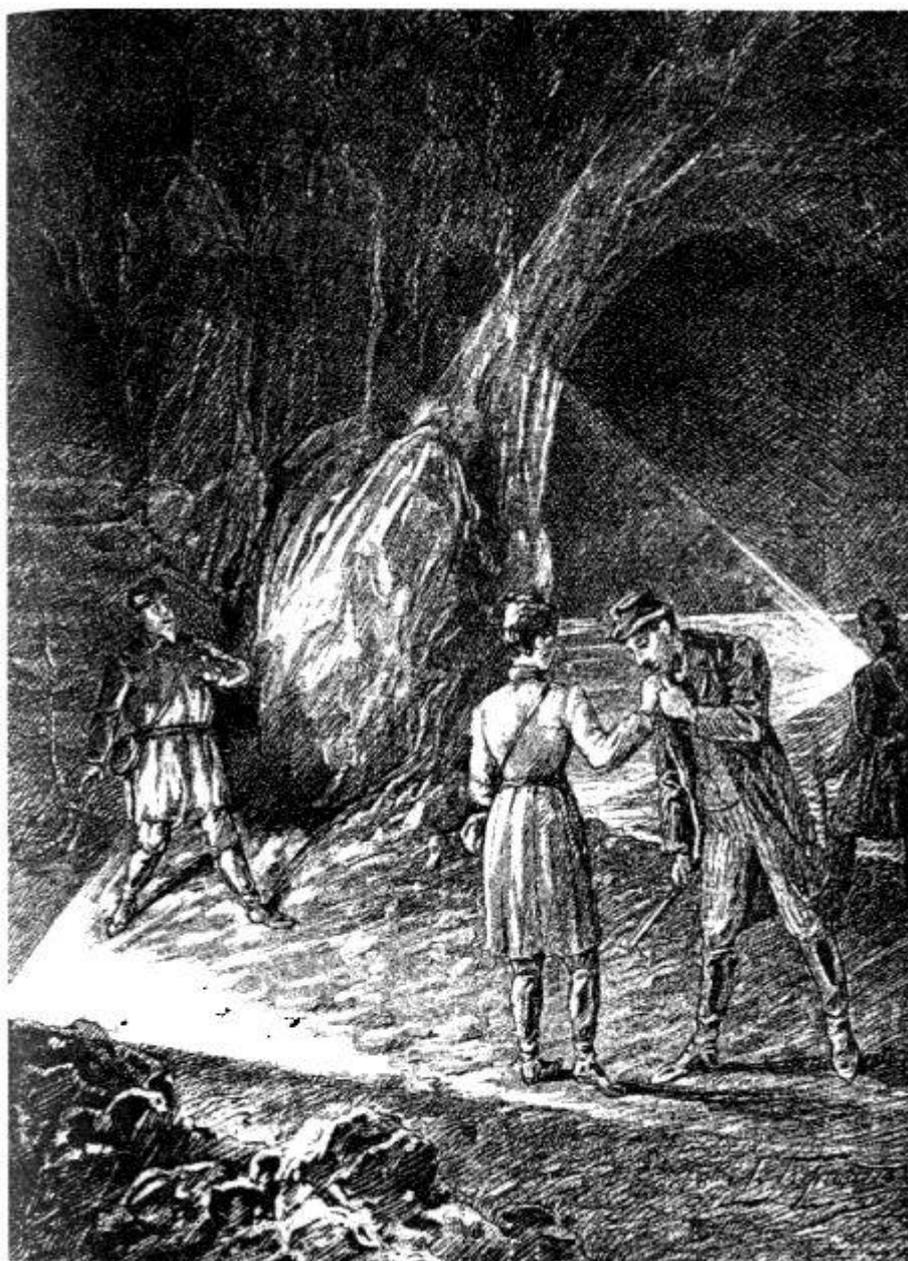
- Да, - подтвердил Яблонский, - вы подвергались большой опасности. Скопление углекислоты в пещерах и пустотах внутри Земли - явление весьма обыкновенное, и где образуется тяга - там этот газ всегда струится понизу в виде ручейка. Здесь нам нельзя не только лечь, но и сесть на землю...

- Что очень жаль, - вздохнул мистер Лекомб.

В это время сверху донесся оклик сэра Муррея, начавшего уже спускаться. Француз бросился помогать своему товарищу. Пользуясь его отсутствием, Самойлов протянул руку Яблонскому и сказал:

- Все-таки я обязан вам жизнью...

- О, - отвечал тот, - мы ничем не рисковали, помогая вам. Я только удивляюсь вашей решимости и отваге.

Яблонский взял руку юнги и поднес ее к своим губам

Яблонский взял руку юнги и поднес ее к своим губам. Мистер Лекомб, подходивший в это время, пришел в неописанное изумление!.. Неужели ему померещилось? Нет, он видел ясно!.. Тем не менее он не счел нужным показать своего удивления и дать понять, что им замечено удивительное обстоятельство. Приблизившийся в это время сэр Муррей вывел его из затруднительного положения.

Несмотря на успех, увенчавший поиски, приходилось думать о том, как бы выбраться из потока углекислоты, препятствовавшего усталым путешественникам расположиться на отдых.

Определив направление тяги, решили идти против течения, так как надеялись таким образом вскоре пройти место, из которого источался газ. Сообразуясь с этим направлением, приходилось также двигаться по течению реки, что совпадало с намерением путешественников спускаться вглубь, пока будет возможно, так как, конечно, русло реки представляло собою уклон.

Пройдя около версты по течению, сэр Муррей обратил внимание своих спутников на резкую перемену, происшедшую в строении пластов: вместо базальта и гранита стены и пол туннеля представляли собой сплошную массу каменного угля.

- Удивительно! - воскликнул сэр Муррей. - Я ни за что не поверил бы, что на глубине восемнадцати лье, на которой мы теперь находимся, могут залегать каменноугольные пласты! Это непонятное явление для геолога!

Действительно, как мог очутиться лес на такой глубине? Оставалось только предположить, что в силу каких-либо процессов произошло перемещение пластов.

Мистер Лекомб предполагал катаклизм - переворот, вследствие которого верхние пласты провалились вниз. Сэр Муррей не оспаривал его, но не высказывал и своих заключений.

Берегом реки идти было необходимо друг за другом, так как прибрежная полоска суживалась все более и более. Вода просачивалась сквозь трещины стен, капала с потолка, и скоро путники двигались почти под дождем.

Временами сэр Муррей, шедший впереди всех, наклонялся, чтобы узнать, вышли ли они из области скопления газа. В одну из таких остановок он радостно воскликнул:

- Господа, скоро мы можем расположиться на отдых. Подойдите сюда!

Приблизившись, все убедились, что сильный ток газа шел из широкой боковой расселины; это и был исток ручья; миновав его, можно было уже не опасаться задохнуться в нижних слоях.

Вместе с тем стал ощутителен характерный запах рудничного газа.

Яблонский и сэр Муррей приняли меры предосторожности, выразившиеся в том, что мистера Лекомба просили воздержаться и не закуривать некоторое время своей сигары.

Теперь предстояло найти удобное место для отдыха, в котором все настоятельно нуждались. Но для этого необходимо было идти вперед, чтобы выйти из-под дождя, который грозил промочить всех до нитки. Кроме того, самое широкое место между стеной туннеля и водой было не более полутора аршина, так что располагаться здесь на отдых было крайне неудобно.

После короткой остановки все двинулись снова вперед. Но на этот раз шли медленно, так как усталость давала себя чувствовать все сильнее.

Промокшие, изнеможенные, все думали только об отдыхе. Даже Яблонский казался утомленным. Но тем не менее он больше всего заботился о Самойлове, то заставляя его прикрыться от дождя одеялом, то предлагая выпить глоток коньяку.

Мистер Лекомб подшучивал по этому поводу над молодым человеком.

- Положительно, - говорил он, - наш почтенный коллега отправился в экспедицию с единственной целью поступить на должность няньки. Впрочем, может быть он подозревает, что в образе господина Самойлова скрывается заколдованная принцесса...

Эти подшучивания заставляли краснеть Самойлова. Яблонский только улыбался, а сэр Муррей невозмутимо хранил молчание, лишь изредка пытливо взглядывая то на юнгу, то на его покровителя.

Прошло двадцать часов с того времени, как Муррей, Лекомб и Самойлов выступили вслед за Яблонским, когда наконец измученные до последней степени путешественники прошли сплошные пласты каменного угля и, все следуя берегом реки, очутились неожиданно в громадном подземелье. Неизмеримой высоты пещера, до сводов которой не достигал даже сильный свет электрических ламп, представляла из себя подобие громадной залы.

Ряды сталактитовых колонн правильными рядами окружали обширное озеро, в которое вливались воды подземной реки

Ряды сталактитовых колонн правильными рядами окружали обширное озеро, в которое вливались воды подземной реки. Свет ламп тысячами огней переливался и сверкал на стенах и колоннах пещеры.

Несмотря на усталость, пораженные путешественники долго не могли оторвать взоров от волшебного зрелища.

- Право, - воскликнул мистер Лекомб, - если бы не горькая необходимость питаться сухим мясным шоколадом, я, пожалуй, не сожалел бы нисколько о покинутой нами земной поверхности. Но теперь, несмотря на всю красоту этого зрелища, я начинаю мечтать о чашке бульона и хорошем бифштексе! Недурно бы!

- Да, - философски рассудил сэр Муррей, - я понимаю вас, но делать нечего, удовольствуемся тем, что есть, и скорее на отдых! Я чувствую, что изнемогаю, а я не могу пожаловаться на слабость!

Через полчаса, после скромного ужина, все четверо уже спали непробудным сном.

Глава 16.

Приятный сюрприз. - Гробница в недрах Земли. - Труп или живой человек. - Явления кажущейся смерти. - В растительном и животном царстве. - Яблонский открывает тайну своим товарищам. - Разумное решение. - Продолжать путешествие или возвратиться назад? - Подземный обитатель. - Возможность жизни в земных недрах.

Через девять часов сэр Муррей разбудил своих спутников. Проснувшись от его громкого окрика, они к величайшему своему изумлению увидели, что англичанин спокойно сидел перед ярко горевшим огнем, над которым, привязанный к трем составленным вместе металлическим шомполам, висел и клокотал небольшой металлический котелок. Мистер Лекомб первый вскочил и подбежал к огню.

- Шоколад! - воскликнул он, втянув в себя поднимавшийся над котелком пар. - Нет сомнения, он варит шоколад! Но где вы его взяли?

- Захватил с собой про запас несколько плиток. Как видите, пригодился. Но что же вы не спросите меня о топливе, которым я воспользовался? Разве это вас не интересует?

- Мистер Лекомб увлекся шоколадом, - заметил подошедший в это время вместе с Самойловым Яблонский, - но теперь он, конечно, уже догадался, в чем дело.

- Нет, еще не знаю! - откровенно признался француз. - А вы?

- Я только предполагаю...

- Что?

- Что сэр Муррей нашел нефть и воспользовался ею как топливом.

- И вы правы, - подтвердил англичанин. - Проснувшись раньше вас - я никогда не сплю более сели часов, - я пошел кругом озера и в одном из боковых ходов пещеры нашел небольшое озерко превосходной нефти. У меня тотчас явилось желание утилизировать свое открытие. Опорожнив мой ранец из непромокаемой парусины, я воспользовался им как ведром, налил эту небольшую ямку нефтью и устроил вам таким образом горячий завтрак.

- Вы прекраснейший человек, лорд, - заявил самым серьезным тоном мистер Лекомб, пожимая руку англичанину, - и хотя от вашего костра идет не совсем приятный запах, но мы не взыскательны и сделаем честь вашему шоколаду.

Однако пить пришлось по очереди, так как в общем распоряжении был лишь один небольшой металлический стаканчик.

Тем не менее завтрак прошел весело и оживленно.

- Ну-с, - заявил сэр Муррей, когда последняя капля была выпита, - теперь я могу сказать вам, что мною сделано еще одно открытие.

- Научное или кулинарное? - спросил Лекомб.

- Ни то ни другое, любезный коллега. Мне кажется, это открытие находится в тесной связи с теми знаками, которые мы нашли начертанными в двух местах на пути сюда...

- Что же вы не говорили раньше? - вскричал Яблонский.

- Если бы я сказал раньше, вы ни за что не стали бы спокойно завтракать, а поддерживать свои силы необходимо. Вот почему я и позволил себе промедлить час...

- Но что же именно вы нашли?

- Я нашел какую-то гробницу, наглухо заделанную. Таким образом, внутрь я не проникал и отложил дальнейшее исследование до вас.

- В таком случае идемте!

Сильно заинтересованные, все двинулись за английским геологом. Впрочем, идти пришлось очень недалеко. Меньше чем за пол версты от того места, где происходил

завтрак, вправо от озера, пещера образовала выгиб довольно обширных размеров, представлявший полукруглую нишу, отделенную от пещеры громадным сталактитовым столбом.

В этой нише, по самой середине, возвышалось небольшое здание, вроде часовенки, с двумя узкими, длинными окнами по бокам и узкой же стеклянной дверью.

Дверь и окна были сделаны из той стекловидной, прозрачной массы, которая так поразила ученых экспедиции, когда первый раз была найдена при осмотре обсерватории.

Направив свет через дверь, можно было рассмотреть внутренность здания.

Там, среди комнаты, на небольшом возвышении лежала фигура человека, прикрытая широким, падавшим до полу покрывалом.

По обеим сторонам двери, на стенах сверху донизу были высечены разнообразные знаки, в которых все признали знакомые уже санскритские письмена. Несколько времени все молча рассматривали гробницу, не будучи в состоянии прийти в себя от изумления.

Чей прах покоился в этой гробнице?

Несомненно, одного из тех, кто в бесконечно далеком прошлом сумел проникнуть к отдаленной точке севера, кто спускался сюда, в глубину земных недр, кто обладал знаниями, до которых еще не достигло человечество по прошествии целых тысячелетий!

- Не будем тревожить его прах! - серьезно и торжественно произнес сэр Муррей. - Почтим память несомненно великого человека!

Но Яблонский был в нерешительности.

С первого момента, как сэр Муррей упомянул о найденной им гробнице, молодой ученый предчувствовал, что настает разгадка таинственных событий, начавшихся со времени пребывания их в скалистых пещерах острова Гхарипури.

В настоящую минуту он был твердо уверен, что стоит перед гробницей Дараайена. С трепетом вглядывался он через прозрачную перепонку, отделявшую путешественников от внутренности гробницы, в видневшиеся из-под покрывала очертания человеческой фигуры.

Вот он - этот загадочный, таинственный человек! Но неужели он мертв? Неужели, говоря, что он явится тем, кто пойдет за ним, он подразумевал только прах, долженствовавший через тысячи лет свидетельствовать о прошлом?

Этому Яблонский не мог поверить. Он дорого дал бы, чтобы сейчас прочесть непонятные письмена, покрывавшие стены гробницы: внутренний голос говорил ему, что в этих письменах высказана последняя воля Дараайена.

Но с ними не было Чеботарева - единственного человека, которому был понятен древнейший из языков.

Тем не менее Яблонскому казалось, что стоит только войти в гробницу и сказать скрытым там человеческим останкам: «Мы пришли, мы исполнили завет твой!» - и тотчас труп оживет...

Он не мог скрыть своих мыслей от товарищей.

- Я думаю, - в волнения произнес он, - что нам непременно следует войти в гробницу...

- Почему? - с удивлением спросил сэр Муррей.

- Мне кажется, что...

Яблонский замолчал: в это мгновение ему самому показалась сумасбродной мысль, только-что промелькнувшая в его голове.

- Что вы хотите сказать? - добивался англичанин.

- Мне теперь самому неловко высказывать свое предположение - до того оно кажется мне неправдоподобным...

- Однако, если это не будет нескромностью, нам хотелось бы знать его...

- Я почему-то подумал, что человек, скрытый в этой гробнице в течение тысячелетий, не умер...

Лишь только Яблонский произнес эти слова, как прежняя уверенность восстала в нем с новой силой.

- Да, - горячо продолжал он, - я убежден, что здесь мы имеем место не со смертью.

Скажите, разве не мог человек, уже доказавший нам свое непостижимое могущество, на время прекратить жизнь, заглушить ее? Искра жизни не потухла - она тлеет и вновь может вспыхнуть ярким пламенем...

Мистер Лекомб и сэр Муррей молча переглянулись между собой. Взволнованный вид молодого ученого, лихорадочно блестящие глаза и дрожащий голос показывали крайнюю степень возбуждения.

Предположение же, высказанное им, было так фантастично, что у обоих его спутников промелькнула одна и та же мысль.

- Успокойтесь, дорогой друг, - сказал сэр Муррей, кладя руку на плечо Яблонского, - последние события подействовали на вас так сильно...

- Что я сошел с ума? - нетерпеливо перебил его Павел Михайлович.

- Я не хотел сказать этого...

- Так что же именно?

- Только то, что предположение ваше не имеет за собой никаких научных оснований...

- Полноте! Наша наука не знает еще очень и очень многого. Короче сказать, она не знает почти ничего в сравнении с тем, что ей осталось узнать. Да, наконец, даже с чисто научной точки зрения мое предположение вполне возможно. Я попробую доказать вам это, сгруппировав и обобщив различные, всем известные явления...

Яблонский сел на массивную гранитную плиту, лежавшую перед входом в гробницу.

Все остальные последовали его примеру, с нетерпением ожидая услышать разъяснения столь оригинальной идеи.

- Я буду говорить, - начал ученый, - о явлениях, которые, без сомнения, приходилось наблюдать каждому из нас. Взятые вне связи между собой, эти явления не имеют особого значения. Наконец, они так обыденны и мы так привыкли к ним, что они уже не удивляют нас, не кажутся нам загадочными. Совершенно иначе стоит дело, если мы попробуем разобрать в отдельности каждое из этих явлений и затем обобщить наши сведения.

Прежде всего, что такое *смерть*? Под этим словом принимают такое состояние организма, при котором становится невозможной его дальнейшая жизнедеятельность, то есть когда организм, представляющий из себя не что иное, как более или менее сложную машину, не может более переводить энергии из одной формы в другую. Поясню мою мысль подробнее - не столько для вас, конечно, господа, сколько для нашего молодого сотоварища.

Новейшая наука пришла к заключению о совершенной и конечной зависимости земной жизни от солнца. Единственный источник энергии, необходимой для жизни, есть солнце.

Благодаря солнцу мы и все живые организмы имеют способность движения, могут сами производить работу, солнцем приводятся в движение все наши сложные машины.

Растение поглощает углекислоту; под влиянием солнечной теплоты оно разлагает ее на углерод и кислород; кислород выделяется в атмосферу, а углерод отлагается в тканях

растения. Но для этого процесса растению необходимо поглотить известный запас солнечной энергии. Куда же девается эта энергия? Очевидно, она хранится в потенциальной форме в виде углерода растений. Когда то же растение мы сжигаем, происходит обратный процесс: углерод растения соединяется с кислородом воздуха, причем поглощенная растением энергия освобождается в виде теплоты; в паровозах, локомотивах эта теплота переходит в работу. Подобный же процесс совершается и с живым организмом: при дыхании углерод крови соединяется с кислородом воздуха; освобождаемая при этом энергия служит источником силы для работы.

Таким образом, смерть живого организма есть неспособность его утилизировать солнечную энергию для роста, питания и движения, для работы жизни.

Но по каким признакам мы можем узнать наступление этого состояния?

Признаки эти весьма сомнительны, неполны и сбивчивы.

Может ли деятельность организма прекращаться на время и затем снова возобновляться?

Конечно, может.

Но на какой срок может продолжаться прекращение жизнедеятельности в организме?

Это крайне неопределенно.

Начнем с растения.

Французский ученый, доктор Бюро, брал для опытов один из видов американского папоротника - *Polypodium incanum*. Один экземпляр этого растения высушивался в течение десяти дней в сухом воздухе при температуре пятьдесят пять градусов Цельсия, а другой в безвоздушном пространстве. Оба экземпляра были доведены до чрезвычайной степени сухости - так что ломались при малейшей неосторожности, и обломки их рассыпались в порошок. Тем не менее, погруженные в воду, оба растения ожили через несколько часов и в дальнейшем своем развитии ничем не отличались от живых растений.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с одним из явлений *кажущейся смерти*.

Особенно замечательны явления кажущейся смерти в зернах растений.

Для жизнедеятельности зерна необходимы теплота, влажность и кислород.

Тем не менее, лишенное этих условий в течение очень долгих промежутков времени, зерно не погибает и сохраняет способность к жизнедеятельности.

В египетских пирамидах, в гробницах фараонов были найдены зерна, пробывшие в состоянии кажущейся смерти около четырех тысяч лет.

Зерна эти проросли, будучи посажены в землю, развили растение и дали плоды.

При раскопке земли под фундаментом одного очень старинного здания в Париже были найдены семена, из которых выросло растение, свойственное исключительно болотам (*Juncus bufonius*). Это заставляет заключить, что означенные семена сохранились от тех отдаленных времен, когда на месте нынешнего Парижа было одно болото.

Известны случаи, когда прорастали семена, взятые из очень старинных гербариев.

Вы можете сказать мне, что эти примеры ровно ничего не доказывают, так как зерно не живет до тех пор, пока не попадает в благоприятные условия, то есть, что в не прорастающем зерне не происходит никакого обмена вещества, а потому оно и может быть лишено необходимых для его развития условий в течение какого угодно срока.

Но это неверно.

На свежем зерне, еще не начавшем прорастать, легко доказать, что в нем происходит обмен веществ, что оно дышит, - словом, что оно живет.

Как бы ни были незначительны и замедлены жизненные процессы в зерне, пробывшем тысячи лет в совершенно недоступных местах, оно неминуемо уничтожилось бы.

Следовательно, процессов этих в приведенных мною случаях не происходило вовсе. Тысячи лет зерна были в состоянии кажущейся смерти.

Известны опыты и с проросшими уже зернами, то есть с маленькими растеньицами. Брали зародыши ржи, овса, ячменя и тому подобное в различных стадиях развития, но уже с ясно обозначенным корешком и стебельком и подвергали их тщательному засушиванию в течение нескольких месяцев.

Тем не менее помещенные между двух сырых губок, эти растеньица оживали и из них развивались целые растения.

Чтобы покончить с вопросом об оживании растений, я приведу еще лишь один пример.

Были взяты молодые яблони, в течение восемнадцати месяцев пробывшие на льду, в погребе, в совершенно замерзшем состоянии. Осторожно оттаянные и посаженные в землю, яблони эти развились в прекрасные деревья.

Надеюсь, я доказал вам, что растения способны находиться в состоянии смерти в течение неопределенных сроков и затем снова возвращаться к жизни.

Перейдем теперь к обзору подобных явлений в животном царстве.

Я остановлюсь прежде всего на явлениях замерзания.

Известны случаи, когда находили замерзших людей на четырнадцатые сутки и затем возвращали их к жизни. Само собою разумеется, что в течение этого срока деятельность организма была безусловно приостановлена, то есть, что организм находился в состоянии смерти.

Далее, подвергали полному замораживанию лягушек и жаб. Один из ученых держал лягушек в замерзшем состоянии во льду в течение двух лет; при этом опыте тело лягушек дошло до совершенной хрупкости; тем не менее, положенные в воду, они оживали.

Эскимосы перевозят на дальние расстояния мерзлую рыбу, которая оживает в воде.

Подобные же явления представляет собой так называемая спячка животных. Медведь, сурок, летучая мышь и другие на зимнее время впадают в летаргическое состояние: в течение долгих месяцев они совершенно не принимают пищи, процесс дыхания почти не заметен. По крайней мере, летучая мышь, помещенная в подобном состоянии в углекислоту, может оставаться в ней без всякого вреда от восьми до десяти часов.

Возвращаясь опять к человеку, я могу указать примеры летаргического состояния, продолжавшегося в течение нескольких месяцев. Я лично вполне верю свидетельству путешественников, передающих, что индийские факиры, погребенные в землю, оставались в таком состоянии в продолжение двенадцати недель и, снова отрытые, возвращались к жизни. При этом каждый из них проделывал подобный опыт неоднократно. Очевидно, что во всех приведенных случаях живые организмы сохраняли запас потенциальной энергии.

Почему же нельзя допустить, что в данном случае мы имеем дело с состоянием мнимой смерти?

Яблонский замолчал.

Слушавшие с напряженным вниманием импровизированную лекцию его товарищи не возражали ничего на его доводы.

Тем не менее они не казались вполне убежденными, за исключением Самойлова, не спускавшего со своего покровителя восторженного взгляда.

Первый высказался мистер Лекомб.

- Удивительно! - воскликнул он. - Все, что вы говорили, кажется, с одной стороны, вполне убедительным. Но, с другой стороны, с привычной нам точки зрения все это несбыточно и чудесно...

- А что скажете вы, сэръ? - спросил Яблонский.

- Я бы хотел знать, - отвечал англичанин, - на чем основываете вы свое предположение?

- Но ведь я же высказал...

- Нет, я говорю не про научные основания, высказанные вами: они доказывают только возможность подобного факта. Но почему вы думаете, что в данном случае мы имеем дело с подобным фактом?

Яблонский задумался. Его уверенность была основана на связи нескольких событий.

Излагая их, он выдаст тайну, принадлежащую не ему одному.

Но что же было делать?

Он решил и последовательно изложил историю завещания Дараайена.

- Право, - сказал Муррей, выслушав его, - я находился бы в сильном сомнении, если бы не видел в вас живого свидетеля всего случившегося. Скажу более, я не мог поверить, если бы сам не был свидетелем столь необычайных событий...

- Но теперь кажется ли вам правдоподобным мое предположение? Если Дараайен обещал, он должен сдержать свое обещание. Наконец, это единственный способ, с помощью которого он мог пережить тысячелетия, отделяющие его время от нашего... Как не пришло нам в голову подобного предположения еще там, в пещере Гхарипури, когда мы читали его завещание. Ведь не могли же мы предположить, что он бессмертен, а между тем им ясно было выражено обещание личного свидания с нами! Индус! Да ведь индусам до сих пор известны растительные или животные яды, способные временно прекращать жизнедеятельность организма!

Теперь Яблонскому казалась непростительной подобная недогадливость.

- Идемте, господа! - воскликнул он. - Примемся скорее за работу.

С этими словами он поднялся было со своего места.

- погодите минуту, - остановил его сэръ Муррей, - мы можем сделать непоправимое зло.

- Чем?

- Прочли ли вы эту надпись?

Англичанин указал на стену гробницы.

- Конечно нет.

- А если ваше предположение верно, то в этой надписи, без сомнения, объяснено, какими средствами возвратить к жизни организм, столь долгое время находившийся в состоянии мнимой смерти. Не приняв предосторожностей, не погубим ли мы жизни того, кого хотим видеть и слышать?

Замечание англичанина было вполне основательно: никто из ученых не мог даже приблизительно предположить, каким образом может быть доведен живой организм до состояния мнимой смерти. Следовательно, никто не мог без значительного риска предпринять опыт пробуждения подобного организма к жизни.

Правда, всем были известны случаи гипнотического сна, очень близко подходящего к состоянию омертвения. Можно было предположить, что Дараайен находится именно в таком сне, если только предположение Яблонского не ошибочно. Но тем не менее это было только предположение. Да, наконец, и при пробуждении от гипнотического сна необходима чрезвычайная осторожность - иначе могут явиться пагубные последствия.

Конечно, если бы не было другого исхода, пришлось бы идти на риск. Но в данном случае с помощью Чеботарева можно было надеяться на получение точных указаний.

Теперь оставалось только решить вопрос о том, сейчас им возвратиться в колонию или сначала продолжить до последней возможности исследования?

Мнения ученых по этому вопросу разделились: Яблонский, как и следовало ожидать, стоял за немедленное возвращение. Для него научные исследования отошли теперь на второй план, и весь интерес сосредоточивался на возможно скорейшем раскрытии тайны. Сэр Муррей, напротив, доказывал, что надо оставаться последовательными: если догадка Яблонского верна, то промедление на несколько суток ничего не значит. В случае же, если все окажется ошибочным, можно будет не упрекать себя за излишнюю поспешность. Мистер Лекомб присоединился в этому мнению. В этом случае большую роль играл чрезвычайный интерес, возбужденный в обоих геологах необыкновенным путешествием. Оба они были поставлены в такие благоприятные условия для своих исследований, в которых никогда еще не находился ни один геолог. Вполне понятно, что они ревниво охраняли свои преимущества.

Что касается Самойлова, то юнга категорически заявил, что он последует за Яблонским, в каком бы смысле ни разрешился вопрос.

Это заявление подало Яблонскому мысль предложить новый исход. Так как он не мог прийти к соглашению со своими товарищами в виду разности интересов, то можно было разделить на две партии. Сэр Муррей и мистер Лекомб могли продолжать свои исследования, оставаясь в глубине земных недр, а Яблонский и Самойлов могли возвратиться на поверхность земли и, дойдя до колонии, вернуться назад в сопровождении Чеботарева.

Конечно, во всяком путешествии чрезвычайно неприятно отделяться от товарищей, особенно когда самое путешествие было так необыкновенно. Но с другой стороны, какая опасность могла угрожать ученым в глубине Земли? Провизии у них было достаточно, вода находилась в изобилии. Не только диких зверей, но даже вообще какого-либо живого существа нельзя было встретить на глубине Земли.

Если же случился бы какой-нибудь подземный переворот, то едва ли помогло бы и присутствие Яблонского с его неразлучным спутником.

После долгих переговоров этот план был принят всеми. На следующий день, то есть через известное число часов, после сна, Яблонский и Самойлов должны были отправиться в обратный путь, а оба геолога идти далее.

Несколько часов, остававшиеся до назначенного для отхода ко сну времени, решено было употребить на обход озера и осмотр пещеры.

Всем приходилось сожалеть о том, что в их распоряжении не было лодки: казалось оригинальным совершить путешествие по подземному озеру и, кроме того, переезд через озеро сократил бы путь.

Но делать было нечего, и путешественники двинулись берегом озера. Решено было идти на значительном расстоянии друг от друга, чтобы захватить в ширину возможно большее пространство.

Мистер Лекомб пошел по самому берегу озера, находя, что дорога здесь была несравненно приятнее, так как от воды веяло прохладой. Правее от него, в нескольких десятках саженей шел сэр Муррей; на таком же расстоянии был Яблонский, и самым крайним шел Самойлов.

В то время как оба геолога обращали все свое внимание на геологические и минералогические наблюдения, Яблонский и Самойлов больше всего старались не пропустить какого-либо знака, оставленного людьми, бывшими здесь когда-то. Но до сих пор все поиски были тщетны.

Около часа все двигались в совершенном молчании, как вдруг со стороны озера донесся крик мистера Лекомба.

Все остановились. В ту же минуту крик повторился, и на этот раз стало очевидно, что с французом случилось какое-то несчастье.

Все бросились на помощь.

- Помогите! Ой!.. - донесся в последний раз раздирающий вопль, и затем все смолкло.

Когда сэр Муррей, Яблонский и Самойлов очутились через несколько секунд у того места на берегу озера, где последний раз раздался крик мистера Лекомба, его нигде не было видно, не заметно было и света его лампы. Но в нескольких футах от берегового обрыва, в воде, очевидно, происходила какая-то борьба: по спокойной до сих пор поверхности озера расходились круги, как будто бы в глубине воды кто-то двигался.

Прежде чем кто-нибудь успел опомниться, на поверхности показалась голова, а затем и туловище мистера Лекомба; он усердно плыл к берегу, но было очевидно, что кто-то тянул его вместе с тем книзу.

Яблонский быстро сбросил с себя ранец, лампу, ружье и с ножом в руках спрыгнул в воду.

С испуганным криком за ним бросился было Самойлов, но сэр Муррей остановил его.

- Погодите, - сказал он, - вы только помешаете. Здесь мы будем полезнее.

С этими словами он поднял брошенное Яблонским ружье и, наклонившись над поверхностью озера, приготовился выстрелить.

- Светите! - крикнул он Самойлову.

Тот снял с пояса лампу и направил свет на воду. В это время мистер Лекомб, освобожденный от невидимого врага, выбирался уже на берег. Следом за ним показался и Яблонский. Через несколько секунд оба они были уже на твердой земле.

Мистер Лекомб, как только очутился на берегу, тотчас опустился в изнеможении на землю.

Яблонский тяжело дышал от усталости.

С обоих вода ручьями текла на землю.

- Никто не ранен? - с тревогой спросил мистер Муррей.

- Я - нет, - отвечал Яблонский, - а вы, мистер Лекомб?

Но француз только махнул рукой вместо ответа. Видимо, он еще не пришел в себя.

- Разденьтесь же, господа, - предложил сэр Муррей, - хотя у нас и нет переменного платья, но все-таки можно выжать ваше...

- Я рад купанью, - неожиданно проговорил мистер Лекомб, - но тем не менее последую вашему совету...

- Так вы не ранены?

- Кажется, нет. Кстати посмотрю.

Через несколько минут платье было выжато и снова надето. Оказалось, что правая нога у мистера Лекомба была выше ступни сильно помята и немного распухла.

- Это еще ничего! - решил геолог. - Могло кончиться гораздо хуже... Спасибо вам!

Он с чувством пожал руку Яблонскому.

- Ну, теперь расскажите, что случилось? - спросил мистер Муррей. - А где же господин Самойлов?

- Он сейчас придет, - поспешил успокоить Яблонский. - Идите! Можно! - крикнул он Самойлову по-русски.

Через секунду юнга был уже около своих товарищей.

- Рассказывайте же! - торопил мистер Муррей своего коллегу.

- Да что рассказывать? Я шел берегом озера, как вдруг здесь, внизу, вижу какую-то глыбу крайне оригинальной формы; глыба эта лежала наполовину в воде. Как вам известно, я близорук, а потому и не мог рассмотреть, что это такое. Я хотел спрыгнуть с берега к самой воде. Прыгнув, я попал очень ловко на самую глыбу. Но тут-то и случилось нечто непонятное: глыба зашевелилась, я упал в воду и невольно вскрикнул. Едва я вынырнул, как почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу и сильно тянет вниз. Тут я уже закричал изо всех сил. Пока вы успели прибежать, чудовище утянуло меня под воду. Едва я снова появился на поверхность, как мой благородный товарищ бросился ко мне на помощь. Через секунду я почувствовал свободу и поплыл к берегу. Остальное пусть доскажет мистер Яблонский.

- Нырнув, - начал Яблонский, - я увидел, благодаря свету от ваших ламп и от лампы мистера Лекомба, которая продолжала прекрасно гореть и в воде, - что громадное пресмыкающееся, с виду очень похожее на черепаху, держит в своей пасти ногу мистера Лекомба. Для меня было делом одного мгновения ударить гада ножом между щитом и туловищем. Затем я тотчас вынужден был подняться на поверхность, чтобы возобновить запас воздуха. Нырнуть вторично я не решился и поплыл к берегу. Вот и все.

Ни мистер Лекомб, ни Яблонский не могли определить точно, к какому виду относится животное, чуть не послужившее причиной несчастья.

Было только очевидно, что оно принадлежало к числу гигантских земноводных.

Вероятнее всего, это был один из видов уже вымерших и не встречающихся более на поверхности Земли.

Случай этот послужил темой для весьма оживленного разговора. Если допустить, что в недрах Земли существует органическая жизнь, то ясным становится несостоятельность деления земных пластов на системы. Это деление, главным образом, основано на изучении ископаемых. При этом предполагается, конечно, что каждый из видов ископаемых водился некогда на поверхности Земли.

Теперь являлось другое предположение: может быть, внутренность Земли населена так же, как и поверхность. Тогда следовало допустить, что и во внутренности Земли существуют свои пояса размножения для различных организмов.

Могли ли в таком случае различные пласты характеризоваться залегающими в них ископаемыми?

Этот вопрос служил предметом обсуждения между учеными во все время обратной дороги к гробнице, так как, благодаря неожиданному приключению, решено было возвратиться назад.

После обычного скромного ужина, усталые и измученные, все заснули непробудным сном, в последний раз перед скорой разлукой.

Глава 17.

*Разлука. - Вдвоем. - Необходимое разъяснение. - Проход затоплен углекислотой. -
Переправа через реку. - Новой дорогой. - Взрыв. - Погребены. - Слабая надежда. -
Тщетная работа. - Счастливая случайность. - Возможность спасения. - Медлить нельзя.
- Страшная минута. - Взрыв мины.*

Через восемь часов проснувшиеся путешественники застали сэра Муррея занятого приготовлением завтрака. Как и накануне, англичанин воспользовался для разведения огня обширными запасами нефти, хранившимися в пещере.

Но на этот раз только мистер Лекомб с большим аппетитом выпил свою чашку шоколада: остальным было не до завтрака ввиду предстоящей разлуки.

Так как обоим геологам нельзя было рассчитывать на возможность достать пищу в недрах земли, то наибольшая часть взятого запаса была оставлена им. Яблонский и Самойлов брали провизии всего на трое суток, так как по выходе на поверхность Земли они могли рассчитывать на удачную охоту во все время пути от огнедышащей горы до колонии. Из двух имевшихся ружей одно было также оставлено геологам, так как неожиданное приключение, случившееся накануне, заставляло опасаться и на будущее время.

Сэру Муррею и мистеру Лекомбу приходилось, по приблизительному расчету, пробыть одним около пятнадцати суток. В течение половины этого срока они предполагали безостановочно идти вперед, если не встретится непреодолимых препятствий, и на восьмые сутки вернуться обратно, так чтобы через пятнадцать дней всем сойтись у гробницы.

Наконец, настала минута расставания. Сердечно простившись со своими спутниками, Яблонский и Самойлов пошли вверх по течению реки, а оба геолога двинулись по берегу озера. Яблонскому и Самойлову долго виден был свет их ламп, мало-помалу терявшийся в непроглядном мраке пещеры.

Как только Яблонский остался вдвоем со своим товарищем, он тотчас обратился к нему с вопросом:

- Надеюсь, теперь вы объясните мне все случившееся?

Самойлов, по-видимому, ожидал этого объяснения. По крайней мере, взглянув на Яблонского, он только улыбнулся и покачал головой.

- Я жду! - настаивал Яблонский.

- Чего?

- Конечно, объяснения...

- Но ведь вам все и так известно. Не все ли вам равно, зовут ли меня Самойлов или Самойлова, Александр или Александра? Вы теперь знаете, что имеете дело с девушкой, а не с юнгой. Я надеюсь, что вы сохраните эту тайну...

- Будьте уверены. Но я хотел бы знать, что заставило вас решиться на этот маскарад?

- Желание участвовать в вашей экспедиции. Ведь ни вы, ни ваши товарищи не приняли бы женщины, а тем более молоденькой девушки?

- Конечно нет.

- Ну вот видите. А я решила во что бы то ни стало принять участие в вашем предприятии. Поневоле пришлось прибегнуть к маскараду.

- Но ваши документы?

- Они не подложны. Только они принадлежат не мне, а моему брату, который был со мной в заговоре, точно так же, как и мои родители...

- И они решились!?

- О, я всегда была своевольна. Я убедила их в том, что все равно умру с тоски, если они не сделают по-моему. Разве я могла отказаться от мысли быть участницей в осуществлении такого небывалого, грандиозного плана? Я только и жила тем, чтобы узнать великих людей, проявивших столько отваги и гениальности...

- Ба, ведь и я, значит, принадлежу к числу этих великих людей? - смеясь, воскликнул Яблонский.

Молодая девушка устремила на него укоризненный взгляд.

- Без сомнения, - прошептала она. - Только зачем же смеяться надо мной?

- О, нет, вовсе не над вами, даю вам слово. Но только, право, я никак не могу освоиться с титулом великого и гениального. Простите меня!

- Ну, я все-таки останусь при своем мнении. А теперь позвольте мне рекомендоваться вам: Вера Михайловна Самойлова.

- Очень рад!

Яблонский приподнял шапку и почтительно поклонился.

Молодая девушка рассмеялась.

- Только не входите в роль кавалера, - заметила она. - Забудьте о том, что отданный в ваше распоряжение корабельный юнга неожиданно превратился в девушку. Обращайтесь со мной и зовите так же, как прежде...

- А сами вы как будете говорить про себя?

- Я же вам сказала, что я по-прежнему осталась юнгой...

- А зачем же вы говорите «сказала»?

- Вот видите, вы опять смеетесь?..

- Ну, не буду. Только, пока мы с вами вдвоем, я думаю, совершенно лишнее подражать маскарадной интриге...

- Нет, наоборот, необходимо, иначе по возвращении к нашим спутникам, мы можем проговориться...

- Будь по-вашему, Александр Михайлович.

- Спасибо!

Девушка протянула Яблонскому руку, которую тот поцеловал.

- Вот уж это лишнее! - воскликнула она. - Юнгам рук не целуют...

- Последний раз! До вашего вторичного превращения, господин Самойлов!

Самойлов, как мы будем пока называть молодую девушку, покраснел при этом намеке.

Но Яблонский произнес эти слова совершенно искренно: обратив внимание на юнгу, так резко выделявшегося из среды экипажа, и приблизив его к себе, он был изумлен его умом, развитием и воспитанностью; мягкий характер молодого мальчика, каким считал девушку ученый, заставил его искренно привязаться к нему. Когда же неожиданный случай открыл ему глаза, он почувствовал глубокую симпатию к решительной, смелой девушке, давно уже, по-видимому, относившейся к нему равнодушно.

Взволнованные объяснением, путешественники молча шли тоннелем, вдоль реки.

- А нам предстоит трудный и дальний переход! - заметил Яблонский, прерывая молчание.

- Вы боитесь за меня?

- Нет, нисколько. Вы уже столько раз доказали свою выносливость и неустранимость.

- Нам придется еще раз доказывать ее при подъеме из этого тоннеля в верхний...

- Да. За целостность веревки я не боюсь, тем не менее влезть при ее помощи, цепляясь за едва обозначенные ступени, на отвесную скалу выше ста саженей - подвиг своего рода, достойный лучшего гимнаста.

- Но нам не остается ничего другого, как отважиться на этот подвиг.

- Я думаю, не лучше ли будет поискать другого выхода?

- Во-первых, едва ли мы его найдем, а во-вторых, отправившись по неизвестному пути, мы можем долее проплутать и поставим в затруднительное положение наших товарищей. А главное, у нас самих съестных припасов в обрез.

- Вы правы, - задумчиво произнес Яблонский. - Тем не менее я боюсь этого подъема. Тогда, во время спуска, сгоряча никто из нас не подумал о том, каково будет подниматься...

- Скажите лучше, Павел Михайлович, что тогда вы не так боялись за меня...

- И это правда...

- Ну, смотрите, я окажусь лучшим гимнастом, чем вы, и буду смеяться над вами...

Во время этого разговора они достигли боковой трещины, из которой выходил поток углекислоты; не доходя ее, они позавтракали и отдохнули, так как далее нигде нельзя было опуститься на землю.

Но лишь только вступили они в область течения газа, как почувствовали, что дышать нечем: углекислота, увеличившись в притоке, заполнила собой и верхние слои атмосферного воздуха.

Яблонский едва имел силы выбежать сам и вытащить за собой Самойлова, почти уже потерявшего сознание. Что возможно было предпринять?

Пройти вперед было невысказано. Сначала путешественники предполагали возвратиться к центральной пещере, чтобы поискать в ней нового прохода, но затем Яблонский вспомнил, что, двигаясь по течению реки, они везде находили в каменноугольном пласте боковые расселины. Такие же боковые ходы можно было предположить и на другой стороне реки; эти ходы могли идти параллельно главному и привести к выходу.

Можно было надеяться, что таким образом, постепенно поднимаясь вверх, можно будет миновать восхождение на высокую отвесную стену, которого так боялся Яблонский.

Следовало начать с переправы через реку, достигавшую в этом месте почти двадцати саженей ширины.

Но тут припомнилось происшествие, жертвой которого едва не сделался мистер Лекомб. Однако выбирать было не из чего, и переправа была решена.

Попросив удалиться своего спутника, Яблонский разделся и, подняв над головой свое платье, лампу и вещи, вошел в реку; к его удивлению, вода оказалась очень холодной, гораздо холоднее озерной, в которой ему пришлось выкупаться накануне. Но глубина на всем протяжении была очень незначительна и едва достигала аршина.

Перейдя через реку, Яблонский возвратился назад, оделся и позвал Самойлова. Едва самозванный юнга, удивленный обратным появлением своего товарища, подошел к нему, как он схватил его на руки, вошел в реку и, перейдя на другую сторону, вышел на берег и поставил на землю.

- Я не хотел затруднить вас, - пояснил он в извинение своего своевольного поступка, - переправой. К тому же вода очень холодна. Глубина оказалась настолько незначительной, что для меня не составило никакого затруднения перенести вас. А за самоуправство извините.

Но Самойлов не казался рассерженным.

- Благодарю вас, - отвечал он, - только, если вы будете так продолжать, вы совсем избалуете меня. Кроме того, вы сами говорите, что вода холодна, а теперь вам придется идти в промокших сапогах.

- О, это ничего не значит при ходьбе и особенно при здешней высокой температуре.

- Тем не менее на будущее время предупреждаю вас, что я буду сердиться и могу рассердиться до того, что пойду другой дорогой, одна...

- Один! - поправил Яблонский.

- Ну, один - все равно!..

- Как все равно? Ведь вы же...

- Не придирайтесь. Давайте лучше искать дорогу отсюда. Положение наше вовсе не из очень хороших.

Немного ниже по течению реки толщу каменного угля пронизывал узкий, но высокий боковой ход.

Вступив в него и пройдя несколько десятков сажен, путешественники увидели, что этот боковой ход идет под углом от главного тоннеля и довольно круто поднимается вверх. Сообразив направление, по которому они шли к озеру, нанесенное на план Яблонским, оба пришли к заключению, что этот боковой ход должен вести непосредственно к выходу из кратера.

Оставалось только решить, не будет ли эта дорога настолько длиннее прежней, что их запасов не хватит до окончания пути.

Особенно они опасались за недостаток воды, наполнив обе свои фляжки и одну, взятую у геологов, они были обеспечены на пять суток, или на сто двадцать часов. Но что если в дороге им придется пробыть не пять, а шесть-семь суток и если при этом они нигде не встретят источника? Бороться с голодом несравненно легче, нежели с жаждой. Бывали случаи, что приходилось голодать в течение двадцати и даже тридцати дней; лишение же питья даже на сутки причиняет уже страшные мучения.

Но молодые люди были бодры духом и отважны. Смело и весело они шли по мрачному ущелью, полны веры в свои силы и в счастливый исход своего путешествия.

Кроме того, оба они испытывали теперь какое-то особенное возбуждение в присутствии друг друга. Каждый из них чувствовал, что достаточно малейшего повода для того, чтобы высказалось все, скрываемое обоими.

Галерея, которой они шли, то неожиданно спускалась книзу, то поднималась вверх. Часто попадались боковые разветвления, тщательно наносимые на план Яблонским.

Вместе с тем резко менялась и температура, то доходившая до +30 и 35° по Реомюру, то вдруг падавшая до +10 и даже 8°. Яблонский предполагал, что эти изменения зависят от местных химических реакций, происходивших во внутренних слоях Земли.

Прошло более пятнадцати часов с того времени, как они расстались со своими товарищами. По расчету Яблонского, они сделали не менее тридцати или тридцати пяти верст. Пора было подумать об отдыхе. Выбрали место, где боковая стена галереи образовывала глубокую впадину, грот, площадь которого равнялась почти двум квадратным саженям. Пол был покрыт мягкой угольной пылью. Что весьма редко бывает в каменноугольных шахтах, воздух был чрезвычайно сух, и молодые люди, располагаясь на импровизированном ложе, вынуждены были перед сном сделать по лишнему глотку воды.

По расчетам Яблонского, на другой день они должны были достигнуть главного хода кратера, по которому начали свой спуск. Обменявшись несколькими фразами, усталые путешественники пожелали друг другу покойной ночи. Лампы были потушены, и непроглядный мрак, о котором трудно составить понятие на поверхности Земли, окутал спящих.

Прошло часа три, как вдруг отдаленный гул разбудил молодых людей. Не успели они опомниться, как на мгновение яркий синеватый свет прорезал тьму, раздался страшный грохот, оглушивший их, и тотчас все сменилось прежней мертвой тишиной. Поднятая движением воздуха угольная пыль залепляла глаза, набивалась в рот и препятствовала дыханию.

Оглушенные, полузадохшиеся молодые люди не сразу пришли в себя. Но когда наконец они опомнились, первым их движением было надавить пуговки своих ламп. Брызнул яркий свет, и в то же мгновение двойной крик ужаса раздался в пещере.

В смертельном страхе молодая девушка бросилась к Яблонскому.

- Мы погибли! - простонала она, хватая его за руки.

- Боюсь, что так! - отвечал он. - Но разве вам так страшно примириться с мыслью о смерти?

- Нет, если вы будете со мной до последней минуты...

- Ну, так мужайтесь! А пока посмотрим, так ли велика опасность, угрожающая нам, какой она представилась в первую минуту.

Но самый тщательный осмотр принес мало утешительного. Громадные глыбы обрушились, завалили галерею и преградили выход из грота. Молодые люди были заперты в углублении, имевшем площадь около двух квадратных саженей и около трех в высоту.

Нечего было и думать расчистить проход в галерею. Да если бы это и удалось, то положение несколько не улучшилось бы; было очевидно, что потолки и стены галереи обрушились и загородили проход.

Молодая девушка, все время помогавшая Яблонскому во время осмотра, с тревогой смотрела на него, когда он, окончив работу, сел на пол их вечной тюрьмы.

Яблонский поймал этот взгляд и прочел выражавшуюся в нем смертельную тоску.

Лично он не боялся смерти, но его сердце обливалось кровью при мысли о мучениях, которые ожидали ставшую дорогой для него девушку.

- Мужайтесь, - сказал он, - верьте, что я все сделаю для нашего спасения...

- Да, но что вы можете сделать? Не можете же вы пробить эти стены?

Она указала рукой на стены грота.

- Отлично! - вскричал Яблонский. - Вы дали мне новую мысль! Я все внимание обратил на выход из нашего грота в галерею. Попробуем пробиться через стены!..

- На что вы надеетесь?

- Весьма легко может случиться, что, пробив стену, мы попадем в другую галерею: каменноугольный пласт, в котором мы находимся, очевидно, весь прорезан трещинами в различных направлениях. Попробуем сейчас определить толщину стен.

Он взял молоток-кирку, по счастью взятый им у сэра Муррея, и начал тщательно выстукивать стены в надежде, не раздастся ли где-нибудь особый, характеристичный звук, показывающий присутствие пустоты.

Но только лишь в одном месте при ударах молотка в стену раздавался несколько более звонкий звук.

На этом месте и остановился Яблонский, предполагая, что здесь стена имеет наименьшую толщину.

- Мы тотчас примемся за работу! - решил он. - От нашей энергии и поспешности зависит наше спасение. Придется и вам работать, Вера Михайловна!

- О, - отвечала девушка, ободренная словами Яблонского, - я снова превращусь в исполнительного и неутомимого юнгу! Посмотрите, каким я буду отличным помощником для вас!

Приходилось пробить проход в стене, имевшей не менее двадцати саженей в толщину. В этой стене Яблонский решил пробить отверстие в один квадратный фут. Говоря другими словами, ему приходилось вынуть сто сорок кубических футов каменного угля. Принимая во внимание трудность работы, так как при дальнейшем углублении придется работать лежа, - на это потребуется около ста часов непрерывной работы. Полагая еще на необходимый отдых всего тридцать шесть часов, можно было освободиться из неожиданной тюрьмы только через сто тридцать шесть часов. Между тем в их распоряжении был запас пищи всего на девяносто шесть часов и воды на сто двадцать. А так как при усиленной работе потребность в питье становится гораздо значительнее, то надо было ожидать, что жажда даст себя чувствовать не более как через сто часов.

Наконец, кто поручится, что работа придет к благополучному концу? Может быть, звук был обманчив и стена имеет в толщину не двадцать, а сотни саженей?

Наконец, если б удалось даже пройти в другую галерею, то приведет ли она к выходу?

В самом благоприятном случае им придется по выходе из своей тюрьмы идти в течение сорока восьми часов, чтобы достигнуть земной поверхности! Вынесут ли они?

Для Яблонского было ясно, что на спасение не оставалось почти никакой надежды. Но он не хотел доводить до отчаяния свою спутницу.

«Все равно, - думал он, - пусть хотя эти немногие дни, остающиеся в нашем распоряжении, она будет надеяться на спасение!

Ожидание верной смерти в течение такого сравнительно долгого времени страшнее самой смерти!»

Кроме того, он считал своей обязанностью бороться до последней минуты.

Определив направление, Яблонский тотчас приступил к работе.

В течение первых трех часов ему удалось пробить отверстие диаметром в один фут и глубиной в двенадцать. Но далее работа стала очень трудной. Забравшись в отверстие, Яблонскому приходилось лежа действовать киркой и передавать отбитые куски угля своей помощнице, которая выносила их в грот. Ей тоже выпал тяжелый труд: с каждым футом дальше приходилось ползком забираться в узкий проход и затем пятиться назад, до выхода.

Чтоб облегчить работу, Яблонский решил опорожнить свой ранец и употреблять его для переноски угля. Раскрыв его, он с удивлением воскликнул:

- Да это не мой ранец! Здесь не мои вещи! В моем не было ничего, кроме запаса мясного шоколада и блузы! А здесь какие-то инструменты!

Он достал из мешка три объемистых металлических цилиндра и при взгляде на них вскрикнул от радости.

- Знаете ли вы что это такое? - спросил он Самойлову.

Та отрицательно покачала головой.

- Это патроны, начиненные мелинитом! При помощи их нам удастся, может быть, взорвать стену! По ошибке я взял ранец мистера Муррея!

В довершение всего в ранце оказался несравненно больший запас мясного шоколада, чем был у Яблонского.

Теперь была некоторая надежда на успех.

- Обсудим положение, - сказал Яблонский, когда осмотр был кончен. - По совести говоря, я не хотел вас доводить до отчаяния, но сам я был вполне уверен, что у нас не хватит сил довести работу до конца. Теперь мы можем, как я уже сказал, взорвать стену, отделяющую нас от другого прохода, но здесь является опасность другого рода. Мы сами легко можем сделаться жертвами взрыва. Я приму все меры предосторожности, но от этого опасность уменьшится лишь в весьма незначительной степени.

- Не лучше ли нам сначала попытаться довести работу до конца прежним способом?

- Да, но вы забываете, что у нас мало воды. Кроме того, силы наши истощатся до того, что мы не в состоянии будем достигнуть выхода или присоединиться к нашим товарищам...

- Тогда делайте, как вы находите лучшим. Мне кажется, что смерть от взрыва все же лучше медленной и мучительной смерти от жажды...

- Конечно. Но я теперь положительно думаю не о смерти, а о жизни. Сначала я хотел умереть вместе с вами, теперь я хочу жить...

«Вместе с тобой», - хотелось ему докончить, но он остановился.

Однако молодая девушка успела угадать смысл его слов. Она с улыбкой взглянула на него и протянула свою руку.

- Примемся же за работу!

На этот раз Яблонский работал, не щадя и не соразмеряя своих сил. Однако, чем глубже становился проход, тем было труднее дышать. Ему часто приходилось возвращаться в грот, чтобы отдышаться. Но часа через четыре он к ужасу своему заметил, что и в гроте дышать становится все труднее и труднее.

Не оставалось сомнения в том, что взрыв рудничного газа, от которого произошел обвал, произвел и другие повреждения и преградил доступ атмосферного воздуха.

Ко всему этому присоединилась еще опасность умереть от удушья!

Нельзя было более терять времени. Яблонский сначала хотел скрыть свое открытие от девушки, но она сама скоро заметила, что воздуха не хватает для дыхания.

Прежде Яблонский намеревался пробить отверстие не менее как на восемь саженей и затем произвести взрыв.

Теперь приходилось ограничиться тем, что было сделано. Проход был пробит на глубину трех с половиной саженей.

В распоряжении заключенных оставалось не более шести часов: если по истечении этого срока приток воздуха не возобновится, атмосфера будет переполнена углекислотой, выделяемой при дыхании.

Следовательно, медлить было нельзя.

Еще через три часа Яблонский пробил из конца ранее проделанной трубы два боковых хода под острым углом и заложил в просверленные в них отверстия все три мелинитовых патрона. Затем самые отверстия были плотно забиты мелкими осколками угля и угольной пылью, а фитили выведены в грот.

Дышать становилось почти уже нечем. Взойдя в грот и взглянув на девушку, Яблонский понял, что через полчаса все будет кончено.

Наступала решительная минута.

- Вы не боитесь? - обратился он к своей спутнице.

- Ничего! - проговорила она. - Я чувствую, что все равно задохнусь через несколько минут.

- Во всяком случае неизвестно, уцелеем ли мы. Простимся же!

Он протянул ей обе руки.

Секунду молодая девушка колебалась, но затем чувство взяло верх: она склонилась к своему товарищу и обвила его шею руками.

- Прощай! - прошептала она, целуя его.

- Прощай! - отвечал он, сжимая ее в своих объятиях и покрывая поцелуями ее помертвевшее лицо.

- Иди! - воскликнула она, наконец отрываясь от него.

Еще прошло две-три минуты, в течение которых каждый оставался наедине с своими мыслями.

Затем Яблонский подошел к отверстию мины, зажег фитили, завалил самое отверстие приготовленными глыбами, вернулся к своей спутнице и отвел ее в самый дальний угол грота.

Здесь оба они стояли в ожидании роковой минуты, держа друг друга за руки и как бы получая новые силы от сознания взаимной близости.

Фитили должны были гореть около десяти минут. Эти десять минут казались обоим целую вечность. Яблонский погасил обе лампы и спрятал их около себя.

В непроглядном мраке, среди мертвой тишины слышно было учащенное дыхание обоих. Оба задыхались и едва держались на ногах. Обняв девушку, Яблонский почти держал ее на руках, но чувствовал, что и сам устоит недолго.

Но вот стены пещеры дрогнули, раздался страшный толчок, сильный удар в голову ошеломил Яблонского, он выпустил из рук свою бесчувственную спутницу и, потеряв сознание, упал рядом с нею на каменный пол грота...

...Он выпустил из рук свою бесчувственную спутницу и, потеряв сознание, упал рядом с ней на каменный пол грота...

Глава 18.

Возвращение к жизни. - Новый проход. - Где они ? - Пещерные катакомбы. - Существуют ли жители внутри Земли ? - Неожиданный клад. – Выздоровление.

Прошло более часа, прежде чем сознание вернулось к Яблонскому. Едва приподняв голову, он жадно втянул в себя доходившую до него струю свежего воздуха.

«Спасены!» - пронеслось у него в голове.

Но тотчас сильная боль в темени и во всем теле дали ему почувствовать, что не все обошлось благополучно.

«Жива ли она?» - подумал он в невыразимой тревоге.

Не будучи в состоянии подняться с места, он протянул руку и в темноте отыскал свою спутницу. Она недвижимо лежала около него. Рука его дотронулась до ее лица. Ему показалось, что оно было холодно, как у мертвеца.

Отчаяние придало ему силы: он приподнялся на колени, достал лампу и повернул пуговку.

К счастью, лампа оказалась в целости.

Ослепленный мгновенным переходом от темноты к яркому свету, он не сразу рассмотрел распростертую на полу рядом с ним фигуру.

Молодая девушка лежала недвижимо. Губы ее были плотно сжаты, глаза закрыты. В лице не было ни кровинки. Руки были беспомощно раскинуты.

В порыве отчаяния Яблонский звал ее, трогал за голову, за руки, но все было тщетно.

Преодолевая собственную боль, он достал фляжку, смочил водой ее голову и, с усилием раскрыв сжатые челюсти, влил в рот несколько капель.

Но жизнь, казалось, уже навсегда отлетела от неподвижно распростертого тела.

Оставалось одно средство - попытаться немедленно вынести ее из душного грота на свежий воздух.

Но как это было сделать?

Яблонский сам не мог подняться на ноги и ежеминутно боялся снова потерять сознание от нестерпимой боли в голове.

Жажда страшно его мучила. С жадностью отпив несколько глотков воды, он почувствовал временное облегчение.

Едва приподнимаясь на коленях, он дополз до пробитого им в стене отверстия и, направив в него свет лампы, увидел, что далее взрыв пробил широкий и довольно высокий проход, усеянный оторванными глыбами и осколками каменного угля.

Тем не менее по этому проходу, хотя и с трудом, но можно было пробраться с ношей на руках.

Но сквозь узкое отверстие в начале стены немислимо было протиснуть безжизненное тело. Необходимо было расчистить и увеличить вход. Но он чувствовал, что силы покидают его почти совсем. Вдруг ему припомнилось, что когда выбирали вещи из ранца сэра Муррея, между прочим попала какая-то бутылка, на которую тогда, обрадовавшись неожиданному приобретению патронов, не обратили внимания.

Сэр Муррей был очень запасливый и предусмотрительный человек. Не заключалось ли в этой бутылке какого-нибудь лекарственного, укрепляющего средства?

Яблонский дотащился до угла, где были сложены съестные припасы, и достал эту бутылку. Горлышко ее было завинчено металлическим колпаком; отвинтив его и вынув стеклянную пробку, Яблонский с восторгом ощутил запах превосходного коньяку.

Даже не воспользовавшись отвинченным колпаком, представлявшим металлический стаканчик, он жадно прильнул к горлышку и отпил несколько больших глотков.

Внутри его все сразу точно загорелось. Через минуту он почувствовал, что силы его удвоились. Он встал на ноги, отыскал свою кирку и принялся за работу, преодолевая нестерпимую боль, чувствующуюся и в голове и во всем теле. Каждый раз, как силы готовы были его покинуть, он делал глоток коньяку и снова с лихорадочной энергией принимался за работу.

Через час выходное отверстие было на столько расширено, что в него, хотя и согнувшись, можно было войти с ношей на руках.

Теперь предстоял самый тяжелый труд. Хватит ли у него силы перенести свою спутницу по неудобному, заваленному проходу до следующей галереи?

Но Яблонского поддерживала лихорадочная энергия; под влиянием опасения за жизнь любимого существа, от страшного нервного напряжения, еще более возбужденного выпитым вином, он почувствовал необыкновенный прилив силы.

Подойдя к девушке, он легко поднял ее на руки и бросился к выходу. Через несколько секунд, на каждом шагу спотыкаясь об наваленные обломки, но крепко прижимая к себе и оберегая драгоценную ношу, он был уже у выхода. В середине отвесной стены взрыв пробил довольно широкое отверстие, находившееся аршина на два от полу. Свежий, сухой воздух пахнул в лицо Яблонскому. Спрыгнув вниз, он бережно положил свою ношу на какую-то продолговатую каменную плиту, снова вернулся назад в грот, принес с собой оставленные там вещи и, приподняв девушку, устроил ей возможно удобную постель из своего и ее одеяла.

Приложив ухо к ее груди, он к неописанной радости услышал слабое биение сердца. После нескольких капель коньяку, влитых в рот, дыхание стало несколько заметнее. Через полчаса заботливого ухода она наконец глубоко вздохнула и открыла глаза.

В ту же минуту Яблонский, до последнего мгновения бывший в крайнем возбуждении, почувствовал, что силы его покидают, голова закружилась, в глазах завертелись огненные круги, и сознание его покинуло...

Он не мог определить, сколько времени он был в беспамятстве. Но когда он пришел в себя, то в первую минуту ему показалось, что он лежит в небольшой, уютной комнате. Слабый лунный свет падал откуда-то сзади и едва освещал сводчатый потолок и стены, на которых как будто виднелся рисунок обоев.

Первую минуту Яблонский не мог припомнить, что такое с ним случилось.

Вглядевшись ближе, он увидел, что действительно лежит в комнате, искусственно вырубленной в каменной толще - об этом ясно говорили правильные очертания потолка и стен. То, что он принял сначала за обои, оказалось высеченными на стенах изображениями. При этом в стенах в несколько рядов прорублены были глубокие, все правильной, одинаковой формы отверстия, внутренности которых он не мог рассмотреть. Сам он лежал на четырехугольном возвышенном каменном ложе, покрытом чем-то мягким, сверх чего было положено его одеяло.

Другое подобное же ложе находилось с другой стороны комнаты.

Яблонский не мог в себя прийти от удивления.

Где он? Неужели не миф существование неведомых в надземном мире пещерных народов, таящихся в глубине земных недр?

Его воображение, настроенное событиями последнего времени, склонно было рисовать самую фантастическую картину.

Но в то же время одна мысль, внезапно вставшая и заслонившая собой все остальное, заставила его с тревогой оглянуться.

Где Вера? Как мог он не вспомнить о ней до сих пор? Жива ли она?

Он ясно вспомнил теперь все, что произошло после взрыва мины.

Несомненно, его спутница была жива. Последним сохранившимся впечатлением его было воспоминание о том, что она вздохнула и открыла глаза.

Но где же она?

Он позвал ее и сам удивился слабости своего голоса: окрик его едва прозвучал под каменными сводами.

Никто не ответил ему.

Он попробовал приподняться со своего ложа, но едва мог приподнять голову.

Сколько времени пролежал он в беспамятстве? День, два? Может быть, даже более!..

Он с ужасом вспомнил, что у них оставался ограниченный запас воды.

Могло случиться, что он, лишенный во время болезни потребности в пище и питье, остался жив, а она умерла от жажды!

В ужасе от этой мысли он машинально схватился рукой за голову и почувствовал, что голова его была обвязана мокрыми компрессами.

Следовательно, в воде недостатка не было. Тут же взгляд его упал на стоявшую на полу, у изголовья, знакомую ему фляжку.

Протянув руку, он взял ее и увидел, что она наполнена водой.

Выпив несколько глотков, он почувствовал себя значительно лучше.

Волнение его несколько улеглось. Теперь он мог рассуждать более спокойно.

Первая его догадка о том, что он попал к неведомым, таинственным жителям сокровенных земных недр, самому ему показалась плодом разгоряченного, болезненно настроенного воображения.

Вглядевшись ближе в окружавшую его обстановку, он начал припоминать, что где-то, когда-то он видел нечто подобное; но что именно - он долго не мог припомнить. Наконец воображение нарисовало ему такую же картину. Несомненно, ему были знакомы эти стены с рядами правильных углублений, потолок с высеченными дугообразными сводами, своеобразные фигуры людей и животных, высеченные на камне... Но где он видел все это?

Не приходил ли он по временам в себя и бессознательно сохранил в памяти виденное во время мимолетных проблесков сознания?

Но нет, теперь ему все более и более казалось, что он в действительности видел все его окружающее или нечто весьма похожее.

Неожиданно он вспомнил: будучи в Риме несколько лет тому назад, он посетил катакомбы. Сходство было поразительное, за исключением высеченных изображений. Но и эти изображения он видел в Египте, на саркофагах фараонов.

Без сомнения, он лежал в усыпальнице, был окружен тысячелетним прахом давно отошедших в вечность людей.

Неужели же некогда внутренность Земли была обитаема?

А если так, что же невозможного в том, что она обитаема и теперь?

Может быть, сейчас войдет в комнату одно из этих загадочных существ, один из обитателей другого мира? Яблонский начал волноваться. С некоторой тревогой смотрел он на терявшийся во мраке выход из катакомбы.

Невозмутимая, мертвая тишина, царившая кругом, начинала становиться нестерпимой.

Теперь он рад бы был, чтоб вошел даже кто-нибудь из таинственных туземных жителей и разъяснил ему его недоумения.

По его соображению, прошло уже более часа, как он пришел в сознание.

Пора было бы кому-нибудь явиться.

Но может быть, он один и никто не придет к нему? Тогда кто же ухаживал за ним? Кто приготовил ему постель, перенес его сюда, обвязал его раненую голову, приготовил воду?

Неужели одна Вера? Но разве у нее хватило бы сил перенести его? Он хорошо помнил, что потерял сознание тотчас по выходе из грота, где-то совершенно в другом месте.

Измученный напрасным ожиданием, утомленный одна за другой теснившимися мыслями, он заснул наконец глубоким, живительным сном.

Проснувшись, он чувствовал себя несравненно бодрее и сразу вспомнил все, что видел во время своего бодрствования.

Знакомая уже ему обстановка не изменилась: тот же мягкий, умеренный свет наполнял комнату, взгляд его упал на те же испещренные стены...

Сколько времени он проспал?

Не менее семи или восьми часов, а может быть, и много более: сон начинающих выздоравливать после тяжелой болезни всегда бывает крепок и продолжителен.

Неужели никто не входил к нему в течение такого сравнительно долгого промежутка времени?

В комнате, кажется, по-прежнему никого не было.

Но нет. Повернувшись, он заметил у противоположной стены, на другом ложе, таком же, как его, фигуру человека.

Он не мог рассмотреть ее хорошенько благодаря слабому освещению.

На его зов человек быстро встал и бросился к его изголовью

На его зов человек быстро встал и бросился к его изголовью.

- Вера! - задыхаясь от радости, воскликнул Яблонский.

- Я, голубчик, я! Боже, как я рада!

Когда миновал первый восторг свидания и девушка, успокоив Яблонского, села около него, он в нетерпении закидал ее вопросами обо всем случившемся.

- Скажите прежде всего, где мы? - спросил он.

- То есть как это где?

- Что это за комната? Видели ли вы кого-нибудь из здешних обитателей?

Девушка с тревогой посмотрела на Яблонского: ей, по-видимому, показалось, что он снова начинает бредить.

- Про каких обитателей вы говорите? - переспросила она.

- Да ведь кто-нибудь да устроил же это помещение?

- Конечно. Но я никого не видел...

По привычке та снова стала было говорить про себя в мужском роде.

- Не надо так, - остановил ее Яблонский, - мне неприятно слышать, когда вы опять вспоминаете про этот маскарад. Теперь в этом нет никакой необходимости. Если нам удастся возвратиться к нашим товарищам, вы явитесь перед ними, как моя невеста.

Согласны вы?

Самойлова вместо ответа пожала ему руку.

- Ну, теперь расскажите мне все по порядку.

- Вы помните все, что случилось после взрыва, до той минуты, как вы упали без чувств в этом коридоре?

Она указала рукой на выход из катакомбы.

- Да, помню. Придя в себя после взрыва и видя вас без движения, я страшно перепугался... Кроме того, я был ранен... Мне пришлось расширять отверстие для того, чтобы вынести вас.

- Я все это сама помню...

- Вы?

- Да. Я не могла сделать ни одного движения, не могла открыть глаз, но с того момента, как вы дотронулись до меня, я все сознавала...

- С вами было каталептическое состояние.

- Может быть, даже вероятно. Когда я была в состоянии пошевелиться и открыла глаза, я увидела, что вы упали. На голове у вас оказалась глубокая рана. С вами начиналось лихорадочное состояние. Оставить вас там, где вы упали, я боялась: там сильная тяга воздуха, притом же холодного. Вы замечаете, как здесь прохладно?

- Да, и это меня очень удивляет.

- Вероятно, этот проход сообщается непосредственно с поверхностью Земли. Но я буду рассказывать дальше. Вы не утомлены?

- Нет, нисколько. Говорите.

- Тогда я, перевязав вашу рану, отправилась на поиски. В нескольких саженях я нашла три совершенно одинаковые с этой комнаты. Я сразу, конечно, заметила, что эти комнаты не что иное, как гробницы, тем более что в каждом из этих прорубленных в стене отверстий лежит по мумии...

- Это меня поражает. Вы, конечно, предположили, что здесь должны быть и живые существа?

- Да, под первым впечатлением. Но потом, припомнив все, что вы говорили нам у гробницы Дараайена, я была уверена, что не встречу никого.

- Почему?

- Я была убеждена, что покоящийся в этих помещениях прах принадлежит его спутникам. Я и теперь уверена в этом, тем более что вот уже в течение двадцати суток здесь не появилось ни одного живого существа.

- Как? - перебил ее Яблонский, - неужели я был без сознания столько времени?

- Да. Сегодня двадцатый день, хотя я могла ошибиться, сбившись в счете, но не более, как на несколько часов. Когда я натолкнулась на эти комнаты, я решила во что бы то ни стало поместить вас в одной из них. В одном из пустых углублений в стенах этой комнаты я нашла целое богатство: там находилось несколько громадных сосудов, наполненных зерном и каким-то порошком вроде муки, но гораздо питательнее ее и вкуснее. Вот вы убедитесь в этом, попробовав сваренной из нее похлебки...

- Вы даже готовите! На чем же?

- На том же, на чем готовил нам шоколад сэр Муррей. Я, право, могу вас уверить, что в земле можно устроиться с неменьшим комфортом, чем на земле. Кроме съестных припасов я нашла там целые свертки какой-то ткани - не то льняной, не то шерстяной; такой же тканью завернуты и мумии. Благодаря этому я могла устроить вам прекрасную постель. Затем я отправилась на поиски воды, так как отсутствие ее меня беспокоило более всего. Воду я отыскала, но очень далеко отсюда, в полутора часах ходьбы. Когда я возвратилась, то к ужасу своему увидела, что вы совершенно без сознания, весь в жару, стоите на ногах. Меня вы не узнали, вы бредили; тем не менее мне удалось вас успокоить и довести до этой комнаты и до приготовленной вам постели. Здесь вы и пролежали девятнадцать суток между жизнью и смертью. Это было ужасно!

Вера Михайловна содрогнулась при одном воспоминании о миновавшей опасности.

- Дорогая моя, - проговорил Яблонский, целуя ее руку, - как я измучил вас! Ведь вы не отходили от меня!

- К сожалению, мне приходилось покидать вас часа на три, когда я ходила за водой...

- А! Теперь я понимаю, почему вас так долго не было, когда я пришел в себя первый раз...

- Когда же это было?

- Несколько часов тому назад. Очнувшись и не найдя никого около себя, я терялся в догадках и страшно беспокоился о вас. Я видел, что обо мне заботились во время болезни, но не знал кто. Я думаю, что ждал более часа. Но потом, благодаря своей слабости, я скоро утомился и, выпив несколько глотков воды из оставленной вами фляжки, заснул глубоким сном...

- И спали вы, значит, более двадцати четырех часов - ровно сутки прошли с тех пор, как я возвратилась с запасом воды и нашла вас покойно спящим. Мне показалось, что из фляжки, которую, уходя, я наполнила до краев, было немного отлито. Но я думала, что ошиблась...

- Если бы не вы, меня не было бы в живых!

- Это еще вопрос! А вот если бы не вы, то меня-то уже не было бы наверное! Но не будем об этом спорить. Как видите, все устроилось превосходно, за исключением одного.

- Что такое?

- Что теперь делают сэр Муррей и мистер Лекомб?

- Ведь у них не может быть недостатка в воде, а съестных запасов у них было с избытков на пятнадцать суток...

- Нет, не на пятнадцать: вы забыли, что по ошибке взяли ранец сэра Муррея, а ему оставили свой и таким образом лишили их половины съестных припасов.

- Действительно, я забыл! Что же с ними теперь делается?

- Я думаю, когда они обнаружили недостаток в провизии, они немедленно отправились в обратный путь и, вероятно, давно уже соединились с нашими товарищами...

- Остается надеяться только на этот исход.. Да и то, есть ли возможность предположить, что они нашли выход? По течению реки следовать не представляется возможности, если только приток углекислоты не уменьшился, а боковой проход, которым следовали мы, разрушен взрывом рудничного газа...

- Да, но этот проход не один. Тот, в котором мы сейчас находимся, по-моему, имеет сообщение с озером.

- Почему вы так думаете?

- Потому что небольшой ручей, из которого я беру воду, протекает по обширной галерее, ведущей по направлению к озеру. Да и очевидно, что это озеро представляет из себя центр для стока вод довольно обширного бассейна.

- Думаю, что вы правы. Тогда легко может быть, что мы вскоре увидимся с нашими товарищами.

- Будем надеяться, что все устроится к лучшему. А теперь вам пора и отдохнуть, вы устали...

- Нисколько. Хотя, говоря откровенно, я очень нуждаюсь в подкреплении сил, но только не сном, а пищей...

- Простите! Я совсем забыла свои обязанности хозяйки! Сейчас!

С этими словами девушка поспешно вышла из комнаты.

Через несколько минут она возвратилась с каким-то странной формы сосудом в руках, из которого поднимался горячий пар, и поставила принесенное кушанье на постель больного.

- Откуда вы взяли эту чашу? - воскликнул Яблонский.

- Нашла здесь же - и не одну. А вот вам и ложка!

Она достала из углубления в стене и подала своему товарищу небольшую ложку с ручкой, представлявшей изображение какой-то человеческой фигуры.

- Как видите, - прибавила она, - сервиз из чистого золота!

Действительно, и чаша и ложка были сделаны из золота.

- Положительно, - вскричал Яблонский, - я начинаю думать, что мы попали в царство добрых подземных гномов, невидимо заботящихся о наших удобствах...

- Просто в царство мертвых, оставивших нам свое наследие! к сожалению, никто из них не встанет, чтобы разделить вашу трапезу!

- Почем знать? Однако я примусь за мой обед и сейчас оценю вашу стряпню.

Густой суп, вроде пюре, находившийся в сосуде, отличался необыкновенным, чрезвычайно приятным вкусом и питательностью. Достаточно было нескольких ложек, чтобы утолить голод.

Самойлова сообщила, что с того времени, как она начала питаться супом, приготовленным из муки, найденной ею в гробнице, она чувствует, как прибавились ее силы.

Яблонский любопытствовал взглянуть на эту муку. Она оказалась порошкообразной массой, сероватого цвета, несколько острой и солоноватой на вкус.

Не было сомнения, что это был сложный, искусственно приготовленный питательный порошок, не утративший своих свойств в течение тысячелетий.

Запаса его для двоих хватило бы более чем на год. Таким образом, с этой стороны нечего было бояться какой-либо опасности.

Наконец, радость возвращения к жизни и сознание сравнительной безопасности так повлияло и на Яблонского и на Самойлову, что все заботы их теперь сосредоточивались лишь на ближайшем будущем.

С другой стороны, они невольно вынуждены были к бездействию, дожидаясь окончательного выздоровления Яблонского.

Молодой ученый поправлялся быстро; дня через три после того, как он пришел в себя, он мог уже приподняться с постели и сделать несколько шагов по комнате.

Оба с нетерпением ожидали того времени, когда им можно будет отправиться для обозрения прилежащей к катакомбам местности и отыскания пути на поверхность Земли.

А пока целые часы проходили в том, что молодые люди, часто даже забывая свое положение, проводили друг около друга в бесконечных разговорах и предположениях о будущем, сулившем им столько неизведанного и хорошего.

Время пролетало для них быстро и незаметно.

Глава 19.

Огненная равнина. - Идти вперед или возвращаться назад? - По дну балки. - Подземная флора. - Сновидение мистера Лекомба. - Плезиозавр и неприятное пробуждение. - Возобновление запасов. - Ископаемая птица. - Признаки обитаемости. - Ожидание. - Друзья или враги.

- Мистер Лекомб!! Коллега!! Holla (что-то вроде «ау»! (исп.)!..

Этот сильный окрик достиг до ушей геолога и заставил его остановиться.

Мистер Лекомб, задыхаясь от усталости и от невыносимой жары, взбирался в это время по крутой возвышенности, которой, казалось, не будет конца.

Прошло уже более суток с тех пор, как оба геолога расстались со своими спутниками и отправились в дальнейший путь, направляясь к центру Земли.

...За ними расстилалась безграничная равнина, озаренная в дальнем конце багрово-ярким пламенем...

Обогнув подземное озеро, они увидели, что с другой стороны за ними расстилалась безграничная равнина, озаренная в дальнем конце багрово-ярким пламенем, при свете которого ясно вырисовывались там и сям разбросанные скалы. Багровый отблеск достигал сводов, терявшихся в бесконечной высоте.

Ученые были поражены представившейся им фантастической картиной.

Громадные огненные столбы, поднимавшиеся на горизонте, подпирали, казалось, земные своды.

Сэр Муррей тотчас предположил, что этот свет обязан своим происхождением извержению воспламенившейся от какой-либо причины нефти.

Громадные хранилища этого масла, скрытые в недрах Земли, представляют неиссякаемый запас горючего материала.

Соединяясь в громадные массы под весьма высоким давлением, нефть пролагает тогда себе путь через толщи пластов и, выбравшись на свободу, взлетает кверху в виде гигантских фонтанов.

Такие фонтаны, но только огненные, воспламенившиеся под влиянием случайных причин, освещали теперь необъятные пустоты земной глубины.

Мистер Лекомб, после нескольких минут неподвижного изумления, пришел в неопределенный восторг. Его неудержимо повлекло туда, в освещенную багровым заревом даль, к источнику подземного света.

Сэр Муррей, более сдержанный и хладнокровный, тщетно останавливал своего товарища, вскоре опередившего его на значительное расстояние.

Громадная площадь поднималась отлогими уступами, на самом горизонте ограниченными скалами, из-за которых вырывались столбы пламени. При восхождении на один из таких уступов мистер Лекомб услышал крики Муррея.

Француз был недоволен.

- Положительно, - ворчал он про себя, - этот англичанин становится несносен. Что ему еще надо от меня?

Однако он не решался идти далее.

Через четверть часа его коллега стоял уже около него.

- Что такое случилось? - резко спросил мистер Лекомб.

- Довольно неприятная вещь, едва ли поправимая. Нам придется немедленно вернуться назад...

- Назад?

- Да.

- Да вы шутите?

- Нисколько. Выслушайте меня и...

- И слушать не хочу! Возвращаться назад, когда перед нами неопределимое, непередаваемое зрелище, которого не видел ни один человек в мире! Нет, извините меня, но это возможно только с вашей английской флегмой!.. Ведь вы...

- Да позвольте! - начал в свою очередь горячиться сэр Муррей. - Я вполне согласен с вами, что было бы в высшей степени интересно исследовать эту долину, перебраться через горы и достигнуть нефтяных источников. Но поймите же, что прежде чем исполнить все это, мы умрем с голоду!..

- Как это?!

- Очень просто! Мы рассчитывали, что оставленных нам запасов мясного шоколада хватит на пятнадцать суток. Оказывается, что Самойлов или Яблонский - кто-то из них - по ошибке захватили мой ранец вместо своего.

- И?

- И, таким образом, у нас оказалось провизии в обрез только для того, чтобы достигнуть поверхности Земли. Нечего и думать о продолжении пути!

Мистер Лекомб задумался. Казалось, услышанное им известие поставило его в тупик.

Но это продолжалось лишь одно мгновение: маленький человечек неожиданно встрепенулся, выпрямился во весь рост и, подняв кверху правую руку, торжественно произнес:

- Милорд, кто вы такой?

Сэр Муррей буквально опешил от неожиданного вопроса.

- Я, - произнес он, - как вам известно...

- Геолог! - перебил его француз. - Человек, для которого дороже всего на свете интересы науки. И вот, когда мы стоим на пороге великих открытий, вы говорите мне о недостатке в каком-то порошке, который будто бы необходим для нашего существования!

Помилуйте, да разве может остановить истинного ученого подобное ничтожное препятствие? Хорошо, мы будем истреблять лишь по щепотке этого порошка в сутки, но

мы не отступим, сэр, нет, никогда. По крайней мере, я пойду вперед! Дайте мне мою долю и я пойду вперед! Пойду один.

- Ни в каком случае один вы не пойдете! - воскликнул англичанин. - Конечно, вам придется голодать, но, уменьшив ежедневную порцию впятеро, мы все-таки в состоянии будем двигаться. Вперед, сэр, если только нам на пути не встанет другое неодолимое препятствие!

- Какое?

- Жар, постепенное повышение температуры по мере приближения к источникам горячей нефти. Разве не замечаете вы, что жара становится все нестерпимее?

Конечно, мистер Лекомб давно испытывал на себе влияние этого обстоятельства: на нем, как говорится, нитки сухой не было. Но ясно сознал он все только сейчас, после слов своего товарища.

Действительно, термометр уже теперь показывал свыше 40 °С. Почва была заметно нагрета. Очевидно, что по мере приближения к гигантскому очагу температура будет все повышаться и дойдет, наконец, и самом непродолжительном времени до той точки, когда всякий шаг далее будет грозить неминуемой гибелью.

Но и перед этим неодолимым препятствием упрямый француз не захотел отступить.

- Что же, - решил он, - мы пойдем вперед, пока будет возможно. Когда станет невыносимо двигаться по прямой линии, мы пойдем параллельно линии огня и исследуем эту часть земной внутренности во что бы то ни стало! Кроме того, я думаю, что когда мы достигнем подножия тех гор, которые виднеются на горизонте, или вступим в область отбрасываемой ими тени, мы будем в достаточной степени защищены от непосредственного Действия огня. Во всяком случае, попытаемся!

Таким образом, спорный вопрос был разрешен: ученые остались верны своему характеру и пренебрегли опасностью ради удовлетворения ненасытимой жажды новых знаний и открытий.

Трудно было определить на глазок расстояние, отделявшее путешественников от цели их пути, то есть от места извержения нефти. Но во всяком случае, подземная долина простиралась в длину не менее как на восемьдесят верст; следовательно, требовалось не менее двух суток, чтобы пройти это расстояние. Принимая же во внимание неровную, изрезанную поверхность долины, легко можно было предположить, что переход потребует гораздо более времени.

Пренебрегая утомлением, путешественники бодро двигались по отлогой возвышенности, составлявшей первый уступ из числа нескольких поднимающихся друг над другом террас. Достигнув гребня этой возвышенности, они увидели, что она круто обрывается, образуя внизу глубокую балку, полукругом опоясывавшую подошву следующей террасы. Круто загибаясь, эта балка, казалось, прорезывала всю долину и подходила к самым почти горевшим нефтяным источникам.

Спустившись в нее, путешественники сразу почувствовали значительное понижение температуры, так как они были теперь защищены от непосредственного действия огня. Самый удобный и легкий путь шел, таким образом, по дну этой балки. Не говоря уже о том, что, следуя этим путем, они не в такой степени испытывали действие жары, им, кроме того, не приходилось взбираться вверх на террасы и снова спускаться вниз. Дорога по дну балки представляла на каждом шагу зрелища одно другого грандиознее и фантастичнее: каменные громады, высившиеся по ее берегам, то нависали над ней, суживаясь до такой степени своими вершинами, что образовывали как бы свод; то

внезапно берега оврага отходили в стороны, образуя отлогие спуски, за которыми виднелась освещенная пожаром панорама подземной долины.

Огненные блики яркими кровавыми пятнами пестрили стены и дно балки, тонувшие в прозрачной полутени. Местами там, где скалы нависали над балкой, сумрак сгущался, и тем эффектнее была игра внезапно прорывавшегося яркого огненного луча.

Дно оврага покрыто было мягкой и, что всего удивительнее, слегка влажной почвой.

Мистер Лекомб предполагал, что присутствие влажности доказывает, что балка служит местом скопления подземных вод.

Сэр Муррей уклонялся высказать свое мнение по этому поводу, хотя и не возражал французу. Но тот не склонен был удовольствоваться молчаливым ответом и, по обыкновению, неотступно требовал категорически высказанного заключения.

- У вас, милорд, - говорил он, - в высшей степени странная манера уклоняться от прямого ответа... Чрезвычайно странно...

- Но если я не имею определенного взгляда по этому вопросу?

- Я его и не требую. Но ведь у вас есть же какое-нибудь предположение?..

- Есть.

- Какое же?

- Я не хотел его высказывать из боязни возбудить спор, который не может привести к какому-либо определенному результату. Но если вы так хотите, то я считаю лишним уклоняться. Я полагаю, что влажность почвы, замечаемая нами, есть явление временное и зависит от того, что здесь весьма недавно выпала масса атмосферических осадков...

- То есть попросту шел дождь?

- Именно!..

- Даже, может быть, ливень?

- Наверное!

- И гроза была? Гром гремел?

- Я так думаю:

Мистер Лекомб иронически улыбнулся. В сущности, он сам признавал, что не имеет сколько-нибудь достаточных оснований для возражения. Но сразу согласиться со своим коллегой всегда было выше его сил.

В самом деле, предположение сэра Муррея не имело в себе ничего невозможного: в громадных пустотах земных недр неминуемо должно было происходить сгущение и осаждение паров, образовавшихся при испарении подземных вод. С этим предположением, впрочем, мистер Лекомб, пожалуй, и помирился бы, но сэр Муррей, раз начав, пошел дальше: по его мнению, все земные перевороты, катаклизмы, обязаны своим происхождением громадной энергии, освобождавшейся во внутренности Земли при переходе воды из парообразного состояния в жидкое.

Он полагал, что для громадных работ при земных переворотах этой энергии достаточно с избытком.

Чтобы понять, какую громадную механическую работу может произвести освобожденная энергия при переходе воды из парообразного состояния в жидкое, сэр Муррей взял для сравнения работу ураганов на земной поверхности.

Самое страшное опустошительное действие производят так называемые *циклоны*, то есть вихреобразные бури, имеющие одновременно поступательное и вращательное вокруг своей оси движение. Циклоны, смотря по месту происхождения, носят различные названия: тифонов, торнадосов (торнадо) и тому подобного.

Вычислена работа одного урагана, произведшего страшные опустошения.

Вихревой цилиндр имел в диаметре более двухсот английских миль, при высоте в сто метров. Скорость ветра по окружности цилиндра доходила до девяноста английских миль в час.

Вычислив объем этого громадного цилиндра, мы найдем, что каждую секунду в него притекало извне четыреста двадцать миллионов кубических метров! Масса эта весила около пятисот миллионов килограммов!

Для движения этого втекавшего воздуха употреблена была работа в четыреста семьдесят три миллиона лошадиных сил в течение трех суток, то есть в пятнадцать раз больше той, которую производят в течение одинакового времени все ветряные мельницы, водяные колеса, паровые машины, локомотивы и соединенные силы человека и животных на всем земном шаре!

Откуда же взялась энергия, потребная для производства этой необъятной работы?

Известна связь между ураганами и сопровождающими их страшными ливнями: во всех случаях ливни сопровождают ураганы.

Чтобы судить о размерах этих ливней, достаточно сказать, что во время одного урагана выпало в течение сорока восьми часов девять английских кубических миль дождя.

С точки зрения механической теории теплоты теплота есть один из видов энергии, способной производить работу.

При переходе тела из твердого в газообразное состояние температура жидкости во все время перехода не повышается, то есть теплота, потребляемая телом извне, не обнаруживает действия на термометр.

Куда же она девается?

Она идет на работу расщепления частиц жидкости почти точно так же, как нагретое до известной температуры твердое тело сохраняет эту температуру без изменения до перехода в жидкое состояние.

Эта теплота скрывается и хранится в потенциальной форме в газообразном состоянии тела.

Для измерения количества теплоты за единицу принимают количество теплоты, потребное для нагревания одного килограмма воды от 0 до +1°C. Эту единицу называют *калорией*.

Теперь, девять английских миль дождя в 48 часов дают в секунду 213333 кубических метров, или 213 1/2 миллиона килограммов. При сгущении 213 1/3 миллиона килограммов водяного пара дождь освобождает 128 миллиардов калорий скрытой теплоты, которая потребовалась ранее для обращения воды в пар. Превращенная в механическую работу, тысячная часть этого количества достаточна для того, чтобы произвести ту живую силу, которой обладал приведенный для примера циклон.

Для сэра Муррея казалось вполне достоверным, что все приписываемое вулканистами действию подземного огня легко объясняется действием поглощаемой землей солнечной энергии. Для него освобождение солнечной энергии при переходе паров в жидкость было лишь наглядным примером для понимания того пути, которым источаемая солнцем энергия производит работу в земных недрах.

С этим смелым предположением мистер Лекомб не хотел ни за что согласиться. Положим, его основное положение было опровергнуто самым непреложным образом: внутренность Земли не находилась в том огненно-жидком, расплавленном состоянии, как это представлялось ему прежде. Самое пребывание его на такой глубине, где, по учению

вулканистов, должна была уже клокотать огневая масса, служило для него нагляднейшим доказательством.

Но соглашаться сразу было не в характере упрямого ученого.

Сэр Муррей хорошо понимал это и потому, высказав свои предположения с обычной последовательностью, уклонился от всякого спора, желая дать время своему товарищу примириться с необходимостью резко изменить ту точку зрения, на которой он стоял до сих пор по отношению к научным вопросам. Случай благоприятствовал англичанину и помог ему отвлечь внимание своего товарища от начинавшегося спора.

Следуя по дну балки, путешественники стали замечать, что оно постепенно повышается и что вместе с тем берега балки расходятся шире и, поднимаясь отлого, сливаются с поверхностью долины.

Одновременно температура стала быстро повышаться и идти становилось все труднее и труднее.

Следуя этим же путем, они скоро достигли бы поверхности долины и очутились бы под непосредственным действием огня.

К тому же продолжительная дорога давала уже себя чувствовать.

Тогда решено было отдохнуть в тени, отбрасываемой берегами балки, и затем решить, какого направления держаться при дальнейшем следовании.

Выбрав местечко, вдававшееся в берег и защищенное крутым спуском от действия огня, путешественники с наслаждением расположились на влажной земле, сбросив свои ранцы и оружие.

Но не прошло и секунды, как оба в немом изумлении принялись рассматривать почву, на которой расположились.

- Что это? - произнес мистер Лекомб, стараясь в царившем полумраке рассмотреть какой-то захваченный им с земли предмет.

Вместо ответа англичанин взял свою лампу и, замкнув ток, направил струю света на землю.

Мистер Лекомб воспользовался этим, чтоб тотчас назвать предмет, который привел его в такое изумление.

- Трава! - вскричал он.

Действительно, он держал в руках пучок травы, только что им сорванной. Земля кругом была покрыта растительностью.

Но эта трава по своему цвету резко отличалась от той, которая произрастает на поверхности Земли: она не отливала изумрудной зеленью, но была неопределенного красновато-серого цвета; сливаясь с цветом окружающей земли, она была совершенно незаметна издали.

Стебли ее были вялы, тонки, а рост не более полутора вершков.

Тем не менее факт был несомненен: во внутренности Земли существовала растительность!

Точно сговорившись, оба быстро вскочили, взобрались по крутому берегу и вышли на залитое огненным светом ровное пространство.

Обоих подтолкнула одна и та же мысль: не найдут ли они признаков растительности на расстилавшейся перед ними равнине?

Но там, на совершенно открытом пространстве, жар был так силен, что не было возможности пробыть более нескольких минут. Само собою разумеется, что при такой температуре нельзя было встретить какой-либо растительности. Тем не менее, черный перегорелый порошок, покрывавший почву, был, по мнению обоих геологов, несомненно

растительного происхождения. Объяснялось это тем, что в недалеком прошлом температура была значительно ниже: по всей вероятности, источники нефти, ближайшие к равнине, не были еще тогда охвачены пламенем.

Спустившись снова в овраг, путешественники решили преодолеть усталость и расположиться на отдых, пройдя несколько далее. Их побуждало к тому желание встретить каких-либо более видных представителей подземной флоры.

Пройдя несколько сот саженей далее по дну балки, они увидели, что влево от нее отделяется отрог, круто спускающийся книзу.

Так как идти по балке, почти уже сравнявшейся с поверхностью, было чрезвычайно тяжело, то они спустились в отрог.

Через несколько шагов их сразу охватил влажный, теплый воздух. Нога легко ступала на покрытую мхами почву.

Чувствовалось, как под влиянием сильного тепла земля отдавала воздуху свои испарения. Вскоре путешественники вступили в область обильной растительности: по дну и по низу скатов отрога раскиданы были целые кущи громадных папоротников и других видов тайнобрачных.

Чудный и странный вид представляли гигантские листья, окрашенные все в тот же однотонный красновато-серый цвет. Представителей явнобрачных не встречалось, за исключением вида, очень подходившего к круглолистой росьянке, обильно произрастающей на поверхности Земли по болотистым местам. И здесь почва оврага зыбилась под ногами, кое-где попадались отверстия колодцев, наполненных тепловатой противного вкуса водой. Но вскоре по дну оврага заструился светлый холодный ручей, выбегавший из-под крутого берега и сбегавший вниз по склону.

Измученные путешественники с наслаждением освежили себя студеной водой и, расположившись под кущей гигантских папоротников, заснули мертвым сном после своего более чем скудного завтрака.

Мистеру Лекомбу снилось, что он в громадном собрании делает доклад французской академии о своих открытиях. Его речь лилась плавно и последовательно. Вся зала, затаив дыхание, внимала словам ученого-геолога. Он ликовал, наслаждаясь выпавшим ему на долю торжеством и собственным успехом. Но вот он видит в первых рядах, публики фигуру сэра Муррея с иронически улыбающейся, насмешливой физиономией.

Мистеру Лекомбу показалось крайне оскорбительным ироническое отношение англичанина к его речи. Нахмурившись и придав возможно грозное выражение своему лицу, он только что поднял было руку с угрожающе-величественным жестом, готовясь обратиться с резким замечанием к своему бывшему сотоварищу, как вдруг почувствовал, что кто-то со страшной силой хватает его сзади за плечо, опрокидывает навзничь, и он стремительно летит куда-то вниз.

Мистер Лекомб открыл глаза и к неопisanному ужасу своему увидел наклоненную к самому его лицу громадную разверстую пасть какого-то чудовища, обдававшую его своим горячим дыханием.

Но вот чудовище приподнялось на своих коротких лапах, мистер Лекомб видел, как одна из них приподнялась, затем почувствовал знакомое прикосновение к своему плечу, сильный толчок, и, повернувшись, он покатился с крутого берега оврага, на котором отдыхал.

Мистер Лекомб быстро очутился внизу, в нескольких саженях от чудовища. Но он и не подумал вскочить и обратиться в бегство: страх парализовал все его движения. Лежа

навзничь, он видел, как чудовище приподняло свое громадное, длинное, бревнообразное туловище и, грузно, но мягко опираясь на короткие лапы, медленно двинулось по склону оврага, направляясь к нему.

Мистер Лекомб, несмотря на сковывавший его ужас, тотчас узнал чудовище: это был плезиозавр, ископаемое чудовище, давно исчезнувшее с лица Земли!

Но в это мгновение геолог никак не мог припомнить, относится ли плезиозавр к числу плотоядных животных или нет? Другими словами, приближается ли к нему страшный обитатель подземного царства с целью опять поиграть с ним, заставляя его перекатываться с боку на бок, или с целью немедленно позавтракать? Но чудовище было уже всего в нескольких аршинах. Только теперь французский ученый вспомнил, что ему давно следовало искать спасения в бегстве! Но было уже поздно: не успеет он подняться на ноги, как будет настигнут.

Мистер Лекомб закрыл глаза в ожидании страшного мгновения...

Мистер Лекомб закрыл глаза, в ожидании страшного мгновения...

Вот он чувствует, что лишь какой-нибудь фут отделяет его от страшной пасти. Еще секунда и...

Но в то же мгновение прогремел выстрел, за ним другой...

Мистер Лекомб почувствовал, как на него навалилась и придавила его какая-то тяжелая масса. Он потерял сознание...

Очнувшись, он увидел заботливо склонившегося над ним англичанина, смачивавшего его голову водой и старавшегося привести его в чувство.

- Надеюсь, вы не ранены? - произнес англичанин, лишь только мистер Лекомб открыл глаза.

- Нет, - едва мог выговорить в ответ геолог, все еще не приходя окончательно в себя, - кажется, что нет. И я не съеден?

- О нет! - засмеялся сэр Муррей.

- А где же это чудовище?

- Вот!

Сэр Муррей указал на распростертый труп плезиозавра.

- Это плезиозавр?

- Совершенно верно. В высшей степени интересная встреча.

- Ну, не скажу! - простонал Лекомб.

- Да, конечно, смотря с точки зрения случившейся с вами неприятности...

- Неприятности, - прервал его француз, - быть съеденным заживо вы называете не более как только неприятностью?

- О, до такого печального конца я бы не допустил...

- Однако чудовище схватило меня...

- Оно, по-видимому, заинтересовалось вами. Проснувшись, я увидел, как оно перевернуло вас, - вы скатились на несколько шагов вниз и, вероятно, проснулись. Пока я успел схватить ружье, плезиозавр снова был около вас. Стрелять было крайне рискованно в полутьме, царящей здесь. Конечно, в крайности я бы решился. Но животное ограничилось тем, что снова столкнуло вас вниз с откоса. В третий раз дотронуться до вас я ему уже не дал... Смотрите!

Англичанин указал на труп плезиозавра: продолговатый череп животного был разможжен разрывными пулями.

Теперь ученые с любопытством рассматривали ископаемое. Даже Лекомб считал, что он вознагражден вполне за испытанную опасность.

За немногими детальными исключениями труп ископаемого вполне схож был с тем описанием, которое дал знаменитый Кювье по нескольким отпечаткам, сохранившимся в пластах.

Встреча с плезиозавром принесла еще ту пользу, что теперь оба ученых были надолго обеспечены запасом провизии.

Громадная туша, разрезанная на продолговатые полосы, была вынесена наверх на раскаленную почву; через три часа под действием умеренного сравнительно жара мясо провялилось и высохло.

Ученые торжествовали: нужды не было, что теперь каждому из них предстояло нести по пуду лишнего веса. Мистер Лекомб даже досадовал, что приходится бросать громадный запас провизии. Но делать было нечего. Оставшееся громадное количество мяса было тщательно припрятано на тот случай, если бы назад пришлось идти тою же дорогой, и путешественники отправились в дальнейший путь.

Местами они выходили из оврага, чтобы узнать, не представится ли возможности перейти хотя часть по открытой местности и приблизиться к гигантскому пожару или хотя бы к гряде скал, опоясывавших его полукруглою лентой.

Но всякий раз попытка бывала напрасна. Наконец самый овраг, которым они шли, круто повернул в сторону и тянулся теперь не по направлению к цели их путешествия, а почти параллельно с рядом огненных столбов и даже немного отклонялся в сторону.

Таким образом, ученые пересекли подземную долину по растянутой кривой и шли теперь по обратному пути, параллельно с той дорогой, по которой следовали раньше.

На седьмые сутки пути вдали вырисовались мрачно вздымавшиеся стены, ограничивавшие долину: путешественники пересекли подземную пещеру.

Теперь они были значительно ниже, чем в середине своего пути: перед ними снова во всем величии вырисовалась на верхнем плане грандиозная панорама долины, залитой огнем.

Овраг стал круче спускаться книзу, растительность по его дну и склонам значительно уменьшалась; почва становилась каменистее, тверже.

Все показывало, что наносные пласты скоро сменятся каменным массивом.

Действительно, овраг вскоре перешел в продолговатое ущелье, прорезывавшее в стене, ограничивающей пещеру, зиявшее мраком отверстие, в котором скрывался ручей.

Оставалось или следовать вдоль стены пещеры, или вступить во вновь открытый подземный проход.

В распоряжении ученых оставалось еще трое суток, которые и решено было употребить на осмотр прохода, а затем уже возвратиться назад, чтобы успеть в назначенный для свидания срок к гробнице Дараайена.

Лампы были зажжены, и оба геолога вступили в галерею.

Лишь только прошли они несколько шагов, как яркий свет лампы упал на какой-то предмет, быстро улетающий от них вдоль ручья. В обманчивом свете электрических ламп очертания предмета казались непомерно большими, что ввело было сначала в заблуждение геологов.

Но сэр Муррей скоро определил, с кем пришлось иметь дело на этот раз.

— *Птица!* — крикнул он, вскидывая ружье

- Птица! - крикнул он, вскидывая ружье.

Выстрел грянул, и животное неподвижно распростерлось на земле. Быстро подбежав к убитой добыче, ученые увидели, что хотя животное и походило на птицу, но не вполне: передние конечности, мало развитые, лишь слабо напоминали крылья; яйцообразное туловище, утвржденное на длинных ногах, было обтянуто морщинистой кожей, кое-где покрытой волосами; вокруг удлиненной шеи, у основания, было ожерелье из жестких перьев - таких же, как и на передних конечностях.

Форма головы и продолговатый суживающийся к концу клюв доказывали, что животное, несомненно, находится в близком родстве с птицами. Но зато внутренняя полость рта была усажена двумя рядами зубов.

Оба ученых тотчас определили, что перед ними находился ископаемый птицегад (арсчаеоптрих).

К сожалению, добыча эта не принесла никаких практических результатов: ее пришлось бросить, так как для заготовления мяса впрок пришлось бы возвращаться далеко назад и, кроме того, путешественники и так были обременены запасами.

Сэр Муррей так долго рассматривал любопытное ископаемое, что мистер Лекомб должен был несколько раз напоминать ему, что пора идти далее.

Нехотя оторвавшись от трупа птицегада, английский ученый, казалось, все-таки не был вполне удовлетворен.

- Обратили вы внимание на глаза убитого животного? - спросил он своего товарища.

- Особенного внимания не обратил. Но в чем дело?

- Несомненно, что эти ископаемые животные, населяя в отдаленные эпохи Землю, обладали вполне развитым органом зрения. Несомненно также, что всякий орган, не упражняемый в течение весьма многих поколений, атрофируется и исчезает. Теперь убитые нами представители ископаемых, заброшенные во внутренность Земли, жили в течение долгих тысячелетий при таких условиях, когда орган зрения не мог упражняться, - иными словами, у убитых экземпляров, по-моему, вовсе не должно бы было существовать глаз; - самое большее, что они могли иметь, - какие-либо признаки, по которым можно было бы определить, что они когда-то обладали этим органом. Между тем, как и вы, вероятно, заметили, как у убитого нами плезиозавра, так и у этого птицегада орган зрения представляется вполне развитым. Во всяком случае, я склонен думать, что они были слепы.

- Но разве вы не можете допустить, что в недрах Земли освещение, которое мы только видели, - явление весьма обычное?

- Только именно это объяснение и удовлетворяет меня несколько. Тем не менее глаз подземных животных во внутреннем строении должен иметь резкие особенности. Выведенные на поверхность Земли эти животные едва ли способны бы были видеть при солнечном свете. Но что это?

Сэр Муррей остановился: в гранитной стене галереи была высечена ниша совершенно правильной формы.

Оба ученых при первом взгляде убедились, что они видят произведение человеческих рук. В глубине ниши был сложен из прекрасно обточенных камней небольшой очаг.

Принадлежал ли этот очаг таинственному Дараайену и его спутникам или же он был сложен пещерными жителями?

Неужели в глубине Земли им суждено натолкнуться не только на ископаемых животных, но и на ископаемого человека?

Никто не мог дать ответа на эти вопросы. По-видимому, в очаге давно уже не разводилось огня, но сколько именно времени - сказать было нельзя.

Движимые возбужденным до крайней степени любопытством, ученые после подробного осмотра неожиданной находки поспешно отправились далее, в чаянии встретить какие-либо указания для более точных предположений.

Надежда их не обманула: по течению ручья они нашли несомненно искусственно пробитый в камне резервуар, служивший запасным хранилищем воды. Кое-где попадались высеченные на стенах санскритские надписи, смысл которых, к сожалению, был непонятен для геологов.

Все указывало, что когда-то в этой, по крайней мере, части внутренность Земли была обитаема.

Крайне скептически относившийся ко всему ранее, мистер Лекомб теперь не переставал фантазировать на тему о возможном существовании подземных жителей.

Сэр Муррей молча слушал подчас не лишённые остроумия соображения своего товарища, но ничем не выказывал своего сочувствия.

Думая первоначально употребить лишь сутки на осмотр галереи, ученые решили теперь пройти возможно далее: они были уверены, что, придя на условленное свидание ранее их, Яблонский и все, кто будет его сопровождать, не беспокоятся и не посетуют, если они опоздают на несколько суток.

Был уже двенадцатый день с тех пор, как путешественники расстались друг с другом у гробницы, а оба геолога все еще продолжали свой путь по подземной галерее.

Попадавшиеся им все чаще и чаще различные признаки, доказывавшие присутствие людей, заставляли их откладывать возвращение.

К концу четырнадцатых суток они дошли до того места, где подземная галерея разделялась надвое: в один из коридоров протекал ручей, по течению которого они следовали все время, а другой, больших размеров, круто поворачивал в сторону. В месте деления галерей образовывалась довольно обширная пещера.

Лишь только оба ученых вступили в эту пещеру, как сразу почувствовали знакомый им специфический запах нефти. При внимательном осмотре они нашли узкий боковой ход, приведший их к громадному вместилищу горючего масла. По узкой ложбине нефть стекала в пещеру и соединялась с ручьем на его дальнейшем течении.

Открытие это само по себе не представляло особой важности. Но, осматривая пещеру, ученые наткнулись на сложенный из камней очаг, под которым было небольшое углубление; на дне его еще были остатки нефти.

Свежая копоть покрывала камни: не могло быть сомнения, что очень еще недавно под этим очагом был разведен огонь. Само собою разумеется, что развести этот огонь мог только человек.

Мистер Лекомб торжествовал: ископаемые люди существовали, на этот раз его предположения были верны.

Со своей стороны, сэр Муррей не знал, что возразить: он не мог отрицать того неопровержимого факта, что кроме них был еще кто-то в недрах Земли.

Но теперь вопрос становился очень серьезным.

Что это за люди? Как они встретят неведомых пришельцев?

Не будет ли более благоразумным на время укрыться и занять выжидательное положение? Таково было мнение англичанина.

Но Лекомб смотрел на этот вопрос иначе, с другой точки зрения.

Как? Потомки величайшего из людей могли спуститься до положения дикарей? Опасаться встречи с ними? Но это безумие.

Сэру Муррею понадобилось много времени, чтобы доказать своему товарищу ошибочность его взгляда.

Во-первых, ничто не указывало на то, чтобы подземные обитатели обладали высокой культурой: до сих пор они не встретили даже ничего, похожего на жилище культурного человека, ничего, напоминающего постройки, найденные ими на поверхности Земли. Следовательно, если подземные обитатели и были потомками людей, воздвигнувших дивное здание обсерватории, то они, во всяком случае, утратили дары цивилизации, спустились на низшую ступень.

Может быть, они стоят теперь на той же стадии развития, как какие-нибудь новозеландцы? Во всяком случае, жизнь в недрах земли, по мнению геолога, должна была повести к вырождению расы.

К чему же рисковать какой бы то ни было опасностью?

В конце концов мистер Лекомб должен был уступить неопровержимым доводам своего товарища.

Нефть, очевидно, служила подземным жителям в качестве горючего материала. По всей вероятности, громадный резервуар, найденный учеными, служил для них источником, из которого они пополняли свои запасы.

Таким образом, оставаясь вблизи от нефтехранилища, путешественники почти наверное могли рассчитывать на появление кого-либо из пещерных обитателей.

В гроте, где находился резервуар с нефтью, было весьма удобно спрятаться в одной из многочисленных трещин стены. Отсюда можно было видеть и проход, который вел в грот из пещеры, и внутренность самого грота.

Кроме того, грот обладал замечательным акустическим свойством: всякое слово, даже шепотом сказанное в пещере, в самом отдаленном ее уголке, было прекрасно слышно в гроте.

С другой стороны, ни один звук не проходил из грота в пещеру.

Определив это свойство, ученые окончательно установили план действий и спрятались в одной из трещин внутри грота, поблизости от прохода.

Лампы были потушены, и среди невозмутимой тишины оба с замиранием сердца старались уловить какой-либо звук извне.

Прошло более часа. Мистер Лекомб начал было уже жаловаться на добровольное заключение, как вдруг ясно раздавшийся человеческий голос заставил обоих вздрогнуть, как от удара электрической искры. До ученых не только ясно долетал звук голоса, но и самые слова.

Язык, на котором говорил неизвестный, был для них непонятен, мало того, он не походил ни на один из европейских языков, хорошо известных ученым.

Несомненно, говорил мужчина: голос был громок, звучен, но тембр его был глух вследствие того, что звуки расходились волнами по гроту.

Но вот в ответ первому раздался другой голос, более мягкий и звонкий, принадлежавший, по-видимому, или женщине, или мальчику. Голоса приближались.

Ясно было, что говорившие шли по направлению к гроту.

Сэр Муррей инстинктивно сжал в руках свою двустволку. Мистер Лекомб вытащил револьвер, с которым не расставался со времени приключения с плезиозавром.

- Они сейчас будут здесь! - прошептал он, наклоняясь к уху сэра Муррея.

- Старайтесь не выдать своего присутствия ни в каком случае! - отвечал тот, напряженно всматриваясь по направлению ко входу.

Голоса замолкли.

Прошло еще две-три секунды, и яркий луч света прорезал тьму. Внутренность грота осветилась, но вошедшего плохо было видно, так как лучи, исходя от лампы, привешенной к его поясу, оставляли его в полуосвещенном пространстве.

Тем не менее можно было рассмотреть, что вошедший был высокого роста, строен, и, что было страннее всего, костюм его с первого взгляда походил на одежду самих геологов.

Вошедший сделал еще несколько шагов во внутренность грота, подошел к краю резервуара и наклонился, очевидно намереваясь наполнить сосуд, бывший в его руке.

...Луч света упал на его лицо, и в то же мгновение оба ученых громко вскрикнули от изумления...

Лишь только он наклонился, как луч света упал на его лицо, и в то же мгновение оба ученых громко вскрикнули от изумления: перед ними был не кто иной, как Яблонский. Молодой ученый был поражен еще более неожиданной встречей: при первом раздавшемся восклицании он выпрямился и сделал было шаг назад, но тотчас узнал выбежавших из своей засады Лекомба и сэра Муррея и бросился к ним навстречу.

- Пещерный житель! - расхохотался Лекомб, пожимая руку Яблонскому.

- Напугали вы нас! - признался со своей стороны, сэр Муррей.

- Каким образом очутились вы здесь? - удивлялся Яблонский. - Я думал, что вы ждете нас у гробницы...

- А мы думали, что вы ждете нас...

- Я не был на поверхности Земли...

- Почему?!

- Долго рассказывать. Пойдемте к моему товарищу - он ждет в пещере. Но сначала, господа, позвольте мне вас предупредить...

Яблонский передал в коротких словах историю своей невесты.

Тут только мистер Лекомб спохватился.

- Ба! - вскричал он. - А я-то удивлялся и не поверил своим глазам, когда заметил...

- Что?

- Как вы поцеловали руку у юнги! И как было давно не догадаться!..

- Мы теперь стоим в очень неловком положении перед вашей невестой, - заметил сэр Муррей, английская чопорность которого была задета. - Мы не считали нужным стесняться...

- Делать нечего! - прервал Яблонский.

- Конечно. Во всяком случае, я рад, очень рад. Поздравляю вас!

- Поздравляю! - спохватился и мистер Лекомб.

- Благодарю, господа. Но идемте!

Невеста Яблонского была не менее его удивлена появлением обоих ученых.

Когда утихли первые несвязные вопросы, всегда неизбежные при неожиданной встрече, Яблонский подробно рассказал все, что произошло с ними со времени разлуки.

- Когда я поправился, - передавал он, - и в состоянии был идти, мы тщательно исследовали все проходы по тому направлению, которое ведет к выходу из кратера. К сожалению, все наши попытки оказались тщетны: все подземные галереи углубляются вовнутрь Земли. После трех суток бесполезных поисков мы вернулись к нашему жилищу и решили идти на свидание с вами, чтобы сообща решить, что делать.

Со своей стороны геологи рассказали все происшедшее с ними.

После долгих обсуждений решили обойти еще раз подземную долину и поискать выхода в другом направлении, но прежде дойти до центрального прохода и, следуя по течению подземной реки, узнать, не представится ли возможности каким-нибудь способом остановить отделение углекислого газа и затем вернуться назад старой дорогой.

К несчастью, прежним путем оказалось невозможным следовать: взрыв, от которого едва не погибли Яблонский и его спутница, отразился и на центральном проходе: своды обрушились, загроздив собой проход; река была запружена и обмелела. Потребовалась бы работа многих людей, чтоб проложить путь.

Оставалась одна надежда - напасть на какую-нибудь галерею, имевшую сообщение с одним из боковых ходов кратера.

Но сами ученые хорошо сознавали, как слаба была эта надежда...

Глава 20.

Окончание построек. - снаряжение «Марса» в обратный путь. - В ожидании открытия секрета Пояркова. - Думы господина Шрадера. - Прощальный обед. - Осуществление злодейского плана. - Катастрофа. - Без исхода. - Смелый план. - Баллоны. - Возвращение.

Между тем, пока четверо из участников экспедиции пытались проникнуть в глубь земного шара, жизнь колонии, устроившейся в области Северного полюса, была нарушена страшной катастрофой.

Закипевшая с первым появлением солнца деятельность внезапно приостановилась, и приходилось уже думать не о новых завоеваниях в области науки и техники, а прилагать все силы к спасению собственной жизни.

Станции, заложенные в разных местах материка, близки были к окончанию. Центральные постройки около обсерватории были уже совсем готовы.

Все было предусмотрено и рассчитано так, что долгая шестимесячная зимняя ночь не казалась страшна жителям колонии. Могучая сила электричества должна была отапливать жилища, приводить в действие разнородные машины и заменять собой солнечный свет. Предполагалось прежде для каждой станции устроить особую батарею из элементов Пояркова, но потом, в видах большего удобства, весь нижний этаж обсерватории обращен был в центральную станцию, от которой электрический ток, проходивший по проложенным в земле проводникам, передавался всюду, где требовалось его применение. Так как с батареей «Марса» можно было взять лишь весьма незначительное число элементов, а для новых не было материала, то воздушный корабль в непродолжительном времени должен был отправиться в путь и через несколько дней доставить необходимое количество платины и других предметов, в которых нуждалась колония.

Перед отъездом Поярков, решившись совершить рейс вместе с кораблем, должен был открыть ученым свой секрет и сделать свои элементы достоянием всех.

На центральной станции, у обсерватории, было приступлено и к устройству *гелиофоров*, то есть приборов, которые должны были поглощать солнечную энергию и хранить ее в потенциальной форме. Устройством гелиофоров подвинулся бы к разрешению и другой из поставленных экспедицией вопросов - об изменении климата материка Северного полюса. Действительно, обладая во всякое время значительным запасом солнечной теплоты, ученые могли бы ее употреблять для повышения температуры - тем более что еще на съезде ученых в Москве принципиально был разрешен вопрос и о передаче энергии на произвольное расстояние.

Понятно, что успех окончательно мог определиться лишь после многих опытов, требовавших столь значительного времени, что приведение в действие гелиофоров должно было отложиться до будущего лета.

Зима, то есть зимняя шестимесячная ночь, представлялась временем наиболее удобным для того, чтобы разрешить третью из поставленных задач - о возможности завести, в том или ином виде, сношения с обитателями планеты Марс.

Главным деятелем по разрешению этого вопроса явился, как и следовало ожидать, астроном Жак Леверрье.

Таким образом, во всей колонии кипела оживленная деятельность, и работы шли настолько успешно, что воздушному кораблю следовало торопиться доставкой необходимых материалов.

За несколько дней до отъезда Поярков перенес часть элементов с «Марса» в назначенное для помещения батарей здание обсерватории.

Воздушный корабль находился около башни, а с его палубы был устроен переход прямо на постамент, над которым возвышалась обсерватория.

В ожидании, что на материке Северного полюса для производства всевозможного рода работ придется прибегнуть к употреблению взрывчатых веществ, на воздушном корабле находилось восемьдесят пудов мелонита, взрывчатая сила которого в семьсот с лишним раз превосходила силу обыкновенного пороха.

Однако присутствие этого страшного вещества не угрожало опасностью ни воздушному кораблю, ни его обитателям: взрывчатая сила мелонита проявляется лишь в том случае, если через массу его будет пропущена электрическая искра. При соприкосновении с огнем мелонит горит без взрыва.

Благодаря этой особенности открытого учеными вещества при обращении с ним не соблюдалось особенных предосторожностей. Мелонит предполагалось поместить во

внутренности постаментов обсерватории, и с «Марса», ввиду скорого отъезда, около половины его было уже перенесено в назначенное для склада место.

Во внутреннем же помещении постаментов обсерватории работал и Поярков над помещением своих батарей.

За день до отлета «Марса» во вновь выстроенном здании близ обсерватории назначен был прощальный обед, после которого Поярков должен был объяснить устройство своего элемента.

Ученые с нетерпением ожидали этого объяснения, так как с приобретением нового могучего источника силы открывались новые пути для дальнейших успехов электротехники. Но особенным нетерпением и даже беспокойством отличался господин Шрадер. Чем ближе подходил срок, в который тайна воздушного корабля должна была сделаться достоянием всего мира, тем сильнее отражалось беспокойство и волнение на обыкновенно беззаботно-веселой физиономии химика.

Он целыми часами разгуливал вокруг обсерватории и около воздушного корабля, погруженный в глубокую задумчивость.

Порой возбуждение его доходило до того, что он начинал разговаривать сам с собой во время своих бесконечных прогулок.

Никто из ученых не питал особенной симпатии к господину Шрадеру, а потому ни для кого не было интересно допытываться до причин странного состояния его духа.

Если бы кто-либо мог подозревать, о чем думает день и ночь господин Шрадер, несомненно, общее равнодушие сменилось бы самым живым интересом.

К сожалению, никто не мог предполагать, что один из участников экспедиции с напряженным вниманием обдумывает план, который должен привести всех к конечной гибели!

Последнее время господин Шрадер начал колебаться: помимо того, как он сам подвергался значительной опасности, уничтожая воздушный корабль, минутами, при виде всеобщей энергичной деятельности, в нем пробуждалось желание отказаться от своих планов и снова сделаться тем, чем он был когда-то.

Мысль о том, что в случае неудачи мистер Смит может довести до сведения правосудия о некоторых не совсем приятных для него обстоятельствах, его не остановила бы ни в каком случае: не в одной Англии живут люди, и английская полиция никогда не добралась бы до тех мест, где он может скрыться. Наконец, едва ли мистер Смит рискнул бы пойти против своего соучастника.

Нет! Дело было в обещанном миллионе долларов.

Лишь только Шрадер начинал раздумывать и колебаться, как мысль об ожидаемом богатстве восставала перед ним во всем своем несравнимом обаянии!

Принадлежа к числу людей, одаренных пылким и страстным темпераментом, Шрадер способен был на энергичную борьбу, решимость его могла доходить до героизма. Но вместе с тем он совершенно был неспособен к ежедневной, последовательной и мелочной борьбе с обстоятельствами. Для него во всем необходим был широкий размах. Жажда жизни заставляла его всеми силами стремиться к богатству, но он сам понимал, что не был в состоянии постепенно скопить и сотни долларов, хотя, обладая миллионом, несомненно, мог бы его удесятерить. Для его широких планов нужны были большие деньги. И ради этих денег он пошел на путь преступлений.

Теперь он близок к осуществлению своих заветных желаний. Отступить поздно. Гибель экспедиции была решена.

Шрадер знал, что Поярков, уставив свои элементы в обсерватории, тотчас приведет их в действие, чтобы определить сопротивление проводников и вычислить точно потребное количество энергии для приведения в действие всех машин колонии.

На этом и был построен его план: электротехник должен был взорвать сам себя на воздух. Несмотря на строгий надзор, установленный за кораблем после необъяснимых покушений, Шрадер успел соединить электрические провода батарей с запасами мелонита, хранившимися на корабле, и с тем количеством, которое было уже перенесено в здание обсерватории.

Стоит Пояркову соединить ток - и страшное несчастье произойдет неизбежно.

Ко времени, назначенному для обеда, в общей зале вновь построенного здания собрались все ученые, в том числе и господин Шрадер. Не было только одного Пояркова, занятого последними работами по установке батарей.

Матросы, мастеровые и рабочие, за исключением дежурных, неотлучно находившихся на корабле, расположились группами на открытом воздухе вокруг зданий колонии. По случаю предстоявшего на другой день отлета воздушного корабля работы были окончены ранее обыкновенного. В ожидании обеда между учеными шли оживленные толки о главном интересе дня - открытии секрета Пояркова.

Среди ученых было лишь несколько скептиков, не вполне веривших в чудодейственные свойства нового элемента. Но и они не высказывали своих сомнений ввиду ожидаемого разъяснения.

Между тем сам Поярков не являлся.

Маркович, посылавший за ним, получил в ответ, что Поярков просит садиться за стол без него, так как он хочет во что бы то ни стало разместить батареи и сделать пробу действия до обеда.

Тогда Маркович пригласил всех к столу.

Шрадер, не видя Пояркова между присутствующими, начал не на шутку опасаться, что его приспособления найдены техником и адский план вышел наружу.

Но нет: в таком случае Поярков немедленно сообщил бы обо всем Марковичу как начальнику экспедиции.

Но старый ученый спокойно сидел за столом. Очевидно, он не получал никаких тревожных известий.

Помимо этого, был еще и другой повод к опасению: здания колонии находились всего в двух верстах от обсерватории и воздушного корабля. Взрыв двадцати пяти пудов мелонита развил бы ту же разрушительную силу, как и семнадцать тысяч пятьсот пудов пороха.

Устоит ли здание, в котором находились ученые? При обыкновенных условиях, конечно, и самое здание, и все в нем находившиеся были бы сметены с лица земли.

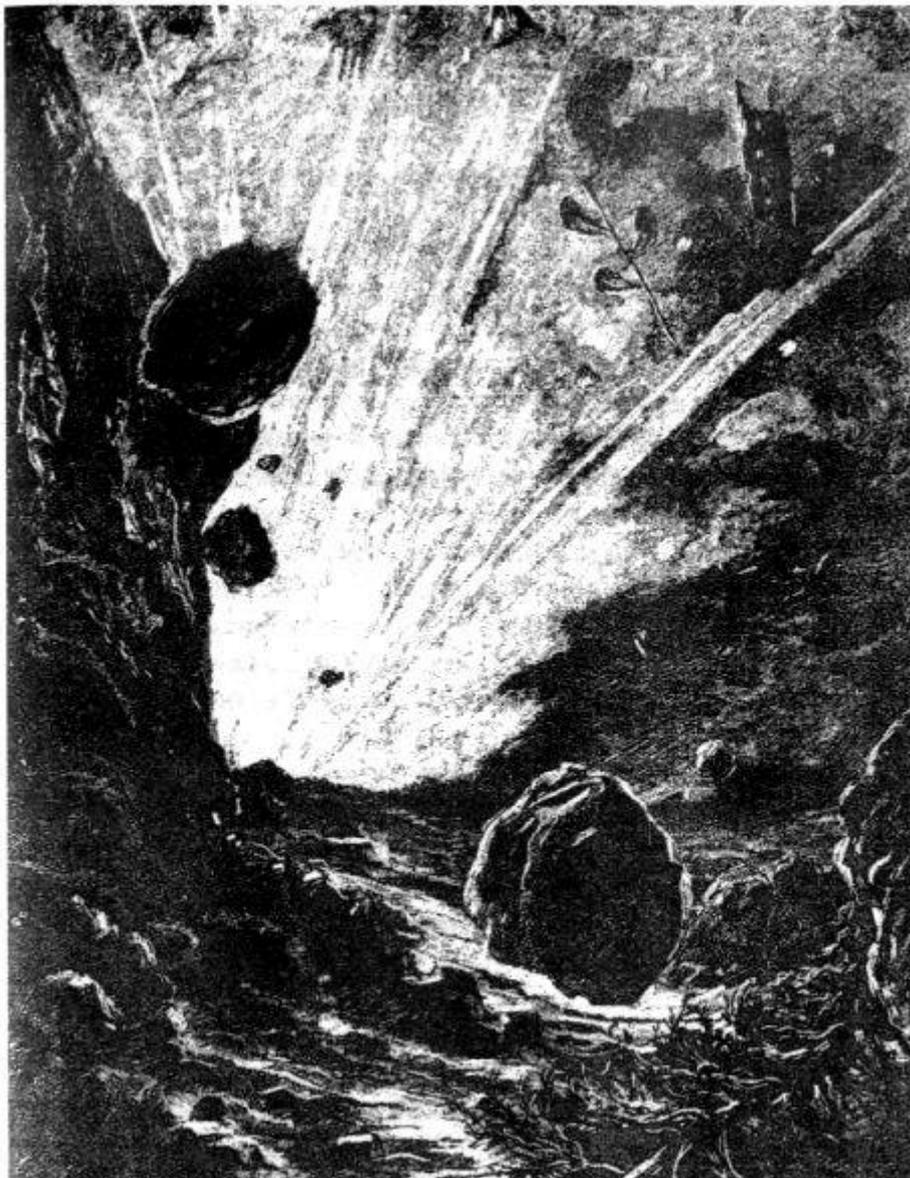
Но Шрадер рассчитывал на то, что здание обсерватории находится на значительно более возвышенном месте, почему он и предполагал, что воздушный ток будет значительно ослаблен.

Без сомнения, опасность все-таки предстояла, и даже весьма значительная.

Но, как это ни странно, Шрадер сознательно шел на риск: в решимости у него никогда не было недостатка.

В данную минуту он более думал о причине необъяснимого для него отсутствия Пояркова. В душе он уже решил, что если техник откроет задуманный им план, то он отступится от дальнейших попыток.

- Ричард Пинскар может остаться на бобах! - резонировал Шрадер. - Беда невелика. А свой миллион я попытаюсь получить от господина Марковича и его товарищей! Теперь он с нетерпением ожидал появления Пояркова.

...Страшный удар потряс здание

Но обед был уже в середине, а его не было. Шрадер только что хотел обратиться за разъяснением к Марковичу, как вдруг страшный удар потряс здание.

Раздался звон выбитых стекол, какая-то невидимая сила опрокинула столы, разбросала и ошеломила присутствовавших.

Когда, опомнившись, ученые вышли из полуразрушенного здания, то взоры их напрасно искали знакомых очертаний воздушного корабля и здания обсерватории: и то и другое было уничтожено в буквальном смысле этого слова.

Из бывших во время взрыва на корабле и в обсерватории людей не спасся ни один. В числе погибших был и Поярков.

Тайна изобретателя погибла вместе с ним.

Положение экспедиции было ужасно. Лишенная средств к возвращению, она неминуемо должна была погибнуть рано или поздно. Провианта было весьма незначительное количество: в течение лета никто не думал о возобновлении запасов. Но главное несчастье

было в том, что вместе с потерей элементов Пояркова экспедиция лишена была и света, и тепла, и источника силы для производства работ.

Но уныние продолжалось недолго. Вскоре было приступлено к обсуждению образа действий. Здесь мнения ученых разделились: одни настаивали на том, чтоб основать на материке Северного полюса колонию, запастись на зиму провиантом и топливом и затем исподволь отыскивать средства к возвращению.

Другие были того мнения, что следовало немедленно приступить к постройке деревянного корабля, саней и тотчас отправиться в путь.

Но все моряки единодушно утверждали, что нет никаких шансов на успех, если пытаться переплыть открытое море на парусах и на деревянном корабле пробиваться через пояс сплошных льдин.

Другое дело, если б в распоряжении их был пароход...

Шрадер, все время воздерживавшийся от участия в прениях, неожиданно попросил слова.

- Вопрос, - сказал он, - как мне кажется, сводится к тому, что на парусном судне невозможно рассчитывать на успех в предстоящем нам путешествии?

- Совершенно верно! - отвечал Маркович.

- С другой стороны, никому из нас не улыбается перспектива продолжительного заточения на материке Северного полюса, при неизбежных лишениях и опасности умереть от голода. Я поэтому стою за немедленное возвращение...

- Но ведь вы же сами совершенно верно определили, что на парусном судне невозможно...

- Да. Но я и не говорю про парусное судно...

- Но построить пароход...

- Было бы вполне возможно при наших средствах, но это было бы очень долго. Я предлагаю переправиться на аэростатах...

- На аэростатах?!

- В предложении моем нет ничего невозможного. Для подъема шести тысяч пудов - этим числом я определяю вес людей и необходимых припасов, мы должны построить шар, вмещающий... девяносто шесть тысяч кубометров водорода. Диаметр такого шара, в метрах, равен тридцати двум метрам. Поверхность шара, при этом диаметре, равна будет двенадцати тысячам двумстам восьмидесяти квадратным метрам. У нас имеется громадный запас парусины. Сколько именно, капитан Галль?

- Шестьдесят тысяч квадратных метров, - отвечал капитан.

- Вместо того чтоб употреблять эту парусину, промасленную и пропитанную резиной, для устройства баллонов в наших гелиофорах, как то предполагалось, мы построим из нее аэростат...

Действительно, предложение Шрадера было самым рациональным при данных условиях. К аэростатам могли быть применены все усовершенствования для возможного управления. Во всяком случае, риск был не более чем вообще при попытках полярных экспедиций достигнуть Северного полюса.

Но один аэростат, при таком чудовищном объеме, представлял бы громадную площадь сопротивления. Кроме того, едва ли бы парусина выдержала давление. Поэтому решено было устроить пятнадцать аэростатов, подъемная сила каждого из которых должна была равняться четыремстам двадцати пудам.

Предполагалось, что все работы должны быть кончены в течение месяца. Ни в каком случае не позже половины августа следовало отправиться в путь, чтобы воспользоваться

для пролета остатками лета и избежать обычных осенью в арктических странах бурь. Воспользовавшись северо-восточным пассатом, можно было рассчитывать благополучно достигнуть северных берегов Европы.

К этому сроку, без сомнения, возвратятся из экскурсии и четверо отсутствовавших путешественников.

Особенное сожаление во всех вызывало отсутствие Яблонского: симпатичный характер молодого ученого невольно привлекал к нему всех, а его разносторонние знания и неутомимая энергия были бы чрезвычайно полезны при устройстве аэростатов.

Благодаря опытным указаниям и общей энергии работы быстро подвигались вперед. По истечении двух недель были уже готовы баллоны из непроницаемой для газа парусины. Корзины, назначенные для помещения людей и багажа, для большей прочности были обтянуты скрепами из алюминия, найденного в разбросанных остатках корабля. Весьма незначительное количество уцелевшей платины пошло на изготовление элементов Грове. Гальванические батареи должны были разложить воду на составные части и доставить необходимое количество водорода.

До назначенного срока оставалось лишь несколько дней, а Яблонский и его товарищи не возвращались.

Отсутствие их начало внушать серьезные опасения. Несмотря на спешность работ, несколько человек матросов отправлены были на поиски и доходили до самых гор. Но нигде не было никаких следов исчезнувших.

Искать их значило в подробностях исследовать материк Северного полюса, а на это потребовалось бы не менее нескольких лет.

Тем не менее каждому прискорбно было бы оставить без помощи пропавших без вести товарищей.

С другой стороны, ожидать неопределенное время их возвращения значило без всякой пользы рисковать жизнью множества людей.

Маркович, несмотря на глубокую скорбь, не мог допустить и мысли о том, чтобы экспедиция промедлила хоть день.

Вызвать охотников, остаться ожидать возвращения отсутствующих было бы одинаково бесполезно и подвергало бы опасности жизнь еще нескольких людей.

Наконец, кто же мешал Яблонскому и его товарищам воспользоваться тем же самым способом передвижения, как и остальные?

Риск для всех был совершенно одинаков. Подобное решение спорного вопроса могло удовлетворить всех.

Стоило только устроить один лишний аэростат и вместе с необходимыми инструментами, запасами и снарядами поместить в одно из уцелевших зданий.

Провианта и багажа можно было взять лишь самое необходимое количество. Таким образом Яблонскому и его товарищам оставались громадные запасы.

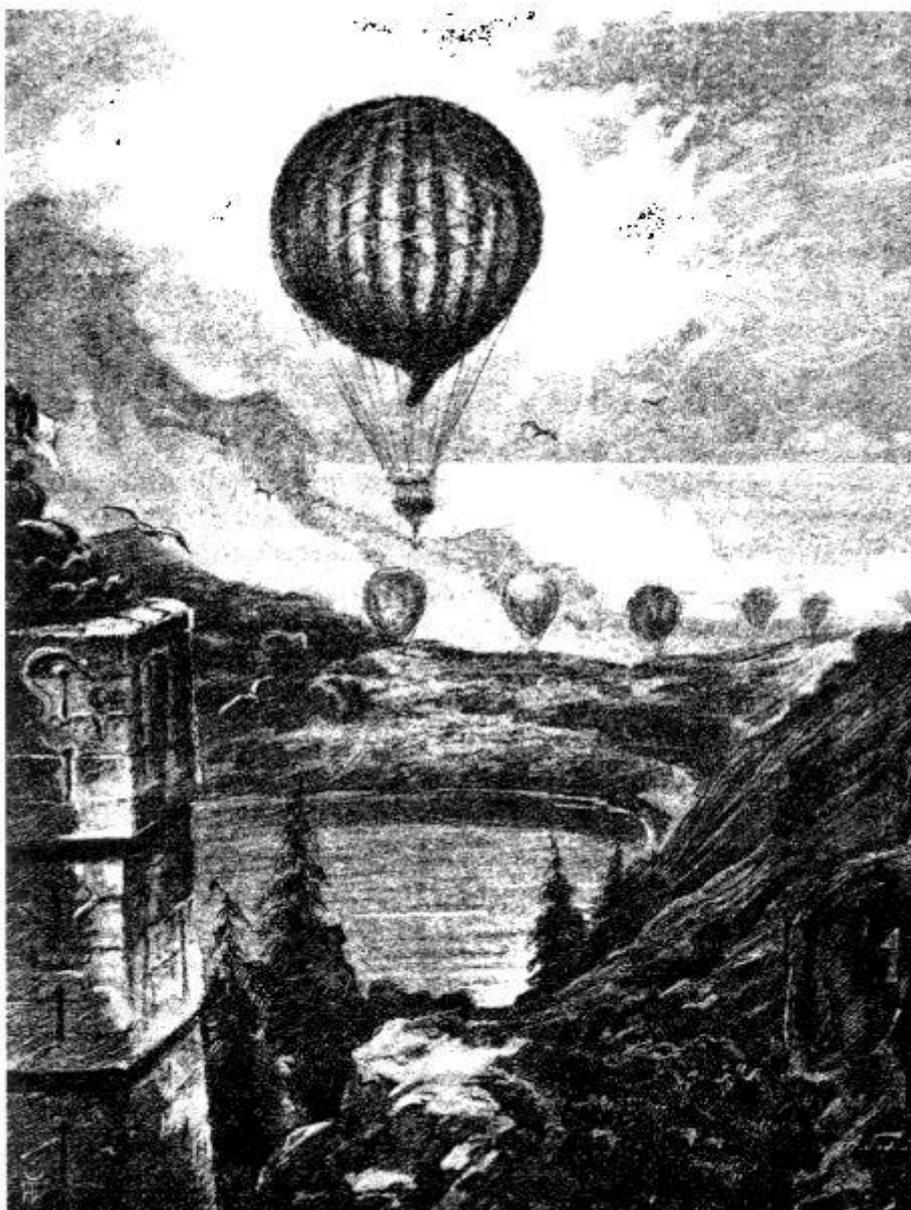
Заботливость отъезжающих пошла еще далее: в одном из зданий были устроены печи и положен значительный запас дров. Во всяком случае, для путешественников представлялась полная возможность перезимовать на материке Северного полюса, а весной воспользоваться оставленным аэростатом.

Были врыты в нескольких местах высокие столбы с надписью, указывавшей на место, где сложены были запасы. Оставлено было и подробное описание всего случившегося.

Но до самой минуты отъезда каждый ожидал появления исчезнувших...

Однако ожидания эти были тщетны.

Четырнадцатого августа все было готово и было приступлено к наполнению шаров водородом. Громадные алюминиевые газометры помещались на берегу Северной Волги. Под сильным давлением газ переходил в аэростаты. Вся работа по наполнению была окончена в течение двадцати четырех часов. Пятнадцать громадных аэростатов качались в воздухе, удерживаемые канатами, прикрепленными к поверхности земли. Около каждого аэростата стояли пассажиры, готовые сесть по первому знаку. Первым должен был подняться аэростат, которым командовал Поль Тиссье, уже прославившийся своими воздушными полетами. В полдень пятнадцатого августа на аэростате Тиссье взвился красный флаг. По этому сигналу все разместились в лодках.

Через пять минут первый аэростат взвился в воздух...

Через пять минут первый аэростат взвился в воздух, а вслед за ним поднялись в воздушное пространство и остальные, вытянувшись в волнистую линию. После нескольких попыток Тиссье попал в струю воздушного течения и указал дорогу своей воздушной флотилии.

На восьмые сутки аэростат Тиссье, вместе с пятью другими, опустился на полуострове Лабрадор.

В скором времени были получены известия о благополучном спуске и других аэростатов. Экспедиция была окончена.

Результаты, достигнутые ею, были богаты несмотря на то, что не удалось исполнить во всем объеме широко задуманного плана.

Маркович и его товарищи тщетно, однако, ожидали возвращения Яблонского.

Несколько снаряженных ими для отыскания исчезнувших экспедиций потерпели неудачу.

Господин Шрадер получил свой миллион. Что касается мистера Смита и К°, то они совершенно успокоились: страшно упавшие в цене железнодорожные акции сразу поднялись после гибели воздушного корабля. А так как мистер Смит и К° воспользовался паникой для приобретения потерявших цену акций, то состояние его удвоилось...

Глава 21.

Покинутые в недрах Земли. - Как достигнуть поверхности Земли? - Приготовление нитроглицерина. - В гробнице Дараайена - Взрыв. - Пробуждение Дараайена. - Борьба со смертью. - Сон или смерть?

Яблонский и его спутники в течение нескольких недель пытались найти выход на поверхность Земли. Они обошли кругом подземную долину, не пропустили ни одного из многочисленных проходов, расходящихся от нее радиусами в разные стороны.

Но все усилия их были тщетны: подземные галереи все спускались в глубь земных недр или же, перекрещиваясь между собой, образовывали лабиринт, снова приводивший путешественников к подземной долине.

Запасы продовольствия, найденные в гробницах, обеспечивали их на значительное время.

Кроме того, время от времени находились представители ископаемых, населявшие подземное царство, и давали возможность возобновить запасы удачной охотой. Сэр Муррей смастерил сеть и в изобилии доставлял рыбу из подземного озера.

Опасность остаться без света также не могла особенно пугать их: во-первых, подземная долина освещалась горевшими нефтяными фонтанами, а во-вторых, в недрах Земли всегда можно было добыть в изобилии горючий материал. Наконец, Яблонский отыскал все необходимое для возобновления элементов электрических ламп.

Тем не менее жизнь в подземном царстве не могла представляться возможной на долгое время: отторгнутые от общества людей, они были лишены живительного солнечного света, не видели надземного мира, природа которого влекла теперь их к себе с неудержимой силой.

Безотчетное чувство тоски и упадка энергии охватывало их все более и более. Организм настоятельно требовал возвращения к привычным ему условиям жизни...

Яблонского и Самойлову еще укрепляла их взаимная близость, новизна испытываемого ими чувства.

Но сэр Муррей и особенно мистер Лекомб положительно изнемогали...

- Я сойду с ума, - говорил француз, - если наше пребывание в этой ужасной тюрьме продлится еще значительное время... Я чувствую, что мой организм изнемогает...

- Возможно было бы терпеть, - рассуждал сэр Муррей, - если бы мы были уверены в том, что рано или поздно нам удастся выбраться на поверхность Земли...

- Ради этого я готов взорвать на воздух весь земной шар! - воскликнул Лекомб.

Это восклицание поразило Яблонского.

Конечно, нечего было и думать, чтобы можно было пробить руками громадные толщи, отделявшие заключенных от поверхности земли.

Мистер Лекомб выразился чересчур сильно, говоря о намерении взорвать земной шар. Но пробить при помощи динамита свободный путь в толщах земных пластов - это представлялось совершенно невозможным.

Для приготовления нитроглицерина необходим был органический жир.

Население подземного царства должно было доставить этот жир.

Яблонский, чем более думал, тем сильнее увлекался внезапной идеей. В настоящее время они находились на глубине шестидесяти верст.

Подземные галереи шли друг над другом в различных пластах. Таким образом пришлось бы пробивать проходы от одного яруса до другого по вертикальному направлению.

Яблонский сообщил этот план своим товарищам.

Он был принят с энтузиазмом.

Но прежде чем приступить к заготовлению нитроглицерина, следовало по возможности точно определить направление, по которому должен был пролегать путь.

После тщательных изысканий решено было приняться за расчистку тоннеля, по которому протекала впадавшая в озеро река.

Если бы это удалось, то, остановив распространение углекислоты по этому направлению, путешественники могли бы достигнуть старой дороги и по ней возвратиться на землю.

Но вместе с тем взрыв, который должен был очистить путь, предполагался настолько сильным, чтобы был в состоянии пробить базальт и каменноугольный пласт.

На случай, если бы после взрыва прежняя дорога загромоздилась еще более, имелся бы тогда свободный проход в пласты, лежащие над каменноугольным.

Определив ближайшую цель предполагаемого взрыва, приступили тотчас к работам по заготовлению нитроглицерина. Главная трудность заключалась в том, чтобы добыть необходимое количество жира. Яблонский и сэр Муррей в течение месяца неустанно занимались истреблением всякого живого организма, который только попадался им во время усиленных поисков. Главную добычу их составляли громадные экземпляры плезиозавров, добытые в глубоких ущельях подземной долины. Каждый из таких экземпляров дал до двадцати пудов лучшего жира.

Заключенные не тяготились усиленной работой: наоборот, видя в ней залог своего спасения, они положительно ожили, как только приступили к осуществлению плана Яблонского.

Постоянным жилищем для них служили гробницы, найденные Верой. Теперь, собравшись сюда после усиленной многочасовой работы, они отдыхали в дружеской беседе, мечтая о предстоящем освобождении. Мистер Лекомб был незаменимым собеседником по остроумию и веселости. Порой разговор переходил на тему о таинственном покойнике, заключенном в гробнице озерной долины. Яблонский энергично противился настояниям своих товарищей, желавших проникнуть во внутренность здания. Он до сих пор был уверен, что надписи на стенах хранят в себе важные указания, без которых они могут принести неисправимый вред тому, кто покоился в недрах земли. Тщетно и мистер Лекомб и сэр Муррей доказывали молодому ученому, что в гробнице покоится такой же прах, который наполняет и катакомбы, служившие им жилищем.

- Тем более, - говорил Яблонский, - нет никакой цели тревожить покой мертвеца. Я до сих пор не могу извинить англичанам то пренебрежение, которое они оказали египтянам, разграбив их пирамиды и без всякой существенной необходимости вывезя царственные

мумии из родной страны, где они мирно покоились в течение тысячелетий... Другое дело, если бы мы знали, что в этой гробнице заключается средство для вашего спасения... Во всяком случае, мы можем возвратиться к этому вопросу в случае, если бы все наши попытки не привели ни к какому результату...

Очевидно, у молодого ученого была какая-то затаенная мысль, которой он не хотел высказать товарищам. Может быть, он действовал бы иначе, если бы знал о страшной катастрофе, внезапно разрушившей все планы экспедиции...

Разговаривая о своих товарищах, заключенные были уверены, что теперь предпринимаются уже все средства для отыскания их.

Но придет ли кому-нибудь в голову направить поиски внутрь земли?

На это нельзя было рассчитывать ни в каком случае.

Сколько лет ни процветала бы колония Северного полюса, едва ли кто-либо попытался бы пройти дорогой, которая привела смелых путешественников в подземное царство.

Пришлось бы ждать повторения подобного случая, пожалуй, столько же лет, сколько прошло со времен Дараайена до конца девятнадцатого столетия.

Таким образом, заключенным приходилось надеяться лишь на собственные свои силы и энергию.

В первых числах августа приступлено было к прорытию траншеи в тоннеле, предназначавшемся для заложения мины.

Но так как в данном случае не было необходимости перевозить взрывчатое вещество на далекие расстояния, то и было решено не перерабатывать его в динамит.

Лаборатория была устроена при самом входе в тоннель со стороны озера.

Лишь только запас обыкновенного глицерина, приготовленного из органических жиров, оказался достаточным, как оставалось приступить к устройству мины.

В боковой стене, около самого места обвала, прорубили узкий ход, уступами поднимавшийся кверху и три раза заворачивавший под прямым углом, образуя ломаную линию. Длина прохода по прямой линии равнялась пятидесяти сажням.

Дно траншеи представляло двадцать правильных, овальной формы углублений, из которых каждое вмещало в себе по десяти пудов нитроглицерина.

Так как нитроглицерин взрывается от сотрясения, то достаточно было произвести одновременный удар, направленный в каждый резервуар, вмещавший нитроглицерин, чтобы взорвать мину.

Для того чтобы произвести подобный одновременный удар сразу в двадцати местах, Яблонский придумал особое приспособление: над всеми резервуарами на высоте двух аршин была проведена туго натянутая веревка, другой конец которой выходил из тоннеля и был укреплен у входа. На веревке, над каждым резервуаром, привязаны были тяжелые куски гранита. Лишь только один конец веревки был бы освобожден, как ничем не поддерживаемые куски гранита одновременно упали бы в находившиеся под ними резервуары. Взрыв произошел бы неминуемо в один и тот же момент - во всяком случае, разность была бы так незначительна, что ею вполне можно было пренебречь.

Прорытие траншеи заняло шесть недель. Путешественники уже четвертый месяц не видели солнечного света!

Как только траншея была окончена и прибор, долженствующий произвести взрыв, готов, то есть веревка натянута, - началась работа по приготовлению нитроглицерина.

Нитроглицерин относился в траншеи и постепенно наполнял резервуары.

Работа была чрезвычайно опасна: стоило во время переноски сосуда с нитроглицерином споткнуться - и катастрофа произошла бы. Поэтому перемещение нитроглицерина в резервуары всегда производилось кем-нибудь одним, чтобы уменьшить риск. Само собою разумеется, что молодую девушку не допускали до этой работы, несмотря на ее протесты. Кончался целый месяц заточения, когда наконец резервуары были наполнены и мина готова к взрыву.

Если бы опыт оказался удачным, то есть дал бы возможность возвратиться на старый путь, то цель была бы достигнута вполне. Если бы не случилось и этого, то благоприятным результатом было бы уже и то, если бы взрыв открыл проход в какую-либо из галерей верхнего яруса. Тогда можно было бы попытаться проникнуть дальше. Все было готово, но заключенные медлили с приведением своего плана в исполнение: их удерживала какая-то странная, инстинктивная боязнь. В случае неудачи для них уже не оставалось никакого исхода, ни малейшей надежды.

Наконец, окончательно решено было произвести взрыв четырнадцатого ноября, хотя никто из заключенных не мог поручиться за непреложную точность в определении числа. Яблонский в последний раз осмотрел траншею, затем выход из нее в тоннель был заложен.

Достигнув выхода из тоннеля, молодой ученый с волнением сказал ожидавшим его товарищам:

- Все готово!

Решительная минута настала.

Конец веревки был зажжен: она должна была гореть в продолжение часа, прежде чем дойти до места прикрепления и сбросить предназначенные для произведения удара куски гранита.

В течение этого времени путешественники должны были обойти озеро и дойти до гробницы, где и ожидать взрыва. Остаться в ближайшем расстоянии было сопряжено с некоторой опасностью.

Оставалось двадцать минут до взрыва, когда все были уже у гробницы.

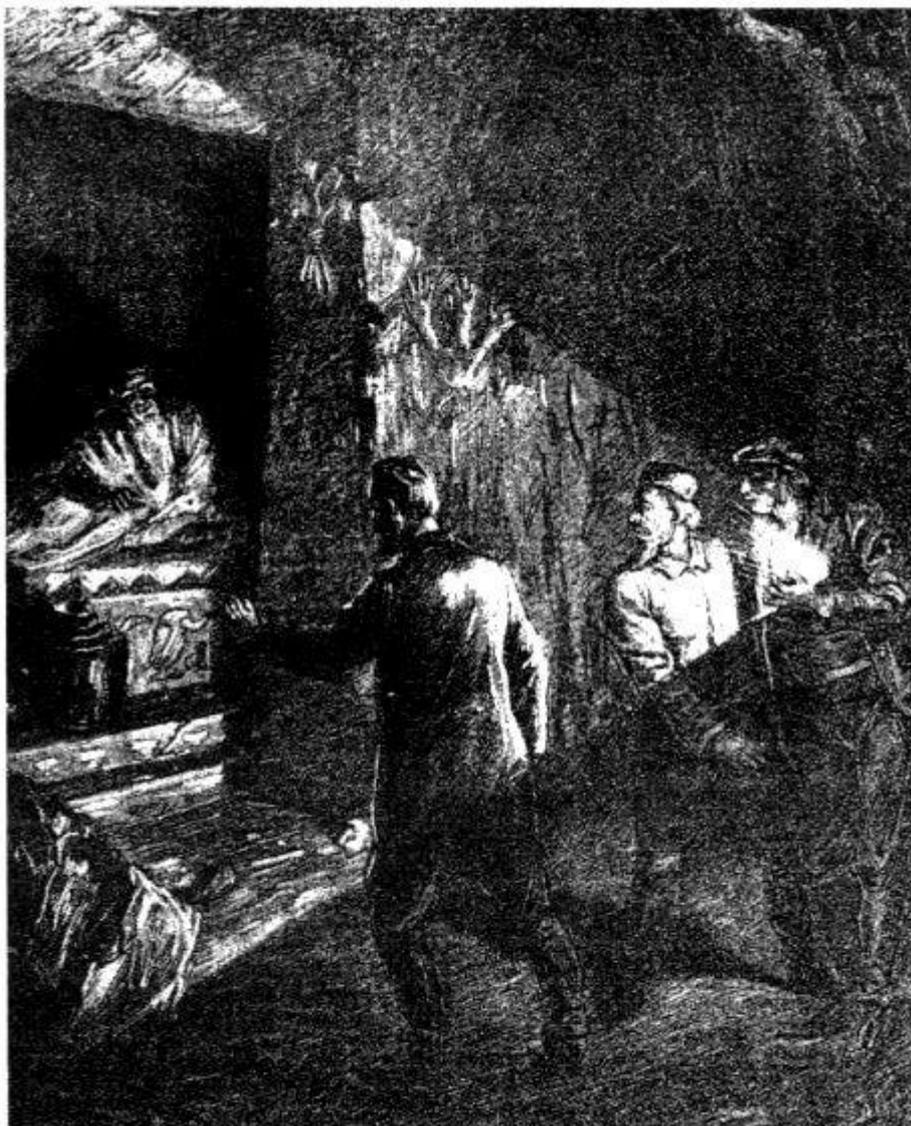
Яблонский с часами в руках отсчитывал минуты.

- Десять!.. Пять!.. Три!.. Одна!..

Страшный удар потряс землю. Со стороны озера раздался сильный шум устремившейся куда-то воды.

Когда сбитые с ног путешественники поднялись, то увидели, что передняя стена гробницы от сотрясения лопнула, самая гробница слегка осела на сторону, и в то же время замаскированная дверь открылась, дав свободный доступ внутрь здания.

- Осмотрим после!.. - крикнул было Яблонский.

...Направил свет своего фонаря в открытую гробницу и осветил приподнявшуюся с ложа фигуру человека...

Но голос его внезапно прервался: в этот момент сэр Муррей направил свет своего фонаря в открытую гробницу и осветил приподнявшуюся с ложа фигуру человека...

Несмотря на все свое самообладание, англичанин вздрогнул и едва не уронил фонарь. Яблонский сделал шаг вперед и переступил порог гробницы.

Прямо перед ним возвышалось что-то вроде катафалка, на котором лежал закрытый до пояса покрывалом человек, силившийся, по-видимому, подняться со своего ложа. Взор ученого упал на обрамленное длинной седой бородой лицо, изжелта-смуглое, с глубоко ушедшими в орбиты глазами, устремленными на вошедшего.

Голова лежащего была обвязана белым платком в виде чалмы. Он опирался на правую руку, а левую вытянул вперед, как бы подавая ее вошедшему. Невольным движением Яблонский снял шапку и склонил голову.

На лице старика промелькнуло что-то вроде улыбки; губы его едва слышно произнесли какое-то слово на непонятном для Яблонского языке. Но он понял жест, приглашавший его подойти, и приблизился к изголовью.

В то же время лежавший в изнеможении откинулся навзничь, руки его вытянулись вдоль тела, глаза закрылись, глубокий вздох вырвался из его груди, и губы сомкнулись. Лицо приняло то бесстрастное, величаво-спокойное выражение, которое дает только смерть... Еще не понимая, в чем дело, Яблонский склонился к лежавшему и взял его за руку. Но тщетно старался он уловить малейшее биение пульса. Товарищи Яблонского вошли и окружили катафалк.

- Нет сомнения, - с глубокой грустью произнес ученый, указывая на неподвижное тело, - мы убили его! Невольно, против желания, мы умертвили того, кто, без сомнения, сумел бы спасти нас самих! Организм, покоившийся здесь в течение тысячелетий, не перенес внезапного сотрясения! Жизнь вернулась к нему на мгновение, чтобы затем покинуть его навсегда!..

Тщетно ученые употребляли все усилия, чтобы возвратить отлетевшую жизнь! Яблонский оказался прав в своем предположении. Один мистер Лекомб не хотел верить в присутствие смерти и не отрывался от охладевшего уже трупа.

- Оставьте! - сказал Яблонский. - Он умер.

- Но почему вы знаете? - возразил француз. - Может быть, он опять пришел в то же летаргическое состояние, из которого на время выведен был внезапным потрясением! Надо придумать какое-нибудь средство, еще не испытанное нами.

Лекомб машинально обвел взглядом комнату, как вдруг взор его упал на стоявший у самого изголовья небольшой сосуд с длинным узким горлышком.

- Да вот, - вскричал он, поднимая свою находку. - Ручаюсь, что в этом сосуде заключается нужное нам средство!

Он с усилием вытащил пробку и поднес сосуд к носу.

- Острый запах! - сказал он. - Я думаю...

Но договорить он не успел: точно сраженный ударом молнии, он пошатнулся и упал, выпустив сосуд из рук.

Сосуд разбился, и в то же мгновение резкий запах распространился в воздухе.

Яблонский хотел было броситься на помощь к Лекомбу, но увидел, что и сэр Муррей, и его невеста тихо склонились на пол гробницы.

В то же время и сам он почувствовал, как внезапно все его движения парализовались и ноги подкосились...

Прошел еще момент - и в гробнице настала мертвая тишина...

Электрический свет озарял лишь расprostертые неподвижно тела и каменные стены...

Царила ли здесь смерть или жизнь еще таилась в замерших организмах?..

Глава 22.

Возможно ли для человеческого организма длительное пребывание в состоянии усыпления? - Пробуждение. - Возвращение к жизни. - Сколько прошло времени с момента взрыва. - Возвращение на поверхность Земли.

Тысяча лет - одна секунда!

Для нас тысяча лет - период времени, постигаемый только путем отвлеченного представления. Можно сказать, что для жизни земного организма, принимая, что все процессы его совершаются так, как мы привыкли их наблюдать, подобная продолжительность существования граничила бы с вечностью.

Но что значит тысяча лет для мировой жизни, представляющей непрестанную, чудную смену жизни и смерти, где самое явление смерть есть не что иное, как переход одного

существования в другое, где жизнь представляется совокупностью различных процессов, где понятие смерти не может иметь места?

Смерть в приложении к мировой жизни мыслима лишь как превращение всех мировых процессов. Она настанет, когда энергия вселенной придет в равновесие, когда не будет разности, обуславливающей появление жизненных процессов. . .

Такое время, несомненно, настанет, но настанет в необъятно отдаленном будущем. Для этого будущего тысяча лет - одна секунда, даже менее!

Но для отдельного живого организма, в котором процессы перехода энергии в работу совершаются нормальным порядком, тысячелетнее существование является немыслимым. . . Но только при условии нормального хода органических процессов. Человек, как и всякий организм, представляет собой с материальной точки зрения лишь машину, переводящую мировую энергию в работу личного существования. Во всяком живом организме эта энергия хранится в виде запаса, который организмом расходуется по мере надобности.

Представим себе, что в живом организме временно прекратились те процессы, при помощи которых запас его энергии переходил в работу существования. В таком предположении нет ничего невозможного, что доказывается различными случаями каталепсии и летаргии.

Как продолжителен может быть период приостановки жизненных процессов?

Дать сколько-нибудь точный ответ на этот вопрос невозможно.

Известны факты, когда человек *самопроизвольно* прекращал на время деятельность организма и оставался в таком состоянии несколько недель. По крайней мере, для любого индуса радж-йога проделать над самим собой подобный опыт - вещь весьма обыкновенная.

Не может ли быть таких условий, при которых состояние видимой смерти в человеческом организме продолжалось бы весьма значительное время, измеряясь не неделями, но столетиями?..

Сколько времени прошло с тех пор, как сознание покинуло людей, проникших в гробницу Дараайена, и все жизненные процессы уступили место полному спокойствию?

Необъятный мрак окутывал внутренность Земли, когда Яблонский открыл глаза; невозмутимая, мертвая тишина царила кругом. Все тело молодого человека болело и ныло, как избитое, он не мог пошевелить ни одним членом.

Прошел ли час после неожиданной катастрофы или сутки?

Очевидно, более: лампы, переснаряженные в самый день взрыва, не горели. Между тем элемент способен был непрерывно действовать в течение шестисот часов.

Шестисот часов бессознательного летаргического состояния!

Нет, по всей вероятности, электрический свет погас от какой-либо другой причины.

Живали Самойлова? Живы ли мистер Лекомб и сэр Муррей?

С большими усилиями Яблонский достал с пояса герметически закупоренную фляжку с коньяком и водой и, открыв ее, с жадностью выпил несколько глотков.

Через минуту странное оцепенение, сковывавшее его тело, стало мало-помалу исчезать.

Теперь он мог с трудом подняться на ноги и найти одну из ламп. Рукой он отыскал коммутатор и убедился, что ток был замкнут.

Следовательно, лампы перестали действовать потому только, что элемент не давал более тока.

Он снял свой ранец, отыскал в нем ощупью запасный элемент, вложил его на место старого и замкнул ток.

Брызнувший луч света произвел потрясающее действие на его организм: болезненное, нестерпимое ощущение отразилось не только на глазных нервах, но вся кожа его лица и тела раздражилась до степени невыносимо тягостного мучения.

Он инстинктивным движением разомкнул ток.

Какая причина произвела столь странное, непонятное действие?

Если предположить, что организм отвык от световых ощущений, то тогда надо бы допустить громадный период времени, в течение которого его и его товарищей окружало море непроницаемого мрака.

Скорее всего, причина крылась в химическом действии той жидкости, запах которой привел путешественников в состояние летаргии.

По крайней мере, это было единственным, как казалось Яблонскому, правдоподобным объяснением.

Прошло с четверть часа.

Он снова замкнул ток своей лампы, и снова организм его был поражен световой волной.

...Он зажег импровизированный факел

Тогда Яблонский отыскал в своем ранце кусок пропитанной серой веревки, оставшейся от проводника, помощью которого был произведен взрыв галереи, и зажег импровизированный факел.

Несмотря на то, что и этот свет производил на него болезнетворное действие, он пересилил себя и в состоянии был разглядеть распростертые на полу гробницы тела своих спутников.

На каменном ложе покоилось тело Дараайена, застывшее в той самой позе, которая сохранилась в памяти Яблонского.

Странное, непонятное выражение лица у распростертых недвижимо тел поразило молодого ученого: это не было величаво-спокойное выражение, придаваемое чертам человеческого лица смертью, да и самая мысль о смерти была далека от Яблонского. Но лица лежавших точно были скрыты под неподвижными, неодушевленными очертаниями маски, носившей лишь формы человеческого лица. Самый цвет кожи приобрел какой-то серовато-черный оттенок.

Яблонский бросился к телу своей невесты.

Нагнувшись к ее лицу, он к удивлению своему заметил, что оно было покрыто слоем пыли, совершенно скрывавшим самые черты. Эта пыль образовывала из себя нечто вроде маски. Подобные же маски прикрывали и лица Лекомба, и сэра Муррея.

Инстинктивно Яблонский поднес руку и к своему лицу: пальцы его ощутили слой чего-то похожего на штукатурку, отдиравшуюся от кожи с некоторым усилием.

Недоумение ученого достигло высшей степени.

Но долго рассуждать ему было некогда; вместе с способностью рассуждения его охватила тревога за участь той, которой принадлежала его жизнь.

Он взял руку девушки, но при самом напряженном внимании не в состоянии был уловить биения пульса.

Склонившись к ее груди, он тщетно прислушивался к трепетанию сердца.

Ужасная мысль на мгновение лишила было его способности движения: неужели он находился среди трупов?

Но нет. Почему же, в таком случае, к нему одному возвратилась бы жизнь?

Какое средство мог он испробовать, чтобы вернуть к жизни молодую девушку?

Если световые лучи произвели такое потрясающее действие на него, то, без сомнения, они так же повлияют и на всякий другой организм, подверженный действию одинаковых условий.

Яблонский потушил свой факел и направил на лицо девушки луч электрического света.

Сам он испытывал при этом такое болезненное ощущение, что едва в силах был следить за результатами своего опыта.

Но тщетно ожидал он какого-либо действия: яркий белый свет освещал по-прежнему недвижимое лицо, не отражавшее на себе ни малейшего следа какого-либо ощущения.

Тогда Яблонский, направив свет лампы прямо на лицо девушки, приподнял опущенные веки и открыл зрачки.

С невыразимой радостью почувствовал он, как веки дрогнули под его пальцами и по всему ее лицу пробежало мимолетное выражение боли.

Он поспешно вышел из гробницы и направился к берегу озера.

Здесь он с удивлением увидел, что уровень воды значительно понизился, обнажив каменистый берег, представлявший теперь обрыв в несколько саженей высоты.

Наскоро умывшись, Яблонский наполнил свежей водой свою фляжку и возвратился в гробницу.

После долгих усилий он заметил наконец, что жизнь мало-помалу возвращается к девушке: теперь можно было уловить едва заметное биение сердца и начинавшееся дыхание.

Успокоившись относительно своей невесты, Яблонский принялся приводить в чувство своих товарищей.

На этот раз труды его не были так продолжительны: сэр Муррей пришел в себя тотчас, как только Яблонский направил свет на открытые зрачки его глаз.

- Уберите свет! - проговорил англичанин, силясь приподнять руку и загородить ею глаза.

Яблонский поместил лампу за изголовьем каменного катафалка, так что лучи падали на заднюю стену и потолок гробницы.

Но и это слабое освещение доставляло страдание сэру Муррею.

- Представьте себе, - говорил он, - я чувствую всем телом, по всей его поверхности, световые лучи, положительно ощущаю, как они проникают через одежду и раздражают кожу. Необъяснимое явление! Однако как долго пробыл я без чувств?

- В точности я не могу вам определить этого, но, во всяком случае, не менее шестисот часов...

- Шестисот часов!?

Сэр Муррей, несмотря на страшную слабость, при этом известии нашел силы приподняться с земли и с выражением крайнего недоумения глядел на Яблонского.

- Да, - подтвердил тот, - я пришел в себя не более часа тому назад. Нас окружал непроглядный мрак, а так как наши лампы способны гореть в течение шестисот часов, то из этого следует, что летаргическое состояние, в котором мы находились, продолжалось долее этого срока...

- Но, может быть, лампы испортились при падении? Наконец, ваша ведь, горит?

- Моя горит потому только, что я вложил запасный элемент. Испорчена она не была. Кроме того, чем вы объясните то непонятное раздражение, которое производят на вас световые волны?

- А вы испытали нечто подобное?

- То же самое, что и вы.

- Это, как мне кажется, можно объяснить только тем, что мы слишком долго пробыли в абсолютной темноте...

- А именно сколько?

- Ну, на это невозможно дать даже приблизительно точного ответа.

Через два часа после того, как были приведены в чувство Самойлова и мистер Лекомб, путешественники сидели за завтраком на берегу озера.

Понятно, что разговор вертелся на самых животрепещущих темах: каждому хотелось по возможности точно определить время летаргии и ее причины.

- Я отлично помню, - говорил Лекомб, - что лишь только я вдохнул в себя запах жидкости, заключенной в сосуде, как почувствовал, что все мои движения сразу парализовались. Вместе с тем сознание еще не покидало меня некоторое время: так, я сознавал, что упал на пол, что сосуд разбился, слышал ваши восклицания, но затем мало-помалу мысли мои спутались, и сознание меня покинуло...

Те же самые ощущения сохранились в памяти и у всех остальных.

- Ясно, - сказал Яблонский, - что в сосуде заключалась жидкость, пары которой, будучи введены в живой организм, останавливают его деятельность. Теперь я вполне уверен, что мы пробыли в подобном состоянии несколько лет...

- Позвольте, - перебил Яблонский поток возражений, посыпавшихся на него при этих словах. - Первым и самым не-опровержимым доказательством продолжительности летаргии, в которой мы находились, служит то потрясающее действие, которое произвел на нас свет. Конечно, можно предположить, что это действие обусловлено веществом, поглощенным нашим организмом. Но тогда чем вы объясните происхождение той коры пыли, которая покрывала наши лица, руки, платья и вещи и от которой мы едва избавились при помощи воды? Даже предположив, что во время летаргии в пещере произошли какие-либо явления, вследствие которых явилось значительное сотрясение атмосферы, и тогда придется допустить, что нужен был значительный промежуток времени, чтобы эта пыль образовала довольно плотную кору. Я склонен определить этот промежуток в год или два...

- Но тогда нас считают за погибших! - воскликнула Самойлова.

- Несомненно.

При этих словах каждому вспомнились близкие, дорогие люди, оставленные на далекой родине. Сколько горя пришлось им перенести благодаря этой роковой случайности!

Но зато какая будет радость при неожиданном свидании!

- Однако, - заметил Лекомб, как бы отвечая на промелькнувшие у всех мысли, - мы достаточно изумим нашим появлением колонистов Северного полюса!

- Если только нам удастся возвратиться, - серьезно произнес сэр Муррей.

Тон его голоса подействовал на всех.

Действительно, никто не знал, открыта ли дорога на поверхность земли, не придется ли потратить еще много труда, чтобы выбраться из подземного лабиринта.

Завтрак был быстро окончен: всякий с нетерпением стремился увидеть те результаты, которые достигнуты были взрывом.

К счастью, переснаряжая лампы, Яблонский для каждой сделал запасный элемент. Таким образом, за этим остановки не было, и путешественники могли немедленно тронуться в путь.

Обогнув озеро, они направились тоннелями к месту, где заложена была мина. К их удивлению, подземной реки, протекавшей тоннелем, не было: осталось лишь русло, представлявшее глубокую впадину, местами поросшую мхом.

- Вот лучшее доказательство моего мнения! - вскричал Яблонский. - Сколько времени должно было пройти, прежде чем русло пересохшей реки могло покрыться растительностью?

- Положим, - заметил сэр Муррей, - мхи прорастают быстро...

- Но ведь я и не говорю о десятках лет, а скорее о десятках месяцев. Что касается до изменения русла реки, то причина этого, вероятно, заключается в повороте, произведенном взрывом нашей мины. В связи с прекращением притока вод подземной реки стоит и понижение уровня озера.

Так как по дну русла идти было несравненно удобнее, чем узкой береговой полоской, то все и направились этой новой дорогой. Местами русло углублялось, образуя значительные впадины. Подходя к самому месту, около которого заложена была мина и где прежде путь прегражден был вследствие взрыва рудничного газа, путешественники увидели, что углубленное русло реки проходит под нависшими обломками, образующими нечто вроде свода. Хотя и была некоторая опасность проходить под не связанными ничем, беспорядочно нагроможденными глыбами, но все смело вступили в проход. Кое-где приходилось идти сгибаясь. К счастью, этот путь был непродолжителен: через несколько минут ходьбы дорога шла уже снова тоннелем, свод которого высился над головами путешественников.

Наконец они были на прежней дороге!

У всех невольно вырвался вздох облегчения.

На четвертые сутки пути, с громадными усилиями поднявшись на высокую отвесную скалу, на которой уже не было прикрепленной ими веревки, путешественники достигли выхода из кратера.

Солнечный свет ослепил их в первые минуты, но вместе с тем каждый чувствовал, как с этим живительным светом притекали новые силы в измученный организм.

Невыразимый восторг овладел путешественниками: кругом их высились знакомые очертания гор, вдали расстился летний ландшафт, озаренный горячими лучами солнца.

Но на что были похожи они сами! При дневном свете они казались друг другу действительными выходцами с того света: бледные, бескровные лица казались синеватого цвета, полуистлевшее платье широкими складками обхватывало страшно исхудавшее тело.

Но что до этого?

Они были живы, снова видели вокруг себя родную природу, вдыхали теплый ароматный воздух, согрелись лучами благодатного солнца!

Глава 23.

*На старой дороге. - Новый признак. - Встреча с людьми. - Воздействие непонятной силы.
- Поразительное открытие. - Люди тридцатого века. - В доме Атоса.*

Спустившись с горы, путешественники прошли несколько верст, двигаясь по горной долине. С каждым шагом они чувствовали все большую и большую усталость, охватывавшую их под влиянием свежего воздуха, от которого они отвыкли во время своего заточения в земных недрах.

Мистер Лекомб не выдержал первый и категорически заявил, что он не в состоянии идти дальше; если же его будут к этому принуждать, то он заснет во время самой ходьбы.

Но никто не противоречил ученому: выбрав защищенное от солнечных лучей местечко, путешественники с наслаждением заснули на твердом ложе, мечтая о скором свидании с оставленными товарищами.

Уже солнце описало полный круг, не заходя за горизонт, когда подкрепленные сном и пищей путешественники снова пустились в дорогу. Миновав горное ущелье, они подходили уже к выходу на открытое место, как вдруг Яблонский воскликнул:

- Мы идем не той дорогой, по которой шли сюда!

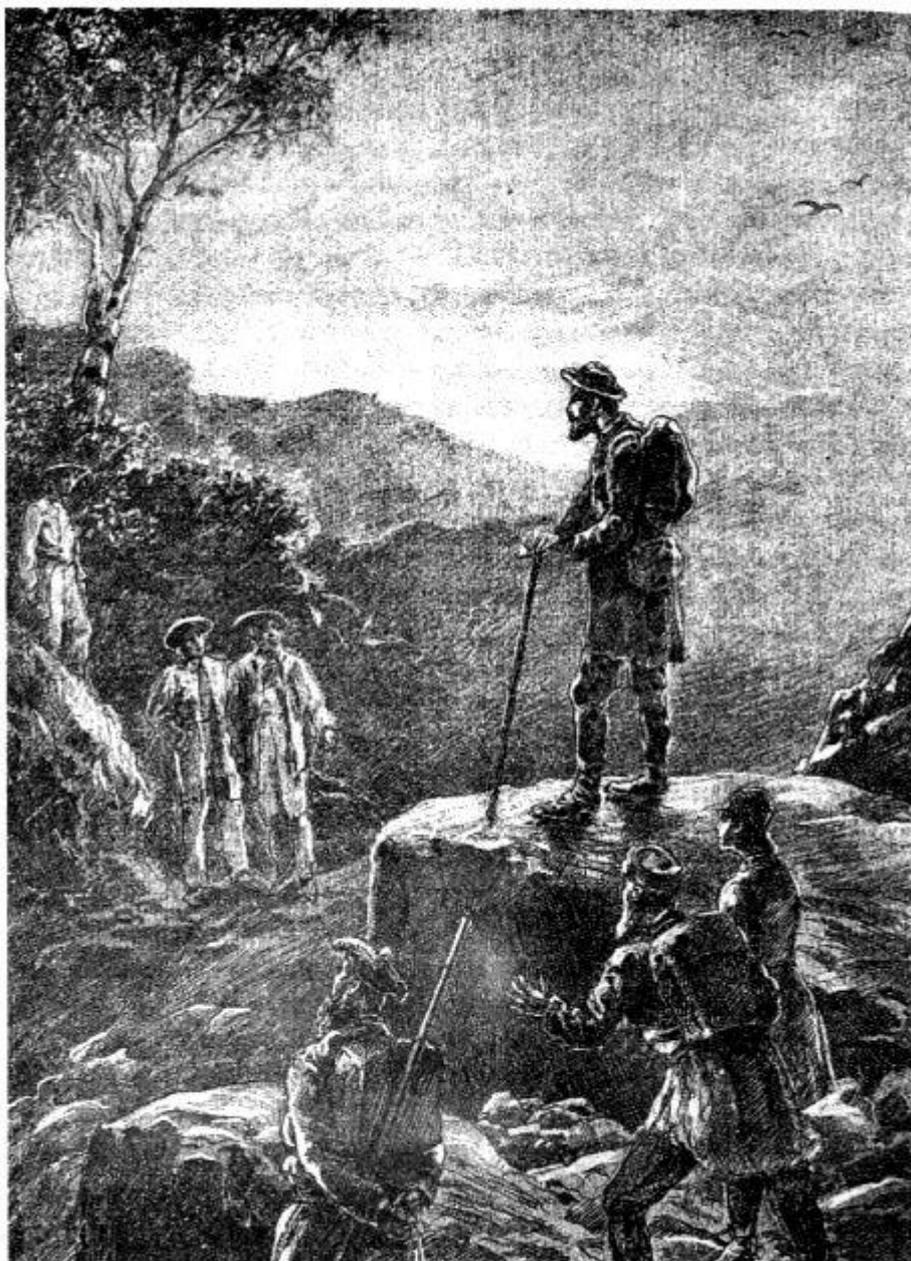
Заявление это было тем неожиданнее, что до сих пор каждый из путешественников сразу узнавал малейшие подробности знакомой дороги. Кроме того, местность была такая, где трудно было сбиться с резко обозначенного в горах пути.

Тем не менее Яблонский был, по-видимому, прав. Все помнили, что с самого момента вступления в горы навстречу им не попадалось ни малейшего признака растительности.

Между тем теперь они ясно видели перед собой прилепившуюся в расселине скалы развесистую, кудрявую березу, далеко раскинувшую свои могучие, зеленеющие ветви.

Все хорошо помнили, что не только на их дороге не было этой березы, но что вообще никто не встречал ее на всем материке Северного полюса. Между тем дорога, по которой они шли, была им хорошо знакома.

Все с недоумением осматривали неожиданно появившееся дерево, как сэр Муррей схватил Яблонского за плечо и указал ему рукой на дорогу, спускавшуюся в долину: по этой дороге поднималась группа людей, направляясь к месту, где стояли путешественники.

— Наши! — воскликнул Яблонский

- Наши! - воскликнул Яблонский.

Почти бегом все двинулись навстречу подходившим, думая, что и те, со своей стороны, последуют их примеру.

Через несколько мгновений можно было уже рассмотреть, что навстречу бегущим путешественникам двигалось трое людей.

Но что это? Вместо того чтобы ускорить шаги, они остановились, как бы в удивлении...

В то же мгновение все четверо путешественников почувствовали, как какая-то непонятная сила лишила их возможности движения и приковала к месту...

Никто из них не мог ни вскрикнуть, ни шагнуть вперед. Но они ясно видели и сознавали все, происходившее перед ними.

Они ясно различали фигуры и черты лица людей, приближавшихся к ним и бывших теперь от них всего на расстоянии нескольких сажень. Несомненно, это были обыкновенные люди, лишь несколько отличавшиеся от путешественников своей внешностью. Все трое были очень высокого роста, пропорционально сложены, с резкими

энергичными чертами лица, как бы выточенными по одному образцу. Двое были совсем юноши, третий казался значительно старше - может быть, благодаря небольшой бороде, окаймлявшей его лицо. Одежда всех была совершенно одинакова и состояла из доходившего до колен широкого пальто, перехваченного поясом, и высоких штиблет, закрытых лапами одежды.

Подойдя к путешественникам, они с нескрываемым любопытством рассматривали их несколько мгновений. Затем старший из незнакомцев обратился к своим спутникам с несколькими словами.

К величайшей радости Яблонский и Самойлова уловили родные звуки русского языка, но слова можно было понять только по догадке.

Яблонскому показалось, что незнакомец упомянул слово «свобода».

Догадка его, вероятно, была справедлива, так как все четверо так же внезапно получили способность движения и речи, как внезапно были ее лишены.

- Кто вы? - спросил Яблонский по-русски.

При звуках его голоса на лице незнакомцев отразилось неподдельное изумление, но очевидно, что вопрос им был вполне понятен, так как старший из них тотчас ответил на довольно правильном русском языке:

- Наши! - воскликнул Яблонский

- Мы - жители этой местности. Но почему вы говорите на древнерусском языке?

Вероятно, лица обоих русских при этом вопросе выразили заметное волнение и удивление, так как незнакомец с участием произнес:

- Успокойтесь! Мой вопрос вполне понятен, так как, видя в вас своих соотечественников...

- Соотечественников! - прервал его Яблонский. - Так вы русские!

- Да. А вы?

- Я и моя невеста, - Яблонский при этом указал на девушку, - русские. Мистер Лекомб - француз, сэр Муррей - англичанин.

- Англичанин!

Еще большее изумление овладело при этом известии незнакомцами.

Между тем спутники Яблонского, слыша свои фамилии, поклонились незнакомцам. Те ответили на поклон. Таким образом вышло нечто вроде официального представления.

- Мы, - продолжал Яблонский, - прибыли на материк Северного полюса в обществе других ученых на воздушном корабле и, отделившись от них, предприняли экскурсию к центру земли...

- В котором году это было?

- Что?

- Ваше прибытие к Северному полюсу?

- В тысяча восемьсот девяносто первом году по Р. Х.

Незнакомые люди молча переглянулись между собой.

- Продолжайте! - произнес старший.

Яблонский по возможности подробно передал историю своих приключений.

Когда он кончил, тот же незнакомец протянул ему руку и сказал:

- Я и все мы будем рады видеть вас. Материк Северного полюса, в сущности, открыт вами. Но приготовьтесь услышать нечто, могущее сильно удивить и даже поразить вас...

- Что такое? - с замиранием сердца спросил Яблонский, отчасти предчувствуя, что он услышит...

- Вы, - продолжал незнакомец, - отправились в вашу экскурсию в тысяча восемьсот девяносто первом году по Р. Х., теперь у нас две тысячи восемьсот девяносто второй год. И Яблонский и молодая девушка не имели силы произнести ни слова в ответ на это известие.

Но Яблонский, несколько оправившись, сообщил услышанное им известие своим товарищам.

Сэр Муррей не казался удивленным: видимо, он давно предчувствовал подобную развязку.

Но совсем не то было с мистером Лекомбом: француз бросился к незнакомцам и засыпал их множеством вопросов.

Видимо, они затруднялись понимать его речь, но отвечали на языке, несомненно французском, хотя значительно отличавшемся от него оборотами и словами.

Тем не менее мистер Лекомб понимал.

Между тем молодая девушка подошла к Яблонскому и тихо проговорила:

- Что же! И через тысячу лет мы вместе!

- Вместе!

Действительно, в этом слове для них заключалось теперь все. Необычность положения, в подобном которому они до этой минуты не могли себе представить человека, страшное потрясение, испытанное ими при поразительном известии, - все в первое мгновение наполнило их душу чувством невыразимого ужаса.

Незнакомцы с участием вглядывались в лица четырех путешественников, отражавших на себе попеременно волновавшие их чувства.

Наконец старший из них сказал:

- Моя фамилия Атос, Николай Атос. Это мои сыновья - Павел и Александр. Мы надеемся, что вы воспользуетесь нашим гостеприимством.

Ту же фразу он произнес по-французски.

В голосе Атоса слышалось самое искреннее участие.

Лицо его осветилось мягкой улыбкой. Оба сына его подошли к путешественникам и протянули им руки.

Союз был заключен.

Четверо людей, которым пришлось пережить столько ужасного, только что сознававшие свою беспомощность и одиночество среди нового, чуждого им мира, почувствовали теперь, что они вновь приняты в человеческую семью, что время не уничтожило в людях в своем течении их отзывчивости и сознания единства.

Все направились по дороге, сбегавшей крутыми зигзагами в долину. Яблонский и его товарищи с напряженным вниманием вглядывались в окружающую природу, со смутным желанием подметить те перемены, которые произошли в ней за тысячелетний период.

Но все было по-прежнему: дорога извивалась между теми же нависшими с боков скалами.

Уходя вдаль, позади их, подымались громады гор.

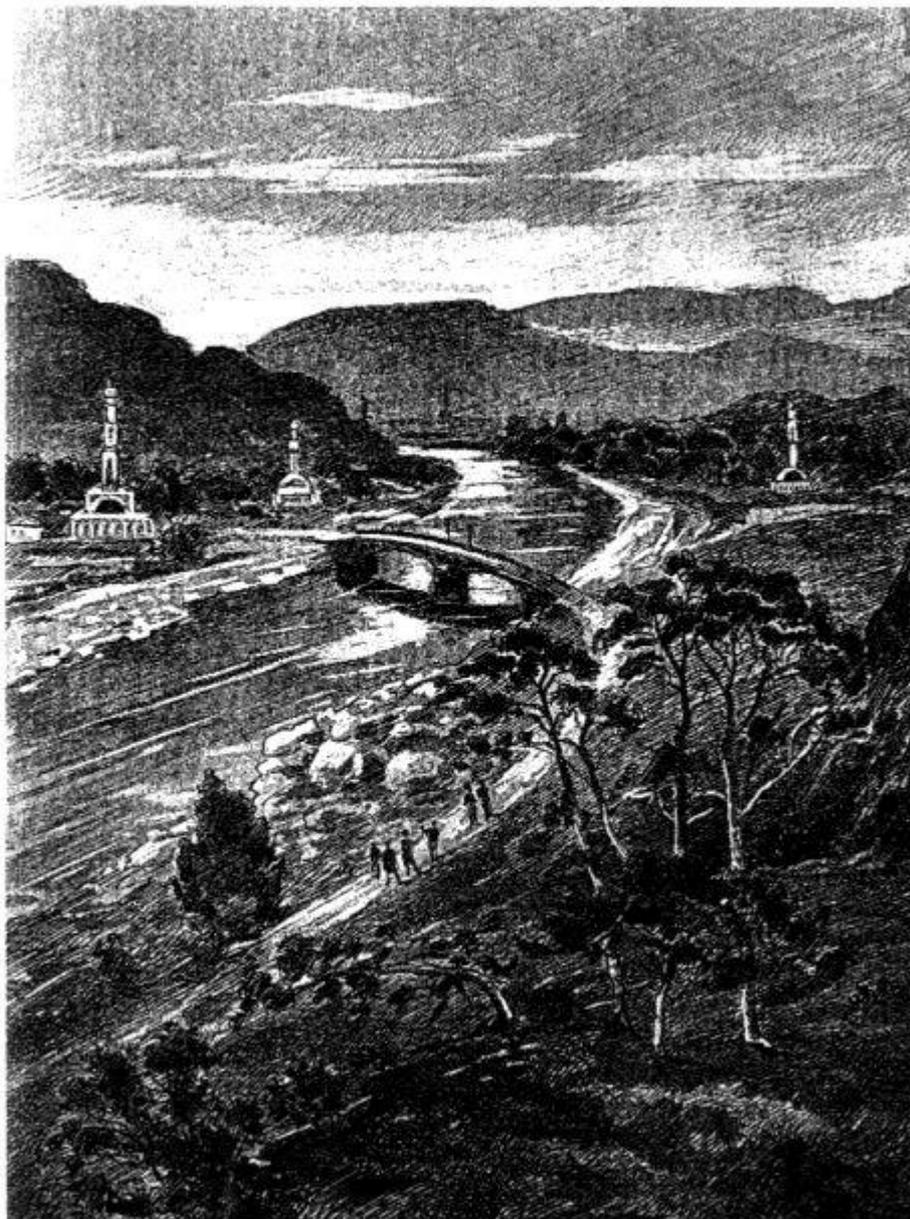
Атос как бы понял затаенную мысль своих гостей.

- Не думайте, - сказал он, - что здесь вы найдете какие-либо признаки, которые указывали бы вам на резкую перемену, происшедшую за то тысячелетие, в течение которого вы были отрешены от жизни. Мы, то есть люди настоящего, к которым присоединяетесь теперь и вы, дорожим природой в ее естественном, первобытном виде, и везде, где только можно, не изгоняем ее искусственно. Но сейчас, при входе в долину, вы увидите и такие создания человеческих рук, которых, вероятно, не было в ваше время.

- В долине расположен город? - спросил Яблонский.
- Город? Нет, у нас не существует городов в том виде, в каком они существовали в ваше время. Наши дома отделены друг от друга, раскинуты на весьма значительное расстояние.
- Но ведь должны же существовать у вас большие центры, общежития - в той или другой форме?
- Почему же *должны*? Не говоря уже о том, что всякое скопление людей в одном месте вредно отзывается на самой жизни организма, оно вызывает и многие ограничения в самом пользовании жизнью, заставляет человека подчиняться большинству, делать не то, что он бы хотел...
- Да, - прервал Яблонский, - но зато общежитие дает и много преимуществ...
- Каких же?
- Обмен мыслей, непрестанное общение друг с другом, общественные учреждения... Наконец, фабрики, заводы, которые требуют неминуемо скопления людей в одном месте...
- У нас есть общественные учреждения, вы познакомитесь с ними. Мы постоянно видимся друг с другом, потому что расстояния для нас не существует. Что же касается фабрик или заводов, то их у нас нет...
- Как?
- Яблонский был поражен этим заявлением.
- Но ведь, - продолжал он, - я уверен, что техника, фабричные производства сделали такие успехи...
- Что существование фабрик и заводов сделалось излишним! - закончил Атос.
- Видя изумление своего собеседника, он положил руку ему на плечо и сказал с улыбкой:
- Вы познакомитесь скоро со всем, что сделало человечество за тысячелетний период. Я знаю, что в ваше время фабричное производство было необходимо потому, что человек не умел сам производить для себя все необходимое. Через это люди вынуждены были обмениваться услугами: если вы не могли сами сделать материи для вашего платья, вы должны были брать ее от другого, производя для него то, чего он, в свою очередь, не умел сделать сам. Следствием этого было неравенство между людьми: одни более работали для других, чем эти последние для них. Наш принцип несколько иной: каждый человек сам производит для себя все, что ему надо. Он независим, он свободен. Этого не могло быть в ваше время.
- Яблонский и подошедшая в это время Самойлова были поражены.
- Общежитие, взаимные услуги между людьми, общественные предприятия - отвергались при новом строе жизни! Все то, что признавалось необходимым в их время, в развитии чего виднелся отдаленнейший идеал человеческой жизни, было отринуто!
- Вы неминуемо согласитесь со мной, - продолжал Атос, - что человеческое счастье немыслимо без независимости, без полной свободы. Для достижения этого человек должен существовать только своими трудами, быть в состоянии сделать для себя все, не прибегая к помощи других. Раз ему помогают, он обязывается, он уже не свободен.
- Но тогда, - заметил Яблонский, - человеку приходится отказываться от многих удобств, которых он не может приобрести личными усилиями. Не может же человек сам построить себе хотя бы дом?
- Почему же? Вы увидите сейчас наш дом, - улыбнулся Атос, - право, он не совсем плох, а выстроен он руками моими и моих сыновей.
- Но где требуются сложные машины...

- У нас нет сложных машин...

Разговор был прерван неожиданной картиной, открывшейся перед глазами пораженных путешественников. Шедшая извилинами дорога, прорезавшая скалы, тянулась теперь ровной лентой по крутому спуску.

Знакомая обширная равнина раскинулась во все стороны...

Знакомая обширная равнина раскинулась во все стороны, сливаясь с горизонтом. Сверкая и переливаясь миллионами искр, высились громадные здания, резко выделяясь своими уходящими в недостижимую высь башнями от моря окружавшей их зелени. Прихотливо извиваясь, сверкала серебром знакомая взорам лента реки, арки мостов казались висевшими в прозрачной синеве воздуха. Правильными квадратами и продолговатыми полосками там и сям выделялись из зелени деревьев обработанные участки, то желтея золотом колосьев, то темнея густой синевой. От подножия скал дорога шла среди пестрых, благоухающих цветочных ковров, с возвышающимися среди них кущами гигантских деревьев и тянувшимися во всех направлениях развесистыми аллеями. Атос и его сыновья молча смотрели вместе со своими неожиданными спутниками на дивную картину, видимо довольные произведенным впечатлением. Но вот Яблонский, а

вслед за ним и остальные его товарищи обратили внимание на смутно вырисовывавшуюся вдали вершину знакомой постройки. Казалось, что это была обсерватория Дараайена.

- Точно наша обсерватория! - воскликнул Яблонский, указывая рукой в сливавшуюся с горизонтом даль.

- У вас была здесь обсерватория? - переспросил Атос, видимо слегка удивленный.

- То есть не совсем наша. Не мы ее строили: мы нашли ее уже готовой, когда достигли материка Северного полюса.

- Но ведь вы были первыми из людей, ступивших на эту землю?

- Так думали и мы. Но оказалось, что за несколько тысячелетий до нас здесь уже были люди, и притом люди, стоявшие выше нас по своей культурности и знаниям. Но вы узнаете все в подробностях из рассказа о наших приключениях.

Яблонский замолчал, видимо вновь охваченный живыми воспоминаниями о столь далеком прошлом.

Один из сыновей Атоса, все время видимо чем-то интересовавшийся, наконец не выдержал и, подойдя к ученому, дотронулся до висевшего у него на перевязи ружья.

- Что это за инструмент? - спросил он.

- Ружье! - отвечал Яблонский, слегка удивленный.

- А! - воскликнул юноша. - Так вот этот знаменитый некогда инструмент!

Он с любопытством рассматривал переданное в его руки оружие.

- Разве, - спросил Яблонский, - вам, если даже ружья теперь и не употребляют, не приходилось видеть их или слышать?

- О, я хорошо знаком с ними по описаниям и рисункам. Образцы всех инструментов, когда-либо употреблявшихся человеком, находятся в музеях, но не во всех из них находятся образцы оружия. Я же не был еще в главнейших из них...

- Почему же?

- Не успел еще! - улыбнулся юноша.

- Разве вы так молоды?

- Мне двенадцать лет.

Яблонский и его товарищи, понявшие русскую речь, были страшно поражены. Перед ними был молодой человек высокого роста, атлетического телосложения, которому на вид нельзя было дать менее двадцати лет.

- Не удивляйтесь! - заметил Атос. - Под влиянием лучших условий жизни человеческий организм несколько изменился: наши дети развиваются быстрее, чем было в ваше время, и живем мы дольше... Как вы думаете, сколько лет мне?

При этих словах Атос выпрямился во весь рост и с улыбкой глядел на казавшихся в сравнении с ним хилыми и слабыми людей древнего мира.

- Право, не знаю! - отвечал Яблонский. - По-нашему, вам должно было бы быть лет тридцать пять - сорок...

- Моему старшему сыну шестьдесят, - сказал Атос, - мне же восемьдесят шесть!

- Как велика вообще у вас продолжительность жизни?

- В среднем до полутора лет. Но это не есть общее правило; многие живут до двухсот и более. Что касается смерти от болезней, то за последнее трехсотлетие подобные примеры стали чрезвычайно редки, по крайней мере, в цивилизованных странах...

- Разве существуют еще на земном шаре народы, которых можно назвать нецивилизованными? - с удивлением воскликнул Яблонский.

- Да. Большинство народов Центральной Африки, Англии...

- Англия! Но в наше время это был передовой народ...
- Не принимайте слово «нецивилизованный» в вашем смысле. Мы называем их нецивилизованными относительно нас, то есть европейских народов. Англичане, лишившись всех своих колоний, остановились в своем развитии, замкнулись в тех формах жизни, какие успели сложиться семьсот лет тому назад. Дальше они не идут, не вступают в сношения с другими народами. Трудно себе представить, до чего доходит их ненависть ко всему не английскому...
- Но это какие-то китайцы!..
- О, китайцы стоят несравненно выше англичан...
- В наше время китайцы представляли любопытный пример застывшей в раз установленных формах цивилизации...
- Я знаю. В этом смысле англичан, действительно, можно назвать китайцами тридцатого столетия. Но вот мы подходим к моему дому. Мои домашние уже предупреждены и встречают нас.

Действительно, один из сыновей Атоса, опередивший всех во время дороги, вероятно, сообщил уже о загадочной встрече: по крайней мере, перед главным входом колоссального здания, к которому приближались путешественники, видна была многочисленная группа людей.

- Вероятно, - сказал Яблонский тоном, в котором слышалось некоторое болезненное раздражение, - посмотреть на нас собрались многие из ваших и соседей, успевшие уже узнать о появлении выходцев с того света?

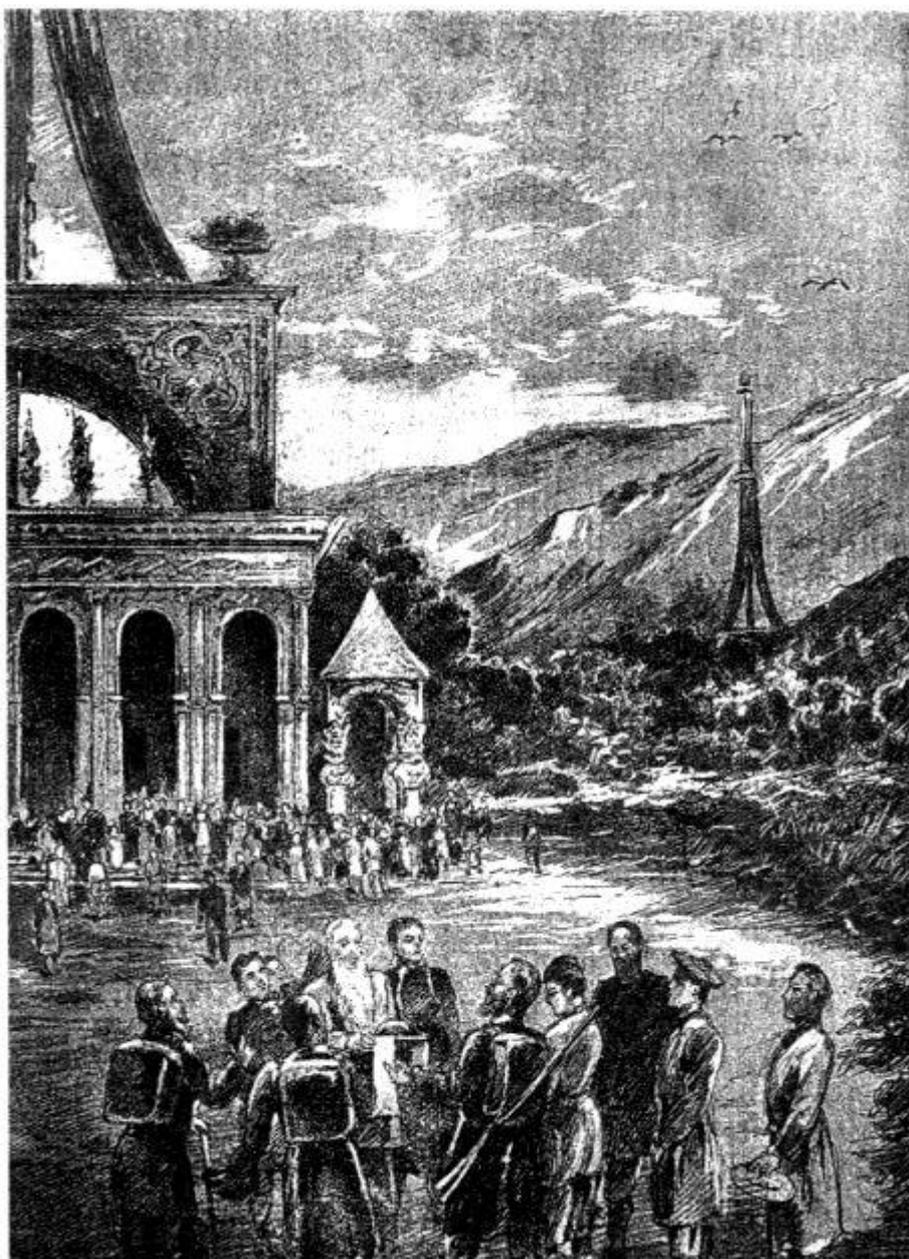
Атос заметил скрытое раздражение в словах Яблонского.

- Не думайте, - сказал он, - что для нас представляется чем-нибудь необычным ваше возвращение к жизни: вы увидите, что подобные факты в наше время являются обыденным явлением. Но тем не менее о вашем приходе знает только наша семья...
- Но там собралось по крайней мере двести человек...
- В нашей семье всех - больше трехсот...

Яблонский не успел ничего ответить на эти слова, так как в это время они подошли к самому входу в дом. На ступенях высокой лестницы, над которой возвышался громадный портал, собралась вся семья Атоса. У самого подножия стояла небольшая группа из шести человек, от которой отделился высокий седой старик и сделал несколько шагов навстречу прибывшим.

- Добро пожаловать! - произнес он чистым русским языком, протягивая путешественникам обе руки.
- Мой отец! - сказал Атос.

С чувством, близко подходившим к умилению, отвечали путешественники на радушное приветствие. Вслед за стариком к ним подошла пожилая, но бодрая, крепкая еще женщина с подносом, на котором лежал хлеб и стояла солонка.

— *Примите хлеб-соль по старинному русскому обычаю...*

- Примите хлеб-соль по старинному русскому обычаю, - сказала она, протягивая блюдо Яблонскому, как русскому, - и будьте в нашем доме не гостями, но родными. Трудно передать волнение, которое охватило всех при этом обряде, соблюдение которого показывало чрезвычайную внимательность к людям, родственным только по происхождению.

- Благодарю и за себя, и за моих товарищей, - отвечал Яблонский, принимая хлеб-соль, - этот обычай напоминает нам, что мы действительно находимся среди родных - в великой русской семье...

Через несколько минут путешественники были окружены семьей Атоса: со всех сторон протягивались к ним руки, раздавались слова радужного приветствия. Растроганные и взволнованные, они не могли скрывать охвативших их чувств: утомленные, расшатанные нервы не выдержали, и Самойлова первая зарыдала, обняв молодую девушку из семьи Атоса, нагнувшись к ней для приветственного поцелуя. Навернулись на глазах слезы и у

мужчин. Еще мгновение - и они бы последовали примеру своей спутницы. Но в это время старик Атос дотронулся до плеча девушки и произнес:

- Успокойтесь! Вам надо отдохнуть!

При этом прикосновении Самойлова почувствовала, как охватившие было ее рыдания мгновенно стихли, и она тотчас овладела собой.

Вместе с тем и ее спутники ощутили на себе какое-то непонятное, но, несомненно, постороннее воздействие: нервное напряжение сменилось радостным, но спокойным настроением. Они все могли теперь более сознательно относиться ко всему происходившему, разглядеть людей, выказавших при встрече с ними такое искреннее радушие.

Вокруг них собралось больше двухсот человек мужчин, женщин и детей. При взгляде на эту толпу резко бросалось фамильное сходство: тип лица был совершенно однообразен: резкие, правильные черты, широко очерченный, сильно развитой лоб, даже общее всем спокойно-самоуверенное выражение глаз и всей физиономии делало этих людей чрезвычайно похожими друг на друга. Если прибавить к этому одинаково мощные, пропорционально сложенные фигуры и некоторое однообразие в костюме, то не мудрено, если первое время путешественники были совершенно не в состоянии отличить друг от друга многих из окружавших их.

Поднявшись на крыльцо, путешественники прошли через массивные двустворчатые двери и очутились в обширной, чрезвычайно высокой комнате, назначение которой было ясно вследствие того, что по стенам ее тянулись ряды вешалок, почти все занятые платьем. В одном из углов этой комнаты стоял вагон подъемной машины, между четырьмя металлическими колоннами. Из передней такие же двери, как и входные, но только еще большего размера, вели в залу. Войдя в нее, люди двадцатого столетия были поражены: самая причудливая фантазия не могла бы дать им понятия о представившемся им зрелище, если бы они попытались прежде представить его себе на основании виденных ими тысячу лет назад дворцов и считавшихся роскошнейшими зданий. Первое, что бросалось в глаза, это была чрезвычайная простота стиля: в громадной овальной комнате, противоположный конец которой терялся из глаз, не было ни одной колонны, на стенах не виднелось никаких украшений. Тройной ряд окон прорезал стены и овалообразный свод. Через ряд верхних окон виднелось синее небо, и казалось, что вся зала уходила куда-то в недостижимую высоту. Кругом стен тянулись столы и ряды стульев, середину занимало небольшое возвышение, на котором стояли какие-то инструменты.

- Это наша общая комната, - пояснил Атос, - она служит нам столовой, музыкальной залой, здесь мы проводим свободное время.

- Что это за инструменты? - поинтересовался Яблонский, указывая на возвышение посреди комнаты.

- Это наши музыкальные инструменты, в общем схожие с теми, какие употреблялись и в ваше время. Теперь я провожу вас в ваши комнаты.

Путешественники, кроме Самойловой, ушедшей вместе с женщинами, последовали за хозяином. Широким коридором, проходившим, по-видимому, через все здание, гостей провели каждого в отдельную комнату, представлявшую собой довольно обширное, разделенное портьерой, помещение.

- Вы найдете здесь, - сказал один из сыновей Атоса, провожавший Яблонского, - все необходимое. Поверните этот рычаг, - он указал на одну из вделанных в стене рукояток, - и в комнату поднимется ванна. Здесь краны с холодной и горячей водой. В шкафу вы

найдете платье, белье и обувь - я думаю, что вам все будет впору, так как мы почти одинакового роста. Все, что вам не надо, бросьте через это отверстие, - он повернул другую из рукояток и открыл широкое отверстие какой-то трубы. - Когда же вы будете готовы, позвоните или приходите сами в залу - мы будем вас ждать. К тому времени соберутся и все наши, так как наступает час обеда. А пока - до свидания.

Оставшись один, Яблонский прежде всего подошел к окну. Тонкая, по-видимому металлическая рама защищена была выпуклыми чечевицеобразными стеклами, не позволявшими видеть снаружи, что делалось внутри комнаты. Окно выходило в цветник, за которым тянулось длинное одноэтажное здание со стеклянной крышей, похожее на оранжерею или теплицу. Из другого окна видна была стена и угол высокого здания, замыкавшего цветник с другой стороны.

Яблонского поразила при первом взгляде чрезвычайно незначительная толщина стен, едва доходившая до двух вершков. Как могло держаться такое громадное здание, построенное наподобие картонного домика? Из чего были сделаны стены, потолок и пол комнаты? В стене не было заметно ни малейшего следа каких бы то ни было скреплений, вся она была как бы отлита из однородной, блестящей серебряной массы, гладко отполированной и сверкавшей, как зеркало. Неужели все здание было отлито из металла?

Пол в комнате с виду похож был своим рисунком на паркетный, но в нем также нигде не было заметно скрепления, и самая масса, из которой он был сделан, отличалась чрезвычайной твердостью и блеском.

Первая половина комнаты была изящно меблирована мягкими креслами, диванами, середину простенка занимал стол, на котором виднелись кипы бумаг и книг. Во второй половине, за портьерой, была только кровать, несколько стульев, столик, с зеркалом над ним, умывальник и еще какой-то инструмент, представлявший из себя продолговатый, довольно узкий ящик, поставленный вертикально.

Из всех предметов, находившихся в комнате, Яблонского более всего заинтересовали книги, лежавшие на столе. Он взял одну из них и раскрыл наудачу. Буквы были русские. Прочтя несколько строк, Яблонский убедился, что он понимает все свободно; таким образом, несмотря на некоторые особенности и кой-какие незнакомые слова, общий характер языка сохранился прежний. Раскрыв другую книгу, молодой ученый тоже мог, хотя с некоторым трудом, уловить смысл прочитанного, но зато он никак не мог поручиться за верность своего произношения: язык, которым была написана книга, не существовал в его время. Латинские буквы слагались в слова, чрезвычайно схожие с русскими или французскими; синтаксическое построение речи близко подходило к русскому.

Яблонский с чрезвычайным любопытством прочитывал строчку за строчкой, пока внимание его не было привлечено одной особенностью: буквы стали казаться ему не напечатанными, а нарисованными; вглядевшись пристальнее, он убедился, что действительно начертания воспроизведены не типографским способом - скорее, они были сфотографированы; дальнейший осмотр подтвердил это предположение: сомнения не было, перед ним были книги-фотографии. Фотография в применении к книгопечатанию! Тут Яблонскому припомнились слова Атоса о том, что каждый из людей тридцатого столетия *делает все сам для себя*. Если этот принцип не имеет исключений, то очевидно, что и книги каждый воспроизводит сам для себя. Понятно, что фотография, приспособленная каким-либо образом, представляла собой самое простейшее и скорое

средство для достижения этой цели, и притом подобный способ, конечно, был доступен одному и не требовал помощи других.

Осмотр Яблонского продолжался бы, вероятно, еще очень долго, так как каждый предмет привлекал его внимание, если бы он не вспомнил, что его будут ожидать к обеду.

Пройдя в спальню и вместе с тем уборную, он повернул указанную ему Атосом рукоять. Тотчас же значительная часть пола опустилась, образуя собой чашеобразное углубление, в середине которого появилась большая серебряная ванна.

Яблонский уже кончал свой туалет и тщетно старался разрешить вопрос о ткани, из которой было сделано платье, приготовленное для него молодым Атосом, как в двери постучались.

После ответа Яблонского в комнату явился и сам молодой хозяин занимаемого Яблонским помещения.

- Готовы? - спросил он, оглядывая Яблонского.

- Совершенно!

- Вы стали совсем другим человеком. Через несколько минут еще вы сами почувствуете это...

- Да, ванна меня освежила.

- Наша ванна! - с особенным ударением сказал Атос.

- Разве она представляет собой что-либо особенное? - заинтересовался Яблонский.

- Особенного ничего. Но, сколько мне известно, в ваше время не было чего-либо подобного. В воде, которую вы употребляли для ванны, было распущено электричество...

- Распущено! - воскликнул Яблонский. - Вы говорите про электричество точно про какую-то жидкость или твердое тело!..

- Электричество и есть жидкость, - подтвердил Атос, - но мое выражение, действительно, несколько неточно: под словом «электричество» мы подразумеваем несколько жидкостей, но первичная из них, из которой слагаются все остальные, та самая, которой была насыщена ваша ванна, представляет собой почти невесомое, эфириобразное тело...

- Видимое и осязаемое? - перебил его Яблонский.

- Осязаемое - да, но невидимое. Если вы хотите познакомиться ближе с этим вопросом, я дам вам несколько книг...

- Хочу ли я! - воскликнул ученый. - Да я сгораю от нетерпения возможно скорее овладеть вашими знаниями!.. К сожалению, я думаю, что одних книг для этого недостаточно. Есть ли у вас университеты?

- Да, лучшие из них в Москве и Париже.

- Я, конечно, говорю про русские университеты...

- Что вы хотите сказать, прибавляя слово «русский»? Наука есть общечеловеческое достояние. Наши знаменитые ученые читают свои лекции попеременно во многих университетах. Что же касается вообще различия между Россией и Францией, то его почти не существует... Даже территориальные границы не вполне определены...

- Как? Но Россия в мое время отделялась от Франции Германией, Австрией...

- О! - вскричал Атос. - Германии и Австрии, как отдельных государств, не существует уже около тысячи лет. Пятьсот лет прошло, как и самые названные вами национальности перестали существовать... Россия же, Франция и все цивилизованные народы имеют общий язык, служащий для взаимных сношений и научных сочинений, - этот язык явился вследствие слияния языков русского и французского.

- На этом языке и написана, конечно, одна из книг, которые я видел на вашем письменном столе?..

- Да.

- Я с удовольствием убедился, что этот язык мне понятен.

- Он чрезвычайно доступен. Обладая знанием древнерусского и древнефранцузского языков, не представляет трудности ему научиться.

- Кстати, я хотел вас просить говорить со мной на новорусском языке, я же буду отвечать на древнем, пока не овладею новым...

- Что произойдет через несколько дней, - заметил Атос. - Однако нам пора идти.

Эту фразу он произнес уже на новорусском языке. Яблонский с радостью убедился, что для него не составляет труда понимать своего товарища.

- Обедать на этот раз мы будем на террасе, - предупредил Атос, выходя из комнаты. - Все время вы будете любоваться видом, подобным тому, который так поразил вас при выходе из гор. Погода отличная, и свежий воздух подействует на вас отлично.

- Я и теперь чувствую себя превосходно. Кажется, ваша ванна на меня подействовала.

В самом деле, Яблонский начинал чувствовать, как организм его мало-помалу обновлялся, и вместе с тем им овладевало чрезвычайно бодрое, спокойное настроение духа. Он именно чувствовал теперь в себе избыток здоровья и крепости, весь организм его был переполнен ощущением физического бытия.

- Когда вы ежедневно будете испытывать на себе действие электровозбудителя, - продолжал Атос, - ваши силы в скором времени достигнут высшего развития...

- Что вы понимаете под словом «электровозбудитель»? - спросил Яблонский.

- Это аппарат, к помощи которого каждый из нас прибегает ежедневно, за весьма редкими исключениями. Аппарат этот обхватывает его щетками, перебирает и массирует все мускулы и возбуждает усиленный приток крови; вместе с тем вы принимаете душ, насыщенный электричеством. Вы, вероятно, заметили этот аппарат в моей комнате?

- Это продолговатый металлический футляр?

- Да. Я не мог предложить вам теперь же прибегнуть к его помощи, так как организм ваш еще не привык к воздействию электричества.

Во время этого разговора Атос вел Яблонского по бесконечным коридорам, проходившим по всему зданию.

- Хотите ли вы, - спросил он, - подняться на террасу по лестницам или в подъемной машине?

- Я думаю, что мы уже запоздали. Сколько времени придется идти по лестницам?

- Около часа.

- В таком случае мне кажется лучше прибегнуть к помощи подъемной машины.

Атос отворил одну из дверей, выходящих в коридор, и ввел Яблонского в небольшую комнату, наружную стену которой составляло громадное стекло. Из этого окна виден был внутренний двор здания и противоположный фасад.

- Мы поднимемся быстро, - сказал молодой человек и повернул вращавшуюся на металлическом полукруге рукоять.

В то же мгновение Яблонскому показалось, что видневшаяся в окно противоположная стена здания с быстротою молнии взвилась кверху, и перед его взорами открылось синее небо, кое-где подернутое дымкой облаков.

Подъем несколько замедлился, и через секунду легкое сотрясение показало, что движение прекратилось.

Молодой спутник Яблонского отворил двери камеры, и, сделав несколько шагов, ученый очутился среди многочисленного общества.

Но не это общество приковало к себе внимание Павла Михайловича: новое зрелище, открывшееся перед ним, было необычайно. Кругом него высились пальмы и тропические растения, расстился ковер благоухающих цветов, внизу выделялась панорама лесов, полей, сверкавших серебром зданий, а на горизонте синела лазурь спокойного моря. Он не мог сразу сообразить, где он находится. Под ногами его была земля, кругом деревья и цветы, над ним небо, и тем не менее он знал, что поднимался на террасу, что он никуда не выходил из дома.

Недоумение его разрешил подошедший к нему старик Атос, встретивший их по прибытии к дому.

- Мы часто обедаем здесь, на террасе, - сказал он, - воздух здесь чище и лучше...

- Неужели мы находимся на искусственно построенной террасе? - воскликнул Яблонский.

- Да. Мы имеем свои висячие сады, которые, впрочем, были, кажется, известны не только в ваше время, но и задолго до него...

- На какой же высоте устроен этот сад?

- На высоте двухсот метров. После обеда мы произведем подробный осмотр, а пока надо подкрепить силы.

Старик взял Яблонского под руку и провел его аллеей из пальм и рододендронов к открытой площади, на которой расположен был полукругом длинный стол и где собрались все члены многочисленной семьи. Тут же находились и сэр Муррей с мистером Лекомбом, оживленно разговаривавшие о чем-то с окружившим их обществом. Оба ученых казались помолодевшими и бодрыми. Они весело встретили Яблонского.

- Вы на себя стали не похожи! - вскричал мистер Лекомб. - Какая разительная перемена произошла с вами?

- И с вами тоже! - отвечал Яблонский.

- Одно меня крайне стесняет, - понизив голос, заметил сэр Муррей, - это костюмы, которыми нас снабдили...

- Но, по-моему, это чрезвычайно удобная и изящная одежда! - отвечал Яблонский.

- Да, но она совсем не подходит для торжественного обеда. Помилуйте, вместо фрака какой-то балахон из легонькой материи...

- Ну, мы не в Англии, да и потом время изменяет обычаи. Однако я не вижу...

Яблонский не договорил: к нему подходила Самойлова, которую он не сразу узнал в резко изменившем ее костюме: кофточка из серебристой, мягкой материи ловко охватывала стройный стан девушки, коротенькая юбка оставляла открытыми ноги, обутые в высокие штилеты; роскошный розан приколот был; корсажу, а другой воткнут в слегка вившиеся волосы. На оживленном, свежем лице девушки не заметно было следов перенесенных ею лишений. Первый раз еще Яблонский видел свою невесту в женском костюме и при соответственной обстановке, впечатление еще усилилось благодаря тому, что внимание всех было обращено исключительно на гостей из далекого, неведомого прошлого.

- Вы не поверите, - воскликнула девушка, - как я себя хорошо чувствую! Право, точно вторично родилась на свет!

- Оно, пожалуй, и правда отчасти! - засмеялся Яблонский. - Как понравились вам ваши новые знакомые?

- О! Меня окружили таким вниманием, которое только можно найти в семье! Но знаете, что меня особенно поражает: глядитесь в лица наших хозяев - как они поразительно похожи друг на друга, особенно женщины.

Действительно, вся группа женщин, среди которых была Вера Михайловна при приходе Яблонского, поражала не только сходством черт лица, но и по фигуре и росту они не отличались друг от друга. Иллюзию довершал общий для всех костюм, совершенно похожий с тем, который был надет на Самойловой, и различавшая только по цвету.

- Не забудьте, - заметил Яблонский, - что мы имеем перед собой членов одной семьи, связанных близким родством. Их гены, принадлежащие к другим родам, вовсе не представляют такого разительного сходства.

Яблонский глазами указал девушке на нескольких женщин, с которыми в это время вел разговор мистер Лекомб, по-видимому уже вполне освоившийся с новым для него обществом.

Подошедший в это время Николай Атос сказал Яблонскому:

- Ведите к столу вашу невесту, которую, вероятно, скоро вы назовете вашей женой.

В это время все общество двинулось попарно и группами по главной аллее воздушного сада.

В конце аллеи открылась обширная площадка, во всю длину которой шел огромный стол с рядами стульев по обеим сторонам.

К удивлению Яблонского, на столе не было ни скатерти, ни приборов.

Мистер Лекомб, поместившийся рядом с ним и Самойловой, казал ему вполголоса:

- Однако интересно знать, чем же мы будем есть? Кто же, наконец, будет нам подавать? Ведь прислуги у них, разумеется, не существует?

Но в это время середина стола по всей длине неожиданно опустилась вниз, и через секунду на ее месте появилась другая - с двумя рядами металлических рельсов. Вместе с тем на каждом конце стола появились широкие платформы на колесах с горами тарелок, ложек, ножей, вилок и стаканов. Когда платформы двигались вдоль стола, каждый брал себе сервиз.

- Ну, уж это чисто по-американски! - решил мистер Лекомб.

- Я думаю, что американцы еще не дошли до этого! - отвечал Яблонский, указывая на золотые тарелки.

- Да, - удивился мистер Лекомб, - живут они довольно-таки богато!

- Если только золото имеет ту же ценность, как и в наше время. Но я думаю, что этот продукт теперь производится так же легко, как в наше время стекло и тому подобное.

Но в это время перед Яблонским остановилась громадная металлическая ваза. Подобно другим, он принужден был сам налить себе суп.

- Интересно знать, кто у них готовит? - недоумевал мистер Лекомб.

Сидевшая напротив него дама услышала и поняла эти слова. Она улыбнулась и заговорила с французом на его родном языке, который, однако, тот понимал с большим трудом.

- Кушанье, - пояснила она, - у нас готовится само. Конечно, необходимы предварительные приготовления. Но это делает каждый из нас по очереди. Я боюсь только, что наш обед вам не совсем придется по вкусу: мы не едим мяса ни в каком виде.

- О, - протестовал Лекомб, - такого супа мне никогда не приходилось есть!

Действительно, поданное кушанье отличалось чрезвычайно приятным вкусом.

Яблонскому и Вере показалось, что оно сильно напоминает ту похлебку, которую они готовили из порошка, найденного в катакомбах тысячу лет тому назад.

- У нас, - продолжала собеседница мистера Лекомба, в ответ на его расспросы, - совсем не употребляют в пищу мяса в образованных странах, но в Англии и Австралийских государствах, к сожалению, не держатся этого обычая.

- В наше время много об этом говорили, - заметил француз. - Даже составилось целое общество вегетарианцев с целью приучить человека к употреблению исключительно растительной пищи, но все эти усилия не привели к желаемым результатам. Однако что это такое? Вино?

Перед мистером Лекомбом появилась в это время высокая металлическая ваза с двумя кранами, обращенными на обе стороны стола.

Наполняя свой стакан, он заметил, что белая, прозрачная жидкость, содержащаяся в сосуде, искрилась и шипела.

- Не вино! - решил сэр Муррей, уже успевший отведать напитка. - Но во всяком случае вкусно!

- Мы не употребляем вина; то, что вы пьете, - это обыкновенная вода, приготовленная с электричеством, - разъяснила любезная собеседница мистера Лекомба. - Электричество служит у нас и для питания... Но вот, кажется, к нашему обеду являются гости!..

Взглянув по указанному направлению, Яблонский и его товарищи с неописанным изумлением увидели, что в вышине, далеко над ними, плавно неслись в воздухе две человеческие фигуры. С каждым мгновением они становились яснее и, наконец, через секунду опустились на платформу воздушного сада близ того места, где сидел старик Атос.

Тщетно Яблонский старался рассмотреть на прибывших хотя бы малейший признак, указывавший на присутствие какого-либо летательного снаряда, крыльев или чего-нибудь подобного: обоих вновь прибывших обтягивала та же одежда, какая была на всех; пролетая по воздуху, они не делали никаких движений, необходимо связанных с понятием «летать».

Но еще большее изумление последовало, когда прибывшие, не обменявшись ни словом с кем-либо, прямо подошли к Яблонскому, а потом и к его товарищам, чтобы пожать им руку и сказать несколько слов приветствия.

- Скажите, - спросил Яблонский Павла Атоса, когда вновь прибывшие заняли место за столом, - по-видимому, ваши гости уже успели узнать, кто мы такие и откуда явились?

- Да. Чтобы предупредить их, им необходимо было об этом сообщить...

- Но, очевидно, им известно было это ранее...

- Нет, они узнали только теперь...

- Но они не сказали и двух слов ни с кем, а прямо направились к нам.

- Им и не говорили, а сообщили! - с особенным ударением на последнем слове произнес юноша.

- Я не совсем понимаю вас...

- И немудрено. Было ли в ваше время что-либо известно о взаимодействии организмов, об их непосредственном сообщении друг с другом через пространство?

- У нас были известны случаи чтения чужих мыслей, воздействия одного человека на другого путем внушения, подчинения волей одного воли другого...

- Ну, тогда вам должно быть понятно, что ряд токов, возбужденных в мозгу одного человека и направленный к мозгу другого, может дать соответствующее представление.

- То есть вы хотите сказать, что возникновение мысли обуславливает возбуждение нервных токов и что эти токи произвольно могут быть направлены к мозговым центрам другого человека?

- Да.

- Но тогда, следовательно, воля одного может быть подчинена воле другого?

- Только в том случае, если напряжение нервной энергии в одном менее, чем в другом...

- Однако, таким образом, каждый из вас свободно может читать мысли другого?

- Совсем нет. Для того чтобы мои мысли сделались достоянием другого, я должен этого захотеть - другими словами, сам возбудить в себе нервную энергию и направить ее к другому. Точно так же я могу отказаться воспринять направленный ко мне ток другого, то есть отказаться прочесть его мысль.

- Бывают же случаи, когда сильнейший подчиняет себе слабейшего?

- Без сомнения. Вы сами испытали на себе это - там, когда впервые мы встретили вас на дороге. Под первым впечатлением, мы связали вашу волю, лишили вас способности движения...

- Но что побудило вас к этому?

Юноша с секунду колебался, прежде чем ответил на этот вопрос.

- Вы уже слышали, - сказал он, - что наряду с народами, стоящими сравнительно высоко по своему развитию, существуют и другие, представляющие как бы низшую расу. Эти последние в большинстве случаев относятся к нам крайне враждебно. Словом сказать, встреча с австралийцем для человека цивилизованного представляет всегда некоторую опасность. Увидев вас...

- Вы признали нас за дикарей! - перебил Яблонский.

- О, не думайте, чтобы австралийцы или англичане были дикари - это просто наши враги...

- Но скажите, в таком случае, разве они, то есть эти менее культурные, менее цивилизованные люди, не сознают всей опасности, которую навлекают на себя, вызывая вас на борьбу?

- К сожалению, сознают не вполне. Они слишком надеются на свои орудия разрушения, не думают, чтобы победа над ними была легка. Но обед кончается. Что думаете вы делать?

- Я бы хотел задать вам еще множество вопросов, но боюсь утомить вас...

- Меня и никого из нас вы не затрудните, но я бы советовал вам не слишком возбуждать свое внимание. Вам и так придется пережить много нового, организм же ваш, несомненно, требует отдыха. Через час или два я предложил бы вам уйти в свою комнату.

Яблонский несмотря на то, что не чувствовал себя особенно утомленным, был не прочь последовать этому совету: ему хотелось остаться одному со своими мыслями, хоть немного разобраться в массе новых впечатлений.

То же самое испытывали и его товарищи.

Через час после обеда все они были уже в своих комнатах и первый раз крепко заснули в новом для них мире.

Глава 24.

Осмотр мастерских. - Фотографирование книг. - Единство материи. - Что такое электричество? - Роль его в жизни будущего. - Заботы об устройстве. - Разлука.

На другой день, после утреннего завтрака, Николай Атос предложил своим гостям принять участие в обычных занятиях семьи. Предложение это пришлось всем как нельзя более по сердцу: помимо того, что таким образом пришельцам из далекого прошлого представлялась возможность ближе сойтись с людьми нового времени, они легче могли ознакомиться с теми условиями, при которых создавался тот строй жизни, который при первом, даже поверхностном знакомстве поразил их своим резким отличием от всего, что когда-либо они видели и знали сами.

- Мы пройдем сначала в мастерские, - предупредил Атос.

Мастерские помещались в длинном здании, которое видел Яблонский уже ранее из окна своей комнаты.

Жители девятнадцатого столетия были уверены, что им придется увидеть нечто такое, что по своей грандиозности и смелости далеко превосходило все приспособления, до которых только достигла техника их времени.

Но при первом взгляде на внутренность мастерских они были сильно разочарованы: ничего, поражающего взор. Не слышно было грохота гигантских машин, не видно множества громадных колес, которые приводили бы в движение сложные механизмы, бывшие столь обычными в конце девятнадцатого века и казавшиеся чудом искусства. Длинная светлая зала заключала в себе всего лишь десятка два-три однообразных, небольших металлических ящиков, между которыми не было натянуто ни приводных ремней, ни зубчатых передач. Кой-где около этих ящиков были уже люди, по-видимому готовившиеся приступить к работе.

- Мы посмотрим сначала, - сказал Атос, - на процесс книгопечатания...

- Скорее книгофотографирования, - заметил Яблонский.

- Разве это открытие или, лучше сказать, усовершенствование было уже известно в ваше время? - удивился Атос.

- В наше время фотография, как нам казалось, достигла замечательной степени развития. Тем не менее книги мы не фотографировали. Об этом я узнал только вчера.

- Ну, в таком случае вы увидите нечто интересное.

Подойдя к одному из ящиков, за которым чем-то был занят его сын Павел, Атос спросил:

- Ты уже кончил свою книгу и хочешь ее печатать?

Вместо ответа юноша подал своему отцу толстый сверток, вроде старинных книжных свитков. Немного развернув его, Яблонский увидел, что он был уже покрыт рядами печатных букв.

- Но это уже отпечатанная книга! - воскликнул он.

- Написанная, - поправил его Атос. - Рукопись воспроизведена на пишущей машине. Эта рукопись и представляет собой оригинал, с которого, в любом количестве, могут быть воспроизведены фотографические копии.

- Во всяком случае, - заметил Яблонский, - мне кажется, что процесс фотографирования очень медлен.

- Чем?

- В наше, по крайней мере, время, - пояснил ученый, - мы получали световое изображение на стекле, покрытом светочувствительным слоем. Изображение это закреплялось химическим путем, затем на полученный таким образом рисунок накладывалась бумага - тоже светочувствительная, - и на ней воспроизводилась копия, печаталась при помощи солнечного света... Таким образом с одного негатива, мы могли получить за один раз только один позитив, то есть один оттиск.

- О! - воскликнул Атос. - Теперь дело много упростилось. Здесь, - он открыл при этих словах одно из отделений ящика и показал его внутренность, - помещается светочувствительная бумага - вы видите, что она в свертках укреплена на вращающихся шпильках; таких свертков можно поставить один за другим до пятидесяти в этом маленьком аппарате. Теперь, - при этих словах Атос указал на первое отделение ящика, - мы поместим перед камер-обскурой, заключающейся здесь, наш оригинал, - он укрепляется на такой же шпильке, как и свертки внутри аппарата; шпильки приводятся в равномерное движение, все сразу, при помощи часового механизма. При помощи зеркал световые лучи передаются от одного свертка внутри аппарата к другому. Лишь только оригинал начинает разворачиваться, как на всех пятидесяти свитках получается изображение. Разворачивающаяся бумага проходит через одну камеру, в которой находится закрепляющая изображение ванна, и другую, в которой бумага становится совершенно прозрачной. Наконец, проходя через это отделение, - он указал на правую половину ящика, - свитки складываются в формат книги.

- Но позвольте, - вставил Яблонский, - хотя вы и отыскали способ получать изображения непосредственно на бумаге, но вы получаете негатив, то есть обратное изображение. Как же вы его читаете?

- С задней стороны: бумага совершенно прозрачная. Но есть и другой способ - переставить, когда воспроизводят оригинал, шрифт пишущей машины. Тогда оригинал будет иметь обратное изображение, которое в фотографии будет прямым. Но вот сейчас Павел приступит к работе.

Пока Яблонский объяснял сэру Муррею и мистеру Лекомбу, не понимавшим русской речи, устройство аппарата, Атос помог своему сыну и через несколько минут из бокового отделения ящика появился первый экземпляр книги.

Только сэр Муррей нашел в ней недостаток - и тот, по его мнению, заключался лишь в том, что не было соблюдено должной экономии в бумаге: действительно, листы были напечатаны лишь с одной стороны.

- Еще один вопрос, - поинтересовалась Вера Михайловна: - у вас есть аппараты, которые воспроизводили бы сразу не пятьдесят экземпляров, а тысячу и более?

- Нет. Зачем он нам?

- Но если книга требуется в большом количестве экземпляров?

- Так всякий, для кого она нужна, может сфотографировать ее в одну минуту. Конечно, мы всегда готовы оказать помощь. Но в общем, конечно, цель человеческих стремлений сводится к тому, чтобы не было нуждающихся в помощи, чтоб каждый был вполне самостоятелен и независим. В этом и заключается наивозможное упрощение условий человеческой жизни и взаимных отношений. Но человек не нуждается в помощи только тогда, когда он стоит во всеоружии знания. Наука привела нас в своем постепенном развитии к достижению этой желанной, отрадной простоты...

Невольно людям девятнадцатого века вспомнилось при этих словах их время, когда люди, в своем стремлении к упрощению жизненных условий, доходили до отрицания науки!..

- Теперь, - продолжал Николай Атос, - мы перейдем к осмотру различных машин, служащих для производства необходимейших предметов обихода, тканей и тому подобного. Но прежде я должен дать вам несколько разъяснений. Насколько нам известно, в ваше время не признавалось единства материи?

- Оно предполагалось, - отвечал Яблонский, - угадывалось, но тем не менее нам приходилось иметь дело лишь с различными, простейшими формами материи -

элементами, как мы их называли. Различные соединения элементов образовывали более сложные формы. Яснее сказать, мы не могли привести элементы в состояние первичной, простейшей материи...

- Мы этого достигли, - с некоторой гордостью сказал Атос, - ваши химические элементы, с которыми мы хорошо знакомы, не могли быть приведены в однородное состояние до тех пор, пока человечеству было известно только три состояния тел - твердое, жидкое и газообразное...

- Виноват, - перебил Яблонский, - в наше время уже были попытки привести материю и в четвертое состояние - лучистое.

- Знаю, - продолжал Атос, - мы теперь называем его отраженным. Но для приведения элементов в однородный вид, к состоянию первичной материи, необходимо было нарушить строение молекул, уничтожить связь их между собой, освободить атомы - то есть те единицы, из которых состоит простейшая материя, из которых группируются молекулы, характеризующие то или другое тело. Так как, по современному нам учению, атомы группируются в молекулы благодаря наполняющему промежутки между атомами электричеству или, точнее сказать, эфириобразной электрической материи, то и для возвращения свободы атомам, для приведения их в состояние первичной материи, необходимо уничтожить эту связь, растворить цемент, скрепляющий атомы. Этого мы достигаем путем погружения сложного тела в электрическую материю, - тогда молекулы распадаются на первичные атомы, и мы получаем однородную, безразличную материю...

- Теория, которая показалась бы фантастичной в наше время, - сказал Яблонский. - Но прежде чем перейти к дальнейшему, мне хотелось бы спросить вас: что вы называете электрической материей?

- Электрическая материя представляет собой соединение тончайших атомов простейшей материи. Сливаясь вместе, с более грубыми они и составляют в общем то, что мы называем первичной материей. Но тончайшие атомы постоянно стремятся перейти в более грубые, сделаться однородными и безразличными друг от друга. Этот переход одних атомов в другие и обуславливает постоянное *движение* в материи, то есть то, что в наше время называлось *присущей материи силой*. Пока во Вселенной существуют неуравновешенные атомы первичной материи, до тех пор возможен переход движения из одной формы в другую, возможно преобразование энергии. Когда относительная разность атомов уничтожится, то материя придет в состояние абсолютного покоя. Мы можем отделить эти тончайшие атомы, то есть собрать из пространства электрическую материю и воспользоваться движением ее атомов для превращения его в тот или другой род энергии. Всякое тело, погруженное в электрическую материю, теряет связь своих молекул, атомы его освобождаются - и от нас зависит сочетать их в молекулы той или другой системы для образования нового тела. К сожалению, до сих пор мы умеем сочетать атомы первичной материи только в молекулы нескольких определенных систем. Теперь в общем вам будет понятно, если я скажу, что мы из железа можем приготовить золото и обратно, из неорганического соединения, в некоторых случаях, образовать органическое. Сейчас вы увидите в действии аппараты, производящие ткань, ту самую, которая надета на вас и на мне.

- Мне кажется странным, - заметила Самойлова, - что в этой ткани нельзя заметить следов соединения нитей...

- И немудрено, - засмеялся Атос, - ведь эта отлита...

- Как?!..

- Совершенно так же, как отливается металл, бумажная масса и тому подобное.

Растворенные волокна крапивы, хлопка отливаются в форму бесконечного листа, - ют ванна для растворения.

Атос подошел к одному из аппаратов, состоявшему из двух соединенных между собой металлических ящиков, и поднял крышку одного из них. В ящике оказалась густая масса, в которой находился укрепленный на оси цилиндр.

- Этот цилиндр, - пояснял Атос, - при каждом обороте захватывает необходимое количество массы для наполнения формы, находящейся между этими двумя аппаратами. Лист протягивается в следующий аппарат, прокалывается для сообщения ему воздухопроводимости, вальцуется, гладится и, наконец, наматывается на катушку уже в виде ткани. Желаящие при этом могут пропускать его чрез красящую ванну. Процесс, как видите, вовсе несложен.

- Но чем, - полюбопытствовал Яблонский, - приводятся в движение все эти машины?

- Той же электрической материей. Солнце источает в пространство массу тончайших атомов, составляющих эту материю. Кажется, и в ваше время уже догадывались о том, что солнце, находящееся в самом остром фазисе работ уравнивания атомов, источает первичную материю?

- Да. Мы называли материю в таком состоянии гелием-фебием.

- Итак, собирая эту электрическую материю, мы приобретаем в движении ее атомов необходимый запас энергии. Но, господа, теперь позвольте мне на время вас оставить - до завтрака. В мое отсутствие вы можете продолжать осмотр мастерских, если хотите, или пройти в библиотеку, или отправиться на прогулку - все, что хотите.

- Только одно слово, - остановил его Яблонский. - Вчера мы были свидетелями поразительного явления: мы видели людей, летающих по воздуху без всяких видимых приспособлений.

- На этот вопрос, - ответил Атос, - я могу ответить вам только в самых общих чертах. Вы уже знаете, что мы вводим электрическую материю в организм и в виде пищи и с помощью ванн. Организм, путем упражнения во многих поколениях, развивает в себе способность возбуждать и направлять электрические токи, то есть волны атомов, находящихся в непрестанном движении и развивающих постоянную энергию. Эта энергия уничтожает притяжение земли, а возбуждаемые и направляемые, по воле человека, токи несут его с неизмеримой быстротой в пространстве. Вам, к сожалению, долго не придется развить в себе этой способности, но зато к услугам вашим всегда есть удобное средство передвижения в виде воздушных лодок, подобных тем, которые были в ваше время. Окончив это пояснение, Атос удалился. В течение нескольких часов Яблонский и его товарищи осматривали мастерские и на каждом шагу поражались простотой и несложностью процессов, служивших для воспроизведения всего необходимого для человеческой жизни. Им казалось, и с некоторой достоверностью, что достаточно весьма непродолжительного срока, чтобы вполне привыкнуть и освоиться с условиями новой жизни и быть в состоянии так же, как и все, производить для себя все необходимое. Мысль эта подействовала на них ободряющим образом. Несмотря на всю особенность и необычайность условий, в силу которых они были поставлены в полную зависимость от других, и несмотря на то, что никто не давал им почувствовать этой зависимости, все же было тяжело принимать помощь от тех, кто считал первым достоинством и первым благом для человека возможность жить без посторонней помощи.

Жизнь, предшествовавшая тысячелетнему сну, казалась теперь людям, перенесенным в новые условия, каким-то туманным сном, неясными грозами давно минувшего прошлого. К воспоминаниям об этом прошлом не примешивалось жгучего чувства утраты, тоски по дорогим и близким людям - подобно тому, как не вызывает слез мысль об утрате жившего за несколько сот лет до нас какого-либо предка. Трудно было сказать, в силу чего совершился этот странный психологический процесс: еще двое суток тому назад, когда они только что возвратились к жизни, известие об утрате дорогого человека вызвало бы слезы на глазах каждого из них. Узнав, что люди, с которыми еще, как казалось им, только вчера они были связаны самыми тесными узами, исчезли с лица земли уже много столетий тому назад, они испытали не скорбь потери, но впечатление мимолетного ужаса одиночества.

Теперь и это чувство уступило место захватывающему интересу новой жизни. Тем не менее, мистер Лекомб уже порывался скорее увидеть свою прекрасную Францию, а сдержанный, хладнокровный сэр Муррей не раз обращался с расспросами об Англии и, видимо, был обрадован, узнав, что он может достигнуть до своего обособленного отечества в течение нескольких часов.

Что касается до Яблонского и Веры, то все мечты их сводились к предстоящей им совместной жизни. Они были в своем отечестве, свободном и великом, лицом к лицу с поразительными, необъятными результатами тысячелетней деятельности могучего народа.

Перед этим великим ступеньвалось все, когда-то бывшее, прежнее, вся предшествовавшая жизнь казалась чем-то сказочным в сравнении с реальностью настоящего.

Но наряду с этим именно грандиозность всего нового действовала отчасти подавляющим образом: хотелось хоть на минуту перейти в другую, более близкую среду, не чувствовать и не сознавать громадной разности между собой и окружающей жизнью.

Но это было невозможно. Оставалось только работать над собой, переделать себя сообразно с новыми условиями и слиться с жизнью новых людей.

Действительно, эта работа не была не только невозможной, но даже и не особенно трудной. Сложность и запутанность в отношениях людей между собой, неустойчивость их мирозерцания представляет собой только результаты неустойчивости мысли, является характерным признаком недостаточности положительных знаний.

Таким же запутанным является и всякий научный вопрос, раз имеется мало данных для его разрешения. Но если решение научных вопросов может быть иногда отложено на неопределенное время, то вопросы жизни не терпят промедления: человечеству всегда приходилось решать их так или иначе. Именно вследствие неотложности в решении таких вопросов, в зависимости от которых стояла самая жизнь, но для ответа на которые не было данных, - именно вследствие этого и являлась та подавляющая сложность отношений человека к другим и к мировой жизни, мучительное искание устойчивого мирозерцания путем отвлеченного, туманного и запутанного философствования.

Иногда для измученного, утомленного ума казалось, что наука вносит только лишние осложнения в человеческое мирозерцание, и он так же легкомысленно отвергал науку, как легкомысленно пытался вопросы веры ставить в зависимость от своего скудного знания и детского разума. И вот, привыкшим вечно разбираться в непроходимом лабиринте неразрешенных и, казалось, крайне сложных вопросов, людям девятнадцатого

века пришлось воочию убедиться, что все, их мучившее, было только результатом незнания.

Та же самая наука, которая отвлекла человека от непосредственного общения с природой, поставила ему на каждом шагу множество препятствий к разрешению таких вопросов, к которым прежде он относился или совершенно объективно, или признавал их за факт, не требующий разрешения, - которая в своих практических применениях внесла массу осложнений в самую обстановку его жизни, - та же самая наука привела его снова к первобытной простоте и к непосредственной близости к природе.

Но какая разница между бывшим и настоящим!

Когда-то человек стоял в непосредственной близости к природе, но вместе с тем и в совершенной зависимости от нее. Борьба с ней, борьба с себе подобными за право существования делала его несчастнейшим из созданий. Измученный организм уродовался, правильность его отправлений нарушалась, и, наконец, человек становился в борьбу с ним, в борьбу с самим собой.

Чем дальше отклонялся он от непосредственного физического труда и общения с природой, тем более и более поглощались его силы в борьбе с уродливыми проявлениями своего организма, Тогда первая стадия его развития стала казаться ему заманчивой и привлекательной: на полдороге он истратил свои силы, и самая цель, к которой он шел, скрылась из его глаз... Он готов был остановиться. Но, к счастью и благу его, этого не случилось. Теперь снова он был близок к природе, снова были для него просты и ясны вопросы мировой жизни, но уже потому, что все процессы ее были для него очевидны, сделались истиной.

Такими же должны были сделаться и заброшенные в даль веков люди девятнадцатого века.

Первый день, проведенный ими в семье Атоса, заставил их вдаться во все эти сравнения и прийти к необходимому заключению. Уже перед вечером, после обеда, в тесном кругу старших из семьи Атоса они рассказывали про свои впечатления и невольно перешли к планам на будущее.

- Мне кажется, - сказал Николай Атос, - это будущее чрезвычайно просто. Освоившись с новыми условиями жизни, приобретя необходимые знания и навык и, наконец, укрепившись физически, вы, Павел Михайлович, женитесь, как уже решено...

- Но средства к жизни? Что я могу делать?

- Это вопрос, который имел некоторое и даже, пожалуй, важное значение в ваше время. Теперь он решительно не имеет смысла. Говоря, что вы должны приобрести известные знания от нас, я вместе с тем подразумеваю, что вы научитесь так же сами все делать для себя, как мы. До сих пор вы успели осмотреть только наши мастерские, служащие для производства необходимых предметов. Что касается до земледелия, то это вопрос наиболее легкий - способы обработки земли почти тождественны с вашими. Главное в том, чтоб вы вполне освоились с современным состоянием науки, с ее сущностью. Мои сыновья, которые сами учатся, помогут вам...

- Но ведь есть же у вас определенные профессии?

- Нет.

- Есть врачи, учителя?

- Каждый из нас врач. Болезней почти не существует, что же касается медицины, как специальной отрасли, - она не существует тоже. Вы забываете, что наука объединилась, свелась к самым общим законам. Вы, в ваше время, должны были лечить ненормальные

явления в организме. Такие явления были бесконечны, бесчисленны. Для устранения каждого ненормального, болезненного процесса должны были существовать специальные приемы. Приемы эти основывались на грубом опыте - короче сказать, в ваше время были не врачи, а знахари. Иначе и быть не могло: сущность физиологических процессов была вам недоступна, вы могли действовать только ощупью. Мы лечим не болезненный процесс, но восстанавливаем, обновляем организм...

Население земного шара простирается теперь до четырех миллиардов человек против миллиарда восьмисот миллионов вашего времени. Но теперь земледелие дает несколько иные результаты. Во-первых, у нас нет скота, для пастбищ которого нужны громадные пространства. Во-вторых, как вы полагаете, сколько десятин должны обрабатывать мы, чтобы с избытком покрыть все наши потребности? Нас в семье около трехсот человек.

- Единственное, что я могу сказать, - меньше, чем в наше время. Тогда, при плодосменной системе, когда часть земли ежегодно должна была пустовать, вам потребовалось бы десятин триста...

- Ну, у нас всей земли пятнадцать десятин. Шесть из них заняты постройками, а девять дают нам в избытке все необходимое. Но мы надеемся со временем вовсе не нуждаться в земле: вопрос о химическом питании стоит теперь на очереди. Таким образом, как только вы овладеете необходимым навыком и сведениями, вам стоит только приступить к устройству собственного жилища. Какую местность вы думаете избрать для поселения? Яблонский вопросительно взглянул на Веру.

- Решите сами этот вопрос! - отвечала молодая девушка, слегка покраснев.

- Нам бы хотелось, - сказал Павел Михайлович, - остаться вблизи вас. Но, по правде сказать, меня пугает продолжительность ночи в этих широтах и суровость зимы.

- О! - воскликнул Атос. - Ночь у нас наступает здесь по произволу, а зима немногим суровее лета!

- Но искусственное освещение...

- Кто говорит вам об искусственном освещении?

- Неужели же вы изменили наклонение земной оси?

- Во все нет. Мы освещаем и согреваем материк Северного полюса, разлагая, поляризуя солнечные лучи. Для преломления лучей у нас существует целая горная хрустальная цепь... Под более южными широтами действительно зимняя ночь отличается своей суровостью и продолжительностью - под семьдесят восьмой - восьмидесятой параллелями. Я полагал, что вам, как бывшим уже на материке Северного полюса, известна была причина относительной умеренности его климата.

- К сожалению, кратковременность нашего пребывания на земле помешала нам решить этот вопрос. Может быть, он был решен нашими товарищами. Мы же могли в то время только констатировать самый факт.

- Причина умеренности климата материка Северного полюса, - пояснил Атос, - заключалась именно в преломлении солнечных лучей горными цепями. Ночь здесь не была так продолжительна, как можно было предположить теоретически. Мы только довершили начатое природой, доведя поляризацию солнечных лучей до крайних пределов. Здешний климат не может быть назван тропическим, но он постоянен - зимы не бывает, и температура в среднем равна пятнадцати градусам по Реомюру.

- Тогда, - воскликнул Яблонский, - мне было бы чрезвычайно приятно поселиться здесь!

- И отлично. Через несколько дней мы выберем место, а там вы можете вскоре приступить к постройкам. Но как думаете поступить вы, господа? - обратился он к сэру Муррею и мистеру Лекомбу.

- Я хочу видеть Францию! - горячо произнес мистер Лекомб.

- Мое место в Англии! - с твердостью сказал сэр Муррей.

- Франция ничем не отличается от России, - заметил Атос. - Что касается до возвращения в Англию, то едва ли вы будете приняты там дружелюбно.

- Почему?

- Мы были поражены, когда узнали, что вы англичанин, - и то время, когда мы еще не могли догадаться, откуда вы явились. Удивление наше было вполне понятно: англичане ненавидят цивилизованные страны, они ведут торговлю с Австралией и островитянами, но никогда не бывают у нас. Жизнь их совершенно замкнута. Если бы кто из нас очутился в Англии, он ежеминутно подвергался бы большой опасности. Достаточно будет узнать англичанам, что вы приехали из России, - и положение ваше станет очень незавидным.

- Если Англия, - сказал сэр Муррей, - по каким-либо причинам не вступает в сношения с Россией и, как вы их называете, цивилизованными странами, мой долг повиноваться решению большинства. Но в данном случае оправданием мне послужит вся история наших необычайных приключений...

- Им никто не поверит! - с живостью прервал Атос. - Вы станете в самое фальшивое положение!

- Может быть. Но как бы то ни было, я должен возвратиться в отечество.

- Тогда вам понадобятся деньги. В нецивилизованных странах до сих пор золото имеет цену...

- Я думал, - воскликнул Яблонский, - что золото теперь производится искусственно!

- Вы и не ошиблись. Золото относится к разряду тех тел, которые мы можем получать непосредственно из первичной материи. Но этими знаниями не обладают, к сожалению, нецивилизованные народы.

- Разве вы скрываете от них свои открытия?

- Мы ни из чего не делаем тайны. Но все наши открытия стоят в тесной связи с наукой. Но именно наша-то наука ими и отвергается. Вспомните Китай вашего времени - вы сами о нем уже упоминали. Англичане и другие равные им по цивилизации народы - китайцы нашего времени. Нужно еще много лет, чтобы они восприняли нашу культуру. Многие из нас до сих пор неуклонно стремятся к тому, чтобы внести свет в их жизнь, это - миссионеры науки. Деятельность их в высшей степени опасна и неблагодарна:

большинство из них гибнет, другие даже не успевают проникнуть в те страны, куда хотят внести знание и счастье. То же было и в ваше время, когда люди шли для проповедания Божественного откровения. Мало того, мы должны постоянно опасаться нападения со стороны этих народов...

- Разве подобное нападение грозило бы вам опасностью?

- Конечно: мы принуждены были бы истребить нападавших на нас. Это было бы величайшим несчастьем.

Сэр Муррей с напряженным вниманием слушал разъяснения Атоса. Когда же тот спросил его, не переменит ли он своего решения, англичанин отвечал:

- То, что вы мне сообщили, еще более укрепило меня в мысли возвратиться по возможности скорее на родину. Овладев благами, данными вам наукой, я должен попытаться сделать их достоянием моего народа. В этом должна заключаться главнейшая

цель моей жизни. Какой срок считаете вы достаточным для того, чтобы я, с моими скудными познаниями, оставшимися в наследство от прошлого, сделался способным выполнить свою миссию?

- Менее чем в полгода.

- Что касается меня, - вступился мистер Лекомб, - то я полагаю, что и у себя на родине я приобрету все то, что мог бы приобрести от вас?

- Конечно.

- Тогда ничто, кажется, не задерживает меня здесь...

- В какую местность вы думаете направиться?

- В Париж.

- Но Париж простирается от берегов Средиземного моря до Рейна.

- Это сплошной город! - воскликнул Лекомб.

- Такой же, какой вы видите здесь: дома разделяются полями, лесами и садами, но тянутся непрерывно.

- Рейн - граница Франции?

- Я уже говорил вам, что между Россией и Францией нет определенной границы, - население Парижа состоит из русских и французов так же, как и население Москвы. Народы эти слились в одно.

- Тем не менее я желал бы побывать на месте старого Парижа.

- Нет ничего легче. Один из моих сыновей доставит вас туда в несколько часов.

- Когда же я могу отправиться?

- Когда угодно.

Мистер Лекомб задумался. Очевидно, он хотел сказать «сейчас», но какая-то мысль внезапно его остановила.

- Скажите, - обратился он к Яблонскому, - когда состоится ваша свадьба?

- Я думаю, через полгода или даже больше.

- Почему это? - улыбаясь, заметила жена Атоса.

- Но ранее этого времени я, если можно так выразиться, еще не встану на ноги.

- Так что же? Именно в течение этого первого периода - самого трудного, вам и нужна близость любимого человека. Как думаете об этом вы? - спросила она Веру.

- Мне кажется, мы ждали уже долго! - краснея, отвечала молодая девушка.

- Даже слишком долго! - раздалось общее восклицание.

- Ну, - сказал, смеясь, Атос, - тогда будем считать вопрос решенным.

- В таком случае, - решил Лекомб, - я остаюсь до их свадьбы.

- Которая состоится после завтра! - решительным тоном произнесла жена Атоса.

- Где? - поинтересовался Яблонский.

- В Москве. Завтра все равно нам надо быть там. Пятнадцатое июля ежегодно празднуется в память крещения Руси. Пятнадцатого же и состоится ваша свадьба. Для приготовления к отъезду достаточно нескольких часов.

- Но неужели, - воскликнул мистер Лекомб, - вся ваша семья отправится в эту поездку?

- Да. Почти все. Вас пугает многочисленность?

- Вы угадали. Вам придется законтрактовать целую гостиницу...

- Вы забываете, что гостиниц у нас нет...

- Так где же вы остановитесь?

- У родных.

- Что сказали бы в наше время, если бы неожиданно явились в гости родственники в числе трехсот человек?

- Мы являемся не неожиданно. Кстати, не хотите ли теперь же взглянуть на Москву, то есть на Московский Кремль, который охраняется, как святыня?

- Каким образом?

- Через телефот - изобретение, имевшее свое начало в ваши дни.

- Я предпочел бы увидеть его в натуре, - отвечал Яблонский.

Но мистер Лекомб и сэр Муррей пожелали воспользоваться предложением.

Вслед за одним из хозяев они отправились в комнату, где помещался аппарат.

В их отсутствие разговор естественно перешел на тему о семье.

- В ваши дни, - говорил Атос, - семейное счастье было необычайной редкостью. Это и вполне понятно. Помимо борьбы за существование, которая уродовала людей, была еще скрытая, а иногда и явная борьба между мужем и женой. Источник этой борьбы крылся, конечно, в вопросе о полноправности женщин. Обостренность этой борьбы привела к нелепым требованиям со стороны женщин: им непременно хотелось делать именно то, что делают мужчины. На мужей же привыкли смотреть, как на рабочую силу. Присоедините к этому необходимую рознь между родителями и детьми, и вы получите ужасную, безотрадную картину! Впрочем, все это должно быть вам известно лучше, чем кому-либо из нас...

- Но скажите, - спросила Вера Михайловна, - разве в ваше время нет несчастных браков?

- Есть, но это исключение, а не общее правило. Несчастный брак в наши дни является результатом новой привязанности со стороны мужа или жены. В общем, конечно, и в наше время так же ревнуют, любят и ненавидят, как и в ваше. По главная разница заключается в том, что у нас все эти проявления не уродливы - как не уродлив и самый наш организм.

- Скажите, существуют ли у вас какие-либо развлечения, театры - что-нибудь подобное?

- Существуют. Мы любим музыку. Наши любители не уступят вашим профессиональным актерам.

- Вы говорите про оперу. А драма?

- Ну, этого у нас нет.

- Почему?

- На том же основании, на котором у нас нет карт. Всякая игра требует иллюзии. К иллюзии способны только дети или человечество в детском возрасте. Мы не испытываем никакой иллюзии, если перед нами будет развешиваться на сцене картина человеческой борьбы и страданий. Во всем этом мы будем чувствовать грубую фальшь, а актеров, которые будут вымучивать у себя из груди чувства, которых нет, - мы назовем жалкими людьми. В ваш век говорили, что театр поучает. Не знаю, насколько это верно было в применении к вашему времени, но для нас театр не может служить школой. Мне кажется, и в ваше время дорожили театром потому, главным образом, что чересчур привыкли к условной лжи и потому еще, что болезненный, расстроенный организм требовал уродливых, раздражающих впечатлений. В Риме, в эпоху императоров, на сцене, в одной трагедии, актер в конце концов распинался. Распятие происходило на самом деле. Много ли разницы между этим и всевозможными искусственными страданиями? Мне кажется, очень мало. Ведь искусственно выраженное страдание произведет на меня впечатление только тогда, если моя иллюзия будет полна, то есть если я буду к нему относиться как к действительному. Но кстати, мы заговорили о развлечениях. Не можете ли вы нас

познакомить хотя бы с игрой в карты? Мы знаем название некоторых карточных игр, но совершенно незнакомы ни с самым процессом игры, ни даже с наружным видом карт.

- Это лучше всего может объяснить вам сэр Муррей. Он, кажется, был любителем этой игры.

С этими словами Яблонский передал подошедшему вместе с Лекомбом англичанину просьбу Атоса.

К его удивлению, Муррей, не отвечая ни слова, вышел из залы.

- Держу пари, - вскричал Лекомб, - он пошел за картами!

- Пари! - удивился Атос. - Вот тоже слово, смысл которого нам не вполне понятен.

Скажите, это, вероятно, был какой-нибудь судебный обряд?

- Совсем нет! Неужели вы не знаете? Это очень просто! Вот, например, я говорю, что сэр Муррей пошел за картами. Я догадываюсь об этом потому, что он страстный любитель играть в пикет. Хотя нам и ни пришлось с ним сразиться во время нашего пребывания в недрах земли, но карты он захватил. Положим, вы скажете, что он пошел не за картами...

- Зачем же я скажу, когда я не знаю?

- Но вы можете предполагать...

- И предполагать не могу.

- Ну, не можете в данном случае, но в другом можете! - начал горячиться Лекомб.

- Допустим.

- Ну, мы и заключаем с вами условие, по которому тот, кто окажется неправ, платит другому известную сумму...

- За что?

- Да за то, что спорил!..

- Да какой же в этом смысл?

- Положим, смысла нет...

Общий хохот встретил это заключение. Рассмеялся и сам мистер Лекомб.

В это время к столу подошел сэр Муррей и торжественно положил на него колоду карт.

Привычным жестом он раскинул ее по столу, как бы приглашая партнеров вынуть.

Всеобщее внимание было сосредоточено.

- Знаете ли вы, господа, что это такое? - серьезным тоном произнес англичанин, показывая одну из карт.

Последовал отрицательный ответ.

- Это, господа, семерка пик! Это - валет треф! Туз бубен!

Сэр Муррей одну за другой вынимал и показывал карты.

- Позвольте! - перебил его Атос. - Мы ровно ничего не понимаем.

- Вы знаете, что такое пики, трефы, бубны, черви?

- Не имеем никакого понятия!

- Это, господа, масти!

- Масти?!

- Да.

Сэр Муррей начал подробное объяснение.

Изложив общую теорию карт, он приступил к объяснению игры в пикет.

Для большей наглядности карты были сданы, мистер Лекомб занял место партнера, и первый еще раз в доме Атоса раздались возгласы:

- Четырнадцать королей! Пять и пятнадцать! Капот!

Гомерический хохот присутствующих сопровождал игру.

От души смеялись и сами игроки.

- И вы, господа, находили в этом удовольствие? - пересиливая смех, спросил Атос.

- И даже большое! - подтвердил сэр Муррей. - И не только находили, но, вероятно, еще и будем находить. Что вы хотите - привычка.

- Пики! Трефы! - повторил Атос, снова от души рассмеявшись.

- Но позвольте, - продолжал он, успокоившись, - одно за другое. Мы познакомим вас с нашими развлечениями. Первое место среди них, как я уже говорил, занимает музыка. Мы устроим концерт.

Через несколько минут возвышение, находившееся посреди залы, было раздвинуто и образовало из себя довольно обширную площадку.

Ящики, обратившие на себя внимание Яблонского еще при первом взгляде, были раскрыты. Под ними оказались клавиатуры, совершенно схожие с клавишами обыкновенного рояля.

- Особенность нашего фортепиано, - пояснил Атос, - заключается в том, что струны натянуты вверху залы и проходят по всей ее длине. Ударяя по клавише, вы замыкаете ток, и удар механически передается на струну. Кроме того, по произволу можно усиливать и уменьшать силу звука. В сущности, вся разница заключается только в размерах. Другой из этих инструментов тоже должен быть вам знаком - это гармониум. Но и в нем есть некоторые особенности: так, меха приводятся в движение механически, трубы также помещены вверху. Наконец, третий инструмент - музыкальный фонограф. В его воспроизведении вы услышите лучших из наших исполнителей.

Во время этого объяснения на эстраде были кончены все приготовления.

Через секунду первые звуки густой волной пронесли по зале.

Атос ошибался, считая свой инструмент схожим с фортепиано: ни один рояль не мог издать таких мощных, совершенно оригинальных звуков. По силе они превосходили самый многочисленный оркестр, хотя и не были так разнообразны. То замирая, то разрастаясь в могучие аккорды, они наполняли всю залу, несясь сверху и снова улета в пространство.

Но вот к звукам рояля прибавились новые: где-то в отдалении запел стройный многочисленный хор. Мало-помалу он, казалось, приближался, становился слышнее и, наконец, заглушил собой рояль, перешедший на аккомпанемент.

Внезапно звенящая, чистая нота выделилась из общего хора. Сочный, сильный сопрано начал арию. На этот раз звуки неслись с самой эстрады и уже вверху сливались с общими волнами.

Такого голоса людям девятнадцатого века никогда еще не приходилось слышать.

Был ли он искусственно усилен каким-нибудь образом? Едва ли. Слова долетали ясно, самое пение полно было выражения и чувства. В мелодичных, радостных звуках высказывалась надежда скорого свидания, счастье первой любви...

Всем знакомые, вечно юные звуки!..

На этот призыв, как далекое эхо, ответил мужественный, сильный баритон. Сопрано вторило ему радостной мелодией. Сильнее и торжественнее становилась песня, и, наконец, оба голоса слились в общем гимне любви!

Первый номер был кончен.

- Я ожидала большего! - вполголоса проговорила Вера, наклоняясь к Яблонскому.

- Чего же еще? Какие звуки!

- В них мало чувства!

- Страдания, может быть?

- Да. Потому они и не произвели на меня особенного впечатления.

Начался второй номер. На этот раз был исполнен отрывок из оперы. Насколько можно было догадаться, главным действующим лицом был какой-то рыцарь, разлученный с избранницей своего сердца. Музыка полна была чудной мелодии, но как-то чересчур сильна и торжественна. После этого номера гостей засыпали вопросами о произведенном впечатлении.

Вера Михайловна откровенно высказала свое мнение.

Действительно, с ней нельзя было не согласиться: в музыке будущего было много силы, она напоминала что-то героическое, мало доступное чувству обыкновенных людей. В ее гармонии слышалась только ликующая песнь торжества...

- Давно ли написана эта опера? - поинтересовался Яблонский.

- Это одно из новейших произведений. Но сюжет оперы относится к вашему времени - девятнадцатому и двадцатому столетиям...

- Как! Насколько я понял, в опере выведен благородный рыцарь, добивающийся любви своей дамы?

- Да.

- И это было в конце девятнадцатого века?

- Да.

- Но об рыцарях мы имели такое же понятие, как и вы. У нас были рыцари наживы, зеленого поля, железнодорожные короли, но ради дам в наше время уже не сражались. Да и любовь-то покупалась больше за деньги. Вы идеализировали наш век!

- Но ведь, вашему веку относится этот романс:

Много крови, много песней

В честь прекрасных льется дам...

- Да, романс написан в наш век, но содержание его взято из давно минувшего... Повторяю вам, мы жили в то время, когда в жизни уже не было поэзии...

В это время Яблонский заметил, что его невеста с оживлением возражала на какие-то убеждения, раздававшиеся со всех сторон.

Лишь только он подошел, как она обратилась к его защите.

- Помогите, Павел Михайлович! Я имела неосторожность сказать, что много занималась музыкой и в особенности пением. Теперь меня убеждают показать свое искусство и познакомить с музыкой нашего времени...

- Так что же?

- Но разве может мой голос идти в сравнение с тем, что мы слышали?

- Так вы сыграйте!

- Настаивают, чтоб я пела. Кроме того, я же совсем незнакома с инструментом, на котором играли...

- О, - раздалось сразу несколько голосов, - это тот же рояль!

- Ну, чтоб вам не было страшно, - сказал Яблонский, - и я приму участие. Я тоже занимался музыкой.

- Если вы начнете - я согласна.

- Идет!

Это решение было принято с единодушным удовольствием. Яблонский взошел на эстраду и поместился за инструментом, представлявшим обыкновенную клавиатуру. Нескольких слов было достаточно, чтоб пояснить ему назначение и управление педалями.

Вера Михайловна, поместившаяся среди слушателей, ажитировалась гораздо более своего жениха: ей казалось, что их пение должно показаться жалкой пародией после того, что они слышали.

Но вот раздалась первые аккорды дивного инструмента. Молодая девушка замерла от ожидания.

Через секунду по зале пронеслись первые слова:

Я помню чудное мгновенье...

Теперь она вздохнула свободно: имела ли зала какие-либо особенные акустические свойства, или на самом деле Яблонский обладал необычайным голосом, но первые звуки сильно и отчетливо прозвучали в громадной комнате.

Молодая девушка жадно ловила каждый звук. Знакомые, дорогие слова! С какой силой воскресили они перед ней давно прошедшее!

...Как гений чистой красоты!..

Последняя нота замерла в воздухе...

Она чувствовала, что эти слова обращены к ней. Сердце ее сжалось. Дорогие образы выплыли из мрака прошедшего. Скорбь о невозвратно утерянном родном и близком наполняла ее душу...

...Без слез, без жизни, без любви!..

Точно в тоске последнего рыдания оборвалась и замолкла песня.

Еще минута - и молодая девушка готова была разрыдаться. Но вот раздалась радостные слова:

...Душе настало пробужденье...

Новая волна ощущений нахлынула на нее и захватила. Как хорошо! Звуки растут и крепнут, чудные слова романса проходят в душу, и вместе с ними вливается новое бодрящее чувство...

И жизнь, и слезы, и любовь!..

...Прозвучал последний аккорд...

Вера Михайловна оглянулась на слушателей: их лица поразили ее - первый раз увидела она в спокойных, правильных чертах выражение скорби, волнение чувства.

Первую минуту по окончании романса все как будто замерли, не сразу пришли в себя от полученного впечатления.

Но затем раздался гром аплодисментов.

Яблонский сошел с эстрады и вмешался в толпу слушателей.

- Знаком ли, господа, вам этот романс? - спросил он.

- Да, - отвечали ему, - но только как стихотворение. В музыкальном исполнении он нам неизвестен.

- Понравился ли он вам? - обратился Яблонский к одной из молодых женщин, на которую, как ему показалось, музыка произвела особенно сильное впечатление.

- Понравился - не могу сказать, - отвечала та, - это будет не то слово. Он поразил меня.

Никогда еще в жизни мне не приходилось испытывать такого жгучего, скорбного чувства, как слушав ваше пение!..

- Ну, в этом романсе вовсе не так много скорби...

- Для вас - может быть. Но неужели жизнь в ваше время была действительно так полна страданий?

- Из чего вы это заключаете?

- Музыка, слова, а главное, то выражение, которое вы сумели придать этим словам, - все это возможно только в том случае, если страдание было в ваше время общим уделом, если все вы были близко знакомы с ним.

- Да, страдание в той или иной форме действительно было уделом нашего времени. Наша литература, музыка, поэзия - все раскрывает грустную повесть человеческих страданий. За последние годы, сохранившиеся в моей памяти, во всемирной литературе не появилось, кажется, ни одного произведения, дававшего бы положительные идеалы, указывавшего на возможность счастья...

- Но почему это?

- Да потому, что не могли даже представить себе, в чем счастье!

- А религия? Евангелие?

- Были забыты. Даже смысл евангельского учения у нас искажался ради теорий, созданных на почве невежества и бессильных попыток больного ума. Если Евангелие им противоречило - они без церемонии искажали его ради соглашения со своей теорией.

- Разве не было людей, которые бы правильно понимали евангельское учение?

- Были. Но для того, чтоб следовать евангельскому учению во всей его чистоте и целостности, нужна вера и глубокое чувство. А этого-то именно и не доставало многим из нас!

- Павел Михайлович! - окликнула Яблонского Вера. - Настала моя очередь!

- Ну что же? Не бойтесь! В этой зале голос приобретает необычайную силу и звучность!

- Будьте со мной! - шепнула девушка, направляясь к эстраде.

Яблонский последовал за ней.

Слушатели, уже поддавшиеся обаянию новой для них музыки, с нетерпением ожидали продолжения.

- Бодритесь! Как вам не стыдно! - проговорил Яблонский, становясь за стулом молодой девушки.

Несмотря на ободрение, голос ее на первых нотах дрожал. Но скоро она оправилась: чувство взяло верх над понятной робостью и, как бы отвечая Яблонскому, она запела романс:

С какую тайною отрадой тебе всегда внимаю я!

Блаженства лучшего не надо, как только слушать бы тебя!

И сколько чувств, святых, прекрасных, в душе твой голос пробудил,

И сколько дум, высоких, ясных, твой чудный взор во мне родил!..

На этот раз впечатление было еще сильнее. Своим пением девушка сумела выразить все то, что волновало ее и наполняло ее душу. Сама взволнованная больше других, она уклонилась от повторения и, сделав знак Яблонскому, незаметно удалилась из залы.

Молодые люди, пройдя коридором, спустились в сад.

Здесь, оставшись вдвоем друг с другом, среди царившей вокруг их невозмутимой тишины, потрясенные невольно нахлынувшим воспоминанием о покинутом мире, они яснее, чем когда-либо, сознали всю необходимость взаимной поддержки.

...Обняв молодую девушку, Яблонский долго ходил с ней по уединенным аллеям...

Обняв молодую девушку, Яблонский долго ходил с ней по уединенным аллеям, впервые еще со всей силой молодого чувства уверяя ее в своей любви и пробуждая в ней веру в раскрывавшееся пред ними счастливое будущее...

Глава 25.

Воздушный полет. - Корабль без винта и руля. - Москва. - Народное торжество. - Свадьба. - Возвращение.

Меняя свои течения и характер, жизнь принимает через неопределенные промежутки новые формы, по-видимому, резко отличные от старых, принимает в свою основу новые принципы, иногда прямо противоположные тому, что считалось истиной несколько веков тому назад.

Иногда связь между отдельными эпохами кажется совершенно нарушенной, как будто человечество неожиданно вычеркнуло несколько страниц из своей истории.

Но сущность человеческой природы всегда остается неизменной. Главнейшее из стремлений человека - к идеалу, к истине - не утрачивалось даже в самые мрачные эпохи его существования.

Но нельзя представить себе такого времени, когда человек дошел бы до обладания истиной: это могло бы быть доступно для него, если бы он мог постигать не только самые явления, но и сущность управляющих ими законов. Тогда мировая жизнь могла бы быть выражена математической формулой, по которой можно бы было определить будущие судьбы мира и жизни человека.

Но это стоит вне познания и опыта.

Где же может удовлетвориться врожденное человеку стремление к истине?

Очевидно, только в религии.

Вот почему, пока стоит мир и пока существует человек, должна существовать и религия.

Люди будущего, люди тридцатого века, читали ту же книгу истины, что и за тысячелетия до них. Дойдя до пределов знания, они тем не менее только в этой книге могли найти ответы на те вопросы, которыми вечно задавалось человечество. Евангелие, как книга истины, было для них источником духовной жизни. Оно не подвергалось произвольным толкованиям, как в те дни, когда человек находился в вечной борьбе с самим собой.

Отсюда и самое отношение их к религии было лишено скептицизма. Время отрицания миновало, когда кончился внутренний разлад в человеке, когда ум его увидел пределы знания.

Людей девятнадцатого века поражала та простота и искренность, с которой относились новые люди к религиозным вопросам. В них жила непосредственность и чистота первого чувства, каким преисполнены были христиане первых веков. Детская вера уживалась в них наряду с необычными знаниями и могучей силой духа.

Эти свойства особенно бросились в глаза Яблонскому и его товарищам, когда они глядели на радость, оживлявшую всех во время приготовления к отъезду в Москву. Было очевидно, что предстоящая религиозная церемония имела для них глубокий смысл и значение, что возможно было только для людей, вполне убежденных и полных искренней веры.

- Вы увидите, - предупредил Атос своих гостей, - такое громадное стечение народа, которое едва ли когда-нибудь приходилось вам видеть в ваш век.

- Сколько вообще жителей в Москве?

- Смотря по тому, что называть Москвой. Вообще именами городов мы только называем те пункты, в которых лежали старинные города. Везде вы увидите одну и ту же картину: отдельные дома, жилища, между которыми расстилаются обработанные поля и сады.

Городов в вашем смысле нет.

- А существуют ли значительные незаселенные пространства?

- Особенно значительных нет. Но иногда можно встретить места, где на десяток верст нет ни одного жилища. Особенно в лесных местностях.

- Как велико население собственно России?

- До восьмисот миллионов. Уже около пятисот лет как Россия владеет всей Азией, за исключением Китая и Индии. Индия в первой половине двадцатого века свергнула при помощи России английское владычество. Что касается Китая, то прежняя косность и неподвижность сменилась, начиная приблизительно с двадцать третьего и двадцать четвертого столетий, необычайно быстрым прогрессом. Здесь китайцам пришлось столкнуться с одной стороны с Японией, а с другой - с Россией. Пространство Небесной

империи оказалось чересчур тесно для ее страшно увеличивавшегося народонаселения. России грозила страшная опасность. Кровопролитные войны, продолжавшиеся в течение десяти лет, уменьшили количество народонаселения в Китае более чем наполовину. И в этом случае Россия осталась верна своей исторической роли: как некогда, во времена монгольского нашествия, она приняла на себя первый страшный натиск и спасла Европу от порабощения Китаем. Тогда усилия китайцев обратились в другую сторону, и начался целый ряд попыток основать обширные колонии в Америке. Снова отброшенные при помощи России от Соединенных Штатов, они всей силой обрушились на Южную Америку; в течение нескольких лет она перешла во власть Китая...

- И теперь?

- Теперь Южная Америка составляет неотъемлемую часть Китая. Да в силу закона необходимости и не могло быть иначе: вопрос заключался или в приобретении новой территории, или в медленном вымирании Китая.

- А Северо-Американские Штаты? В наше время на эту страну смотрели как на имеющую великую будущность. Уже и тогда промышленность, торговля и особенно техника стояли у американца на высокой степени развития.

- К сожалению, практическое направление сильно затормозило цивилизацию Америки. Все способности этого народа ушли на разработку вопросов практической жизни. Вы и теперь нигде в мире не найдете таких колоссальных сооружений, как в Америке. Но до сих пор эта страна вечно терзается внутренними раздорами. Она никогда не может отрешиться от традиций прошлого: у них все основано на общественности. Все их грандиознейшие предприятия принадлежат общественному почину. У них существуют общественные учреждения всевозможных категорий - общественные школы, библиотеки, благотворительные заведения, и все это служит поводом к постоянным столкновениям и раздорам. А особенно теперь - они находятся в самом разгаре борьбы за политическое устройство. Чем кончится эта борьба - неизвестно.

- Вы упоминали как-то об опасности, которая грозит от Англии?

- Да. Опасность столкновения с нею близка. Англия поставлена в то же самое положение, как некогда Китай: ей тесно на своих островах. Культура их стоит не на такой степени развития, чтобы они в состоянии были обходиться без земли. Им остается одно из двух - или вымереть, или найти какой-либо исход...

- Но ведь тогда они правы?

- Нет. Им предлагают для колонизации искусственные острова...

- Искусственные острова?

- Да. Мы можем поднять их со дна моря, сделать плодоносными и покрыть роскошной растительностью. Но англичане не желают вступать ни в какие переговоры по этому поводу. Их племенная британская гордость и ни с чем не сравнимое упрямство не уничтожились с течением времени.

- Но все-таки возможен же какой-нибудь компромисс?

- Едва ли. Я, впрочем, возлагаю в этом отношении некоторые надежды на вашего товарища.

- На сэра Муррея?

- Да. Однако не хотите ли вы взглянуть на приготовления к отъезду?

Через несколько минут Яблонский со своими товарищами был на обширном внутреннем дворе, образуемом зданием.

Здесь уже было все в движении. Почти во всю длину двора стояли два громадных сигарообразных корабля, сделанных из того же весьма схожего с серебром металла, из которого были построены дома и почти все другие здания.

К удивлению путешественников, на кораблях этих, предназначенных, как им было известно, для полета, не было заметно никаких приспособлений - ни винта, ни крыльев, ни руля.

Чрезвычайно заинтересованный, Яблонский обратился с расспросами к Павлу Атосу, который за последнее время почти не разлучался со своими гостями.

- А на каком принципе были основаны воздушные полеты в ваше время? - спросил юноша.

Яблонский в подробности объяснил ему устройство первого воздушного корабля - Марса.

- Ну, мы не употребляем для полета никаких механических приспособлений, - сказал Атос, - наши аэропланы носят в себе значительный запас электрической материи.

Произвольно возбуждаемые токи устраняют так называемое притяжение земли и вместе с тем дают направление полету.

- Я уже не первый раз слышу, - заметил Яблонский, - что электрические токи уничтожают притяжение земли. В чем же, по учению современной науки, заключается сущность этого притяжения? В наше время известен был только самый факт.

- Если говорить о сущности, то, по правде сказать, и мы знаем о ней немного. Хотя на этот счет существует довольно определенная гипотеза. Вы уже знаете, что молекулы, характеризующие тела, образуются из атомов первичной материи, благодаря разнородности самых атомов, то есть их разделению на более грубые и более тонкие, причем последние постоянно стремятся сделаться однородными с первыми. Это и есть сущность *движения*, из которого происходят разнообразные формы энергии. Материя тончайших атомов и составит причину сцепления атомов в молекулы и молекул в тела, а отсюда следует, что она и есть причина как взаимного притяжения, так и притяжения земли. Эта материя тончайших атомов и есть электрическая материя. Освобождая ее, направляя ее волну, мы производим ток. Движение атомов материи и дает энергию току, причем тело, от которого исходит ток, становится свободным, неподчиненным закону тяготения...

- В наше время говорили, - перебил Яблонский, - что тела, обладающие однородным электричеством, взаимно отталкиваются...

- Я знаю это так же, как и вашу теорию положительного и отрицательного электричества...

- Ну, уже и в наше время это было совершенной условностью. Но, следовательно, ваш корабль летит на основании тех же законов, в силу которых летаете и вы сами?

- Да.

- Как странно слышать, - заметила Вера Михайловна, - слово «летит» в применении к человеку!

- Ну, - засмеялся Атос, - ведь и мы летаем редко, и притом на очень короткие расстояния!

- Почему?

- Да потому что при этом организм расходует чересчур много энергии.

- Как бы я хотела, - воскликнула девушка, - чтобы и мне было доступно это наслаждение!

- Это и будет! - уверенно сказал Атос.

- Выдумаете?

- Убежден. Как только организм ваш будет в состоянии воспринять достаточное количество электрической материи и приобретет способность воспроизводить токи и управлять ими, - вы так же легко будете преодолевать притяжение, как и мы...
- Позвольте, - остановил его Яблонский, - в таком случае, ведь вы можете поднимать какие угодно тяжести - раз вы вообще в состоянии преодолеть сопротивление тяготения?
- Конечно. Хотя нельзя сказать «какие угодно», но во всяком случае очень значительные.
- Например?

Вместо ответа Атос подошел к носу корабля.

Все с любопытством последовали за ним.

Металлическая громада оканчивалась конусообразным заострением. Взяв за конец эту непомерную тяжесть, Атос спросил:

- Как вы думаете, если я приподниму с земли корабль, какой вес придется мне преодолеть?

- Эго, - воскликнул Яблонский, - кажется мне совершенно невозможным!

- Почему?

- Но если даже вы приподнимете один только конец, оставляя другой на земле, вам придется поднять по крайней мере тысячу пудов.

- Много больше!

С этими словами юноша, почти без всякого видимого усилия, приподнял нос корабля.

- О, неужели, - вскричал Лекомб, - и мы разовьем в себе такую силу?

- Без сомнения. Иначе как же мы могли бы возводить наши постройки? Ведь у нас нет никаких сложных приспособлений, и нам приходится поднимать громадные тяжести.

- Кстати, - спросил сэр Муррей, - что это за металл, из которого построены все ваши здания и эти корабли?

- Прессованное серебро.

- Прессованное?

- Это только название. На самом деле, при помощи сильных токов мы только придаем ему весьма значительную плотность и волокнообразное, или, лучше сказать, тканеобразное, перекрестное строение. Через это металл приобретает способность оказывать значительное сопротивление.

- Но построенные из металла дома должны бы быть очень неудобны: летом в них была бы нестерпимая жара, а зимой - холод...

- Измененное указанным мною образом серебро не принадлежит к числу хороших проводников тепла, а потому и перечисленные вами неудобства устраняются сами собой.

Во время этого разговора во дворе стала собираться семья Атоса.

Через четверть часа около кораблей стояло уже несколько сот человек народу.

Время отъезда приближалось.

- Снесли вы ваши вещи на корабли? - обратился кто-то к Яблонскому.

Тут только путешественники спохватились, что приготовленные вещи из обширного ассортимента одежды, предоставленного в их распоряжение, остались в их комнатах.

Когда они возвратились через несколько минут, все уже были на обширных, огороженных решетками, палубах. Там же была и Вера Михайловна.

- Сюда! - крикнул гостям стоявший возле нее Николай Атос.

Но тут Яблонский и двое его товарищей пришли в совершенное недоумение: палуба возвышалась над землей больше чем на пять саженей. По сторонам корабля не было ни лестниц, ни каких-либо других приспособлений, чтоб взойти наверх.

С палубы заметили их затруднительное положение. Через мгновение Павел Атос и двое других молодых людей стояли около них, плавно спустившись вниз с высоты.

- Мы и забыли, - воскликнул Павел, - что вы не можете, подобно нам, обойтись без помощи лестниц. Но у нас их нет!

- Как же тогда быть? - удивился сэр Муррей.

- Очень просто! - отвечал Атос.

С этими словами он взял одной рукой багаж англичанина, другой обхватил его самого за талию, и в то же мгновение сэр Муррей почувствовал, что он отделяется от земли... То же самое проделали спутники Атоса с Яблонским и мистером Лекомбом.

- Благодарю вас! - вежливо произнес сэр Муррей, очутившись на палубе.

- Вы были переправлены тем же способом, что и мы? - спросил Яблонский свою невесту.

- Конечно.

- Признаюсь, - заметил Лекомб, - хотя это и очень оригинально, но как-то неловко играть роль багажа.

- Не надолго! - утешила его одна из дам.

- Вы думаете?..

И мистер Лекомб тотчас завязал интересный разговор с неожиданной собеседницей. Даже когда Яблонский, Вера Михайловна и сэр Муррей, в сопровождении нескольких человек, отправились осматривать корабль, он не оторвался от разговора, сделавшегося, по-видимому, сразу очень привлекательным.

- Смотрите, мистер Лекомб начал ухаживать! - шепнул Яблонский Вере.

- И, пожалуй, женится? - засмеялась та.

- На ком?

- Да хоть бы на своей собеседнице!

- А кто она?

- Одна из бесчисленных Атосов! А может быть, и вдова!

- Разве у них есть вдовы?

- Я думаю!.. - рассмеялась девушка.

Павел Атос, по обыкновению неразлучно следовавший за Верой Михайловной и Яблонским, услышал последние фразы.

- Не смейтесь! - сказал он. - У нас в самом деле мало вдов: живя в одинаковых условиях, супруги обыкновенно очень немного переживают друг друга!

- А в каком возрасте у вас вступают в брак?

- Мужчины - в шестнадцать-семнадцать лет, а женщины - еще раньше...

- В наше время только в двадцать пять лет кончали образование!

- А мы его не кончаем никогда - оно продолжается всю жизнь!

- Ну, весьма немногие из нас имели возможность всю жизнь заниматься наукой: нам приходилось заботиться о добывании средств к жизни - на это уходили все наши силы. Но во всяком случае и у вас должны быть известные, определенные требования, по которым определяется способность человека к самостоятельной жизни?

- Да он - в той или другой форме - способен к ней с детства, с самого первого времени, как только начинает действовать с разумением. Конечно, он еще не обладает в это время теми знаниями и опытом, которые вполне гарантировали бы ему безбедное существование, во всяком случае прожить он может.

- Но есть какой-нибудь определенный, подготовительный курс, который необходимо пройти для того, чтоб быть способным к самостоятельной работе?

- Конечно.
- Сколько же лет он требует?
- Приблизительно от пятилетнего возраста до десяти.
- Только!..

Разговор прервался, так как, пройдя по коридору, разделявшему подпалубное помещение корабля, все общество сошло в машинное отделение.

Все машины, находившиеся здесь, состояли из нескольких десятков полых цилиндров, по внешней поверхности которых проходила намотанная рядами проволока.

Электрическая материя, заключенная в этих аккумуляторах, переходила на проволоку, и отсюда токи направлялись к носу корабля, оканчивавшемуся металлическим острием. Над ним укреплена была металлическая катушка, от которой изолированная проволока проходила к корме и прикреплялась к другой такой же катушке, но снабженной острием, параллельным носовому и обращенному в одну с ним сторону.

Ток от аккумуляторов выходил через первое острие - здесь часть его воспринималась катушкой, от острия которой выходил второй ток, параллельный первому.

По объяснению Атоса, окружавшие таким образом корабль токи уничтожали притяжение, давая кораблю необычайно сильное поступательное движение.

Отклоняя направление задней стрелки, можно было комбинировать и направление токов, а вместе с тем и изменять движение корабля вправо или влево. Давая обоим остриям направление под углом кверху, можно было совершать восхождение по наклонной линии вверх или, наклоняя их, спускаться.

Внутренние помещения корабля состояли из обширной залы - столовой и нескольких десятков отдельных кают. В корме, в нижней части, помещалась кладовая и около нее небольшая по размерам кухня. Тут же был и обширный резервуар с водой.

Для приготовления кушанья служила металлическая печка - в виде продолговатого четырехугольного ящика, разделенного перегородками на несколько отделений.

Нагревалась она тем же электричеством, которое служило и двигателем для корабля. Сила тока регулировалась механически. Достаточно было поставить кушанье, чтоб через известный промежуток времени оно было готово.

В кухне же помещался механический аппарат для мытья и чистки посуды.

Когда внутренность корабля была осмотрена, все поднялись на палубу.

Через минуту один из металлических гигантов отделился от земли и взлетел на высоту восьмисот метров.

Вслед за ним поднялся и другой корабль.

- Пойдемте вниз! - предложил Павел Атос Яблонскому и Вере Михайловне.
- Зачем? Мне было бы чрезвычайно интересно остаться здесь, чтоб познакомиться со страной, над которой мы будем пролетать.
- Но это невозможно!
- Почему?

- При полном ходе корабль летит со скоростью тысячи пятьсот верст в час; оставаться на открытой площадке нет возможности - вы задохнетесь...

В это время палуба уже опустела. Вслед за другими спустился в общую каюту и Яблонский со своими спутниками.

- Во всяком случае, - спросила Вера Михайловна, - мы можем любоваться видами через эти отверстия?

Она указала на проделанные в полу и стенах каюты окна, защищенные металлическими стеклами.

- Да вы все равно ничего не увидите! - засмеялся Павел.

- Это почему?

- Вследствие чрезвычайной быстроты. Глаз ваш не в состоянии будет различать предметов - все сольется в одну массу. Впрочем, если мы поднимемся на очень большую высоту, то издали можно будет любоваться ландшафтами. В таком случае вам лучше перейти в носовую часть.

Яблонский и Вера Михайловна прошли вслед за своим путеводителем в небольшую стеклянную камеру, помещавшуюся на носу корабля. Отсюда открывался вид на все стороны. Впереди, сливаясь с горизонтом, синело море; далеко сзади белели снежными вершинами горные цепи Северного полюса, а внизу расстилалась равнина, покрытая лесами и садами, с громадами разбросанных там и сям зданий, с тянувшимися широкими лентами серебрившихся на солнце рек.

Но вдруг моментально картина переменилась: вершины гор скрылись вдали, раскинувшийся внизу ландшафт исчез, вместо него катились лазурные воды моря, а через двадцать минут показались слева новые горы, впереди, вместо моря, широко раскинулись обработанные поля, высились здания.

- Уральские горы, - указал влево Павел Атос.

- Как! - воскликнул Яблонский. - Мы уже в Европе!

- Пока еще нет! Вас обманывает рельеф. Но мы будем пролетать через полчаса над северной частью Европы.

- Когда же мы будем в Москве?

- Всего часа через три.

- Мне бы хотелось взглянуть на действие аппаратов...

- Каких?

- Возбуждающих токи.

- Да вы ничего не увидите. Впрочем, если хотите, я провожу вас...

- Не трудитесь. Я найду дорогу сам.

По уходе Яблонского Павел Атос несколько минут занимал Веру Михайловну, показывая ей на особенности переменявшихся, как в калейдоскопе, картин.

Молодая девушка, увлеченная новизной ощущений, не обращала внимания на волнение, которое все сильнее и сильнее проглядывало в тоне Атоса. Временами он умолкал на полуслове или не слышал обращенного к нему вопроса.

Наклонившись к стеклу, молодая девушка не отводила взоров от ежеминутно менявшейся панорамы.

Внезапно она почувствовала, что сзади талию ее охватили чьи-то сильные руки, и жгучий поцелуй обжег ее щеку.

Оглянувшись, она увидела склонившееся к ней лицо Павла Атоса.

- Пустите! - едва могла она выговорить, вырываясь из его объятий.

Бледный от волнения, с внезапно загоревшимся, устремленным на нее взором, стоял перед ней красавец-юноша, по-видимому несколько не смущенный только что совершенным им проступком и встреченным им энергичным протестом.

- Опомнитесь! - тоном искреннего негодования воскликнула девушка. - Как вы смели?

- Разве я оскорбил вас?

- И вы еще спрашиваете!

- Да чем же?
- Кто дал вам право так обращаться со мной?
- Но я люблю вас...
- А я разве говорила вам что-нибудь подобное? Кроме того, вы знаете, что я невеста другого...
- Так что же? Чем же в этом виноват я? И почему непременно я должен отказаться от вас, а не этот - другой?
- Но потому, что я люблю его, а не вас...
- Вы все равно полюбите меня!..
- Выдумаете?
- Наверное. Сравните меня с ним: он, с организмом, изуродованным в течение многих поколений, слабый духом, беспомощный среди условий новой жизни, а я, полный силы, способный на все, любящий вас так...
- Не говорите об этом! Я...
- Буду говорить. И повторяю вам, вы полюбите меня...
- Никогда!..

Но вместе с этим словом девушка почувствовала, что устремленный на нее взгляд, парализуя ее силы, отнимает волю...

Ее неудержимо повлекло к стоявшему перед ней человеку, она чувствовала, что находится в его власти.

Прошло несколько секунд, когда, наконец, ей удалось овладеть собой.

Но странно, теперь ей не казалось таким диким и оскорбительным поведение Атоса, как за минуту перед тем. Его слова представлялись ей в другом свете. Сравнение между ним и Яблонским невольно останавливало на себе ее внимание.

В самом деле, разве этот юноша, стоявший перед ней, полный жизни и силы, недостоин любви? Каким слабым, беспомощным кажется рядом с ним Яблонский!..

Эти новые мысли наполнили ее душу ужасом. Что с ней? Откуда все это?

А Павел Атос стоял перед ней, видимо читая все, происходившее в ней...

Вера Михайловна сделала шаг к двери. Но в эту минуту вошел Яблонский.

Атос тотчас удалился.

- Ради Бога! - бросилась девушка к Павлу Михайловичу.
- Что такое? - отвечал тот, с удивлением видя, что она вся дрожала от волнения и ужаса.
- Я не могу понять, - простонала она, обнимая Яблонского, - что со мной делается!..
- Что такое? Успокойтесь!

Он хотел было лаской унять ее волнение, но она внезапно оттолкнула его и сделала шаг назад.

- Знаете что? - вдруг с решимостью проговорила она. - У меня есть к вам просьба...
- Какая?
- Забудем все, что было! Я не могу быть вашей женой! Я должна вам сказать это! Почему
- я не знаю, но так надо!..
- Вы больны, Вера!.. Вы не понимаете, что говорите. Сядьте!..

Несмотря на сопротивление, он усадил ее на маленький диванчик и сам сел рядом с ней.

- Расскажите, что случилось?
- Ничего!
- Почему же вы так расстроены?
- Потому, что я сознаю, что не могу быть вашей женой...

- Опять! Опомнитесь, Вера!..

Яблонский напомнил ей начало их знакомства, смертельные опасности, которые они пережили вместе, указал на полное одиночество, в которое они поставлены в новой жизни, и, наконец, воскликнул:

- Да разве может за несколько часов произойти такая перемена в чувстве? Еще вчера, после концерта - вспомните, что вы мне говорили?..

Но на все его увещания девушка отвечала одно:

- Нет, не могу! Не спрашивайте почему! Я все равно не скажу!

Внезапная мысль мелькнула в голове Яблонского.

Он оставил почти обезумевшую от горя девушку и бросился в общую залу. В течение своего кратковременного пребывания в доме он несколько раз успел говорить с Марией Атос - женой Николая Атоса.

Ему нравилась эта умная, спокойная и сердечная женщина. Ее искренность и простота невольно располагали в ее пользу с первого раза.

Найдя ее в многочисленном обществе, Яблонский сказал ей вполголоса:

- Мне надо сейчас же поговорить с вами наедине.

Взглянув на него, женщина, вероятно, сразу поняла, что случилось нечто необычайное. Тотчас встав со своего места, она взяла Яблонского под руку и вышла вместе с ним в коридор.

- Случилось что-нибудь с вашей невестой? - тревожно спросила она.

- Да.

- Она заболела?

- Право, не знаю. Кажется, что так...

Яблонский откровенно передал все происшедшее.

- Простите меня, - добавил он, - я не могу скрывать от вас - я думаю, что причиной внезапного изменения в намерениях моей невесты послужил ваш сын...

- Который?

- Павел.

- Да он ребенок!..

- Ребенок с вашей точки зрения, но не с нашей...

Мария Атос задумалась.

- Если так, - сказала она через минуту, - то единственное, что я могу сделать, - это постараться повлиять на Павла. Сделайте то же по отношению к Вере... Конечно, вы сами хорошо знаете, что здесь не может быть и речи о каких-либо приказаниях с нашей стороны - в этом, да и во всех отношениях, мы признаем полную свободу...

- Но ваш сын поступил бесчестно.

- Чем же? Если он сумел добиться ее любви...

- Но каким образом?

- Что вы хотите сказать? - Внезапная тревога прозвучала в звуке ее голоса.

- Он воспользовался тем, что был в состоянии подчинить ее волю своей, воспользовался тем, что в наши дни называлось гипнотическим внушением. Таким путем можно заставить человека сделать все что угодно, но это не значит, что он совершил приказанное ему по доброй воле...

- Пойдемте, проведите меня к ней!.. Но помните, если вы не ошиблись - никогда впоследствии не напоминайте ей о случившемся - сама она не будет ничего помнить.

Придя к Вере, они застали ее в том же положении, в котором оставил ее Яблонский. Откинувшись на спинку дивана, с лицом, выражавшим нестерпимое страдание, она, казалось, вся ушла в какую-то одну мучительную думу.

Здесь Яблонскому пришлось быть свидетелем необычайной сцены.

Подойдя к Вере и сделав Яблонскому знак, чтоб он остался на месте, Мария Атос села рядом с ней и положила руку ей на плечо.

Девушка испуганно вздрогнула, как бы только что очнулась.

- Успокойтесь! - проговорила Мария.

Почти тотчас Вера Михайловна приняла прежнюю позу. По выражению ее глаз было заметно, что она не видела Яблонского, стоявшего в двух шагах перед ней.

- Вы будете меня слушать?

- Да... Нет, не могу!..

- Отчего?

- Он не велел.

- Я велю! Слушайте!

- Слушаю!

- Что он вам велел? Говорите!

По лицу девушки пробежало выражение страдания.

- Не могу!.. Он не велел...

- Говорите!

- Я не должна любить моего жениха!..

- Еще что?

- Я должна была ему сказать, что отказываюсь от него...

- Еще?

- Я должна была любить *его*...

- Этого не было! Слышите?

- Слышу.

- Вы опять можете любить, кого хотите.

- О!

На лице девушки отразилась неподдельная радость.

- Вы ничего не будете помнить!.. Все осталось по-прежнему!

- Как я рада!..

- Но помните, вы никогда не должны слушаться его!

- Никогда!

Мария Атос слегка коснулась рукой лица девушки.

- Что же вы стоите? - обратилась Вера Михайловна к Яблонскому, по-видимому несколько не удивленная присутствием Марии Атос.

Через секунду она уже весело болтала со своим женихом. В это время в комнату вошли сэр Муррей, Лекомб и вместе с ними еще несколько человек.

- Мы пришли смотреть, - заявил Лекомб, - сейчас будет видна Москва!

Действительно, с каждой минутой дома становились многочисленнее: везде, куда только достигал взор до горизонта, высились их остроконечные, блестящие башни. Ровной линией прорезалась лента широкой реки.

- Волга! - вскричала Вера.

- И Ока! - сказал Яблонский, указывая ей на то место, где, образуя блестящее пятно, одна река сливалась с другой.

- А вон и Москва!

Действительно, вдали, как в панораме, вырезались в подернутом дымкой воздухе золотые главы кремлевских соборов.

Понятно, каким трепетным чувством забились сердца Яблонского и Веры.

- Однако, - заметил Яблонский, - каким грандиозным кажется храм Христа Спасителя!.. В самом деле, несмотря на громадное расстояние, явственно виднелся, сверкая золотом, купол собора.

- Это не храм Христа Спасителя! Тот левее! Смотрите!

В руках Яблонского очутился бинокль. Теперь он ясно различал знакомые очертания. Но рядом с этим храмом возвышался другой, подавлявший его своей величиной.

- Что это за храм?

- Собор всей Руси.

- Когда же он построен?

- Вполне окончен не больше двадцати лет тому назад.

- Кто же его строил?

- Все. Кажется, во всей России нет человека, который не принял бы участия в его построении... Ведь мы все возводим наши постройки собственными руками...

Невольно в уме Яблонского восстала грандиозная картина постройки, в которой принимали участие миллионы людей, движимые одним благоговейным чувством, связанные общей любовью к родине и ее священным, историческим заветам!..

Как далеко не походило это на те картины будущего, которые рисовались в уме людей девятнадцатого века!..

Золотые купола мало-помалу выплывали и яснее вырисовывались в прозрачной синеве горизонта. Казалось, весь расстилавшийся впереди ландшафт несся с неизмеримой быстротой навстречу кораблю, остававшемуся недвижимо на месте в недостижимой высоте...

Кривой, извилистой линией вырезалась Москва-река, а дальше, на высоком берегу, виднелись стены древнего Кремля. Но там, где тянулись шумные улицы, лепились один к другому каменные дома, где царил вечный шум и грохот миллионного города, там теперь раскидывались цветники, поля, высились кущи деревьев и над ними, гордо поднимаясь кверху, царили чудные здания, как несокрушимые памятники человеческого гения.

Как молния, прорезая воздух, мелькнула в высоте одна тень, за ней другая...

Яблонский догадался, что это были корабли, подобные тому, который мчал их к родному городу.

Но вот вся панорама мало-помалу начала скрываться из глаз - корабль медленно опускался.

Через несколько минут все вышли на палубу. Теперь движение не превосходило шестидесяти верст в час. Можно было рассмотреть в подробностях чудную растительность, сплошным ковром застилавшую землю. К удивлению своему, Яблонский и его спутники увидели горделиво тянувшиеся к небу верхушки широколиственных пальм.

- Неужели, - вскричал Лекомб, - они переделали и климат?

- Не думаю, чтоб возможно было произвести такую резкую перемену...

- И вы правы, - вмешался подошедший Николай Атос, - не потому, чтоб было невозможно переменить климат, но потому, что это не имело бы цели: умеренный пояс самый здоровый.

- Следовательно, климат остался прежний?
- Не совсем: у нас нет лютых морозов, как нет и убийственной жары...
- Но пальмы?
- Акклиматизированы.
- Да разве это возможно?
- Почему же нет? Даже в ваше время...
- В наше время, акклиматизируясь, растение вырождалось...
- То есть изменялось. То же самое произошло и с этими пальмами. Но вот мы и у цели нашего путешествия.

Атос указал на роскошный дворец, несколько похожий на собственный его дом.

Корабль описал дугу и плавно опустился на какие-то подмости, рядом с другими, находившимися уже здесь.

Моментально последовала поразительная сцена: человек полтора роста, толпившиеся на палубе, с громадной сравнительно высоты бросились вниз. Снова Яблонский и его спутники были подхвачены сильными руками и через секунду стояли уже на земле среди шумного, оживленного общества. .

Между тем со всех сторон - из дома, из прилегавшего к нему сада и еще откуда-то - сбегались люди навстречу прибывшим.

Начались поцелуи, объятия, раздавались радостные восклицания и самый искренний, заразительный смех.

Яблонского и его спутников сейчас же окружили. Все здоровались с ними, называя свои имена и неизменно прибавляя к ним одну и ту же фамилию - Атос.

- Боже мой! - с комическим ужасом воскликнул Лекомб. - Вероятно, теперь весь земной шар населен Атосами!

Сэр Муррей с самым официальным видом называл каждому все свои имена и фамилии, с присовокуплением титулов, которых у него, к слову сказать, был целый десяток.

От всего этого шума и множества новых лиц положительно кружилась голова.

Наконец через несколько минут гостям предложили пройти в их комнаты, чтобы оправиться с дороги.

- Ну, - смеясь, отвечал Яблонский говорившему с ним мужчине, назвавшемуся именем Алексея Атоса, - после подобной дороги нечего отдыхать.

- Тогда только оставьте в комнате ваши вещи и сходите в сад.

- Неужели у каждого из нас будет отдельная комната?

- У вас - да. Но некоторые поместятся по три и по четыре человека.

- Все-таки сколько же комнат у вас в доме?

- Больше трехсот. А это вас удивляет?

- Очень.

- Разве в ваше время не было подобных домов?

- Были, например гостиницы. Но отдельные лица вовсе не нуждались в таких помещениях...

- Да, потому что у вас семьи дробились. Почему-то считалось необходимым, как только человек начинал жить самостоятельной жизнью, удалять его из семьи...

- Это действительно было необходимо.

- Почему?

- Прежде всего в силу материальных условий - род занятий весьма часто заставлял его уезжать из родных мест. Затем, в наши дни между отцами и детьми была такая резкая

разница, которая делала невозможной совместную жизнь: мировоззрение людей, их отношение к жизни - все менялось каждое поколение. Совсем другое дело вы, - у вас отношение к жизни определено, оно неизменно - по крайней мере, для весьма значительного периода времени. Наконец, самый образ жизни, по внешности, у вас совершенно одинаков. И у нас, если дети продолжали дело отца, семья сохранялась - как, например, в крестьянстве. Ведь вы живете скорее родовым бытом...

- Пожалуй.

- Словом, жизнь возвратилась к своим первобытным формам, но благодаря тому, что человек достиг предела своего могущества, а не потому, что он не мог бы создать других условий. Да вообще, жизнь земледельца представляет первообраз вашей жизни...

- Да мы все земледельцы!..

- Я говорю про наше время - тогда земледельцами были только крестьяне. Они действительно могли обходиться без посторонней помощи: они ели хлеб, посеянный собственными руками, носили холст, сотканный их женами, жили в избе, ими самими построенной. Все это было неизмеримо далеко от того, что существует теперь, но основные черты сохранились одни и те же.

- Да, но, оторвавшись от земли, человек никогда бы не дошел до того, что вы видите теперь...

- Вероятно. Но это было тяжелое время!

- Переходное.

- Да. Мы даже и не думали о том, к чему стремимся, - не только в сфере общественных отношений, но и в области науки: то мы строили воздушный корабль и зачем-то летели к Северному полюсу, то радовались как дети изобретению фонографа или еще какой-нибудь игрушки - и все это нам казалось необычайным научным прогрессом, которым мы страшно гордились.

- Ведь это же было неизбежно!

- Едва ли. Если бы мы задались исключительно целью применить науку к потребностям личной человеческой жизни, - было бы другое. У нас же, наоборот, существовало мнение, по которому от науки нельзя было требовать практических результатов - мы имели то, что являлось случайно. А между тем, если бы мы стремились к определенной цели - мы достигли бы ее в той или другой форме и избавились бы от поглотившей нас борьбы за право жить.

- Но ведь были же попытки в этом направлении?

- Да. Но все они сводились к преобразованию человеческого общества на тех или других произвольных основаниях, между тем как цель их должна была заключаться в применении науки к жизни...

- Хотя это не могло быть единственной целью, но должно было быть ближайшей. Но вот ваша комната.

Во время этого разговора Алексей привел Яблонского в отведенное ему помещение. К удивлению Яблонского, он нашел здесь все то же самое, что и в доме Атоса, за исключением картин.

- Что меня удивляет, - воскликнул он, - это чрезвычайное однообразие самой обстановки в жизни!

- Да как же вы хотите иначе! В обстановке мы берем самое необходимое и удобное. Моды у нас не существует и существовать не может.

Оставив свои вещи, Яблонский вместе со своим спутником присоединился к остальному обществу.

Несмотря на громадные размеры общей залы, в ней было почти тесно. На первый взгляд Яблонского ему показалось, что здесь было не менее тысячи человек народу

- Скажите, - спросил он Алексея, - тут только две семьи?

- Нет, здесь вся фамилия Атос.

- Сколько же вас?

- Ну, право, не могу сказать вам точно - но около двух тысяч.

- Как вы узнаете друг друга?

- Память у нас хорошая.

- И не путаете имен?

- Ведь мы называем друг друга просто по имени. Если же надо обозначить точно какое-нибудь лицо, то присоединяем имя отца, деда, прадеда и т. д. Наконец, к фамилии присоединяется название места. Так - мы Атосы московские; есть владимирские, северные и т. д. Но вот и ваша невеста вместе с моими сестрами.

Яблонский подошел к Вере, окруженной молодыми девушками.

Здесь ему пришлось отвечать на множество вопросов, которыми его засыпали со всех сторон по поводу предстоящей на завтра свадьбы.

- Есть у вас шафер? - спросили его между прочим.

- Нет еще.

- Кто будет?

- Право, не знаю.

- Что касается меня, - заметила Вера, - я попрошу Павла Атоса.

- Какого?

- Как какого?

- Северного, - смеясь, сказал Яблонский, - Павла-Николая-Александра.

- Это что значит? - удивилась Вера.

Яблонский объяснил ей, в чем дело.

Вместе с тем ему предстояла теперь трудная задача отклонить свою невесту от сделанного ею выбора.

Сказать ей, в чем дело?

Это было невозможно.

Оставалось только опять обратиться за советом к Марии Атос.

Яблонский отправился ее отыскивать.

Но это оказалось не совсем легко, и только через полчаса он нашел ее в одном из кружков, на которые разбилось общество, наполнявшее залу.

- Я к вам, - обратился он к ней.

- В чем дело?

- Да ведь на завтра решена была наша свадьба?

- Да.

- Но я решительно не знаю, что мне делать.

- Да вам и делать-то нечего.

- В наше время это сопряжено было со множеством всевозможных хлопот.

- То было в ваше время.

- Но и теперь...

- Что же теперь?

- Надо сказать священнику...
- Уже сказано.
- Певчие...
- Какие певчие?
- Да кто же будет петь?
- Мы поем все.
- У меня нет шаферов - и у Веры тоже, хотя она и выбрала.
- Кого?
- Вашего сына Павла.
- Он уехал. Я сама сообщу ей об этом. А что касается приготовлений, то все они заключаются в том, что совершенно игнорировалось в ваше время. Для этих приготовлений вам надо обратиться к священнику, который будет совершать обряд.
- Где же он?

- Здесь. Это наш же родственник. Я сведу вас.

В зале Яблонский действительно заметил несколько духовных лиц.

К одному из них привела его Мария Атос.

- Что же вы одни? - спросил тот.

- Вы хотите видеть моих товарищей?

- Нет, но вашу невесту. Мне бы хотелось поговорить с вами обоими вместе.

Яблонский исполнил его желание, и в одной из комнат громадного дворца долгие часы прошли в приготовлении к тому, что в глазах большинства людей девятнадцатого века было не более как обрядом, но что на самом деле представляет собой освященное Церковью таинство.

После этого разговора ни Яблонский, ни Вера не имели уже охоты возвращаться в шумное и многолюдное общество. Последний вечер их одинокой жизни они провели в своих комнатах.

Яблонский проснулся ранним утром. В лицо ему ударил веселый, горячий луч солнца.

Еще первый раз за громадный промежуток времени видел он смену ночи и дня - там, где он впервые возвратился к людям, солнце сияло, не сходя с горизонта.

Он еще не вполне успел окончить свой туалет, как мягкий, серебристый звук нарушил тишину летнего утра.

Яблонский не сразу понял, что это такое.

Но вот раздался второй удар, третий... Гармоничными переливами разносясь в воздухе, загудел призывный благовест.

Невыразимо умиленное чувство охватило Яблонского...

Он бросился к окну.

Залитый горячим солнечным светом, сверкая белизной мрамора и золотом куполов, далеко возносясь к подернутому прозрачной дымкой небосклону, возвышался величественный храм.

От него неслись серебряные переливы призывного благовеста и замирали в бесконечной дали.

Родные звуки напомнили не только невозвратное, но и влили радостную надежду в душу заброшенного в новый мир человека.

Горячими слезами благодарной молитвы приветствовал он утро знаменательного и великого для него дня...

Около пяти часов утра Яблонский и Вера среди многотысячной толпы подходили к дивному храму, воздвигнутому в память просвещения Руси.

Куда только мог достигнуть взор, со всех сторон двигались вереницы и толпы народа. Призывный гул колоколов доносился из древнего Кремля и падал с неизмеримой высоты увенчанного главами собора.

Громадная лестница, окружавшая здание с четырех сторон, шла к порталам, ведшим во внутренность храма.

Сюда уже доносилось пение тысяч молящегося народа.

Грандиозные размеры храма обманывали глаз: стоя внутри, казалось, что купол висел далеко вверху, ничем не поддерживаемый, стены, с громадными окнами, отодвигались вдаль и терялись в перспективе.

Но громадные размеры не препятствовали каждому слову священнослужителей долетать до самых отдаленных углов.

Яблонскому и Вере казалось, что они действительно теперь возвратились к новой жизни...

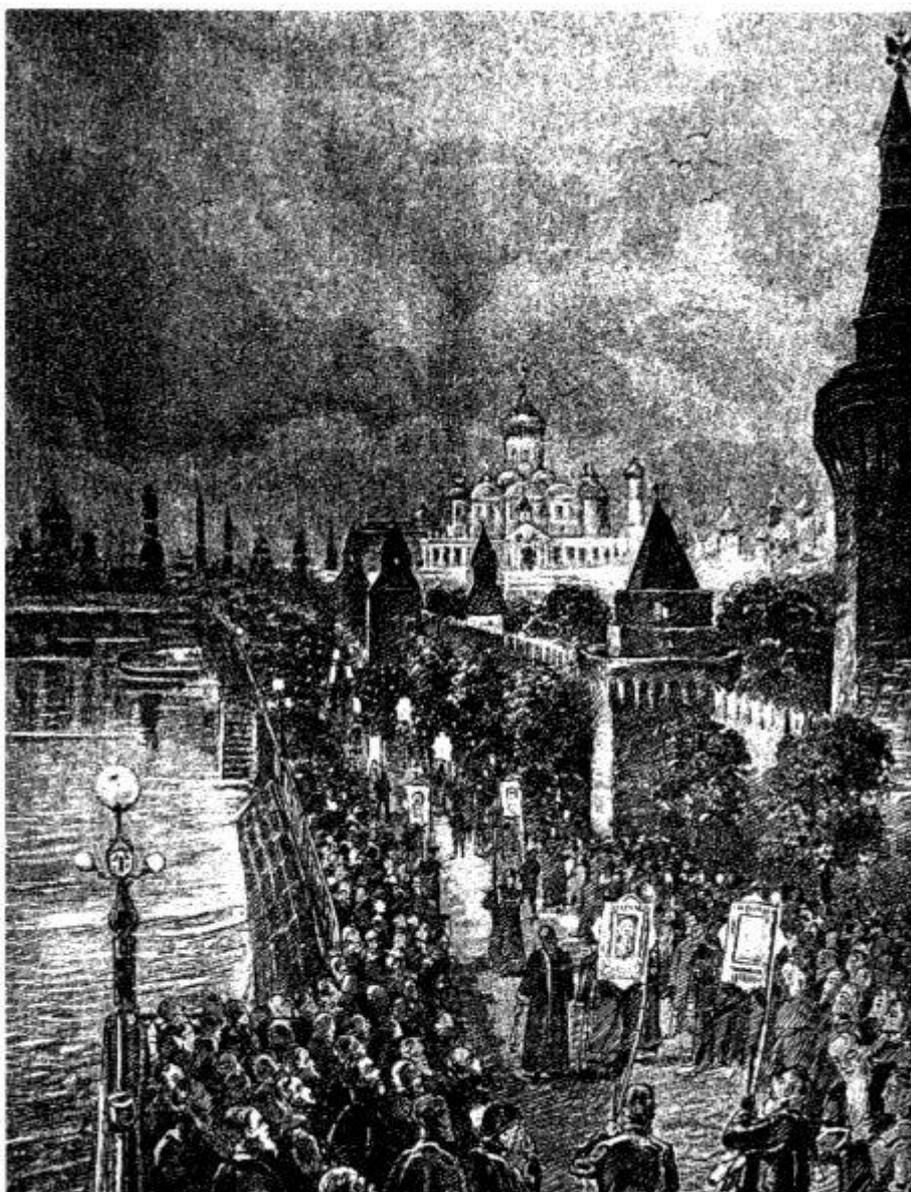
Священные, хорошо известные слова молитв и песнопений потрясали их... Радость наполняла сердца, и в бесконечной благодарности к Подателю жизни душа отрешалась от земного и возносилась туда - в обитель и царство Света.

Торжественная служба тянулась долго, но никто не чувствовал утомления.

Кончалась литургия. Произнесены были призывающие к Источнику жизни слова: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

На середину храма, на высокий помост, вошел сонм священнослужителей, и начался благодарственный молебен.

Предстоящие люди воссылали благодарение за дарованный им свет истины, за дарованные им блага жизни и за очищение в горниле тысячелетних страданий...

...Крестный ход двинулся из храма к кремлевским соборам...

Но вот колыхнулись золотые хоругви, раздалось величественное пение, и крестный ход двинулся из храма к кремлевским соборам, среди жизнерадостного народа и несметной толпы сопровождающих...

Яблонский и Вера оставались на паперти, пока вдали не скрылись колыхавшиеся над толпой священные знамена.

Радостный звон гудел и переливался, тысячами звуков наполняя воздух.

- Пойдемте!

Около Яблонского и Веры виднелись знакомые лица Николая и Марии Атос.

- Вам надо подготовиться! Через два часа назначено венчание!

Цветущими садами и аллеями они направились к дому.

- Вы придержитесь обычая? - спросила Мария Атос жениха и невесту.

- Какого?

- Не есть до венчания.

- Конечно.

- Впрочем, и мы все последуем вашему примеру.

Здесь только Яблонский вспомнил, что он никого еще не просил занять место родителей.

- Я уверен, - сказал он, - что вы благословите нас?

- Да, мы - Веру, а наши отец и мать - вас.

В это время подошли уже к дому.

- Идите к себе! - сказала Мария Атос Яблонскому.

Сама она увела Веру.

Через час жениха позвали в залу. Когда он пришел туда, все было готово для обряда: на высоком помосте среди залы на столе стояли образа. Вся зала полна была народу. Все присутствовавшие одеты были в одинаковые одежды из плотной серебристо-серо-ватой ткани. Только на Яблонском и его невесте платье было из белоснежной блестящей материи, похожей на парчу.

С замиранием сердца Яблонский, в сопровождении старика Атоса и его жены, взошел на помост и приблизился к столу, где стояли иконы, хлеб и соль.

В то же время с другой стороны Николай Атос с женой ввели Веру.

Начался обряд благословения.

Вера не могла удержаться от слез. Едва сдерживался и Яблонский. Оба они вспомнили в эту минуту, что тот же обряд мог бы совершиться при других условиях, и на месте благословляющих их на новую жизнь людей они могли бы видеть бесконечно дорогие, знакомые лица своих родных...

Обряд кончился. Жених и невеста сошли с помоста.

Яблонский увидел около себя мистера Лекомба и сэра Муррея. Оба иностранца казались взволнованными, и сэр Муррей, кроме того, еще чем-то очень озабочен.

Сначала Павел Михайлович не обратил на это внимания, но англичанин неотступно был около него, видимо желая и не решаясь о чем-то спросить.

Наконец он не выдержал.

- Скажите, - шепнул он Яблонскому, - они совсем не носят перчаток?

Яблонский сначала не понял вопроса, но затем, несмотря на торжественность минуты, едва удержался, чтоб не рассмеяться.

- Право, не знаю! - отвечал он.

- Да у вас-то перчатки есть?

- Нет.

- Ну, теперь я спокоен.

- Да чего же вы беспокоились раньше-то?

- В моем гардеробе не оказалось этой необходимой принадлежности. Я думал, что у вас они спрятаны. Кстати, вас не стесняет этот костюм?

- Нисколько.

- А мне так ужасно неловко. Если бы у меня был фрак!

- Вы бы надели его?

- Непременно.

В это время старик Атос подошел к Яблонскому и сказал ему, что пора идти в церковь.

- Идти? - переспросил Яблонский.

- Да. А вы что же думали?

- У нас в таких случаях обыкновенно ездили.

- Могли бы и мы проехать, но тут так близко...

- У вас есть лошади?

- Лошадей нет. На что они!

- Конечно. Но я-то все никак не могу со всем этим свыкнуться. В какую же церковь мы пойдём?

- Как в какую? В нашу!

- Куда же?

- Через сад всего.

Яблонский, в сопровождении громадного числа провожатых, вышел из дому и вошел в сад.

Пройдя несколько саженей, он вдруг, из-за кущи деревьев, увидел серебряный купол церкви - это был домашний храм семьи Атосов.

Здание поражало не размерами, но необыкновенной гармоничностью и стройностью целого.

Вокруг храма шла высокая серебряная решетка, из-за которой виднелись группы пальм и золотые кресты памятников.

- Это кладбище? - спросил Яблонский шедшего с ним старика Атоса.

- Да. Наше кладбище - семейное, на котором скоро буду и я.

В последних словах старика слышался легкий оттенок грусти.

- Но вы еще так бодры...

- Всему есть свой предел: я уже устал, хотя жизнь так хороша, что иногда и жаль становится ее покинуть...

Жизнь так хороша!

Этих слов Яблонскому не приходилось слышать в давно минувшее время не только от старика, одной ногой стоящего уже в гробу, но и от полных сил людей...

Лишь только Яблонский вошел в церковь и прошел на правую сторону, как раздались торжественные звуки концерта...

Пели, по обыкновению, все, находившиеся в церкви. Пел и старик Атос, стоявший около Яблонского. Глядя на его спокойное, радостное лицо, на котором жизнь не положила печати мучительной борьбы и страдания, верилось, что он и в последние минуты сохранит ту же силу надежды и веры, которая уничтожала для него бремя жизни в течение полутора веков...

Лишь только замерли последние звуки концерта, как в растворенных главных дверях появилась толпа молодых девушек и впереди их, залитая солнечным светом, в сверкавшем снежной белизной платье и вуали, увенчанная цветами, взволнованная и радостная невеста...

Яблонскому казалось, что ему предстало какое-то видение, полное неземной красоты и прелести.

Снова раздались звуки концерта. Новые лица наполнили внутренность храма.

Но вот из алтаря вышел священник и, подойдя к Яблонскому, повел его через церковь к невесте...

Началось венчание.

Яблонский слышал торжественное пение, внимал возгласам священнослужителей, и неопределенная, но полная упования, светлая молитва слагалась в его душе...

Ему казалось, что прошло каких-нибудь пять-десять минут, в течение которых он переходил с места на место и исполнял то, что ему говорили, как вдруг он услышал обращенные к нему слова:

- Поцелуйте вашу жену!

Через минуту молодая чета была окружена толпой поздравляющих.

Веселые, радостные шли Павел Михайлович и его жена к дому Атосов. На душах их было так же светло и радостно, как радостна была и самая жизнь, в которую они вступили. Большая зала была убрана цветами и деревьями, и обеденные столы, на этот раз заранее приготовленные, сверкали золотом и серебром.

В центре главного из столов, на ковре из живых цветов, стояли кресла молодых.

Лишь только все заняли свои места и начался обед, как раздались звуки оркестра.

Первую секунду Яблонский подумал, что это был орган.

Но нет, ошибиться было нельзя - играл оркестр.

- Что вас удивляет? - заметила Яблонскому Мария Атос.

- Ведь это играет оркестр?

- Да.

- Где же он?

- Да его нет - это музыкальный фонограф, он исполнит целую оперу.

- Но какие знакомые звуки!

- Вы их знаете...

- Я боюсь верить, - сказала Вера, - но мне кажется...

- Что?

- Что это «Руслан и Людмила».

- Конечно.

В тот же момент увертюра кончилась, и запел хор... Вот и песнь Баяна...

- Боже мой! - воскликнул Яблонский. - Сколько времени прошло с тех пор, когда я последний раз слышал эту оперу!

- Много! - рассмеялись сидевшие около него.

- Смотрите! - окликнул Яблонского сидевший наискось от него Лекомб. - Вино!

Он с торжеством поднял золотую чашу.

Действительно, на этот раз было сделано исключение, и бокалы обедающих полны были искрометной влагой.

Звуки дивной музыки, веселый говор песен и голосов, роскошь и красота обстановки - все делало этот праздник похожим на сказочный пир.

Но вот звуки музыки неожиданно смолкли. Смолкнул и говор пирующих.

Старик Атос поднялся со своего места.

- Обыкновенно мы, - сказал он, - в случаях, подобных сегодняшнему, ограничиваемся тем, что от души желаем молодой чете возможного на земле счастья. Для всех нас это пожелание понятно и им исчерпывается все, так как каждый из нас с малых лет привык видеть счастье и научился понимать, что жизнь есть благо. Но сегодня я хочу сказать больше: я хочу сказать вам, как мы смотрим на семейную жизнь и что в ней мы ищем.

Брак и в давно минувшее время признавался за благо, ибо в нем удовлетворяется необходимая потребность человека в теснейшем духовном общении с себе подобным и естественная потребность видеть продолжение своего я в ряду последующих поколений.

В удовлетворении своих потребностей человек и находит счастье. Следовательно, брак способствует достижению счастья. Но было время, когда браки приносили с собой несчастье, ибо в них человек не удовлетворял главнейшей из своих потребностей - духовного слияния. Как кажется теперь нам, происходило это потому, что при вступлении в брак каждая сторона прежде всего думала, что она приобретает какие-то права на другого. Это ложное понятие с первого момента брачной жизни позволяло мужу предъявлять требования к жене, а жене к мужу. Этим нарушалась свобода и

независимость человека, а следовательно, и самый брак становился для него тягостью. Взаимные требования были чрезвычайно разнообразны - люди доходили до того, что один из супругов иногда требовал, чтобы другой любил непременно то, что он любит. Тогда существовали профессии - и человек, посвятивший себя, например, медицине или музыке, считал себя вправе требовать, чтобы и жена интересовалась этими предметами. Женщины, как более впечатлительные по натуре, не могли переносить мысли о том, что муж может им не говорить чего-либо, и мучали его расспросами о том, что он думает, что он чувствует, отчего он задумчив или весел. Эти вопросы они сочли бы крайне неделикатными предложить кому-либо другому, но на мужа, по их понятиям, они имели право. Понятно, что при таких отношениях свободный союз обращался в подневольное сожительство. Это время миновало: вступая в брак, мы сохраняем нашу полную свободу и независимость - каждый из супругов поступает так, как ему нравится и как он хочет, занимается тем, что ему доставляет удовольствие, и не пытается насильно втянуть другого в свои занятия. Отсюда у каждого есть своя личная жизнь, есть свои интересы и новизна впечатлений - супругам есть чем делиться друг с другом, они всегда дают друг другу новое, и интерес их друг к другу не охлаждается. Они не пристают друг к другу с расспросами, но говорят тогда, когда хочется и что хочется, то есть удовлетворяют свою потребность, когда она является. Между тем, отвечая на расспросы, человек удовлетворяет желание, которого у него нет, а это так же противоестественно, как есть или спать, когда не хочется. Итак, каждый из супругов должен иметь свою личную жизнь - брак есть почва для обмена впечатлений этой жизни. Каждый из супругов в браке так же независим, как и до брака. Это и есть свободный союз, и только в нем возможно найти духовное слияние. Мы все, принимая новую чету в нашу обширную семью, желаем ей найти в браке то счастье, которое находим и сами!

Атос чокнулся с новобрачными и осушил свой бокал.

Вслед за ним поднялись со своих мест и начали подходить к молодым все остальные.

Мистер Лекомб и даже сэр Муррей обняли Яблонского и его жену.

На этот раз обед затянулся, и столы были убраны, когда летнее солнце уже клонилось к закату. Разделившись на группы, все общество частью перешло в сад, частью продолжало оставаться около молодых, в оживленной беседе не замечавших, как летело время. Уже поздним вечером Яблонский и Вера остались одни в отведенном для них помещении. Несмотря на утомительный день, они наутро в обычное время сошли уже к утреннему завтраку.

Сэр Муррей и особенно Лекомб были задумчивы и грустны: в этот день они покидали Москву и ставших для них родными людей, чтобы вернуться каждый в родную страну.

- Как мы будем переписываться? - беспокоился Лекомб.

- Переписываться? - удивился Николай Атос.

- Да. Существует ведь у вас почта?

- Нет.

- Телеграф?

- Нет. Где же бы мы взяли служащих?

- Так как же вы поддерживаете сношения друг с другом?

- Чаще всего самым простым способом - навещаем друг друга.

- А если это невозможно?

- Такие случаи весьма редки. Но у нас все дома каждой местности соединены телефоном и телефотом.

- А самые города?
- Магистральными проводами. Я соединяю свой телефон с магистральным проводом, перевожу коммутатор на одного из своих корреспондентов и прошу его соединить меня с кем надо - если с другой местностью, он соединяет свой телефон с магистральным проводом и передает меня своему знакомому корреспонденту и так далее. Вам надо только знать номер нашего дома в Москве - оттуда вас будут соединять с нашим домом на материке Северного полюса.
- Таким же способом могу пользоваться и я? - спросил сэра Муррей.
- К сожалению, нет.
- Почему?
- С Англией у нас нет проводов.

Сэр Муррей, видимо, был сильно опечален.

- Я еще хотел предупредить вас, - обратился Атос к англичанину, - если вам не посчастливится в вашем отечестве, возвращайтесь к нам.
- Или к нам, - сказал Яблонский, - так как я надеюсь, что скоро и у нас будет дом.
- Благодарю вас, - с грустью отвечал Муррей, - но какое-то предчувствие говорит мне, что едва ли я увижу вас...

Вообще, сэра Муррей, видимо, боролся с охватившим его грустным настроением.

Решившись сделаться миссионером цивилизации в своей отторгнутой родине, он сознавал всю трудность предстоявшей ему задачи, и невольное сомнение в успехе присоединялось к тяжелому чувству разлуки с друзьями.

Целая компания молодых людей отправлялась для сопровождения Лекомба и сэра Муррея. Во Франции они должны были содействовать мистеру Лекомбу в его устройстве на новом месте жительства. Что же касается до сэра Муррея, то ему приходилось остаться одному тотчас по приезде в Англию.

Семья Атосов настояла, чтобы он принял от них значительную сумму золота, без которого немислимо было существование в стране, где жизнь поставлена была в те же условия, что и тысячу лет тому назад.

Настала минута разлуки.

Сотни людей окружали готовый к отлету корабль.

Последние пожелания раздались вокруг отъезжавших. Яблонский и Вера обняли своих друзей, и через минуту металлическое чудовище, с шумом и гулом, ринулось вверх и скрылось из глаз...

Через несколько дней, после осмотра и знакомства с Москвой, возвратились домой колонисты Северного полюса.

Молодой чете предстояло теперь заняться устройством своей самостоятельной жизни.

Будущность, полная деятельности, вера в себя и свои силы, взаимная любовь - все увлекало их и сулило им счастье...

Глава 26.

От Москвы до Лондона. - Первые шаги на родной земле. - Под арестом. - Допрос. - В Лондоне. - Сэр Муррей и репортеры. - Неожиданные предложения. - В редакции «Всемирной газеты». - Мистер Эллиот. - Изгнание.

Тяжелое чувство разлуки мешало мистеру Лекомбу и сэру Муррею сосредоточить свое внимание на тех картинах, которые развертывались перед ними по мере того, как они удалялись от Москвы.

Воздушный корабль несся с умеренной быстротой для того, чтоб пассажирам возможно было знакомиться с новыми местами и видами, ежеминутно развертывавшимися перед ними.

Сопровождали путешественников почти исключительно молодые люди, воспользовавшиеся случаем для знакомства с новыми странами.

Старинный английский обычай, по которому молодые люди для довершения своего образования отправлялись в путешествие - применяли всюду в тридцатом столетии так же, как и тысячу лет тому назад. Разница заключалась только в том, что теперь путешествие не ограничивалось посещением двух-трех наиболее доступных стран, но имело целью знакомство с народами и странами всего земного шара.

Прошло несколько часов, когда с палубы корабля стали видны вырезавшиеся вдали синие громады гор.

- Альпы! - воскликнул мистер Лекомб.

Действительно, свободно можно было различить снежные вершины Юнгфрау, Финстерааргорна, а вокруг них и за ними черневшиеся в прозрачном дрожащем воздухе беспорядочно набросанные горные массы.

- Это Франция? - спросил Лекомб.

- Если хотите - Франция, но население здесь смешанное - полуфранцузское, полурусское.

- На каком же языке здесь говорят?

- На обоих.

- Однако у вас существует общенародный, искусственный язык?

- Общенародный существует действительно, но он не искусственный и сложился сам собой, благодаря тесному сближению двух наций - французской и русской. Он же был принят и всеми как язык международных сношений.

- На этом языке существует литература?

- Крайне ограниченная, преимущественно специальная. В ваше время международным языком служил французский?

- Отчасти. Но было много попыток создать один общий язык искусственно, чтоб объединить литературу и способствовать сближению народов.

- Неужели же полагали, что на этом языке могла существовать литература?

- Почему же нет?

- Да потому, что раз этот искусственный язык стал бы достоянием всех наций, он неминуемо, развиваясь и принимая новые формы, изменялся бы сообразно с законами родного языка каждой нации, поддаваясь его влиянию. Через столетие - много через два - этот всемирный язык имел бы столько наречий, резко отличных друг от друга, сколько существует народов. Мне кажется, что это именно и было причиной неуспеха в ваше время.

- Что именно?

- Да то, что этот язык стремились применить не только к сношениям в обыденной жизни, но и к литературе. Однако мы пролетаем уже над Парижем.

- Над Парижем?

Лекомб схватил бинокль и весь обратился во внимание.

Но тщетно старался он заметить особенности, показывавшие на присутствие громадного города; этот город, подобно Москве, состоял из отдельных жилищ, разделенных друг от друга возделанными полями и садами.

- И весь город заключается в том, что мы видим? - с некоторым разочарованием спросил Лекомб.

- Нет, - улыбаясь, отвечал один из его спутников, - в Париже больше общественных учреждений, зданий, чем в Москве. Поэтому, когда мы на возвратном пути прилетим к месту старого Парижа, вы увидите нечто, что напомнит вам город ваших времен.

- Вы сказали - на возвратном пути?..

- Да, теперь мы прямо направимся к островам Англии, к Лондону: так просил ваш товарищ.

- Лондон похож на Париж и Москву?

- О нет! Это именно город в вашем смысле: до тридцати миллионов народу скучено в громадных зданиях на весьма ограниченном пространстве. Там вы не найдете обработанных полей и садов.

- Как велико население Англии?

- До ста миллионов.

- Но ведь все их острова, вместе взятые, тесны и для половины этого количества людей?

- Да!

- Как же они существуют?

- Хлеб у них привозный из Австралии, Африки и Америки. Англия вся обратилась в один фабричный город - она наполняет рынки Австралии и Африки мануфактурными товарами, всевозможными машинами и предметами роскоши.

- Но ведь благодаря тому, что теперь не существует неразложимых химических элементов, все они приводятся к состоянию однородной материи, - золото и драгоценные металлы потеряли свою ценность, следовательно...

- Я понимаю, что вы хотите сказать. Но дело все в том, что мы до сих пор еще не можем из первичной материи получить все элементы и соединения. К числу этих исключений относится и золото.

- Следовательно, оно имеет прежнюю ценность?

- Только не для нас.

- Но если золото будет приготовляться искусственно?

- Примут условные меновые знаки.

К концу этого разговора подошел и сэр Муррей.

- Я, - сказал он, - рад, по крайней мере, тому, что буду иметь возможность избрать себе ту или другую профессию.

- Чем же вы думаете заняться?

- Но знаю еще.

- Но прежде вы были...

- Профессором, ученым. Но теперь, конечно, мне нечего и думать о возобновлении этой профессии.

- Вам трудно будет найти себе занятие.

- Почему?

- Благодаря громадной конкуренции, человеческий труд в Англии не ценится почти ни во что. Наряду с колоссальными богатствами там царит самая ужасающая бедность. Случаи голодной смерти не редкость в вашей стране.

- Англия всегда отличалась общественной благотворительностью...

- Никакая благотворительность не может дать работы там, где ее нет.

- Но вы говорите про громадные заводы, фабрики.

- Да. Но предложение превышает спрос. Кроме того, машинный труд почти во всем заменил ручной.

- Море! - неожиданно воскликнул Лекомб.

- Па-де-Кале! - дрожащим голосом повторил Муррей.

- Да, через полчаса мы будем в Лондоне. Смотрите!

С этими словами один из собеседников указал рукой на быстро пронесшиеся в воздухе громады.

- Корабли Англии!

- Почему вы узнали, что они английские?

- Они летят при помощи винта. Наши корабли построены, как вам известно, иначе.

- Но почему же англичане не пользуются вашими открытиями?

- По той же причине, по которой в ваши времена нецивилизованные народы не пользовались паровыми машинами и железными дорогами.

- Что это за здания? - спросил Лекомб, указывая на высившиеся на самом берегу прилива громадные башни.

- Это остатки моста.

- Какого?

- Из Англии во Францию. Он был построен около шестисот лет тому назад.

- Почему же он разрушен?

- Мы уже говорили вам, что англичане живут совершенно обособленно и не желают вступать в сношения с европейскими народами. Пятьсот лет тому назад, во время войны с Францией, они взорвали мост, представлявший одно из чудес строительного искусства, и уничтожили подводный тоннель, соединявший материк с островами. Но вот и Лондон. С палубы корабля виден был теперь гигантский город. От устья Темзы, вдоль по берегам моря и вглубь страны, громоздились одно к другому грандиозные здания. Куда только мог достигнуть взор, на расстоянии многих верст, лепились здания. По реке длинными рядами вытянулись корабли.

- Нельзя ли сначала пролететь над Лондоном? - попросил сэр Муррей.

- Невозможно! Для наших кораблей устроена особая пристань, где мы обязаны останавливаться. Для русских и французов самый вход в город очень затруднен.

Посмотрите, скольким мы вынуждены будем подвергнуться формальностям!

В это время корабль уже опускался на громадную платформу, где стояло уже несколько воздушных гигантов, снабженных винтовыми лопастями и рулями.

В нескольких саженьях, параллельно платформе, возвышалось громадное десятиэтажное здание, с четырьмя металлическими башнями по углам.

- Посмотрите, - сказал Атос, старший из всех, бывших на корабле и всем распоряжавшийся, - эти башни снабжены страшными орудиями разрушения. Одного снаряда, выпущенного из пушки, дуло которой вы видите в амбразуре, достаточно, чтоб уничтожить наш корабль. Сейчас к нам явятся досмотрщики.

Металлический гигант был уже на самой платформе.

Громадные лестницы вели от платформы к зданию. Не прошло и трех минут, как на этих лестницах показались красные мундиры.

- Наши солдаты! - вскричал Муррей.

Около ста человек солдат по приставленным лестницам вошло на корабль.

Офицер, взошедший в сопровождении нескольких чиновников, встречен был Алексеем Атосом.

- Откуда вы прибыли и с какой целью? - грубо спросил англичанин, немилосердно коверкая французские слова.

- Из Москвы.

- Сколько вас всех?

- Шестьдесят восемь.

- Что вам надо?

- Мы сейчас же отправимся обратно.

- Зачем же вы прибыли?

- Чтоб оставить здесь одного из ваших соотечественников.

- Где он?

При этом вопросе сэр Муррей выступил вперед и подошел к своему соотечественнику.

Тот окинул его внимательным и, по-видимому, крайне недружелюбным взглядом.

- Кто вы?

Сэр Муррей назвал себя.

- Неправда! - с живостью воскликнул офицер. - Род лордов Мурреев, один из древнейших в королевстве, кончился уже более двухсот лет тому назад. Вы - самозванец!

Сэр Муррей вспыхнул.

- Я могу, - сказал он, - представить вам доказательства!

С этими словами он вынул из кармана бумагу и подал ее офицеру.

Тот развернул ее, внимательно прочел и с нескрываемым изумлением, видимо пораженный, обратился к сопровождавшим его чиновникам.

Все со вниманием перечитали лист и вполголоса перекинулись несколькими фразами.

- Это мистификация! - воскликнул он, обращаясь к сэру Муррею. - Откуда вы взяли этот документ?

- Он выдан был лично мне...

- Выдан! Кем же?

- Английским посланником в Петербурге.

- В тысяча восемьсот девяносто первом году?

- Да.

- Лично вам?

- Мне.

- Значит, вам больше тысячи лет?

- Больше.

- Вы сумасшедший!

- Не совсем, - вступился Атос, - если вам угодно будет выслушать...

- Я слушаю.

- Вы, вероятно, знаете, что у нас, то есть в России и Франции, к сожалению, до сих пор некоторые пользуются возможностью приводить человеческий организм в состояние летаргии...

- Мы слышали об этом.

- В таком состоянии организм может пробыть сотни лет...

- Этому мы не верим.

- Но это факт. Нечто подобное случилось и с вашим соотечественником, которого вы видите теперь перед собою.

Сэр Муррей перебил Атоса и по возможности кратко и ясно изложил историю своих приключений.

- Вы в совершенстве владеете древнеанглийским языком, - заметил ему офицер, - но это еще не служит доказательством правдивости вашего рассказа. Я, со своей стороны...

В это время его остановил один из чиновников и сказал ему несколько слов на ухо.

Офицер подумал секунду и кивнул головой как бы в знак согласия.

- Впрочем, - продолжал он, - будущее покажет, правы вы или нет. Но зачем вы возвратились в Англию? С какими целями?

- Англия - мое отечество.

- Хорошо. Вы можете остаться здесь. Что же касается вас, господа, - обратился офицер к Атосу и его спутникам, - то вы исполнили свою задачу, и поэтому, я думаю, ничто не задерживает вас более в Лондоне!

- Ничто! - отвечал Атос.

Он дружески пожал руку сэру Муррею.

Все последовали его примеру.

Затем англичане вместе с Мурреем сошли с корабля и спустились на платформу.

Прошла секунда - и металлическая масса с быстротой молнии взвилась на воздух.

- Да, - сквозь зубы проворчал офицер, обращаясь к своим товарищам, - эти корабли безусловно удачнее наших.

Сэра Муррея привели во внутренность здания.

- Вас допросит начальник, - сказал ему офицер, - подождите здесь!

- Какой начальник?

- Начальник обороны.

Сэра Муррея оставили одного в небольшой комнате.

Он подошел было к двери, чтобы через стеклянное окно заглянуть в следующее помещение, но за дверью увидел часового.

Под арестом!

За что? В родном отечестве его встречают с подозрительностью, крайним недоверием, вместо приветствия он слышит оскорбления и, наконец, неожиданно, без всякой вины, превращается в арестанта. Скажут ли ему, по крайней мере, в чем его обвиняют?

Прошло около часа. Сэр Муррей начал приходить в нетерпение. Он подошел к окну и не увидел перед собой ничего, кроме высокой стены.

Хорошо ли он поступил, что, несмотря на предупреждения, вернулся в Англию?

Конечно, было бы благоразумнее остаться там, где его встретили, как родного, где люди стояли на неотразимо высшей ступени цивилизации. Но он не мог отказаться от мысли увидеть родину. Отторгнутый от нее, он терял всякий смысл в жизни.

Да, наконец, очевидно, он стал жертвой простого недоразумения. Действительно, все его приключения так несбыточны, фантастичны, что всякий вправе был усомниться в его личности.

Но, наверное, предприятие Марковича наделало в свое время много шума. Он помнит волнение, охватившее всех, когда экспедицией был разрешен вопрос о воздухоплавании. Английские корабли, которые он видел, сильно напоминают «Марс». Следовательно, предприятие Марковича составило эпоху в науке и в жизни людей. Забыть о нем не могли и через тысячу лет. Можно будет доказать, что и он, Муррей, был одним из участников экспедиции.

Эти размышления были прерваны вошедшим в комнату офицером.

- Следуйте за мной! - приказал он англичанину.

Через несколько комнат, в которых помещалась, по-видимому, канцелярия, сэра Муррея привели к затворенным дверям, у которых стоял служитель в расшитой ливрее.

Офицер оправился, подтянул шпагу, взял по форме в левую руку каску, отворил дверь и, пропустив вперед узника, пошел за ним сам.

Сэр Муррей очутился в роскошно убранном кабинете.

Прямо против него, за письменным столом, сидел пожилой человек в хорошо знакомом сэру Муррею мундире английского адмирала.

«Теперь все выяснится!» - невольно подумал пленник.

- Мне передали ваш рассказ, - обратился к нему адмирал. - Согласитесь сами, что он чрезвычайно неправдоподобен. Вас нельзя считать за сумасшедшего, а потому необходимо предположить, что вы не тот, за кого себя выдаете, и что ваше прибытие в Англию в сопровождении людей враждебной нам нации может казаться подозрительным, особенно теперь... по некоторым причинам.

- Я сказал совершенную правду, - отвечал Муррей. - Экспедиция, в которой я принял тысячу лет тому назад участие с разрешения правительства и по поручению Королевского общества, должна быть вам известна...

- Мы уже сделали необходимые справки, - перебил его адмирал. - Действительно, в архиве Лондонского Королевского общества нашлись известия, подтверждающие ваш рассказ.

Но лорд Муррей не возвратился из этой экспедиции: он погиб во время ее, - и, за его самоотверженную любовь к науке и плодотворную деятельность на пользу просвещения, английская нация воздвигла ему памятник, который вы и теперь можете видеть перед зданием Лондонской академии.

- Мне - памятник! - дрожащим голосом воскликнул сэр Муррей.

- Не вам, а лорду Муррею.

- Так вы не верите мне?

- По крайней мере, весьма сильно сомневаюсь.

- Но мой паспорт?

- Это документ не подложный, но он мог попасть к вам в руки различными способами...

- Тогда у меня есть еще доказательство..

- Какое?

Сэр Муррей вынул из бумажника несколько английских банковых билетов и подал их адмиралу.

- Этим билетам - сказал он, - более тысячи лет.

Адмирал подозвал к себе стоявшего позади пленника офицера, и они несколько минут со вниманием рассматривали полуистлевшие бумажки.

- Вы можете, - сказал наконец адмирал, - получить по ним деньги...

- Я не говорю об этом...

- Да, потому что в вашем багаже нашли на значительную сумму золота в слитках...

- Но откуда же я мог бы взять все эти вещи, несомненно древнего происхождения?

- Не знаю.

- За кого же вы меня принимаете?

- Этого пока мы вам не скажем.

- Но я свободен?

Адмирал с секунду колебался.

- Да, - сказал он наконец, - я только предварительно попрошу вас написать ваше показание. Но при этом вам нет нужды употреблять устаревший язык, наоборот, вы говорите...

- Но я не знаю другого...

- В таком случае, как хотите, - пожал плечами адмирал. - Кроме того, позвольте мне дать вам один совет...

- Пожалуйста!

- На вас одежда, принятая в России и Франции. Появившись в ней на улицах Лондона, вы подвергнетесь весьма многим неприятностям.

- Но у меня нет другой.

- Когда вы напишете ваше показание, вы можете послать купить платье и переодеться здесь...

- Но у меня нет денег - только золото.

- Я с удовольствием разменяю вам один из ваших старинных билетов.

Часа через два после этого разговора сэр Муррей проезжал уже в кебе по улицам Лондона. Теперь он чувствовал себя в Англии: серые громады зданий, высившиеся по сторонам, грохот экипажей, снующая по всем направлениям толпа, - все представляло для него давно знакомую картину.

Но он не узнавал улиц, по которым проезжал: в его время, насколько он мог ориентироваться, здесь были открытые местности, далекое предместье Лондона.

- Куда ехать, сэр? - обратился к нему кучер.

- В гостиницу!

- В какую?

- Одну из лучших!

- Но где?

- То есть как где? В Лондоне.

- В каком месте Лондона?

- Я никогда не был в Лондоне.

Кучер проворчал что-то себе под нос и, проехав несколько улиц, остановился перед зданием, поразившим ученого своими непомерно громадными размерами: это было пятнадцатизэтажное здание, в котором легко могло поместиться население небольшого города.

Сэру Муррею отвели роскошное помещение. Не прошло и часа после его прибытия, как в двери его номера постучались.

- Войдите, - сказал сэр Муррей.

Он увидел перед собой средних лет господина, во фраке и белом галстуке.

- Арчибальд Хойланд, корреспондент «Всемирной газеты»! - отрекомендовался он.

Сэр Муррей пригласил его сесть.

- Я решился обратиться к вам, милорд, - начал репортер, - так как ваши необычайные приключения...

- Позвольте, - с удивлением перебил его Муррей, - откуда вы могли узнать о моем прибытии и тем более о моих приключениях?

- Но, милорд, ваше письменное показание, данное в бюро обороны...

- Оно секретно: мне сказали, что его будут держать в строгой тайне...

- О милорд! - улыбнулся репортер. - Это тайна не для нас...

- Почему?

- У нас есть везде свои служащие...

Вошедший слуга подал Муррею сразу четыре визитных карточки. Сэр Муррей, взглянув на них, увидел, что на каждой под именем и фамилией стояло слово: «корреспондент».

- Прошу подождать! - сказал он слуге.

- Милорд! - воскликнул Хойланд, лишь только слуга вышел. - Редакция «Всемирной газеты» предлагает вам десять тысяч фунтов с тем, чтобы вы не принимали других корреспондентов, кроме меня...

- Но, сэр...

- Двенадцать тысяч, милорд! Двенадцать!

- Позвольте, сэр, я вовсе не намерен...

- Милорд, если негодяй Холь был уже у вас...

- У меня никого не было...

- Пятнадцать тысяч фунтов, милорд! «Всемирная газета» печатается в десяти миллионах экземплярах, годовая цена...

- Мне нет дела до годовой цены. Я не могу отказать...

- Сэр, ни одна газета не может заплатить вам столько, как наша...

- Что вам от меня угодно?

- Милорд, вы напишете ваши воспоминания для нашей газеты...

Муррей не успел ответить: снова появился слуга и подал ему на подносе целую кучу карточек.

- Они вас ожидают, сэр, - прибавил он уходя.

- Милорд, откажите им!

- Не могу.

- Двадцать тысяч!

- Я попрошу вас уйти.

- Вы прогадаете, милорд.

Сэр Муррей встал со своего места.

- Но вы согласны дать ваши воспоминания для нашей газеты?

- Согласен.

- Когда?

- Позвольте подумать...

- Через час, милорд. Через два часа выйдет особое прибавление...

- Через неделю, сэр.

- Вы шутите.

- Нисколько.

- Хорошо, милорд. Вот чек!

Мистер Хойланд быстро вырвал из книжки чек и положил его на стол.

- Зачем же? Я не возьму!

- Ваша выдумка гениальна, милорд!

С этими словами, прежде чем Муррей успел опомниться, репортер скрылся.

Сэр Муррей подошел к столу и стал просматривать карточки.

Через минуту сильный звон телефона прервал его занятия.

Не успел он опомниться, как в комнате раздался громкий анонс:

«Через два часа выйдет особое прибавление «Всемирной газеты» - Человек девятнадцатого столетия. Необычайные приключения лорда Муррея, пэра Англии,

отправившегося в экспедицию в 1891 г. и возвратившегося в 2901 г. Цена прибавлению шиллинг. Собственный рассказ лорда».

Телефон замолк.

Но успел еще сэр Муррей опомниться, как снова раздался отчаянный звон и новый анонс: «Прибавление к газете «Таймс». Необычайное происшествие. Схвачен шпион французов, именующий себя лордом Мурреем. Будет казнен. Цена прибавлению два шиллинга.

Собственноручное письмо и признание преступника!»

Опять звон и опять анонс:

«Прибавление к газете «Правда» «Появление жителя с планеты «Марса»! с приложением портрета. Не верьте другим газетам! Лорд Муррей не кто иной, как обитатель «Марса».

Его собственное признание!»

Анонсы следовали один за другим.

В отчаянии сэр Муррей бросился к телефону и, сообразив его устройство, захлопнул дверцы.

Теперь он хоть несколько мог прийти в себя и успокоиться.

Что это такое? Тот же девятнадцатый век. Но ведь тогда его не поражали подобные явления, потому ли, что он привык к ним, или потому, что теперь, в течение немногих дней, он сумел уже свыкнуться с новым строем жизни?

Он подошел к столу и взял чек. Что ему делать с ним? Еще час тому назад он считал возможным путем печати доказать истинность своих приключений. Теперь это было невозможно, - ему было очевидно, что свободная печать его родины в руках шайки шантажистов.

Принимать ли ему остальных корреспондентов? Может быть, между ними встретится несколько честных людей. Во всяком случае, следовало в этом убедиться.

Он позвонил.

- Где ждут господина? - спросил он лакея.

- Корреспонденты?

- Да.

- Они удалены.

- Кем?

- Мистером Хойландом.

- По какому праву?

- По вашему желанию, сэр.

- Я ничего не говорил.

- Но, милорд...

Лакей замялся.

- Что вы хотите сказать?

Слуга вместо ответа вынул из кармана и подал ему сложенную афишу. В ней доводилось до всеобщего сведения, что «Всемирная газета» за двести тысяч фунтов стерлингов приобрела исключительное право печатать воспоминания и описание приключений лорда Муррея в его собственном изложении, что высокочтимый лорд передал уже редакции свою рукопись и получил деньги.

Сэр Муррей ужаснулся.

- Где помещается редакция? - спросил он лакея.

- В Старом Лондоне, милорд.

- Приведите мне экипаж.

- Какой милорд?
- Кеб.
- Но, милорд, в кебе туда день езды.
- Какие же еще есть экипажи?
- Электрическая карета.
- Так ее.
- Не лучше ли, милорд, отправиться по трубе?
- По трубе! Как это?
- По подземной трубе. Через секунду милорд будет в Старом Лондоне.
- Где же станция?
- В двух шагах отсюда, сэ. Но мы соединены с ней тоже трубой. Пожалуйста за мной. Лакей провел ученого в подвальный этаж и передал его кондуктору со словами:
- Милорд желает отправиться в Старый Лондон.

Кондуктор тотчас предложил пассажиру войти через узенькую дверцу в небольшую конусообразную камеру. Сэр Муррей очутился в крошечной комнатке, освещенной электрической лампой. Здесь могли поместиться лишь три или четыре человека.

Лишь только дверца за ним захлопнулась, как он почувствовал легкий толчок и затем раздался глухой шум, как бы гул от трения. Тем не менее нельзя было определить, находится ли снаряд в движении или остается на месте. Через секунду раздался сильный звонок и резкий толчок.

Дверца камеры отворилась, и сэр Муррей увидел себя в обширной, искусственно освещенной зале, среди пестрой толпы народа.

Он был на центральной пневматической станции. Отсюда по всем направлениям расходились подземные трубы, соединявшие различные части Лондона и окрестные города.

Взяв билет, сэр Муррей вслед за другими вошел в такой же металлический конусообразный снаряд, в котором только что совершил переезд, но гораздо больших размеров: в вагоне было более пятидесяти человек.

Снова раздался глухой шум, и через несколько секунд вагон остановился на станции Старого Лондона.

- Как велико расстояние, которое мы только что проехали? - спросил сэр Муррей одного из служащих.

Тот посмотрел на него с некоторым недоумением и проговорил сквозь зубы:

- Двадцать две мили.

Почти сорок верст в несколько секунд!

Тем не менее, сэр Муррей не был особенно поражен: способ пневматической передачи, хотя и не в таких размерах, но существовал и в его время: в полу трубку вкладывался металлический снаряд и затем действием сжатого воздуха, быстрее полета пушечного ядра, проталкивался до другого конца.

Из подвального помещения, где находилась станция, ученый вышел на улицу.

Только что он хотел было спросить одного из полицейских, где находится редакция «Всемирной газеты», как взгляд его упал на громадные афиши, расклеенные по стенкам и на столбах. Его внимание привлечено было крупной надписью посередине:

«Лорд Муррей, человек XIX века».

Он прочел всю афишу: оказалось, что это были объявления от гостиницы, где он остановился, в кратких словах излагавшие его историю и гласившие, что все желающие могут видеть удивительного джентльмена ежедневно от 6 до 8, в общей зале гостиницы. Плата за вход шиллинг.

Сэр Муррей был окончательно поражен: с первого момента вступления на родную землю он сделался жертвой самой наглой и беззастенчивой эксплуатации. Он не слышал ни одного слова участия, к нему не протянулась для дружеского пожатия ни одна рука. Расстроенный и взволнованный, дошел он до громадных зданий, над которыми красовались вывески, гласившие, что здесь находится редакция и главная контора «Всемирной газеты».

Из главных ворот одна за другой выезжали металлические кареты, на которых красовались крупные надписи:

«Особое прибавление к «Всемирной газете». Описание приключений лорда Муррея, человека XIX века. Собственное признание и воспоминания удивительного человека». Войдя в подъезд, он, по указанию швейцаров, прошел в приемную залу. Здесь было до двухсот человек, имевших дело к редакции газеты.

Лишь только он прошел в двери, как к нему подошел какой-то господин.

- Что вам угодно, сэр?
- Видеть редактора газеты.
- Которого, сэр?
- Главного.
- Фунт стерлингов, сэр!
- За что?
- За пять минут. От четверти часа скидка. Дальнейшие сроки по соглашению.
- Разве за это платят?
- Мне некогда, сэр. Позвольте деньги.

Муррей подал деньги.

- Вашу карточку.
- У меня нет.
- Ваша фамилия?

Лишь только Муррей назвал себя, как джентльмен воскликнул:

- Извините, милорд! Вот ваши деньги!

Затем он схватил его под руку и, пройдя через расступившуюся толпу, провел через несколько зал, где за множеством столов работало несколько сот человек, в кабинет и обратился к бывшим в комнате нескольким лицам с торжественным возгласом:

- Лорд Муррей!

От группы лиц, сидевших около письменного стола, поднялся высокий, худой как скелет, чисто выбритый господин и подошел к ученому.

- Добро пожаловать, милорд! Вы имеете необыкновенный успех. Мои коллеги, милорд!

Он подвел его к письменному столу, отрекомендовал вежливо поднявшимся джентльменам и усадил в кресло.

- Вышло крайне прискорбное недоразумение! - начал Муррей.
- В чем дело, сэр?
- В вашей газете помещена статья за моим именем.
- Совершенно верно, милорд.
- Но я не писал ее!

- Так что же?

Муррей не нашел ответа на этот вопрос.

- Ведь вы получили деньги, милорд?

- Я их принес обратно.

С этими словами он вынул чек и положил его на стол перед главным редактором.

Тот взглянул на чек и воскликнул:

- Негодяй Хойланд! Опять надул! Здесь всего двадцать тысяч!

- Да.

- Он поставил нам в счет тридцать!

- Это возмутительно!

- Он всегда так делает, милорд!

- И вы его терпите!

- О, он полезный человек! Но зачем вы возвращаете деньги?

- Я не могу помещать у вас своих статей.

- Вы отдадите их в «Таймс»?

- Никогда!

- Почему?

Муррей подробно изложил свой взгляд.

- Пустяки, милорд! Иначе нельзя. Кроме того, только при помощи прессы вы можете обеспечить себе положение. Выслушайте меня.

Редактор доказал сэру Муррею, что он все равно не избежит всевозможных толков и что единственное средство восстановить истину - самому изложить и напечатать свою историю.

- Но почему же вы не подождали, пока я не доставлю вам рукопись?

- Это было невозможно, милорд! Подписчики не ждут! Нас бы опередили! Возьмите деньги!

С этими словами он засунул чек в карман ученого.

- Мы ждем вашей статьи! А нынче, милорд, не расскажете ли вы нам в коротких словах ваших приключений?

- Извольте!

- В таком случае одну секунду!

Редактор исчез.

Минут через двадцать он вернулся.

- Перейдемте в другую комнату, господа!

Все присутствовавшие перешли в обширную, светлую залу, посреди которой стоял круглый стол, за которым все поместились.

Во время довольно продолжительного рассказа сэра Муррея никто не прервал его ни одним словом. Выходило, как будто он читал лекцию.

Когда он кончил, раздались дружные аплодисменты.

- Вы - гениальный человек, милорд! - воскликнул редактор. - Вас признают, и вы будете в палате!

- В мое время, как пэр Англии, я занимал место в верхней палате.

- Палата общин не существует, милорд.

- Как! Выборное начало уничтожено?

- Совершенно.

- Давно ли?

- Более трех столетий. Неужели вы этого не знали?

- Откуда же я мог знать?

Присутствовавшие переглянулись.

- Конечно, - улыбнулся редактор, - мы все забываем. - Но, виноват, сэр!

Он нажал в столе какую-то пуговку.

Через секунду явился молодой джентльмен.

- Ну что, сэр? - спросил его редактор.

- Успех необычайный!

- Сколько?

- Сто тысяч уже есть, сэр!

- Отлично!

Молодой джентльмен удалился.

Редактор тотчас вынул книжку и, выписав чек, подал его сэру Муррею.

- Еще двадцать тысяч, милорд.

- За что?

- За вашу лекцию!

- Какую?

- Которую вы сейчас прочли.

- Но какая же вам от этого польза?

- Как! Перед началом вашего сообщения мы пригласили слушать всех наших абонентов, соединились со всеми гостиницами и получили уже сто тысяч!

- Но почему же вы не предупредили меня об этом?

- Но тогда вы бы могли не согласиться, милорд!

Нечего было отвечать на подобное откровенное заявление.

- Вас не только слушали, милорд, но и видели! - продолжал редактор.

- При помощи телефота?

- Именно. Разве это изобретение существовало в ваши дни?

- Отчасти. Но я с ним познакомился только теперь.

- Таким образом мы натянули нос нашим соперникам: вас слышали и видели!.. Пусть они попробуют!..

В это время вошел прежний молодой джентльмен и на ухо сказал несколько слов редактору.

- Черт возьми! - вскричал тот. - Как вам это понравится, джентльмены? Сейчас в «Таймсе» рассказывает другой лорд Муррей! Взглянем!

Редактор в сопровождении всех подошел к одной из стен залы и открыл аппарат.

Глазам присутствовавших представилась большая комната, в которой за пюпитром стоял пожилой господин, во фраке и белом галстуке, и читал лекцию. Слова его ясно раздавались в комнате. Он почти дословно повторял рассказ сэра Муррея, называя себя его именем.

- Это не пройдет им даром! - вскричал редактор, захлопывая телефон и телефот. - Но кстати, не угодно ли вам будет, милорд, осмотреть вместе со мной нашу редакцию и типографию? Вы можете описать ваши впечатления и напечатать их в нашей газете?

Сэр Муррей согласился.

- В таком случае идемте.

Муррей последовал за редактором. Непосредственно из залы, где происходило чтение, они прошли в громадную комнату, где за конторками помещалось до сотни клерков и

конторщиц. Из этой комнаты вело множество дверей, справа и слева, во внутренние помещения.

- Зачем здесь столько дверей? - спросил Муррей.

- По бокам залы расположены гостиные для свиданий.

- Каких свиданий?

- Ведь здесь матримониальное агентство.

- Да ведь мы в редакции вашей газеты?

- Да. Но при редакции каждой большой газеты существует несколько агентств - свадебное бюро обязательно. Мы способствуем заключению браков между нашими подписчиками.

За весьма незначительное добавочное вознаграждение мы устраиваем будущность и счастье сотен тысяч людей. Сколько браков заключено у нас при посредстве бюро за вчерашний день? - обратился он к одному из служащих.

- Двести семьдесят три, сэр!

- Вот видите! Так каждый день. Но идемте дальше.

Следующие несколько зал полны были народом: к нескрываемому удивлению сэра Муррея, здесь шла деятельная укупорка всевозможных товаров. Сотни приказчиков заняты были этим делом, и тысячная толпа посетителей наполняла помещение.

- Это что такое? - воскликнул изумленный Муррей.

- Агентство по закупке товаров! - пояснил редактор.

- Какое же отношение имеет оно к газете?

- У нас, милорд, тридцать миллионов подписчиков, из них двадцать иногородних. Мы исполняем все их поручения: покупаем и рекомендуем всевозможные товары, кредитуем, учитываем векселя, заботимся об их семейном счастье, словом, состоим с ними в теснейших сношениях.

- И это выгодно? - улыбнулся Муррей.

- Конечно, милорд. Ведь газета - коммерческое предприятие!

- Коммерческое?

- Конечно. Разве в ваше время смотрели иначе?

- По крайней мере не все.

- Но большинство?

- Большинство держалось вашего взгляда. Но все-таки у нас и в голову никому не приходило открывать при газете торговлю!

- А наоборот бывало?

- То есть как наоборот?

- При торговле не открывали газеты, чтобы содействовать ее успеху?

- Это бывало...

- Ну, вот видите, сэр. Но это менее удобно. Мы опередили вас. Что делать - жизнь идет вперед, а вместе с нею и прогресс...

«Хорош прогресс!»! - подумал с грустью ученый.

Между тем, поднявшись по нескольким лестницам, редактор привел его в громадное помещение, занятое собственно редакцией: они прошли через целые ряды высоких, светлых зал, где сотни людей трудились над составлением номера «Всемирной газеты».

- Зачем вам столько народа? - удивился Муррей.

- Да вы видели нашу газету?

- Нет еще.

Сэру Муррею тотчас вручили экземпляр. Это была громадная тетрадь, в метр длиной и почти такой же ширины, состоявшая из двадцати листов.

- Да разве есть возможность ежедневно прочитывать этот номер? - удивился ученый.

- Его никто и не читает от строчки до строчки: всякий выбирает лишь то, чем интересуется, - мы сообщаем новости обо всем, что происходит на свете - политики, литературы, науки, искусства, общественной жизни...

- Но ведь вы не имеете сношений с некоторыми странами!

- С какими же?

- С Россией и Францией.

- Да. Но у нас мало интересуются нецивилизованными государствами и их жизнью.

- Нецивилизованными! - с искренним изумлением вскричал Муррей.

- Конечно. Ведь вы имели случай посетить эти страны: у них нет ни торговли, ни промышленности, ни городов, они живут, как дикари. В политической жизни их нет новостей...

- Мне кажется, - заметил ученый, - что они достигли идеала совершенной жизни...

- О, может быть, в сравнении с девятнадцатым веком! Да и то тогда общественная жизнь была развита более, чем теперь. В непродолжительном времени мы захватим землю этих дикарей!

- Вы намекаете на войну?

- Несомненно.

- Но вы будете уничтожены.

- Мы этого не думаем.

- Какая цель подобной войны?

- Нам необходима земля, колонии. Кроме того, мы приобретем новые рынки для сбыта наших произведений.

- Но эти дикари, как вы их называете, умеют сами производить все, им необходимое, - они не станут ничего получать от вас.

- Мы их заставим!

В это время редактор привел Муррея к дверям комнаты, на которой красовалась надпись: «Отделение сенсационных новостей».

- Важнейший из отделов нашей газеты! - заявил редактор.

- Но разве всегда бывают подобные новости?

- Почти всегда. Когда же их не бывает, репортеры обязаны их изобрести.

- Зачем?

- Общество требует, интерес возбуждается, и вместе с тем...

- Что?

- Идет усиленная розничная продажа.

- Да разве это честно?

- Кому же мы вредим?

- Но вы вводите в обман читающую публику!

- Если она сама этого требует?

- В наше время...

Сэр Муррей не кончил начатой фразы.

- В ваше время это было невозможно?

- К сожалению, я не могу этого сказать.

- Ну, вот видите! Только у вас было меньше изобретательности. Но жизнь идет вперед.

В отделении сенсационных новостей редактор переговорил с несколькими репортерами и затем провел своего спутника в контору. Здесь толпились тысячи посетителей.

- Почему тут так много публики? - спросил Муррей.

- Многие пришли для подписки, поместить объявления, заказать статьи...

- Заказать статьи?

- Конечно. Печать - могущественное средство. При помощи ее можно все пустить в ход.

- И вы принимаете подобные заказы!

- Это один из важнейших наших доходов. Но что это вас так удивляет? Разве в ваше время не допускалось ничего подобного?

Сэру Муррею снова пришлось промолчать.

Из конторы при помощи внутренней электрической дороги проехали в помещение типографии.

Здесь сэр Муррей увидел знакомую картину: сотни наборщиков стояли за своими кассами, снизу доносился шум и грохот работавших машин.

- Разве у вас не употребляется книгофотографирование? - спросил он у редактора.

- А где вы это видели?

- В России.

- Мы обходимся при помощи машин, - с видимым неудовольствием ответил редактор.

Осмотр типографии продолжался около часа. Было уже довольно поздно, когда сэр Муррей расстался с редактором, обещая ему доставить рукопись.

Он не хотел возвращаться домой для обеда, так как знал, что там уже наверное ожидает его целая толпа, собравшаяся благодаря расклеенным по городу афишам.

Ему захотелось пройти пешком. Переходя из улицы в улицу, он решительно не узнавал местности. Неожиданно, пройдя каким-то переулком, он попал в лабиринт узких, извилистых, грязных улиц, застроенных громадными, неприглядными домами.

Навстречу ему, вместо шумной, оживленной толпы, попадались лишь изредка случайные прохожие, но зато на каждом углу, на каждом перекрестке он видел нищих.

Переход от нарядных, чистых, застроенных роскошными дворцами улиц был поразителен.

Сэру Муррею припомнилось, что и в его время в Лондоне наряду с богатством уживалась нищета.

Так вот прогресс, которым хвалились его соотечественники! Их жизнь была устроена на тех же принципах, как и в девятнадцатом веке. Никакие успехи техники и промышленности не могли дать счастья человеку, пока он не отрешился вполне от ложных взглядов, дававших направление его деятельности...

Переходя из одной улицы в другую, сэр Муррей окончательно не мог уже теперь ориентироваться. Наудачу он повернул назад и через несколько минут вышел на обширную площадь, кишевшую народом.

Здесь снова увидел он роскошные здания и шумную толпу.

Вся середина площади занята была высоким помостом, от которого, по различным направлениям, ежеминутно отходили вагоны, с поразительной быстротой мчавшиеся по рельсам, проложенным на тонких столбах.

- Как возвратиться мне в Новый Лондон? - вежливо спросил он у полицейского.

Тот молча указал ему пальцем на одну из лестниц, ведущих на платформу.

Заплатив в кассу деньги, сэр Муррей прошел через турникет и взобрался на платформу.

Здесь ему пришлось две-три минуты ждать очереди, прежде чем он попал в вагон.

Рельсы были проложены выше домов, и из вагона открывался местами вид на весь город. Всюду, куда только мог достигнуть взор, виднелись здания и крыши.

Сэра Муррея поражало совершенное отсутствие зелени.

- Скажите, сэра, - обратился он к своему соседу, - существуют в Лондоне сады и бульвары? Джентльмен, к которому был обращен этот вопрос, взглянул с некоторым недоумением на сэра Муррея и затем ответил:

- Бульвары, сэра?

- Да.

- Их нет.

- Но почему же?

- Во-первых, не хватает земли...

- А во-вторых?

- Во-вторых, на что они нужны?

- Как на что? Растения очищают воздух...

- Он очищается искусственно.

- Если даже и так, то приятно взглянуть на зелень, вдохнуть воздух, полный аромата цветущих деревьев!..

- А мне, да и многим другим, сэра, кажется, что зелень только портит впечатление: рядом с великолепным зданием вдруг будет торчать какое-нибудь неуклюжее дерево. Что в этом хорошего? А гулять нам некогда, сэра, так же, как «вдыхать ароматы цветущих деревьев», как вы изволите говорить: мы заняты добыванием средств к жизни, денег, то есть делом серьезным. Но до свидания, сэра!

Вагон на секунду остановился, и собеседник сэра Муррея сошел.

Еще через несколько минут, и сэра Муррей был на станции Нового Лондона. Покинув вагон электрической железной дороги, он не воспользовался ни одним из предложенных ему способов передвижения - в виде механической запряжки, обыкновенного кеба и летающей лодки - и предпочел идти пешком.

На станции, в киоске, он приобрел план города и теперь отчасти мог ориентироваться. Это было тем легче, что все улицы помечены были номерами по порядку, и кроме того, и самые улицы расположены были параллельно. Заметив на плане, что часть Нового Лондона очерчена была красной краской с надписью: «рабочий квартал», - сэра Муррей направился именно сюда. Рабочий квартал был совершенно схож с тою частью Старого Лондона, которую уже посетил ученый по дороге в редакцию «Всемирной газеты» и которая поразила его своей неприглядностью.

Проходя этим кварталом, сэра Муррей зашел в попавшийся на дороге ресторан, по своему виду напоминавший таверну средней руки.

До обычного обеденного часа было еще далеко, и обширная зала ресторана была почти пуста - за табльдотом все места были свободны, и только отдельные столики были кое-где заняты.

Лишь только ученый успел усесться около окна, как в залу вошел новый посетитель, наружность которого сразу обращала на себя внимание. Это был высокий, худой человек не старше тридцати лет, одетый более чем бедно. Его интеллигентное, умное лицо, бледное и изможденное, с первого раза привлекало своим симпатичным, почти страдальческим выражением.

Когда новый посетитель проходил мимо столика, за которым сэра Муррей заказывал слуге обед, лакей остановил вошедшего.

- Обед вам больше не дадут! - грубо произнес он.

Молодой человек остановился. Несколько мгновений он, видимо, был в нерешимости. По лицу его пробежало что-то до такой степени скорбное, беспомощное, что сэр Муррей сейчас же решил помочь ему, чем может.

- Заплатите сначала деньги за старый, - продолжал слуга.

- Виноват, сэр, - обратился Муррей к молодому человеку, - не можете ли вы вывести меня из затруднения?

Молодой человек подошел к столику и поклонился.

- Чем могу служить, сэр? - вежливо спросил он.

- Я приезжий и совершенно не знаю Лондона. Мне необходима помощь. Вы знаете Лондон?

- Я здесь родился и вырос.

- В таком случае, не сделаете ли вы мне удовольствия пообедать со мной - в это время я, изложив вам свои затруднения, сказал бы вам, чего ожидаю.

- Вы очень добры, сэр, и очень деликатны. Я принимаю ваше приглашение. Позвольте же мне вам представиться - Артур Эллиот, писатель!

- Очень рад, - отвечал Муррей, пожимая руку новому знакомому, - что касается меня, я попросил бы позволения - по причинам, которые вы можете узнать потом, на время сохранить инкогнито - пусть хоть я буду лордом В... Вы не в претензии?

- О, милорд, как вам угодно!

Новые знакомые заняли свои места. Обед был заказан.

- Извините, мистер Эллиот, - сказал Муррей, когда лакей подал первое блюдо, - если я предложу вам вопросы, которые, может быть, покажутся вам странными, но я долго не жил в Англии...

- Это видно, милорд, по вашему произношению. Кроме того...

Эллиот замялся.

- Говорите, пожалуйста, сэр, не стесняясь.

- Меня поражает то, что ваша речь напоминает древнейший книжный язык.

- Ну, английский язык очень недалеко ушел от того, каким был тысячу лет назад.

- Да, но тем не менее эта странная особенность.

- На это есть свои причины, которые вы узнаете, может быть, сэр. Но позвольте мне предложить мои странные вопросы. Я долго жил в России и Франции...

- Но, милорд, зачем же вы это говорите?

- Почему же нет?

- Но вы знаете, что посещение и сношение с этими странами считается преступлением!..

- Я успел уже оправдать себя в этом отношении. Итак, в этих странах человеческий труд вполне заменен механическими приспособлениями, так как там нет слуг...

- Позвольте, - перебил его Эллиот, - для нас точно так же возможно бы было устроить механические приспособления, о которых вы говорите, но дело в том, что это устройство обошлось бы дороже человеческого труда, который, благодаря непомерной конкуренции, не имеет почти никакой ценности.

- Но ведь жизнь дорога...

- Зато велика и бедность.

- Какой труд наиболее всего оплачивается?

- Этого нельзя сказать: кто умеет отыскивать способы легкой добычи денег, тот и получает наибольшее вознаграждение.

- Вы сказали, что вы писатель?
- Да.
- Как оплачивается ваш труд?
- Если писатель сумел обратить на себя внимание...
- Талантом?
- О, талант тут ни при чем. Если он сумел наделать много шума своими произведениями - его будущность обеспечена, его сотрудничество будет принято во всех газетах и журналах.
- Но все-таки его произведения должны иметь какие-либо достоинства?
- Никаких. Если он получил поддержку от одного из кружков, ему открыты двери прессы известного направления, его всегда поддержат в своем лагере, до какого бы абсурда он ни договорился...
- Но, кроме журналистики, есть еще возможность отдельно издать свои сочинения?
- Это почти невозможно. Читаются только газеты и журналы - отдельно ничего не издают. Редакция каждой газеты и каждого журнала закрыта для посторонних, за весьма редкими исключениями: свой кружок сотрудников держится друг за друга и на новое лицо смотрят, как на грабителя, вторгающегося в чужую квартиру. Я - живой свидетель того, в каком положении находится писатель, не прибегающий ни к каким ухищрениям, чтобы завлечь публику, не примыкающий к кружковщине. Для меня невозможно сотрудничество в прессе, меня печатают иногда, потому что все-таки признают за моими произведениями известные достоинства, но мне платят гроши, и, кроме того, я очень редко имею работу. Вы видели, до какого я дошел положения...

Эллиот замолчал.

Сэр Муррей, тронутый до глубины души, воскликнул:

- То же, что было и тысячу лет тому назад!.. Нет, тогда было лучше!..
- Кто из нас знает, - сказал Эллиот, - что было тысячу лет назад?
- Каким образом случилось, что правление в Англии сосредоточилось исключительно в руках аристократии?

Эллиот с удивлением взглянул на Муррея.

- Это случилось уже давно, милорд, - отвечал он, - везде, где существует борьба партий, сильнейшая захватывает власть в свои руки. Ни одна из этих партий не заботится о благе народа: народ для нее - это материал для всевозможных экспериментов, для применения всевозможных теорий.
- Но сам народ?
- Не имеет никакого голоса несмотря на то, что каждая партия первым пунктом своей программы непременно ставит свободу народа.
- Но ведь сумели же устроиться русские, французы?
- Русские не знали политических смут. Со времени заключения тесного союза между Россией и Францией и эта последняя поддалась влиянию своей соперницы, политическая борьба в ней утихла. Оба народа спокойно могли идти вперед, правильно развивая свои силы.
- Но вы не считаете их дикарями?
- Лично я нет. Но другие считают.
- На каком же основании?
- Да потому, что их строй жизни не похож на наш. К этому присоединяется британская гордость. Нам кажется, что лучшего порядка, чем у нас, существовать не может. Да,

наконец, если существующий порядок и изменился бы, какая была бы польза? Вместо одной политической партии, власть попала бы в руки другой - началось бы применение другой теории - и только. Кроме того, борьба политических партий портит народную нравственность, положительно развращает народ. К сожалению, мы, как нельзя лучше, видим это теперь.

- В чем же это выражается?

- Во-первых, в том, что теперь нет ничего непокупного. Каждая партия, вербуя своих сторонников, не останавливается ни перед какими средствами: пресса вся продажна так же, как продажна совесть. Народная нравственность падает, и процент преступности, несмотря на все карательные и исправительные меры, возрастает с ужасающей быстротой.

- Суды в Англии остались прежние?

- Что вы хотите сказать этим?

Сэр Муррей спохватился.

- Мне кажется, - отвечал он, - что суд в Англии остался в таком же виде, как и сотни лет назад.

- Не совсем. Наказания увеличены, некоторые деяния, считавшиеся прежде преступлениями, теперь считаются ненаказуемыми.

- Например?

- Да хотя бы злоупотребление доверием. Если я даю вам деньги для определенной цели и вы их присваиваете - ни один суд вас не признает виновным. Мне же ответят: смотри сам. Сегодня, между прочим, разбирается весьма интересное дело в одном из лондонских судов...

- Какое?

- Дело очень просто и не сложно. У вас есть свободное время?

- Сколько угодно.

- Тогда после нашего обеда не согласитесь ли вы зайти в суд?

- С удовольствием.

- Личности преступников не представляют чего-либо особенного, выдающегося. Но отношение к ним общества сочувственно...

- Сочувственно?

- Да. В этом-то и все дело. Они сумели так ловко смошенничать, что привлекли симпатии публики.

- Симпатия за мошенничество?

- Да.

- Но это даже в наше время казалось бы чем-то невозможным!

- В ваше время?

При этом вопросе сэр Муррей понял, что он вторично проговорился.

Мистер Эллиот не сводил с него испытывающего взгляда.

Надо было как-нибудь выйти из обоюдно неловкого положения.

Сэр Муррей решил.

- Знаете, - сказал он, - что вам сейчас придется услышать совсем необычайные вещи, которым вы едва ли захотите поверить.

- Говорите, милорд, - отвечал Эллиот, - я поверю вам во всем.

Сэр Муррей начал с того, что назвал свою фамилию.

- Так это вы! - в изумлении вскричал Эллиот. - Неужели вся история, рассказанная «Всемирной газетой», справедлива?

- А как же вы думали?

- Простите, милорд, но я счел это одной из сенсационных новостей, выдумываемых газетами для того, чтобы собрать в свою кассу побольше шиллингов...

- На этот раз сенсационная новость оказалась справедливой.

Сэр Муррей подробно рассказал Эллиоту свои приключения.

По мере того, как он говорил, молодой англичанин оживлялся все более и более, но странное дело - его не так интересовал мир прошлого, представителя которого он видел перед собой, как современная жизнь России и Франции.

- Скажите, милорд, - спросил он своего необычайного собеседника, - правда ли, что в этих странах, где жизнь так хороша, тем не менее находятся люди, во что бы то ни стало желающие отказаться от нее? Я слышал, что они, при помощи неизвестных нам средств, останавливают деятельность организма и подобно вам просыпаются через столетия?

- Я ничего не слыхал об этом.

- Но вам лично известны средства, при помощи которых возможно этого достигнуть?

- Нет. Но почему вас так интересует этот вопрос?

- Весьма понятно, милорд. Войдите в мое положение: жизнь смяла меня, сделала непригодным для борьбы с нею, да и самая борьба, с моей точки зрения, была бы совершенно бесцельна, так как она сводилась бы только к тому, чтоб не умереть с голоду. Как бы я был рад, если бы мне возможно было на продолжительное время уйти от жизни, расстаться с нею для того, чтобы через несколько столетий вернуться обновленным, с новыми силами!.. Тогда, может быть, и для меня наступило бы лучшее будущее!

Голос Эллиота задрожал.

Невыразимая жалость охватила Муррея. Он пожал руку молодому человеку и сказал ему:

- Я думаю, что теперь вас ожидает лучшее будущее. Вы, подобно мне, одиноки среди миллионов людей. Но я благодаря случайности хотя обладаю материальными средствами, необходимыми в той стране, которой я хотел бы посвятить свою жизнь; эти средства я разделю с вами. Вы будете не только моим помощником, но и руководителем, так как вам лучше известны условия, среди которых нам придется действовать. Принимаете ли вы этот союз?

- От всего сердца. Но каковы ваши виды на будущее?

- То есть что я хочу предпринять?

- Да.

- Вполне определенно я не могу вам ответить сейчас на этот вопрос. В общем, я ставлю себе одну цель - самую близкую и необходимую: способствовать сближению Англии с Россией и Францией!..

- Это невозможно!

- Почему?

- Во-первых, потому, что англичане не считают их стоящими выше себя по цивилизации, даже наоборот, как вам известно; во-вторых, не сегодня завтра последует объявление войны.

- Но Англия тогда погибнет!

- Я этого не думаю. На какой степени ни стояла бы наука в России и Франции - все же там не занимались никогда отыскиванием средств для истребления человечества, между тем как у нас, особенно за последние годы, все усилия направлены к усовершенствованию всевозможных орудий разрушения. Армия наша многочисленна...

- Что значат все наши орудия разрушения и армии в сравнении с теми могучими средствами, которыми они располагают! Электрическая материя может разрушить в секунду земной шар! Но что побуждает Англию к войне?

- Недостаток земли.

- Но ведь Россия и Франция предлагали поднять новые острова со дна океана. Почему не согласиться на это предложение?

- Во-первых, никто не верит ни в возможность осуществления чего-либо подобного, ни в искренность этого предложения, А во-вторых, вы забываете о самолюбии и гордости...

- Я надеюсь, что мне удастся убедить моих соотечественников отказаться от этого безумного шага...

- Едва ли...

- По крайней мере, я употреблю все силы, сделаю все, что могу.

- И все-таки вы не добьетесь ничего. Прежде всего нужны деньги.

- Они у меня есть!

- Сколько?

- Приблизительно около семидесяти тысяч фунтов.

- Этого чересчур мало.

- Но зачем же более?

- Вы должны заручиться содействием прессы, устраивать митинги, вербовать себе сторонников.

- Но я надеюсь, что найдутся органы печати, которые поддержат меня не ради денег...

- О, на это невозможно рассчитывать!

- Что касается устройства митингов, то это не потребует особенных затрат.

- Устроить митинг невозможно без содействия прессы.

- Я все-таки попытаюсь заручиться ее содействием. Где вы живете?

Эллиот улыбнулся.

- Пока нигде, - отвечал он.

Сэр Муррей понял, в чем дело.

- Не поселитесь ли вы вместе со мной? - предложил он.

- А вы где остановились?

Сэр Муррей назвал гостиницу.

- Там я не могу жить, - отвечал Эллиот.

- Это почему?

- Гостиница считается одной из лучших, а вы видите, в каком я костюме...

- Пойдемте! Об этом нечего говорить.

Сэр Муррей расплатился, и они оба вышли на улицу.

В первом же магазине готового платья Эллиот приобрел себе все необходимое, и затем новые знакомые отправились в гостиницу.

Теперь сэр Муррей не чувствовал уже себя таким одиноким, - Эллиот казался ему таким симпатичным и искренним, что он окончательно решил сделать из молодого человека своего ближайшего сотрудника и помощника.

Ближайшей задачей сэра Муррея было предотвратить громадное бедствие, к которому стремилась его родина: он сознавал, что война с народами, обладавшими могучими средствами, данными им наукой, будет губельна для Англии. Кроме того, он уже поддавался влиянию нового строя жизни, и истребление человечества, не вызываемое

безусловной необходимостью, казалось ему чем-то неизмеримо ужасным и противоестественным.

В этот вечер, до позднего часа, он обсуждал вместе с Эллиотом план действий.

На другой день они отправились в редакции наиболее распространенных газет, чтобы добиться их содействия и начать борьбу против охватившего страну стремления к войне. Некоторые, менее распространенные газеты соглашались, но только за очень крупную плату, поместить статьи в желаемом духе. Другие же отказались наотрез на том основании, что подобной выходкой, идущей в разрез с общественным настроением, они повредили бы успеху подписки, подорвали бы прочно поставленное дело.

- Что же мы теперь будем делать? - обратился сэр Муррей к Эллиоту при выходе из редакции «Всемирной газеты», где они получили самый категорический и резко выраженный отказ.

- Остается еще одно средство! - отвечал Эллиот.

- Какое?

- Устроить митинг.

- Но ведь вы говорили, что это невозможно без содействия прессы. Наконец, нужно разрешение.

- Чье?

- Властей, - я не знаю, кого именно...

- Этого не надо: митинги разрешены. Что же касается содействия прессы, то попробуем обойтись без него. Сегодня у нас четверг, назначим митинг на воскресенье.

- Но в мое время воскресенье в Англии считалось днем, в который закрывалось все...

- И теперь торговли и работы в воскресенье нет - именно благодаря этому и можно надеяться, что митинг будет многочислен.

- Где же мы его устроим?

- В Старом Лондоне.

- Но помещение?

- Для этого есть специальные здания, отдающиеся внаймы. Мы возьмем наибольшее из них. Тогда нам не о чем будет заботиться, - общество, отдающее здания, расклеит афиши, сделает публикации, войдет в соглашение с центральной телефонной станцией...

- Это зачем?

- Телефонная станция сделает объявление своим абонентам.

- Но как вы думаете, сколько народу соберется на митинг?

- Благодаря тому что выступите на сцену вы, успех, в смысле многочисленности, можно считать обеспеченным.

- Сколько же человек, по-вашему, отзовется на наше приглашение?

- Не менее миллиона.

- Миллион!.. Вы шутите!

- Нисколько. Вы забываете, что в одном Лондоне до тридцати миллионов жителей...

- Но где же они все поместятся?

- Да ведь мы же снимем специальное помещение...

- Каких же оно размеров?

- А вот вы увидите.

Эллиот подозвал механическую карету, и через четверть часа езды они остановились у подъезда здания, купола которого возвышались высоко над крышами двадцатиэтажных зданий.

- Это и есть помещение для митингов и собраний, - пояснил Эллиот.
- Сколько же человек помещается в этом здании?
- До трех миллионов.
- Но как же можно с ними говорить?
- Я не могу объяснить вам в точности всех приспособлений, устроенных с этой целью, но могу вас уверить, что самый слабый голос вполне отчетливо слышен в самых отдаленных уголках амфитеатра.
- Эллиот провел сэра Муррея в контору. Управляющий тотчас выразил готовность уступить здание в распоряжение сэра Муррея, имя которого было уже ему известно.
- Вы можете считать успех обеспеченным, милорд! - сказал он.
- Почему?
- Вами очень интересуются. Какую цену хотите вы назначить за вход?
- Вход будет бесплатный.
- Помилуйте, милорд! Разве вы так богаты?
- А что стоит наем помещения на один день?
- Вы хотите, чтоб расходы были наши?
- Какие расходы?
- По устройству митинга: афиши, телефонные сообщения, газеты?
- Да.
- В таком случае семьдесят пять тысяч фунтов, сэр.
- Плата за вход необходима! - заметил Эллиот.
- Помилуйте, - протестовал Муррей, - кто же тогда поверит искренности и бескорыстию моих намерений?
- По правде сказать, этому все равно никто не поверит.
- Тогда самый митинг не имеет цели.
- Почему же? Это нисколько не помешает успеху: у нас за все берут деньги.
- Помимо этих убеждений, сэр Муррей видел, что его наличных средств едва хватило бы на одну уплату за устройство митинга. Волей-неволей ему пришлось согласиться. Плата за вход была назначена в один шиллинг.
- Это ни для кого не будет обременительно! - заметил управляющий. - Но по поводу чего вы собираете митинг?
- Митинг против войны!
- С кем?
- С Россией и Францией!
- Милорд, мне все равно, но то, что вы хотите сделать, повлечет за собой дурные последствия.
- Я так решил.
- Как вам угодно. Но тогда цена за помещение будет сто двадцать пять тысяч.
- Это почему?
- Во-первых, разъяренная толпа ломает мебель и попортит здание, во-вторых, необходимо принять специальные меры для ограждения вашей безопасности.
- Что же может мне угрожать?
- Озлобление массы!.. Вы поднимете страшную бурю вашими речами... Мы не можем допустить, чтобы вы пострадали: это компрометировало бы нашу фирму. Наконец, если вы действительно не ищете прибылей от митинга, то для вас не представляет особенного

расчета заплатить лишних пятьдесят тысяч. Зато вы будете в полной безопасности. Согласны?

- Согласен на все.

- В таком случае не хотите ли вы осмотреть помещение?

Получив утвердительный ответ, управляющий провел сэра

Муррея и Эллиота во внутренность здания. Глазам вошедших представился громадный цирк-амфитеатр, верхние скамьи которого возвышались по крайней мере сажен на тридцать над кафедрой, находившейся внизу, в центре. Пятьсот скамеек концентрическими кругами, возвышаясь друг над другом, образовывали амфитеатр, в котором могло вместиться более трех миллионов народа. От каждого ряда их шло по несколько выходных дверей, в которые вел особый подъезд. Громадные щиты прикрывали потолок, образуя плоскости отражения для звуков, одновременно передававшихся во все концы здания.

- Еще недавно, - пояснял управляющий, - всего три дня тому назад здесь происходило заседание думы!

- Почему же здесь? - удивился сэр Муррей. - Разве у городского управления нет собственного помещения?

- Есть, но оно сравнительно невелико. На этот же раз все хотели попасть на заседание.

- Разве предмет был так интересен?

- О да. Главный смотритель складов обвинялся в растрате пятидесяти метел.

- Да сколько же они стоят?

- По шиллингу штука.

- Да это пустяки!

- Дело в принципе, милорд, - боролись партии.

- Чем же кончилось дело?

- Простым переходом к очередным делам. Это было бурное прение! Сколько блестящих речей!

Сэр Муррей не знал, что и думать: бурное заседание по поводу пятидесяти метел, блестящие речи и - от вопроса о метлах простой переход к очередным делам. Точно дело шло об объявлении войны. И это народ с самым беззастенчивым грабежом! Как похоже это на то, что бывало в давно минувшее время!

После осмотра помещения, где сэру Муррею предстояло вступить в открытую борьбу со своими соотечественниками, он возвратился домой вместе с мистером Эллиотом.

В течение двух дней он занят был приготовлением речи, которая должна была доказать всю невозможность войны с Россией и Францией, доказать, что эти страны в своем развитии шли по тому единственному пути, который может привести человечество к идеалу счастья и побудить к тесному союзу с ними.

Сэр Муррей сильно волновался. Он понимал, что, идя вразрез с общественным мнением, он не может рассчитывать на личное доверие к себе, - его история была слишком необычайна, невероятна, а признать ее за подлинную было можно лишь с большим трудом.

«Общество устройства митингов и собраний» не теряло времени: в тот же день, как заключено было условие, всюду в Лондоне были расклеены громадные афиши, возвещавшие, что лорд Муррей, человек XIX века, приглашает граждан королевства на митинг, где он выступит с речью против войны.

Ежедневно все абоненты телефонной компании получали об этом анонсы. Все газеты говорили о предстоявшем событии. Имя лорда Муррея было на языке у всех жителей Лондона.

Наконец настало воскресенье. Сэр Муррей вместе с мистером Эллиотом в двенадцать часов находился уже в зале.

Митинг назначен был в три, но до двух ни один человек не подошел и не подъехал к зданию.

- Я боюсь, что соберется очень мало интересующихся, - заметил Муррей распорядителю.

- Не беспокойтесь, милорд, будет больше миллиона!

- Но когда же успеет разместиться такое громадное количество народу?

- Менее чем в час. У нас триста входов и подъездов. Сейчас начнут прибывать специальные поезда.

Действительно, вслед за этим один за другим электрические вагоны устремились ко всем подъездам. Скамьи быстро занимались. В громадном амфитеатре стоял гул голосов, шум миллионной толпы.

К трем часам распорядитель с сияющим лицом вошел в комнату, где дожидался Муррей, и воскликнул:

- Превосходно, милорд! Я даже не ожидал! Уже более двух миллионов! Пора начинать.

Но предупреждаю вас, что настроение публики очень враждебно! Пожалуйте!

Сэр Муррей по внутренней лестнице вошел на кафедру. Раздался звук колокола, и все смолкло.

Ученый поднялся по нескольким ступенькам и появился перед публикой. Прошла секунда мертвого молчания.

- Миледи и джентльмены!.. - начал было Муррей.

Внезапно адский шум прервал его слова. Двухмиллионная толпа кричала и бесновалась. Раздавались свистки и громкие крики:

- Долой его!.. Не надо самозванцев!.. Да здравствует война!.. Говорите за войну!.. Вон!..

Сэр Муррей растерялся.

- Нажмите рукоятку справа! - раздался голос внизу кафедры.

Распорядитель стоял под кафедрой и указывал ему на рукоятку, находившуюся с правой стороны пюпитра.

Сэр Муррей повиновался. Тотчас раздался сильный звон во всех концах залы, и толпа тотчас успокоилась.

- Отомкните теперь ток, милорд! - крикнул распорядитель.

Сэр Муррей повернул рукоять в обратную сторону.

Тотчас снова раздался адский шум.

- Сойдите сюда!

Сэр Муррей сошел к распорядителю.

- Я забыл вам сказать, милорд, про электрического укротителя...

- Что это такое?

- Без него вам нельзя будет сказать слова. Поворачивая рукоять, вы замыкаете ток, который тотчас проходит по всем присутствующим, действуя, как удар хлыста. Пока ток замкнут, они не в состоянии бесноваться. Если вы хотите говорить, то чаще употребляйте это средство.

- Да разве это возможно?

- Почему же нет? Иначе невозможно. Вам не пришлось бы сказать ни одного слова. Но идите, милорд, они теперь неистовствуют, потому что вас нет. Помните, почаще прибегайте к помощи рукоятки.

Сэр Муррей снова взошел на кафедру. Гром стоял невообразимый. Он энергично повернул рукоять. Шум смолк.

- Если вы не будете спокойны, - начал он, - я все время буду держать вас под действием тока...

- Bravo, милорд! - крикнул снизу распорядитель.

- Bravo! Bravo! - раздались крики. - Слушайте!

Муррей замкнул ток и начал речь. Но лишь только назвал он

Россию и Францию цивилизованнейшими странами мира, как шум возобновился с утроенной силой. В то же мгновение он почувствовал, что пол под ним опускается, и через секунду он был уже в нижней комнате. Пораженный и растерянный, он увидел себя окруженным констеблями. Здесь же находился и Эллиот.

- Сэр, - вежливо сказал ему полицейский офицер, - нам поручено немедленно привести в исполнение состоявшийся над вами и вашим товарищем приговор.

- В чем же меня обвинили?

- В разращении общественной нравственности и в том, что вы продались врагам Англии.

- Но к чему же нас присудили?

- К немедленному изгнанию. Это очень мягко, сэр.

- Но как же меня судили в мое отсутствие, не выслушав моих оправданий...

- У нас сначала приводится приговор в исполнение, а затем вы можете его обжаловать.

- Но раз я буду изгнан, это будет невозможно.

- Это не мое дело. Следуйте за мной, сэр.

Через четверть часа сэр Муррей и Эллиот были уже на палубе воздушного корабля, а через час стояли на другой стороне пролива, отделяющего Англию от Франции...

Эпилог.

Прошел год. Побуждаемая невозможностью добывать средства для жизни при несоответствующем народонаселении, количестве земли, Англия объявила войну Франции. Лучше сказать, английские войска просто хищнически вторглись в пределы Франции. Но результат был неожидан: страшные разрушительные снаряды, из которых каждый мог уничтожить тысячи людей, оказались совершенно безвредными для небольших отрядов русско-французской милиции. Наука дала средство предупредить расширение газа, вследствие которого обнаруживается сила взрыва. С другой стороны, волны электрической материи уничтожили одну за другой несколько английских армий. Сэр Муррей, отыскавший в Париже Лекомба, с невыразимой скорбью принужден был оставаться безучастным свидетелем беспощадной войны. Его поражало то самообольщение, благодаря которому его соотечественники решились на безумный шаг, но вместе с тем он не мог не сознавать, что недостаток земли служил одной из главнейших к тому причин. Земля была единственным источником, который давал человеку средства пропитания. Если бы возможно было питание искусственное, то есть приготовление животных и растительных тканей из неорганических соединений, тогда вопрос бы резко изменился, и будущее человечества, в какой бы прогрессии ни шло увеличение народонаселения, можно бы было считать обеспеченным. Сэр Муррей решил поднять этот вопрос и содействовать его разрешению.

Лекомб, прекрасно устроившийся на родине, горел нетерпением побывать у Яблонских. Сэр Муррей, со своей стороны, побуждал его к этому, и в один прекрасный день оба ученых явились на материк Северного полюса, который послужил для них ареной стольких событий.

Яблонский и Вера совершенно слились с новой жизнью. Теперь они уже не были такими беспомощными, одинокими пришельцами, как год тому назад. Они были свободны и независимы, потому что, подобно всем, жили непосредственно собственными трудами. Организм их развился и укрепился, нервная система пришла в равновесие, а давно минувшие страдания казались им воспоминанием бесконечно далекого прошлого. В их доме, построенном собственными руками, сэр Муррей и Лекомб нашли самый искренний, самый родственный прием.

Яблонский не хотел и слышать о том, чтобы сэр Муррей снова покинул их.

- Помилуйте, - говорил он, - вы уже имели случай убедиться, что для вашей родины вы ничего не можете сделать...

- Еще не убедился, - отвечал Муррей, - и даже хочу просить вашего содействия... Вы знаете, что Англия и теперь не в состоянии прокормить своего народонаселения, что же будет через несколько лет?

- Но ведь им предлагали же устроить новые острова...

- Я придумал другой исход.

- Какой?

- Почему до сих пор не разрешен вопрос о приготовлении питательных веществ непосредственно из неорганических соединений?

- Вы думаете, что этим упростилось бы разрешение вопроса?

- Конечно. Кстати, мне, как неспециалисту, не вполне известно, в каком положении находились работы по синтезу питательных и растительных веществ в наше время?

- Было сделано очень мало. Как вам известно, в образовании белка принимают очень важное участие углеводы (сахар, крахмал). Следовательно, прежде чем приготовить искусственный белок, необходимо было приготовить эти углеводы. Лабораторным путем были получены сахаристые вещества - и на этом в наше время остановилось дело. Теперь уже в России и Франции не работают над этим вопросом, так как они считают, что он имеет второстепенное значение. Но можно привлечь их к совместным работам...

- Это и будет моей целью.

- Прекрасно. Таким образом, вам незачем уезжать от нас.

Вера поддержала своего мужа, и семья Яблонских увеличилась новым членом.

- А вы знаете, - спросил Яблонский, - что старик Атос, тот самый, который встречал нас с хлебом-солью, умер?

- Давно ли?

- Уже более шести недель. И если что способно примирить человека со смертью, так это вид подобной кончины. До тех пор мы думали, что смерть есть болезненный, страшный процесс. Человека пугали, с одной стороны, сопряженные с ней физические страдания, а более того - страх таинственного будущего. Но вера помогла отрешиться от этого последнего чувства. Что же касается физических страданий, то я был положительно поражен. Старик Атос не был ничем болен - его организм просто устал, требовал отдыха... Умирая, он испытывал то же успокаивающее, отрадное чувство, которое испытывает сильно утомленный человек, погружаясь в глубокий сон... И представьте, что

никому в голову не приходило скорбеть о нем и оплакивать его. Было ли возможно что-либо подобное в наши дни?

Жизнь будущего шла своим чередом. Человек, ставший на высоту своего назначения, сумевший побороть страдания тысячелетия, сопряженные неизбежно с его существованием, не мог уже возвратиться к прежнему. Мировая жизнь открывала перед ним непрестанно новые горизонты, расширяла его знания, возбуждала и приковывала его внимание. Люди будущего стремились к знанию, никогда не забывая, что то, что они знают, всегда будет ограничено, то же, что им неизвестно - безгранично. Люди будущего знали также, что религия и наука, вера и разум - независимы друг от друга и что самое совершенное человеческое знание бессильно в вопросах веры...

1892 г.

В 1892 году в Москве был опубликован роман Н. Н. Шелонского «В мире будущего» объемом более 300 страниц.

В самом начале повествования Яблонский — герой, от имени которого ведется рассказ, — знакомится с изобретателем Виктором Павловичем Поярковым, который говорит: «...Те вещества, которые мы считали неразложимыми и называем химическими элементами, на самом деле разложимы». Воистину «чутье художника иногда стоит мозгов ученого», как писал А. П. Чехов. Лишь в 1902 году Э. Резерфорд и Ф. Содди использовали понятие «дезинтеграция элементов», позднее замененное термином «радиоактивность».

Вернемся к беседе, происходившей в одном из московских переулков близ «Балчуга», в маленьком деревянном домишке с обитой рваной клеенкой дверью. Изобретатель поясняет Яблонскому, что распад элементов сопровождается выделением огромного количества энергии, которую можно использовать. 5 фунтов «нестабильной материи» равноценны по силе 2000 элементов Грове.

Через несколько страниц с помощью нового источника энергии воздушный корабль мчит героев романа к Северному полюсу со скоростью 600 верст в час на высоте 88 — 90 верст (напоминаем: 1 верста равна 1,07 км).

В районе полюса — равнинная суша. (Только в 1900 году Роберт Пири вышел к мысу Моррис-Джесуп — самой северной точке Гренландии; ранее нельзя было исключить вероятность простирания этого огромного острова до Северного полюса.) Члены экспедиции спускаются в пещеру и попадают в обширную полость, где простирается покрытая красной травой равнина с реками и озерами. Солнечный свет на такую глубину не проникает, но там светло благодаря фонтанам горячей нефти, гремят грозы и выпадают дожди. В эти дни выясняется, что юнга Самойлов — переодетая женщина. (И 80 лет спустя после «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой подобные детали представлялись весьма пикантными.)

Подземная страна — Плутония (иначе ее не назовешь) — населена давно вымершими животными. В водоемах обитают плезиозавры — 15-метровые звероящеры. Они выглядят

как гигантские змеи, «продетые в туловища пропорциональных размеров черепах». В небе неуклюже летают археоптериксы — зубастые первоптицы.

В этой части романа содержится десятка полтора небольших очерков, более или менее органично вставленных в текст. В них затрагивается большой круг географических и геологических проблем: о внутреннем строении Земли, климатических поясах, ледниковой эпохе, горообразовании, о циклонах, айсбергах, сталактитах и сталагмитах, анабиозе организмов, об идеях катастрофизма и эволюционизма. Эти миниатюры, написанные, конечно же, с позиций научного знания конца XIX века, можно считать достаточно удачными опытами научно-популярного жанра.

Волею автора герои романа впадают в длительный летаргический сон и просыпаются через тысячу лет, в 2891 году. Общество будущего охарактеризовано в духе социальных и технократических утопий. Недаром, завершая книгу, Шелонский подчеркнул, что рисовал грядущее сообразно со своими личными взглядами на идеал человеческого счастья.

Каков же этот идеал? «Человек не должен подавляться борьбой за право существования, быть рабом труда. Только наука может дать человеку средства при наименьшей затрате труда получить наибольшее обеспечение, не убивать всех своих сил на добывание необходимейших для существования средств... Рано или поздно наука дойдет до этого результата. Но раз человек в состоянии будет производить все сам, он перестанет нуждаться в какой бы то ни было посторонней помощи, станет независим, что не в состоянии сделать ни одна из искусственных, а тем более коммунистических или социалистических, часто поразительных по своей нелепости и зловредности теорий... Идеал человеческого счастья заключается в свободном труде и независимости».

Но независимость людей конца III тысячелетия не имеет ничего общего с индивидуализмом. Религиозная нравственность — высшая ценность. Люди гостеприимны (не забыт обычай подношения хлеба-соли). Они охотно общаются, особенно внутри родственных кланов, насчитывающих до 2 тысяч человек. По торжественным дням собираются вместе. Яблонский и его спутники были окружены таким вниманием, какое можно найти только в семье.

Итак, каждый сам делает для себя все, что ему необходимо, включая книги (ксерокопирование). Каждый — пахарь (приемы земледелия за тысячу лет почти не изменились) и строитель. Семья в 300 человек владеет 15 десятинами (16,4 га) земли. Из них 6 десятин занимают постройки, а 9 дают в избытке все необходимое. Получается чуть больше 3 соток на человека (можно представить, какова урожайность!). Каждый — врач и, возможно, поэтому здесь болеют весьма редко. В 2891 году не лечат, а обновляют, восстанавливают организм. Живут до 150 лет, а то и значительно дольше.

Шелонский не знал слова «акселерация», да и никто в мире век назад не слыхивал о подобном. Но эта тема в романе затронута. Уже при первом контакте с людьми будущего Яблонский и его спутники обратили внимание на высокого статного юношу. На вид ему было не менее 20 лет. А оказалось, что он 13-летний! Причина: благодаря лучшим условиям жизни дети развиваются быстрее. Шелонский писал об акселерации за четыре с

половиной десятилетия до того, как Э. Кох (в 1935 году) доказал существование этого явления.

Программа образования такова, что способности к самостоятельной работе приобретаются с детства, между 5 и 10 годами. Обучение продолжается всю жизнь. Моды нет; преобладает однообразие обстановки, образа жизни и отчасти — костюмов. Еду готовят по очереди, не делая из нее культа. Посередине длинного обеденного стола проложены два ряда рельсов для подачи пищи и уборки посуды, изготовленной из золота. (Значительно позже в романе Г. Б. Адамова «Тайна двух океанов» подобная «узкоколейка» действовала на борту подводной лодки «Пионер».) Мяса не потребляют, не пьют вина и не играют в карты.

В России нет городов. Там и сям разбросаны отдельные дома, между которыми лежат обработанные поля и сады. В Москве, где когда-то было скопление каменных зданий и царил вечный шум, в 2891 году простираются парки с пальмами. Среди них высятся Кремль, храм Христа Спасителя, огромный «Собор всея Руси» и другие архитектурные и исторические памятники.

Англия, напротив, — сплошной фабричный город. В Лондоне подземный пневматический транспорт заменил старое метро. Там есть здание, вмещающее 3 млн. человек. Индия с помощью России освободилась от британского владычества. Китай завоевал Южную Америку. Германии и Австрии больше нет. Все способности жителей США ушли на разработку вопросов практической жизни. В 2391 году, во время англо-французской войны, был уничтожен тоннель под Ла-Маншем и взорван мост через пролив... Все население земного шара составляет 4 млрд. человек (эта цифра, как оказалось, была достигнута в 1976 году); в России — 800 млн.

Проснувшиеся через тысячелетие герои романа ведут бесконечные научные беседы со своими более просвещенными коллегами. Они узнают, в частности, что помимо твердого, жидкого и газообразного состояния вещества, возможно его пребывание в четвертом состоянии — «лучистом», — когда уничтожаются молекулярные связи и освободившиеся атомы образуют динамическую смесь с «наполняющим промежутки электричеством».

Шелонский предсказал плазму!

В эпилоге читатель узнает, что приближается решение проблемы синтеза искусственной пищи непосредственно из неорганических соединений. Шелонский высказал идею автотрофности человечества, которую через четверть века возродил академик В.И. Вернадский.

Побеждена гравитация. Люди способны летать без всяких аппаратов, передают мысли на расстояние, владеют гипнозом.

До свободного парения в воздухе нам еще далеко, хотя Артур Кларк утверждает, что «нет ничего абсурдного в мысли о возможном существовании веществ, обладающих отрицательной тяжестью, то есть способных падать не вниз, а вверх», прогнозируя

решение этой проблемы к 2050 году. Ну а по телепатии до сих пор продолжают эксперименты без очевидных успехов.

Однако вернемся в мир будущего, созданный воображением Шелонского. Жилые дома и вообще почти все здания выстроены из прессованного серебра с особой волокнистой структурой. Толщина стен всего 2 вершка (8,9 см). Из этого же материала сделаны летательные сигарообразные корабли. Они не имеют ни винтов, ни крыльев, ни рулей. Электрические токи устраняют притяжение Земли, дают направление полету — используются свойства геомагнитного поля. Среди океана возводятся искусственные острова. На них формируют плодородную почву, и они быстро покрываются роскошной растительностью. (Япония уже приступила к созданию искусственной суши.)

Район вблизи Северного полюса заселен. Его климат изменен с помощью гелиофоров — аккумуляторов солнечной энергии, хранящих ее в потенциальной форме и выделяющих тогда, когда это необходимо.

В остальном прогнозы русского фантаста выглядят весьма реалистично. Телефот (телевизор по-нашему), звукозапись, электропечь, электромассажер, всеобщая телефонная и телефотическая связь, механическая карета, аппарат для мытья посуды, получение фотоизображения сразу на бумаге без негатива и проявлений, ксерокопирование — все это достигнуто за неполные сто лет после Шелонского. У него фантастический воздушный корабль летит быстрее звука, преодолевая... 1500 верст в час. (В середине 1960-ых годов истребители-перехватчики достигли вдвое большей скорости.) Однако беспроводный телеграф в мире будущего так и не был открыт — все населенные пункты связаны проводами. А ведь до изобретения радио оставались считанные годы.

Сочинение Шелонского вызвало большую читательскую почту. Позднее оно было переведено и издано в Венгрии. Но автор не стремился стать русским Жюлем Верном, а переориентировался на исторический жанр. Работал быстро. В 1893 году вышли его романы «За крест и родину» (из эпохи войны за освобождение Греции) и «Братья святого креста», переизданный через 20 лет под названием «Крестоносцы». Затем последовал роман-хроника «Севастополь в осаде». В 1897 — 1898 годах он выступил как популяризатор, опубликовав в серии «Народно-школьная библиотека» несколько небольших брошюр, посвященных Уралу, Сибири и Амурскому краю. Затем очередная смена жанра: в 1903 году были изданы «Новые восточные сказки».

Источник текста:

Шелонский Н. Н. «В мире будущего», М., «Престиж-бук», 2014 г. Серия «Ретро-библиотека приключений и научной фантастики». С. 199 – 525.

Первое изд.:

Шелонский Н. Н. В мире будущего: Фантаст. роман в пяти выпусках / Худ. А. Э. Гофман. – М. : Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1892. – 316, III с., ил. 21 см. — (Ежемес. прилож. к журн. «Вокруг света» № 1 – 5, янв.-май).